ПЭЛЕМ ГРЭНВИЛ ВУДХАУЗ

Annotation

В этой книге — три новые идиллии П.Г. Вудхауза, а следовательно — новые персонажи, которые не оставят вас равнодушными.

Пэлем Грэнвил Вудхауз
Собрание сочинений
Том 14. М-р Моллой и другие

В каждой избушке — свои погремушки

Перевод с английского В. Вольфсона

1

Во время утреннего кормления кроликов в саду собственной резиденции под названием «Бухта», — а с этого гуманного действия начинался каждый его день, — мистеру Корнелиусу, агенту по недвижимости Вэлли Филдс, стало казаться, что он как будто бы не один. Явилось чувство, будто рядом с ним кто-то находится. Чувство это было верное. Через ограду, отделявшую владение от соседнего, которое именовалось «Мирная гавань», перевесилась молодцеватая фигура.

— Ах, мистер Виджен, — сказал он, — приветствую вас!

В погожий июньский денек такое местечко, как Вэлли Филдс, этот прелеетнейший пригород Лондона, с его ухоженными палисадниками и утопающими в тени аллеями, неизменно представляет собой чарующее зрелище. Каждый из указанных его обитателей вносил свою лепту в великолепие общей картины. У мистера Корнелиуса имелась длинная белая борода, придававшая ему благородное сходство с высокопоставленным друидом, а про юношу, которого он назвал Видженом, уместно было бы сказать, что он сошел прямиком с рекламных колонок самых дорогостоящих изданий в самых лоснящихся обложках. Поистине, Адонис — породистый, утоляющий любопытство взыскательной публики в одеяниях летнего покроя! Ботинки — именно эти, и никакие другие. Носки — как раз такие, как надо. Рубашка и галстук по образцу клуба «Трутни» — самый смак. Умственные способности Фредди Виджена время от времени подвергались критике, главным образом со стороны его дяди, лорда Блистера, но также и со стороны мистера Шусмита, в конторе которого он трудился, однако никто на свете, не исключая даже ветерана «Трутней» Пуфика Проссера, — а уж у этого-то Фредди вызывал порой нешуточное раздражение, — не осмелился бы придраться к его внешним характеристикам.

— Чудная погода, — сказал мистер Корнелиус.

— Как из маминой духовки, — согласился Фредди, который сам в это утро светился, словно летнее солнышко. — Выкурите сигаретку?

— Нет, благодарю вас. Я не курю.

— Что, и не начинали никогда?

— Я отказался от курения много лет назад. Доктора говорят, что оно серьезно вредит здоровью.

— Чудаки эти доктора. Не понимают, что хорошо, а что плохо для человека. Так что же вы поделываете здесь долгими вечерами?

— Работаю над историей Вэлли Филдс.

— Вы пишите историю Вэлли Филдс?!

— Я занимаюсь этим уже значительный промежуток времени. Это труд для души.

— Вам нравится Вэлли Филдс?!

— Я люблю это место, мистер Виджен. Здесь я родился, здесь пошел в школу, здесь прожил всю свою жизнь, и здесь кончу счет своим дням. У меня имеется скромный достаток…

— А у меня — сплошной недостаток.

— …который вполне меня устраивает. У меня есть дом, сад, жена, цветы, кролики… Ни о чем большем я не прошу.

Фредди занервничал. Его воззрения на пригородную жизнь безнадежно расходились с вышесказанными, и воодушевление собеседника его несколько покоробило.

— Вам-то, небось, это в самый раз, — сказал он. — Вы отлично устроились. Работаете себе и не знаете никаких забот. А я связан по рукам и ногам своим жалованьем в адвокатской фирме. Мотаюсь целый день туда-сюда, — чем я отличаюсь от мальчика на побегушках, одному Богу известно. Видели вы когда-нибудь орла, посаженного в клетку?

Может, это и покажется странным, но мистер Корнелиус такого орла до сих пор ни разу не видел. Это был не очень искушенный в жизни человек.

— Так вот же он, перед вами, — произнес Фредди, постукивая себя по груди. После этого лицо его омрачилось. К нему вернулись мысли о подлом поведении его дяди, лорда Блистера, который, прикрываясь неблаговидным предлогом — молодому человеку, видите ли, надо самому зарабатывать себе на хлеб и выбиваться в люди! — лишил его содержания и запихнул в этот паршивый юридический зверинец, которым верховодил мистер Шусмит. Он постарался вытряхнуть из головы отталкивающие воспоминания и затронуть более приятные темы.

— Стало быть, потчуете своих бессловесных дружков?

— Каждый день, в это самое время.

— Что сегодня в меню?

— Ребятишки кушают салатик.

— Молодцы, правильно делают. Салат-латук богат витаминами и делает гуще шерстку в области груди. — Некоторое время он молча изучал поведение сотрапезников. — А вы обращали внимание, что у кролика нос все время как бы подергивается? Я знаю одну девушку, которая, когда волнуется, тоже начинает подрагивать кончиком носа.

— Она живет в Вэлли Филдс? — спросил мистер Корнелиус, пытаясь припомнить тех обитателей предместья, которые обнаружили склонность к подергиванию кончиком носа.

— Нет, сейчас она живет в Сассексе, в одном местечке под названием Луз Чиппингс.

— Ах! — произнес мистер Корнелиус, чувствуя прилив того мягкого сострадания, которое всегда посещало его при упоминании о людях, в Вэлли Филдс не живущих.

— У нее там работа. Она — секретарша одной женщины по фамилии Йорк.

Мистер Корнелиус вздрогнул, словно носик кролика, нацелившегося на салатный лист.

— Случайно, не писательница Лейла Йорк?

— Она самая. Отведали ее заварного крема?

Лицо агента по недвижимости озарилось обожанием. Благоговейно всколыхнулась борода.

— Это мой любимый автор. Я читаю и перечитываю каждую ее строчку.

— Вот и перечитывайте на здоровье. Мне однажды довелось взять в руки один из ее шедевров, меня ввел в заблуждение заголовок. Я предположил, что от этого чтива кровь будет стынуть в жилах, но на середине третьей главы пришлось за неравенством сил прекратить борьбу. Самая несусветная чушь в худшем смысле слова.

— О, мистер Виджен, умоляю вас!

— Разве вы не разделяете эту точку зрения?

— Ни в коем случае. Мне представляется, что Лейла Йорк проникает в сокровенные глубины человеческой натуры и, словно бы при помощи скальпеля, обнажает сердце женщины.

— Какой кошмар! «Коллега, хочу с вами поболтать об одной своей операции», — так примерно это звучит. Ладно уж, дело ваше. Если ее книги помогают вам разбередить себе душу, не думайте ни о чем, и Бог в помощь! О чем мы с вами говорили, пока не сбились на ее творчество? А, об орле за решеткой. Да, Корнелиус, я как раз такой орел, и это мне не

нравится. Я не приемлю эту роль. Я хочу найти способ от нее отделаться. Рассказать вам о том, как орел за решеткой в один прекрасный день обретает свободу?

— Расскажите, мистер Виджен.

— Он добывает деньги, вот что он делает, и то же самое собираюсь сделать я. Как можно быстрее и желательно побольше, чтобы прохожие на улицах незаметно подталкивали друг друга и перешептывались: «Заметили этого субъекта в меховом пальто? Виджен, миллионер». Хочу и зимой и летом ходить под слоем банкнот: в холодное время года носишь десятифунтовые, а как станет потеплее — заменяешь пятерками.

Очень нелегко определить, надул ли губы такой густо-бородый собеседник, как мистер Корнелиус, и однако, нельзя было не заметить, что под сенью заповедных дебрей, с помощью которых он укрылся от мира сего, происходит какое-то волнение. Становилось ясно, что подобные устремления он считает низменными и отталкивающими. И когда он заговорил, в звучании его голоса слышалось невысказанное «фу!».

— Разве в деньгах счастье, мистер Виджен?

— Ну, знаете…

— У богатых людей — свои проблемы.

— Назовите хотя бы штучки три.

— Могу вам рассказать о своем брате. Его зовут Чарлз.

— И он богат?

— Необычайно. В свое время, очень давно, ему пришлось уехать из Англии. Так уж сложились обстоятельства. Он поселился в Америке, и дела его пошли хорошо. В последнем письме, которое я от него получил, говорилось о том, что у него имеется квартира на Парк-авеню, — насколько я могу судить, это весьма респектабельный район Нью-Йорка, — и дом на острове Лонг-Айленд, и еще один во Флориде, собственный аэроплан, яхта. Мне всегда было жаль Чарлза.

— Ну, почему же?

— Потому, что живет он не в Вэлли Филдс, — ответил мистер Корнелиус и некоторое время поразмышлял о тяжком жребии, выпавшем брату. — Нет, — продолжал он, — не стоит завидовать богачам. Жизнь для них превращается в сплошную нервотрепку. Вот возьмите вашего друга, мистера Проссера. Вы рассказывали мне о нем в прошлую нашу встречу.

Фредди был поражен.

— Вы про кого, про Пуфика? Из-за чего же ему рвать на себе волосы? Если не считать того, что женат он на дочери Шусмита и вынужден звать Шусмита папой.

В этот момент мистеру Корнелиусу подумалось, что у его юного друга плохо с памятью. Не далее как позавчера они обсуждали трагедию, что обрушилась на семейство Проссеров.

— Вы рассказали мне, что у миссис Проссер похищены драгоценности, которые оцениваются в тысячи фунтов стерлингов.

У Фредди отлегло от сердца.

— А, вот вы о чем! Да, кто-то свистнул у нее погремушки. Подозревают вроде бы горничную, — во всяком случае, когда они забили тревогу и подняли на уши полицию, выяснилось, что та исчезла, не попрощавшись. Пусть Бог подольше сохранит ваше старенькое доброе сердце, Корнелиус! У Пуфика забот не прибавилось. С того времени прошло около месяца, и вот когда я видел его в последний раз, он уже ходил себе гоголем — получил деньги по страховке.

— Тем не менее подобного рода происшествия весьма болезненны, и случаются они только с богатыми людьми.

Никогда и ни в чем не бывал Фредди так твердо уверен, как в том, что агент по недвижимости в данный момент. несет околесицу. Он не сказал об этом вслух, сжалившись над его сединами, но тон взял самый решительный.

— Послушайте, кормилец кроликов! — сказал он. — Мне ясен ход ваших мыслей, и рассуждение ваше, можно сказать, похвально, но только я стоял и стою на том, что самое главное в этой жизни — иметь деньги, и по этой самой причине за последние дни, если вы заметили, немного приободрился. Удача вновь на стороне Вidженов, и я уже втягиваю в себя ароматы грядущего изобилия.

— Как, в самом деле?

— Да, уверяю вас. В первый раз за многие годы Фредерик Фозерингэй Виджен наконец-то восседает на вершине мира, перекинув радугу через плечо.[1] Можно вкратце выразить эту мысль так: Моав — моя умывальная чаша,[2] и на что-то там такое простру я свой сапог. Так, по-моему, у автора, хотя объяснять вам, при чем здесь сапоги, я бы не взялся. Вам известен один славный малый по имени Томас Дж. Моллой? Человек из Америки. Живет в «Приусадебном мирке», по другую сторону от меня.

— Да, я знаком с мистером Моллоем. Я как раз вчера с ним виделся, он приходил в мой офис, чтобы дать мне ключи.

Эти слова показались Фредди нелепыми.

— Зачем ему понадобилось давать вам ключи? У вас что, был день рождения?

— Это ключи от дома. Он решил уехать.

— Что-о?!

— Да, «Приусадебный мирок» вновь ожидает жильцов. Но вряд ли ожидание будет долгим! — произнес мистер Корнелиус и, повинуясь силе привычки, продолжил: — Это недвижимость из разряда самых престижных, со вкусом обставленная, окруженная парковой зоной площадью в четверть акра. Такие первоклассные объекты пользуются неизменно высоким спросом.

Фредди по-прежнему было не по себе. Можно даже сказать, что ему было немножечко грустно — он имел основания думать, что с исчезновением соседа он потерял друга. Такие незаурядные личности, как Томас Дж. Моллой, неизменно вызывали в нем живейший интерес.

— Разве Моллой — не собственник этого мирка?

— О нет! Он снимал его по договору. Краткосрочная аренда. Эти три дома — «Приусадебный мирок», «Мирная гавань» и «Бухта» — принадлежат мистеру Кеггсу, который много лет жил в «Приусадебном мирке». Дом сдали мистеру Моллою, когда мистер Кеггс решил отправиться в кругосветное путешествие. Я, правда, не могу представить себе, как человек, живущий в Вэлли Филдс, способен расстаться с ним и шататься Бог знает где. Так вы говорили о мистере Моллое. В связи с чем вы упомянули его?

— В связи с тем, Корнелиус, что именно благодаря этому человеку у меня сегодня цветущий вид. Всему виной этот филантроп во-от с таким сердцем. Совсем скоро у меня будет возможность стряхнуть с себя оковы «Шусмита, Шусмита, Шусмита и Шусмита». Я-то думал, что по гроб жизни осужден торчать в его змеюшнике, и меня при этой мысли знобило. И вот тут появился Моллой. Но я чуть забегаю вперед. Итак, открываем первую главу. В ней я получаю письмо от Боддингтона, есть у меня в Кении такой друг, — пояснил Фредди. — Разводит там у себя на ранчо кофе, или что-то в этом духе. Он присылает мне письмо, где спрашивает, не хотел бы я иметь в этом деле небольшую долю. Предлагает мне приехать и работать одной шайкой. Понятно, я всей душой «за», это как раз мой профиль. Вы знакомы с выражением «огромные открытые пространства»?

Оказалось, что мистер Корнелиус знаком с этим выражением. Герои Лейлы Йорк, сказал он, зачастую отправлялись в странствия по огромным открытым пространствам, когда между ними и их возлюбленными по недоразумению случались размолвки.

— Вот куда я рвался всю жизнь. Где-где, а уж в Кении пространства

со времен сотворения мира открытые. Я, правда, смутно представляю себе, как выращивают кофе, но такие вещи быстро схватываешь. Я убежден, что, когда возьму в руки лопату и лейку с водой и буду знать, с какой стороны подойти к этим кустам, я в кратчайшие сроки смогу электрифицировать всю отрасль и раскрутиться так, что все черти взвоют. Кения — харе мумбуру! Вот наш лозунг. Вот где начнется богатая и полнокровная жизнь.

— До Кении отсюда неблизко.

— Один из секретов ее очарования.

— Мне бы в голову не пришло уезжать так далеко из Вэлли Филдс.

— Чем дальше, тем и лучше, я так считаю. Уехать из Вэлли Филдс — еще не конец света.

От этих слов, впрямую граничащих с богохульством, у мистера Корнелиуса скривилось лицо. Он даже отвернулся и достаточно выразительным жестом подбросил порцию латука третьему справа кролику.

— Значит, вы решили принять предложение вашего друга? — спросил он, когда начал обретать душевное равновесие.

— Если он хотя бы ненадолго оставит его в силе. Пока все срастается один к одному. Знаете, как только в жизни начинается хорошая полоса, важно не пропустить улов. От меня требуется вложить три тысячи, — что-то вроде вступительного взноса. Когда я прочитал этот отрывок из послания Боддингтона, так сразу же, не побоюсь вам сказать, почувствовал слабость и, наверное, упал бы, не будь подо мной в этот момент надежного стула. Стоит ли говорить вам, Корнелиус, что за три тысячи фунтов многие мать родную готовы заложить.

— Надо понимать, что ваши сбережения не удовлетворяли поставленному условию?

— Даже отдаленно. Глухо, как в подземных трубах. Все, что я имел за душой, это трихомонозная тыщонка, которую мне оставила крестная.

— Неудачное стечение обстоятельств.

— Еще бы. С просьбой о выдаче необходимой мне суммы в качестве срочной ссуды я решил обратиться к своему дядюшке, и услышал в ответ следующее: «Как-как-как? Абсурд. Нелепость. Даже думать об этом позабудь», — что, как вы уже догадываетесь, не оставляло ни малейшей лазейки к мирному окончанию диалога. Пуфик также отказался взять на себя роль моего банкира, как, впрочем, поступил и сам банкир, и я уже готов был плюнуть и утереться, когда вдруг ангелы затрубили в фанфары, с небес на Землю спустился Моллой, и в крыльях его играли лучи солнца. Мы разговорились, я ему поведал о своих бедах, и тогда он взмахнул своей

волшебной палочкой, и все проблемы тут же решились сами собой. Всего за тысячу он вручил мне чрезвычайно ценную акцию некоего нефтяного концерна, которая в тот момент оказалась в его распоряжении.

— Боже милостивый!

— Это еще мягко сказано.

— Что же это за концерн?

— Называется «Серебряная река», и очень скоро эти два слова будет твердить вся Англия. Моллой рассказывал, что акции растут не по дням, а по часам и не остановятся до тех пор, пока не упрутся в небо.

— Не было ли с вашей стороны немного опрометчиво вкладывать весь капитал в предприятие спекулятивного характера?

— Бог с вами, я схватился за этот шанс руками, ногами и еще крепкими зубками. И знайте, акции «Серебряной реки» не спекулятивны. Моллой особо подчеркнул это. Они абсолютно железно обеспечены доходом. Он заверил меня, что не пройдет и месяца, как я смогу продать свою бумагу самое меньшее за десять тысяч.

— Немного странно, что сам он решил отказаться от столь прибыльной перспективы.

— А он разъяснил и это. Он сказал, что ему понравилось мое лицо. Я ему напоминаю племянника, которого он всегда любил, как сына. Тот несколько лет назад перебрался на постоянное жительство к праотцам. Двусторонняя пневмония. Печальная история.

— Господи помилуй!

— Почему вы так сказали?

Но причины, побудившие мистера Корнелиуса издать это восклицание, так и остались скрытыми, поскольку, еще выговаривая свой последний вопрос, Фредди случайно скользнул взглядом по наручным часам, и то, что он увидел, подействовало на него, как удав, опознанный кроликом.

— Боже мой, да что же это? — ахнул он. — Я опять опоздаю на этот хренов поезд!

Он умчался прочь, а мистер Корнелиус задумчиво глядел ему вслед. «Если бы молодость знала…»[3] — вот какие мысли, скорее всего, посетили его в то мгновение. Сам он не был в восторге от знакомства с Томасом Дж. Моллоем, который (возможно, потому, что мистер Корнелиус напоминал ему того самого козла, которого он так любил в своем далеком безоблачном детстве) попытался продать и ему пакет акций все того же концерна по добыче и переработке нефти под названием «Серебряная река».

Вздохнув, он отобрал лист латука и продолжил кормление кроликов.

2

Известно, что постоянные приобретатели сезонных карточек, а в особенности жители пригородов, бегают как угорелые, и в этом конкурсе Фредди мог бы дать фору многим заправским исполнителям; но сегодня, даже откроив три секунды от собственного рекордного показателя на дистанции «Мирная гавань» — ж/д станция, он порядком опоздал на 8.45 и вынужден был дожидаться 9.06. Следствием этого и была та трепетность, с которой он переступил порог владений Шусмита, та трепетность, которую ни на малую толику не пожелал унять взгляд серых, холодных глаз мистера Джервиса, старшего клерка конторы. Для того чтобы предсказать в самом ближайшем будущем мучительное собеседование с мистером Шусмитом, Фредди можно было не открывать в себе задатки ясновидения и спокойно оставаться самим собой. По результатам самой первой их встречи, как и всех последующих, он вынес твердое убеждение в том, что этот гусь лапчатый — поборник пунктуальности у своих подчиненных.

Однако не эта мысль легла тенью на его чело, когда он, сидя за конторским столом, проходил через горнило ежедневного перевоплощения в томящегося за решеткой орла. Ему не доставляло удовольствия выяснять отношения с мистером Шусмитом, родная стихия которого, ядовитая язвительность, всегда оставляла раны в его душе, однако привычка сделала это общение обыденным и научила относиться к нему с философской выдержкой. Причина меланхолии заключалась в том, что к нему подступили думы о Салли Фостер.

Если бы внимание мистера Корнелиуса не принадлежало всецело заботе об обеспечении витаминами личного состава кроличьих клеток, он бы заметил, как при упоминании о девушке, которая по-кроличьи подергивает кончиком носа, лицо молодого человека исказилось мгновенной гримасой. Это был приступ быстротечный, следы его почти тотчас исчезли — Виджены большие мастера прятать свои чувства под маской, — и все же, его можно было заметить. Фредди опрометчиво позволил себе разбудить воспоминания о Салли Фостер, а когда бы это ни случалось, мучался он так, словно надкусил что-то твердое и неподатливое безнадежно больным зубом.

Было время, и совсем недавно, когда он отстоял не дальше от Салли, чем обои от стенки, — все шло гладко до умопомрачения. Относились они

друг к другу как влюбленные в детских сказках, и на горизонте не было ни единого облачка. А потом, только из-за того, что ее угораздило увидеть, как он целуется с этим поленом бессловесным на той треклятой вечеринке (казалось бы, зауряднейшая учтивость, когда не удалось поддержать беседу), Салли ударилась во все тяжкие и решила дать ему отставку. «Забирай свои норковые шубки и не забудь жемчуг!» — услышал бы он, если бы его заработки хотя бы раз достигли уровня, необходимого для таких подарков. В данном же случае она просто поручила посыльному отнести ему связку писем, полбутылки ликера и пять подписанных фотографий.

Итак, он потерял ее. И — что совсем уж скверно — он вынужден торчать в Лондоне, не в силах сдвинуться с места, без малейшей надежды вырваться из города на время ежегодных ноябрьских каникул, тогда как она торчит в каком-то Клэйнз Холле, в местечке Луз Чиппингс. Хоть стенку лбом круши — ему не добраться до Салли, не шепнуть ей на ухо «Забудь и прости», что в его исполнении давало неплохие результаты. И если мы скажем, что к Моменту, когда Эльза Бингли, секретарша мистера Шусмита, потрогала его за плечо, Фредерик Виджен успел погрузиться в водоворот страданий, в этом не будет ни грана преувеличения.

— Их милость желают вас видеть, Фредди, — промолвила Эльза, степенно наклонив голову. События развивались своим чередом.

Мистер Шусмит вел беседу с дочерью, миссис Проссер, в укромной берлоге, из которой он не вылезал весь рабочий день, и куда дочь наведывалась, так сказать, от случая к случаю. Очередность эта не очень его устраивала, ибо ему претило тратить даже малые крупицы своего драгоценного внимания на человека, которому нельзя впоследствии предъявить счет.

Услышав, кого зовет отец, Миртл проявила умеренное любопытство.

— Виджен? — поинтересовалась она. — Это не Фредди ли Виджен?

— Если не ошибаюсь, полное его имя — Фредерик. Ты его знаешь?

— Да, он вроде бы приятель Александра. Приходит к нам обедать, когда не хватает за столом мужчины. Я не знала, что он здесь работает.

— Меня самого гложут сомнения, — сказал мистер Шусмит. — Многое зависит от того, какое толкование придавать слову «работа». Чтобы оказать любезность его дяде, лорду Блистеру, дела которого многие годы проходят через мои руки, я взял его к себе в контору, и вот он появляется утром, вечером уходит, но за исключением элементарного навыка узнавать по часам время — скорее всего, чисто рефлекторного, — я не решился бы назвать другие существенные отличия между ним и,

скажем, полевым васильком. А, мистер Виджен!

Полевой василек, о котором зашел разговор, войдя в кабинет и увидав Миртл, качнулся взад-вперед на тоненьком стебельке. Дочь мистера Шусмита, ставшая женой Александра (Пуфика) Проссера — поступок, на который отважилась бы далеко не каждая из ее современниц, — отличалась неоспоримой, но в высшей степени мужественной красотой. Да, она не могла выдержать сравнения со своим похожим на казуара отцом, однако наводила на воспоминания о тех гравюрах с ликами королевских любовниц, которые внушают смутную догадку, что Бурбоны были если не близорукими, то очень дальнозоркими людьми, или же за внешней суровостью им виделись заманчивые дали. Фредди при каждой встрече с Миртл обречен был бороться с ужасом, поражавшим различные уровни его организма. В большинстве случаев он легко находил общий язык с противоположным полом — мнения о том, что это получалось чересчур легко, держалась его последняя возлюбленная, — однако хранительница чертогов Пуфика неизменно вызывала у него беспокойство под ложечкой и обманчивое ощущение, что руки его и ноги сами собой прибавляют в весе.

— Приветствую, миссис Пуфик, — проговорил он, одолевая приступ малодушия. — Доброе утро.

— Доброе утро.

— Ну как, все цветете?

— Благодарю вас, у меня все в порядке.

— А Пуфик тоже крепчает?

— И у Александра все в порядке.

— Это хорошо. Он мне рассказывал, у вас тут случилась неприятность.

— Не поняла.

— Ну, с погремушками вашими. С камушками. Их там кто-то свистнул.

— Ах, да-да!

— Гадость какая!

— Да, ужасно.

— Но он говорит, вы получили деньги по страховке.

— Да.

— Ну, значит, радость.

Мистер Шусмит решил вмешаться в этот турнир интеллектов. Он не относился к тем людям, которые с радостью терпели Фредди Виджена, ибо полагал, что в иные времена его окрестили бы лоботрясом. Мелодии их

душ всегда звучали вразнобой, с чем Фредди с готовностью согласился бы первым, если признал бы, что у шефа есть душа. Он служил под его, штандартами уже шесть месяцев, но до сих пор она никак не дала о себе знать.

— Хотелось бы воспользоваться случаем и завладеть ненадолго вашим вниманием, мистер Виджен.

Доверив всю тяжесть своего тела левой ноге и чуть не уронив нижнюю челюсть, Фредди смог подчеркнуть тем самым, что его готовность выполнить это пожелание поистине безгранична.

— Не возражаете, если я немного поговорю с вами о деле?

То, что он бесконечно далек от возражений, Фредди смог показать, перенеся тяжесть на противоположную ногу.

— Мистер Джервис сказал мне, что сегодня утром вы опять опоздали.

— М-мм… Да, сэр. Да.

— Это происходит регулярно.

— Да, сэр. Понимаете, если бы не пригородные поезда…

— О, ваша готовность ежедневно уделять нам некоторую часть своего времени нас глубоко трогает! Однако я все же должен просить вас о том, чтобы в будущем вы попытались синхронизировать момент вашего появления в конторе с прибытием остальных служащих.

— Да, сэр.

— Поэтому, мистер Виджен, сделайте все, что сможете, даже если вам придется ездить более ранним поездом.

— Да, сэр.

— А возможно, вы поступитесь и этим поездом ради предыдущего. Видите ли, если вы задерживаетесь, мы начинаем волноваться. «А вдруг с ним что-то случилось?» — говорим мы друг другу, и это изматывающее состояние, столь губительное для рабочего климата, длится до тех пор, пока какой-нибудь трезвомыслящий человек, вроде мистера Джервиса, не напомнит нам, что куда поразительней был бы ваш приход в установленное время. Однако не это главная причина, по которой мне хотелось вас видеть. Если бы вам удалось оторваться от ваших сегодняшних занятий, я позволил бы себе воспользоваться вашими услугами для конфиденциального поручения.

— Да, сэр.

— У меня несколько документов, которые должна подписать мисс Лейла Йорк, чье имя, возможно, покажется вам знакомым. Окажите любезность, отвезите к ней эти документы после обеда. Адрес ее таков: Клэйнз Холл, Луз Чиппингс, Сассекс. Вам следует приобрести

железнодорожный билет на вокзале Виктория, сесть в поезд и сойти на станции Луз Чиппингс. До Клэйнз Холла можно быстро дойти пешком. Все ли вам понятно?

— Да, сэр.

— Превосходно, — сказал мистер Шусмит. — Спасибо, мистер Виджен.

Маститые адвокаты крайне редко уделяют достаточное внимание мускульным сокращениям своих подчиненных, особенно тех, кто рангом пониже, и потому мистер Шусмит, выдав все необходимые инструкции, не заметил, как при упоминании Клэйнз Холла (Луз Чиппингс, графство Сассекс) его юного коллегу передернуло; и однако его именно передернуло, причем совершенно недвусмысленно. Голос хозяина произвел эффект мощного электрического разряда — зрачки завертелись, в глазах на мгновение потемнело. Нечеловеческим усилием воли он смог удалиться, не прыгая на одной ножке, — столь глубокий след оставила в его душе мысль о том, что он вскоре сможет увидеть Салли. Последние часы утра и все время скудного обеда в «Трутнях» размышления о грядущей встрече неотступно преследовали его, заставив испытать, скажем так, всю гамму переживаний.

Поначалу все в нем бурлило и ликовало, словно сама Судьба подмигнула ему из небесной пучины и незаметно поманила пальцем, напомнив, что все к лучшему в этом лучшем из миров;[4] но через какое-то время закралось сомнение. Радость, вопрошал он себя, или все-таки гадость предстоит ему в Луз Чиппингс? Поможет ли свидание унять жгучую тоску, или оно, как иногда говорят в таких случаях, только повернет в ране клинок? Вопрос был неоднозначен, и неудивительно, что те члены клуба, которые швырялись в него кусочками сахара, журили его за рассеянность и недостаточную остроту реакции.

Несмотря на всю запутанность вопроса, Фредди склонялся к тому, что радость вероятней гадости. Что говорить, мука адова смотреть ей в глаза и думать о том, что все могло устроиться иначе, но, с другой стороны, оставался шанс, что время, величайший целитель,[5] уже изготовило свою настоечку, которая смягчит ее сердце и поможет возобладать благим устремлениям.

Словом, состояние его, пока он добирался до вокзала и покупал билет, можно было считать оптимистическим. Известны случаи, говорил он себе, когда девушка, с пылу, с жару решившая сделать ручкой возлюбленному, после бессонной ночи, проведенной в долгих раздумьях, приходила к

выводу, что поступок, за которым ей виделось твердое, обдуманное намерение, был ни чем иным, как одним из неизбежных в этой жизни проколов. Угрызения и раскаяние не заставят себя ждать, и когда отвергнутый, сбросив невольничьи узы, однажды, посреди бела дня, вырастет перед ней, она сделает большие глаза, она подергает носиком, она откроет ротик и крикнет: «Фредди, милый!», кинется в его объятия, ну, а потом — сплошной шик и блеск.

Была пятница, самый неблагополучный день для любых передвижений, и, ожидая поезда на Луз Чиппингс, бочка вокзала испытывала нешуточные перегрузки, раздуваясь по всем швам от путешествующих селедок. Фредди был поставлен перед выбором: одно купе, битком набитое взрослыми людьми солидных масштабов, и купе другое, где более маневренные взрослые собрались уместиться вместе с детьми: и предпочел первое. В этом смягченном подобии Черной дыры[6] оставалось лишь стоячее пространство, и вот, он стоял, используя возможность разглядывать сверху попутчиков в подробностях и в целом.

Всего их было восемь человек — трое похожих на фермеров мужчин, три похожих на жен фермеров женщины, человек в черном, скорей всего, владелец небольшого дела, и маленькая опрятная девушка, которая сидела в самом дальнем углу и почитывала журнал. Ей-то и удалось молниеносно завладеть вниманием Фредди. Чем-то эта девушка напоминала ему Салли. Просто диво какое-то, до чего она была похожа на Салли; но через миг-другой он нашел объяснение столь разительному сходству.

Девушка эта и была Салли. Когда поезд тронулся, она оторвала взгляд от журнала, и глаза их встретились.

У нее, отметил он, глаза были все те же, голубые, а кончик носа по-прежнему слегка двигался. Рот, как и в прежние времена, был чуточку великоват. Насчет зубов он не смог прийти к твердому заключению, поскольку Салли в тот момент не улыбалась, зато что касается волос, без труда опознал волшебный бронзовый отлив, глубоко въевшийся ему в память. Словом, милый облик, с каким бы измерением к нему ни подойти, был точь-в-точь таким, каким он запомнился ему со времен прошлой жизни, и, лаская его взором, Фредди пришел в такой восторг, что не будь рядом троих фермеров, трех фермерш и одного владельца своего дела, он бы захрапел, как тот конь, который, заслышав трубный звук, издавал, как известно, голос: гу! гу![7] — хотя в наше время это кажется немного странным.

2

3

— Луз Чиппингс, — прогудел кондуктор, когда поезд подобрался к маленькой деревенской станции, и Салли, перейдя в брод через море ног и колен, ступила на платформу.

Она была вне себя от ярости — как ей казалось, небеспричинной. Ценою колоссальных психических затрат она сумела выбросить из головы этого человека, ибо, по благому разумению, он был ненадежным и неустойчивым, и как же чудовищно обнаружить, что он утайкой выследил ее, что он снова рядом и что она все еще его любит! Душа ее опять находилась под властью тех переживаний, которым положено было давным-давно отмереть.

Готовя себя к неминуемой встрече, она припомнила ту роковую вечеринку, когда с глаз ее упали шоры и она увидела его в подлинном свете.

И ведь у самого порога ее ждало предостережение. У дверей стояла группа молодых людей, и когда она проходила мимо, ей послышались такие леденящие душу слова:

— Ей-богу, если бы взять всех девиц, которых любил Фредди Виджен, и приставить их одну к другой, они бы протянулись от Пиккадилли до Гайд-парка, а может и дальше, иные из них довольно крупные.

И вот когда она, не желая пачкать свой слух, решительно зашла внутрь, перед ней выросла парная композиция Виджен-Бантинг, запечатленная на лестничной площадке в тесном сплетении объятий. Образы эти придали ей силу. Она взглянула в *его* сторону: он сиял перед ней, как свеженачищенный торговый автомат, и она едва не задохнулась от пронзительного желания хорошенько смазать по этой глупой роже.

— Фредди, — проговорила она, выцеживая слова сквозь стиснутые зубы, — отправляйся, откуда приехал!

— Как-как?

— Я же говорила тебе, что не хочу тебя больше видеть.

Разве ты не понял?

— Ну, более или менее, это ясно.

— А тогда зачем ты меня преследуешь?

Фредди насупился. Он угас. Ему было горько сознавать, что он переоценил способности времени, величайшего из целителей, и что платформе Луз Чиппингс не быть декорацией к сцене нежного примирения, но праведный гнев взял верх над горечью. Только что, впервые в жизни, на него возвели ложное обвинение, и это крайне уязвило

его. Влюбленный, ищущий примирения, уступил место мужчине с ледяным взором, который сам может цедить слова через стиснутые зубы.

— Преследую? — удивился он. — Я здесь по делу.

— *Кто, ты?*

— Да, я. Мне нужно встретиться с мисс Лейлой Йорк. Насколько мне известно, она свила себе гнездышко в некоем Клэйнз Холле. Полагаю, ты не откажешься указать мне дорогу.

— Я отведу тебя туда.

— Ты готова появиться на людях с человеком, пользующимся столь темной репутацией?

— Не стоит прибегать к таким напыщенными оборотам.

— Нет, стоит. Даже необходимо. Почему бы мне не быть напыщенным? Преследую тебя, удачней не скажешь! Да когда я увидел тебя там, в поезде, ты могла бы ткнуть меня мизинцем, и я бы рассыпался. Что ты делала в Лондоне?

— Мне нужно было поговорить кое о чем с агентом мисс Йорк.

— Ах, вот оно как! И часто ты выбираешься в Лондон?

— Очень редко.

— Тебе везет. Паршивое место. Зловонные казематы. Человек там жить не должен, скотина тоже. В нем нет ни одной живой души, за исключением удодов с портфелями и дятлов в котелках.

— А куда же подевались все девицы? Эмигрировали, наверное?

— Девицы! Я к ним равнодушен.

— И решил мне об этом сказать?

— Да, решил тебе об этом сказать. Ты мне не веришь?

— Нет, не верю. Ты, знаешь, чем-то похож на леопарда.

— На леопарда как такового я совершенно не похож. Возможно, ты имела в виду какую-то конкретную особь?

— Ту самую, которая не умеет менять окраску.[8]

— Совсем не остроумно. Даже грубо.

— Прости, я нечаянно. Ну так, мы идем?

— Пожалуйста, как хочешь.

Они вышли на Главную улицу Луз Чиппингс, «числен, насел.» которого, как уведомляет нас путеводитель, четыре тысячи девятьсот шестнадцать человек, из коих Фредди за время пути обвел безрадостным взором самое меньшее двести четыре. Тем же глубоким и безрадостным взором он обвел бы и оставшиеся четыре тысячи семьсот двенадцать, попадись они ему на глаза, ибо состояние у него было прескверное. Вот он идет по этому городку, бок о бок с ним движется Салли, но идут они так,

словно их разделяют десятки миль. Отчуждение, вот как это называется. Она стала далекой и чужой. Ни малейшего следа прежней Салли, Салли тех времен, когда они льнули друг к другу, как обои к стенке! А сейчас, хорошенькое дело, она вообще не обнаруживает интереса к его персоне, как будто ее провожает докучливый родственник. После того как они ступили на Главную улицу, она не проронила ни слова, если не считать краткого упоминания о статуе, воздвигнутой на Рыночной площади покойному мировому судье Энтони Бриггсу, многие годы представлявшему в парламенте интересы местного избирательного округа, и желчный рассудок подсказал Фредди, что среди всех монументов толстобрюхим слугам народа в мешковатых брюках ничего более омерзительного еще не ставили.

Разговор так и не начал клеиться, когда, выйдя за пределы Луз Чиппингс и его «насел.», они прошествовали по усыпанной листьями аллее к массивным железным воротам, за которыми открывался вид на тенистую тропинку, бегущую к размазанным в солнечных лучах очертаниям тюдоровского особняка.

— Вот мы и пришли, — сказала Салли. — Красивое место, да?

— Ничего, на тройку потянет, — ответил Фредди, не утратив печали.

— А вокруг него — ров с водой.

— Что, правда?

— И чудесный сад.

— Вот как? Да, эта Лейла ни в чем себе не отказывает. Ну, она может себе позволить. Пуфик говорит, она своим перышком деньжат на старость сколотила. У него крупная доля в фирме, которая издает ее дребедень.

— Знаю. Он на днях приезжал. Ты с ним видишься?

— В общем, да. Обедать он, как правило, ходит в «Трутни». У его жены не так давно свистнули драгоценности.

— Да, я читала в газете. Они очень дорогие?

— Думаю, стоят не одну тысячу. Так, по крайней мере, мне показалось.

— Ты их видел?

— Я раза два обедал у Пуфиков, и она каждый раз их нацепляла. Сверкала, как люстра.

— Им не удалось их вернуть?

— Нет.

— Жалко.

— Да.

— Наверное, она очень расстроилась.

— Очень может быть.

У Салли ныло сердце. Как-то все мелко, натянуто, словно они впервые повстречались друг с другом и пытаются завязать беседу! Да, в этом повинна она сама, но девушка не должна терять здравый смысл. Если бы она махнула на все рукой, чем бы закончилась эта история? Занимать бы ей свое место где-то в конце той линии от Пиккадилли до Гайд-парка. В постановках, где блистает Фредерик Виджен, твердила она себе, нет главных женских ролей, одна лишь безликая массовка.

Когда они пошли по тропе, ведущей к дому, она заставила себя возобновить общение.

— Где ты сейчас живешь? На старой квартире?

Его лицо, и без того суровое, сделалось мрачнее тучи.

— Нет, я не могу себе этого позволить. Мой дядя перестал выплачивать мне содержание, и я переехал в пригород. Снимаем дом на двоих с Джорджем, моим кузеном. Ты его помнишь?

— Смутно.

— Здоровущий кабан с рыжей щетиной. Выступал за Оксфорд в супертяжелом весе. Теперь — один из местных фараонов.

— Он пошел работать в полицию?

— Да. Говорит, что это благодать Божья по сравнению с тем, как устроился я. Все лучше, чем целый день ковыряться в офисе.

— Как?! Ты устроился на работу?!

— Да уж… в адвокатскую контору. Через несколько дней после нашей… после того, как я последний раз тебя видел, дядя Родни сдуру ткнул меня в фирму «Шусмит, Шусмит, Шусмит и Шусмит», Линкольнз Инн Филдс.

Преисполненная решимости держаться здравого смысла, Салли рассчитывала, что на время этого мучительного свидания сможет подавить в себе любые всплески человеколюбия, однако при последних словах жалобный возглас вырвался из ее груди раньше, чем она спохватилась.

— Ой, Фредди! Что, серьезно?

— Да, так он решил. Сдал меня в лапы своему адвокату.

— И ты должен терпеть эту работу!

— Я испытываю к ней невыразимое отвращение.

— Что же ты делаешь?

— Я там на побегушках, вроде этого типа, из песни «Старик-река».

— Тяни-толкай?

— Хватай-беги. Именно. Сегодня, например, старик Шусмит дал мне несколько документов, которые я должен отвезти Лейле Йорк. Почему он

не мог их всунуть в почтовый конверт, навечно останется между ним и его богом, если у него таковой имеется. Завтра он заставит меня скакать по лестнице с кофейным подносом, а послезавтра выставит из конторы. Я тебе честно скажу, когда я вижу, каким приходит Джордж домой после своего дежурства — пачка сияет, весь розовый, после здоровой прогулки на свежем воздухе, а сам я — бледный и зеленый, потому что восемь часов провел в душном офисе, я ему завидую и жалею, что мне не хватило ума пойти в легавые.

— Как вы умудряетесь жить вдвоем? Кто за вами смотрит? Может, хоть кухарка у вас есть?

Фредди отрывисто засмеялся.

— Кухарка?! Да наше жалованье — ниже уровня жизни! Нет, поварихи у нас пока нет. Нет и дворецкого, и первого лакея, и второго, и главной горничной, равно как и второстепенной, нету и конюха. Стряпней занимается Джордж, и результаты более или менее несъедобны. Но я тебе, наверное, уже надоел со своими бедами.

— Ой, Фредди, что ты!

— Значит, скоро надоем, если буду продолжать в том же духе. Ну что ж, меняем тему! Как вы ладите с Лейлой Йорк?

— Ой, замечательно! Она просто класс.

— В каком отношении?

— Во всех.

— Но только не в литературном. Ты должна признать, что гонит она чистый порожняк.

— Уже нет.

— Что значит — «уже нет»?

— Она решила больше не писать эти свои сентиментальные штуки.

— Ты что, смеешься? Значит, с лажей покончено?

— Вроде бы — да.

— Но ведь она идет нарасхват, как горячие пирожки.

— Я знаю.

— Тогда в чем дело? Что она задумала? Уйти на покой?

— Нет, она собирается написать такой могучий, крутой роман… ну, знаешь, о самом дне общества.

— Не было печали, черти накачали! Корнелиуса удар хватит.

— А кто это?

— Один знакомый дяденька. Читает все, что она пишет.

— Интересно, прочитает ли он следующую книгу.

— И как, продвигается?

— Пока она не может ее начать. На ее взгляд, тут обстановка не очень подходящая. Никак не войти в нужное настроение. Хочет переехать в какое-нибудь место, где можно впитать тоскливую атмосферу. Что с тобой?

— Ничего.

— Ты как будто подпрыгнул.

— А, ты об этом? Так, мелкая судорога. Она уже решила, куда переедет?

— Нет, еще думает.

— Ага!

— Что «ага»?

— Просто «ага». Итак, мы находимся у центрального входа в усадьбу. Что дальше делать? Я смело иду вперед?

— Лучше подожди. Я скажу ей, что ты здесь.

Салли прошла через залу, постучала в дверь, скрылась внутри и снова показалась снаружи.

— Она просит тебя зайти. Наступила пауза.

— Ну что ж, Фредди, — сказала Салли.

— Ну что ж, Салли, — сказал Фредди.

— Наверное, мы видим друг друга в последний раз.

— Не надо загадывать.

— Думаю, что это так.

— Может быть, сходим куда-нибудь на днях? Прошвырнемся там, пообедаем…

— Ой, Фредди! Ну зачем это нужно?

— Кажется, я тебя понял. Пока-пока?

— Да. Прощай, Фредди.

— Прощай.

— Не заставляй мисс Йорк долго ждать. Она стала немного нервничать, после того как решилась на свой отважный поступок, — промолвила Салли и поспешила в летнюю кухню, чтобы вдоволь и без оглядки наплакаться. Она понимала, что поступает разумно, но ее никак не покидало чувство, будто сердце разрывает на кусочки стая голодных и бездомных кошек, — испытание, рядом с которым подавляющее большинство жизненных невзгод заметно бледнеет.

Первое впечатление Фредди от любимого автора мистера Корнелиуса, создавшего «Только во имя любви», «Вереск на холмах», «Милую мою Дженни Дин» и множество других творений, было подобно хлесткому удару промеж глаз мокрой рыбиной. Он попятился и заморгал. Логика и знание жизни подсказывали, что его ждет хилое, хлипкое, очкастое создание, которое будет застенчиво улыбаться, утомляя воображение запахом лаванды и видом покрывал с подзорами. Лейла Йорк во плоти разительно отличалась от навязанного ей образа. Это была крупная женщина, на вид — сорока с небольшим, с лицом пригожим и добродушным. Многое роднило ее облик с чертами русской императрицы Екатерины. Что же касается голубых, ясных, пронзительных глаз, то они явно могли обойтись без очков.

— Приветствую! — сказала она голосом, который живо напомнил ему старшину, проводившего с ними строевые учения в школе: тому стоило гаркнуть «смирно!», и по всей школе начинали дребезжать стекла. — Это вы Виджен?

— Совершенно верно.

— Шусмит звонил мне и сказал, что вы везете бумаги. Только, клянусь головой, вы забыли их в поезде.

— Нет, они у меня с собой.

— Ну, тогда давайте все подмахнем, и дело с концом.

Она подписалась ловким, небрежным росчерком человека, привыкшего давать автограф, и приготовилась начать беседу.

— Виджен? — сказала она. — Любопытно. Я когда-то знавала Родни Виджена. В сущности, я и сейчас его знаю, только он предпочитает фигурировать под псевдонимом. Называет себя лордом Блистером. Он вам не родственник?

— Это мой дядя.

— Что вы говорите? Вы на него не очень похожи.

— Не очень, — ответил Фредди, которого обратное утверждение повергло бы в ужас. Во внешности дяди Родни он не находил ни единой черточки, отвечавшей его эстетическим установкам.

— Знакома ли вам племянничья любовь?

— Я бы не сказал, что «любовь» — самое подходящее слово.

— Значит, если в дальнейшем я буду называть его старым остолопом, возражать не будете?

— Ни в малейшей степени, — пролепетал Фредди, обуреваемый такими теплыми чувствами к этой женщине, какие нечасто испытывал к особам противоположного пола старше двадцати пяти лет. Ему было ясно

как день, что он и Лейла Йорк — родственные души. — Ваши слова ласкают мой слух. Выражение «старый остолоп» выставляет его в слишком выгодном свете.

Она запустила вверх философскую струйку дыма, по-видимому, обратясь мыслями к прошлому.

— Когда-то я была с ним обручена.

— Серьезно?

— Правда, я бросила все это дело, когда он начал раздуваться по периметру. Так и не смогла отвадить его от углеводов. Я не против того, чтобы остолоп оставался остолопом, но два остолопа, слепленных в единую массу, — это уж слишком.

— Золотые слова! Вам не приходилось встречаться с ним в последнее время?

— Год не виделись. Так и не похудел?

— Обошел всех до одного на конкурсе «Толстый дядя» в «Трутнях».

— Удивляться не приходится. Но только, заметьте, я бы все равно расторгла помолвку, потому что вскоре после того, как мы дали друг другу слово, я повстречала Джо Бишопа.

— Джо Бишопа?

— Один персонаж, за которого я впоследствии вышла замуж. Потом мы расстались, и я до сих пор себе за это пеняю. Страшная глупость с моей стороны, что я его упустила. Вы женаты?

— Нет.

— Что это у вас лицо перекосилось?

— У меня?

— А у кого же?

— Прошу прощения.

— Ничего. Значит, такое у вас лицо. Да, что ни говори, забавно думать, что если бы в моей жизни не появился Джо, а ваш дядя начал бы приседать и подтягиваться, а также отказался от конфет, масла и картофеля, вы бы сейчас называли меня тетей Бесси.

— Вы хотели сказать — Лейлой.

— Нет, не хотела. Лейла Йорк — это мой псевдоним. Я — урожденная Элизабет Биннс. Если ваша фамилия Биннс, писать и не начинайте. Но мы еще не все косточки перемыли вашему дяде. Вы что-то от него не в восторге.

— Так уж вышло. Он сам навлек на себя мою немилость.

— Как же это?

Фредди слегка передернуло. Его передергивало всякий раз, когда он

вспоминал о злодеянии дяди Родни.

— Он продал меня на галеры Шусмиту.

— Вам не нравится у него работать?

— Нет.

— Мне бы и самой не понравилось. Как же нынче дела у Джонни Шусмита?

Столь легкомысленное упоминание всуе об истинном Франкенштейне совершенно оглушило Фредди. Ему привиделась сцена, в которой он называет выдающегося адвоката по имени, и от этого жуткого видения его хватила судорога. Не сразу вернулся к нему дар речи.

— Ну, Шусмит вовсю шипит и тужится.

— Я ведь помню его. Нам как-то раз было очень хорошо вдвоем.

— Вы это серьезно?!

— Конечно. Мы с ним целовались под кустиком рододендрона.

Фредди вздрогнул.

— Это с кем, с Шусмитом?

— Да.

— Вы сейчас говорите о Шусмите из «Шусмита, Шусмита, Шусмита и Шусмита», что в Линкольнз Инн Филдс?

— Именно так.

— Ну, знаете! Это нечто уникальное!

— Да что вы, он в свое время был сущим дьяволом! А сейчас — взгляните на него. Весь усох, как копченая селедка, и Елену-то Троянскую не поцелует, даже если преподнести ее спящей в кресле и повесить сверху веточку омелы.[9] Вот что значит быть адвокатом! Высасывает все жизненные соки. А ведь Джонни не обкрадывает своих клиентов, что, как мне всегда казалось, единственная радость, доступная в этой жизни судейским. Давно вы на него работаете?

— Около шести месяцев.

— И пока еще не усохли.

— Нет.

— Ну что ж, постарайтесь так держать. Проявляйте неусыпную бдительность. Кстати об осушении, может быть, с дорожки не помешает? Не желаете ли чего-нибудь влажненького?

— Я бы с удовольствием.

— У меня, правда, и нет ничего, вот разве что виски, бренди, джин, херес, портвейн, «Кюрасао» и шампанское. Только налейте себе сами. Там, в углу, в холодильнике.

— О, благодарю. А вы — как?

— Ну, вероятно, да. Какой-то я в последнее время стала хрупкой и слабонервной. Откройте-ка бутылочку шампанского.

— Замечательно, — сказал Фредди, откупоривая бутылку. — Хрупкой и слабонервной?

— Мне есть над чем поломать голову, Виджен, — сказала мисс Йорк. — Я — женщина на перепутье. Вам приходилось читать мою писанину?

— Ну… э-ээ… так, две-три вещи…

— Не нужно оправдываться. Нельзя же читать все на свете. Вам хватает под завязку этих кафок с прустами. Так вот, к вашему сведению, писанина моя — приторная лабуда. Мечта сладкоежки.

— Вы серьезно?

— Чистейшая патока. Вы можете меня назвать сентиментальной?

— С первой подачи — нет.

— И правильно. Вас привел сюда дворецкий?

— Меня проводила ваша секретарша, мисс Фостер. Мы встретились с ней в поезде. Мы… э-э-э… немного знакомы.

— Ах, ну да, припоминаю, это Салли мне о вас доложила! Все равно, вам стоит познакомиться с моим дворецким. Это самый спесивый субъект на свете. Под его взорами чахли самые матерые редакторы. И однако этот человек, этот надменнейший из смертных, обмякает, как копирка, если я на него ощетинюсь. Вот какая я женщина, когда не держу в руках перо, но дайте, дайте мне шариковую ручку, и куда все это девается? Не думайте, что шампанское достанется вам одному.

— Виноват!

— И не разбрызгивайте его. По капле, знаете, и море собирается.

— Прекрасное вино.

— Да, бражка превосходная. Так вот, Джонни Шусмиту нужно понять, что он не какое-нибудь там ископаемое из гробницы Тутанхамона. На чем я остановилась?

— Вы спрашивали, куда все девается.

— Когда именно?

— Когда вам дают шариковую ручку.

— О, да! Как только мои пальцы сжимают ее, Виджен, я сию же минуту перевоплощаюсь. Я погружаюсь в такую густую, липкую, вязкую кашицу, что вы, с вашим невинным воображеньицем, просто не сможете мне поверить. Я пишу о стойких, закаленных духом мужчинах, которые, однако, умеют быть, ах-ах, такими нежными-нежными, и о девицах с большими серыми глазами и волосами цвета зрелой пшеницы, которые из-

за вечных недоразумений постоянно оказываются в Африке. Это мужчины. Девицы остаются дома и выскакивают замуж за каких-то шутов гороховых. Но наступает счастливый конец. Шуты ломают себе шею на охоте, мужчины возвращаются домой в последней главе, встречают женщин в неясном полумраке, а вокруг благоухают цветы Англии, и птички в аллеях, обсаженных кустарником, неумолчно заливаются своей бесконечной песней. Как вспомню, меня аж всю колотит.

— Звучит, по-моему, не так и плохо. Я бы не возражал встретиться с девушкой в неясном полумраке.

— Ну-ну, Виджен, с вашей стороны очень мило, что вы пытаетесь меня подбодрить, но если я чувствую у себя на языке сгусток патоки, значит, он существует. Или «она существует»? А критики, те называют мою лабуду ахинеей.

— Не может быть!

— Очень даже может. Так они и делают.

— Чудовищно!

— Это и правда ахинея. Но я не хочу, чтобы у меня до конца жизни зудела под ухом стайка щелкоперов. По горло сыта всеми субъектами, которые сочиняют на меня пародии и надеются при этом, что покрывают с головы до пят слоем, скажем так, бисквита. Чаша моя полна, Виджен. Догадайтесь, что я собираюсь делать. Я собираюсь написать такой роман, что у них у всех глазища повыкатываются. Что называется, значительный, или, если хотите — этапный. Поддерживайте циркуляцию шампанского, а то оно начнет свертываться.

— А у вас получится?

— Что именно?

— Значительный роман?

— Конечно, получится. Все, что требуется — это сварганить сюжетец и напичкать его неисчислимыми страданиями. С этим-то я запросто справлюсь, мне бы только начать. Огорчает одно: до тех пор, пока я торчу в Клэйнз Холле, начать я не в состоянии. Здесь не та атмосфера. Дворецкие, рвы какие-то, всякая мишура перед глазами. Я должна оказаться в каком-нибудь месте, где еще сохранилось первозданное убожество.

— Именно так мне и сказала Салли Фостер.

— Да что вы? Она замечательная девушка. Ей нужно за кого-нибудь выйти замуж. Может быть, это случится довольно скоро. Мне кажется, она влюблена.

— Вы так думаете?

— Да, у меня такое чувство, что есть у нее человек, по которому она вздыхает глубже, чем положено при обычной дружбе. Ну что ж, коли так, желаю ей счастья. Любовь — это здорово. Говорят, и светилами она движет. Не знаю, насколько это верно. И на сколько раз осталось в этой бутылке.

— Самая капля.

— Разливайте. О чем у нас шла речь?

— Вы собираетесь поселиться в месте, где вас будет окружать первозданное убожество.

— Да-да, верно. Я-то думала, что сумею раскачаться и здесь, если начну разгуливать по местным пабам, а крестьянство будет изливать мне душу. Благоглупости в духе Томаса Харди.[10] Куда там! К концу недели мне удалось обнаружить, что эти честные труженики считают дни до начала футбольного сезона, чтобы заново расписать свои пульки. Рехнуться можно. Бедные женщины! Что вы на меня уставились, как слабоумная овечка?

— Кто, я?

— Да, вы.

— Виноват. Дело в том, что когда Салли Фостер сообщила, что вы задумали, мне в голову пришла идея. Кажется, у меня имеется для вас местечко что надо. «Приусадебный мирок», Вэлли Филдс.

— Где это?

— Под самым Лондоном. Сомневаюсь, чтобы вам удалось найти себе более угрюмое окружение. Человек, который живет в соседнем от меня доме, разводит кроликов.

— А, так вы живете в Вэлли Филдс!

— Да. А «Приусадебный мирок» находится от меня по другую сторону. Он полностью меблирован и сейчас как раз никем не занят. Завтра можете туда переехать. Хотите, я договорюсь о вас с поклонником кроликов? Он — агент по недвижимости.

— М-мм…м-мм…

— Не мычите, пожалуйста!

— Да я вот думаю…

— А я бы этого не делал. Советую вам, загребайте, пока горячо.

Но мисс Йорк настояла на том, что подумать ей надо, и Фредди с тревогой стал вглядываться в ее лицо. Слишком многое зависело от этого решения. Он был убежден, что стоит ему только поместить Салли по другую сторону садовой ограды, отделявшей «Мирную гавань» от «Приусадебного мирка», как уже в скором будущем он сумеет переломить

наметившуюся тенденцию, если только не жалеть пламенных слов и завораживающих взглядов, а они у него имелись. Он уже довольно пожил в пригороде и отлично понимал, что семьдесят процентов всех заключаемых там браков закладываются у садовых оград.

Лейла Йорк вышла из полосы задумчивости.

— О пригородах я как-то не думала. Я рассчитывала снять какую-нибудь хибарку в Боттлтон Исте, изучать страдания пролетариата и во все поры впитывать дух трущоб.

Фредди взвизгнул, как попавший под ногу щенок.

— Боттлтон Ист? У вас что, мозги отшибло?… В смысле, у вас что-то очень неверные представления. Да это самое разбитное местечко в Англии. Я там как-то раз участвовал в песенном конкурсе, так что хорошо его представляю. Публика — сборище самых отпетых дятлов, вы таких и не видели!. Беспрерывно кидаются овощами. Нет, ваше место — в Вэлли Филдс.

— Она в самом деле так тосклива, эта юдоль плача?

— Тоскливей некуда.

— А убожество?

— Пруд пруди.

— Гиссинг![11] — воскликнула мисс Йорк и чмокнула губами. Фредди покачал головой.

— Целуются в Вэлли Филдс крайне редко. Аборигенам не до поцелуев, они целиком отдались тоске.

— Я имею в виду не поцелуи. Я просто обрадовалась. Это же Гиссинг! Джордж Гиссинг. Он писал о жизни в предместьях, а я нацелилась на роман именно в его духе.

— Вот, пожалуйста! Если вы приверженка Джорджа Гиссинга, вам просто нечего делать в другом месте. Спросите кого угодно.

— Знаете, в нем столько уныния и безысходности, сколько в фуфайке портового грузчика.

— Истинная правда. Я всегда это говорил.

— Виджен, по-моему, вы сделали большое дело.

— По-моему, тоже.

— Телефон — в холле. Позвоните вашему кроличьему другу, квартирному маклеру, пусть оформит на меня эту избушку начиная с завтрашнего дня. И — поправьте меня, если что — мне кажется, по нам плачет еще полбутылочки.

— Мне тоже так кажется.

— Шире шаг, — скомандовала Лейла.

5

Во всем Лондоне не сыщешь более шикарного — наверное, правильнее сказать, «помпезного» — интерьера, чем в холле гостиницы «Баррибо», этом логовище техасских миллионеров и заезжих магарадж. Кресла и диваны мягки настолько, насколько этого можно добиться с помощью денег, освещение размыто и ненавязчиво, ковры же такие ворсистые, что в них запросто могли бы затеряться карлики, и их пришлось бы разыскивать с помощью собак. Среди лондонской элиты принято считать, что если вы не бывали в холле «Баррибо», то вы не бывали нигде.

Приблизительно через сорок часов после визита Фредди Виджена в Луз Чиппингс, возвышенное благородство этого чудесного мирка лишь выиграло от появления окутанной роскошными тканями фигуры, которая вполне могла бы принадлежать американскому сенатору или лицу такого же ранга. Обладатель ее назывался Томасом Дж. Моллоем, а спустился он сюда затем, чтобы встретить жену, у которой в то утро истекал срок заключения в тюрьме Холлуэй, отбываемый по обвинению в магазинной краже.

Он взглянул на свои наручные часы, — милая безделушка, которую его верная половина подцепила в ювелирной лавке на Бондстрит во время предрождественского тура. Судя по положению стрелок, было уже пятнадцать минут второго, и он начинал беспокоиться, поскольку, хотя, оставив последнее обиталище, она непременно захочет помыть голову, сделать массаж лица а, заодно, возможно, и перманент, ей все равно уже пора быть на месте. Через несколько тревожных минут он снова обратил взгляд к часам, и в это мгновение откуда-то из-за его спины прозвучало: «Эй, Мыльный!» Он повернулся. Перед ним была она, и, глядя на нее, можно было решить, что последние недели ей пришлось провести не в холлуэйских застенках, а на каком-нибудь курорте.

Что и говорить, Долли Моллой легко было залюбоваться. Эта броская блондинка была точной копией тех героинь детектива, на которых в миг рокового выстрела бывают исключительно интимные принадлежности туалета. Волосы у нее были золотистые, глаза — светло-карие, а щеки и губы отливали очень насыщенными цветами. Держалась она с вызывающей удалью. Восхищенное присвистывание в холле «Баррибо», разумеется, под строжайшим запретом, поэтому никто из присутствующих не сделал попытки воздать ей почести в такой форме, но два-три алмазных

принца, судя по всему, находились на грани срыва, а техасским миллионерам помогла сдержаться только их хваленая самодисциплина. Даже губы у них собрались в дудочку.

Мыльный же Моллой пожирал ее глазами обожателя. Каменоломни при Синг-Синг[12] не видели более любящих мужей.

— Солнышко! Я и не видел, как ты вошла.

— Я стояла сзади, пряталась за колонну. Был тут один, коктейль пил, — я не хотела, чтоб он меня видел. Проссер его фамилия.

— Не тот, кого зовут Пуфиком?

— А я не знаю его имени.

— Такой, прыщавый?

— Да. А вы что, знакомы?

— Скорее всего, это он. Меня с ним познакомил Видженс, паренек из соседнего дома. У меня есть, что рассказать тебе о Проссере.

— У меня тоже, но сперва поедим, Мыльный, а то я околею с голоду.

— Да уж, не сомневаюсь.

— В хомуте этом не закормят.

— Это я понял, когда меня самого замели прошлый раз. По эту сторону лужи, я думаю, то же самое. Ужасно жалко, что ты попалась, лапочка. Что там у тебя стряслось?

— Пальчики не послушались. А кроме того, не знала, что у меня за спиной легавый из магазина. Ладно, бочку в наперсток не выльешь. Случаются иногда проколы.

— Да, проколы случаются. Я так и сказал Макаке.[13] Долли встрепенулась.

— Макаке?

— Я на днях его видел.

— И рассказал ему обо мне?

— Он уже слышал. О таких вещах быстро узнают.

— И что он сказал?

— Весь обсмеялся.

— *Обсмеялся?*

— Да, как сумасшедший. Долли закусила губку.

— Значит, говоришь, обсмеялся? — переспросила она, обнаруживая все признаки укоренившейся неприязни к старому компаньону. Обстоятельства время от времени вынуждали их к сотрудничеству с этим сомнительным типом, но ее отношения с ним всегда оставались натянутыми, — а вот последняя встреча, когда она стукнула его по темечку

прикладом пистолета, оставила после себя самые приятные воспоминания. С превеликим восторгом она проделала бы то же самое.

— Нет, какая вошь! — проговорила она, и ясные глаза ее заволокло пеленой, потому что в этот момент ей живо представилось, как может звучать недружелюбный смех. — Все химичит со своим частным сыском?

Такой вопрос вызвал недоумение мистера Моллоя.

— Да уж, конечно, химичит, ласточка. А с чего бы ему перестать? Тебя не было-то всего только месяц.

— Ну и что? Если Мак Твист месяц не был в курсах, это уже долго. Что у него слышно?

— Он не говорил, но думаю, клиенты его особенно не волнуют. «Частное Сыскное Агентство Дж. Шерингем Эдер» — это же только вывеска.

Долли кисло рассмеялась.

— Дж. Шерингем Эдер! Надо же выдумать такое имя!

— Нужно ведь как-то называться.

— Да, а почему не «Обиралово Инкорпорейтед» или «Разводилово Лимитед», или как там еще? Нет, Мыльный, я, когда сколопендру эту вспомню, так и начинаю шипеть, аж в пятках зудит.

— Да нет, Макака — ничего.

— В каком смысле?

Мистер Моллой настроился быть чутким и терпеливым, однако этот вопрос поставил его в тупик. Он решил переменить тему.

— Классное местечко.

— М-даа…

— Только наводит на грустные мысли.

— А что такое?

— Ну, смотришь на всех этих лохов, которых Природа произвела на свет специально для того, чтобы я им продавал нефтяные акции, а продать-то и нельзя, потому что никого из них я не знаю. Пока я сидел и ждал тебя, а они тут ходили туда-сюда через крутящиеся двери, мне казалось, что я — охотник, мимо меня пробегают жирафы, антилопы и бегемоты, а я ничего не могу сделать, потому что не захватил ружья.

— Я тебя понимаю. Прямо жуть!

— Да ладно! Пойдем обедать.

— Меня уговаривать не надо, только давай не здесь, а где-нибудь в другом месте.

— А чем тебе «Баррибо» плох? Лучшая дыра в Лондоне.

— Да знаю я, но компания не та. Проссер, например.

— Что-то я не пойму с этим Проссером. Что ему от тебя надо?

— Да так, сразу не расскажешь.

Мыльный решил, что правильнее всего не задавать новых вопросов. Его вдруг осенила догадка. За его супругой, как было ему известно, помимо пристрастия ко всяким безделушкам, коими полны универмаги, числилась привычка время от времени падать в обморок на оживленных городских улицах, целясь при этом в объятия состоятельных с виду прохожих, и выворачивать их карманы, когда они предлагали свою помощь. Без сомнения, Пуфику Проссеру пришлось подыграть его супруге согласно отведенному амплуа. Разве этого недостаточно, чтобы объяснить антипатию чувствительной женской натуры?

— Пойдем тогда в «Плющ». Народу там тьма, а мне тебе, солнышко, много надо рассказать.

6

До тех пор, пока они не уселись за угловой столик, Мыльный говорил исключительно о том, как одиноко ему жилось, пока рядом не было жены, и что теперь, когда они вместе, он просто на седьмом небе. Стеклянная перегородка, отделявшая их от водителя, была поднята, но никогда нельзя поручиться, что такой густой, раскатистый голос не сумел бы проникнуть через стекло, тогда как темы, которые он намеревался поднять, никак не предназначались для ушей таксиста.

— Ну так вот, — промолвил он, когда креветки исчезли с тарелок так же быстро, как нейлоновые чулки — с прилавка универсального магазина, — послушай-ка, чем я тут занимался, когда тебя не было.

— Не терял зря времени?

— Отдувался, как папа Карло.

— Креветочка моя! — проговорила Долли, уминая последнюю и с жадностью разглядывая пустую тарелку. — Затравка что надо, но им не хватает… как это говорят? — основательности.

— Да это же просто разминка!

— Вот-вот!.. Ведущий, объявите номер!

— Камбала, а потом закажем что-нибудь вроде курицы.

— Вот это приятно слышать. Ты меня просто балуешь, лапуся.

— У нас же сегодня торжественный повод, так что можно себе позволить. Как ты отнесешься к тому, чтобы месяцок-другой побыть во Франции?

— Не больше и не меньше?

— Да, не больше и не меньше. Я здорово приподнялся.

— Ну-ну, расскажи.

Авантажная фигура Мыльного Моллоя просто разрасталась в разные стороны. Он знал, что ему не занимать внушительности.

— Итак, начнем с того, что я сбыл на тысячу фунтов «Серебряную реку» Виджену, ну, этому, из «Мирной гавани».

— Да брось ты!

— Говорю тебе.

— В жизни бы не подумала, что у него есть тыща фунтов.

— Теперь — нету.

— Ну, тогда — класс. Понимаю, почему ты собой доволен. Тыща — навар неплохой.

— Э, да подожди! Ты же ничего еще не знаешь. Потом я снял тысячу и с его дяди по имени лорд Блистер.

— Шутишь!

— Ну а потом, — пророкотал заключительным аккордом Мыльный, — еще пару тысяч с твоего друга Проссера.

Долли подавилась камбалой, что при подобных обстоятельствах должно случиться с каждой любящей женщиной. Ее восхищенный взгляд обогрел ему сердце.

— Мыльный, ты — чудо!

— Да, я — ничего.

— Так мы богаты!

— Достаточно богаты, чтобы зарулить на юг Франции. Или ты предпочитаешь Ле Тукэ? Теперь самое подходящее время, а я три года там не был. В тот раз у меня все сложилось как надо. Это было перед тем, как мы поженились. Познакомился в казино с одной женщиной и продал ей целый пакет «Серебряной реки».

— Я так и думала. Ты ведь у меня молодец! Ну просто великий человек!

— Это все для того, чтобы меня замечала ты, мамочка, — отвечал мистер Моллой. — Больше мне ничего не надо.

Трапеза набирала обороты, один восхитительнее другого. Подали кофе. Мыльный закурил толстую сигару и, посидев и подымив некоторое время, вдруг поразился тому, что его жена, бойкий участник любой беседы, пребывала в молчаливой задумчивости. Он устремил на нее чуть встревоженный взор.

— Что случилось, солнышко?

— Случилось?
— Ты что-то затихла.
— Так, думала.
— О чем?
Некоторое время казалось, будто она что-то решает, будто обсуждает сама с собой, не лучше ли ей сохранять молчание.
— Мыльный, я хочу тебе кое-что сообщить.
— Слушаю.
— Я не собиралась рассказывать до твоего дня рождения…
— А в чем дело?
— Приятные новости. Будешь плясать и кувыркаться. Мыльный не спускал с нее глаз. Нельзя сказать, что он был испуган, но неловкость испытывал заметную. Не относясь к страстным книгочеям, он порой с удовольствием погружался в какой-нибудь недорогой роман, и во всех без исключения бульварных романах, какие попадались ему под руку, подобные речи из уст жены могли означать лишь одно-единственное. Тонким, вздрагивающим голоском, ничуть не напоминавшим обычную сладкозвучную манеру, он вымолвил:
— Подгузники?
— Что-что?
Он затушил сигару.
— Ты вяжешь подгузники?
— Так ты подумал?..
— Ну конечно.
Долли взорвалась ликующими раскатами хохота.
— Мама родная! Да ты что!
— У тебя будет?.. У нас?..
— Милое дитя, которое целый день топает по дому? Нет уж. Никто не топнет, никто не стукнет!
Мыльный издал глубокий вздох. Чадолюбивым мужем он не был, и сейчас с души его свалилось непомерное бремя.
— Вот ведь нечистая сила, а то я уже перепугался! — сказал он, обтирая свой прекрасный лоб носовым платком.
Долли умирала со смеху.
— Нет-нет, расслабься! Разве что немного погодя…
— Да, немного погодя, — согласился Мыльный, — погодя определенное время. А тогда о чем ты задумалась?
— Не знаю, все-таки мне следовало приберечь это до твоего дня рождения… Ну да ладно. Слушай меня, Мыльный. Ты помнишь, как я пару

месяцев назад сказала, что собираюсь погостить недельку-другую в деревне?

— Конечно.

— Ну так вот, никакую недельку я в деревне не гостила. Знаешь, чем я на самом деле занималась?

— Чем?

— Устроилась горничной к одной даме. По фамилии Проссер.

Мыльный подпрыгнул на стуле и уставился на нее, не моргая. То было молниеносное озарение. Помимо углубленного чтения бульварных романов, он регулярно проглядывал ежедневные газеты, и помещенная на первых полосах история о тяжелой утрате миссис Проссер не ускользнула от его внимания. На Шекспирово чело высыпали влажные бисерины. От волнения он опрокинул кофейную чашку.

— Солнышко мое! Но ведь ты, наверное, не… Ты ведь не… То есть, ты не… это…

— Во-от-вот-вот. Именно *это.* Увела у нее погремушки. Мыльный Моллой оказался на высоте. При мысли о том, что его собственные свершения, о коих совсем недавно он с такой гордостью распелся, триумфом супруги сведены до бури в стакане воды, сердце его не испытало ни зависти, ни досады. Всепроникающее благоговение, вот во что обратились все его чувства. Он взирал на *нее* с набожным умилением, не в силах уразуметь, за какие заслуги его одарили такой женой.

— Что, все-все до единой?

— Именно.

— Да ведь на них можно шар земной купить!

— Не пара тугриков. Вот так. Теперь усекаешь, почему я не хотела встречаться с Проссером?

— Почему ты раньше не сказала?

— Я же объяснила. Приберегала к твоему юбилею. Мистер Моллой задохнулся от обожания.

— Солнышко, таких, как ты, нет на всем белом свете.

— Я знала, что ты обрадуешься.

— Готов плясать на ушах. А где эти погремушки?

— Ну, они спокойно лежат в одном укромном месте, — Долли осмотрелась вокруг. — Кажется, уже все ушли. Давай начнем двигаться, пока нас отсюда не вытурили.

— Чем ты сейчас хочешь заняться?

— Может быть, не мешало бы заглянуть в «Селфридж»?

— Давай не будем, цыпочка.

— Мне позарез нужны новые чулки.

— Только не сегодня. Послушай, что я предлагаю, — давай мы с тобой отправимся в «Баррибо» и… чуть-чуть передохнем. Придумаем, чем заняться.

— Где? В холле?

— В моем номере.

— В твоем — *как ты сказал?*

— Я там снял номер. Тебе понравится. Так уж получилось… Что с тобой, цыпочка? Почему у тебя такое лицо?

В голосе его звучала тревога, ибо взгляд жены, полный ужаса и бессилия, подсказал было ему, что креветки, камбала, курица и шедшее за ними следом французское пирожное поставили неразрешимые вопросы перед пищеварением, ослабленным тюремным пайком. Диагноз, однако, не подтвердился. Беспокойство Долли не было вызвано внутренними причинами.

— Мыльный! Неужто ты хочешь сообщить мне, что съехал из «Приусадебного мирка»?

— Ну да, конечно. Я не говорю, что сумел подняться так, как ты, но все равно я поднялся вполне прилично, а если ты вполне прилично поднимаешься, то тебе уже не пристало мотаться по пригородам. Хочется чуть-чуть шику.

— О-оо, Господи!

— Что такое? В чем дело, ластонька?

Лицо у Долли скрутилось на сторону, словно она только что проглотила какой-то кислый продукт.

— Я скажу тебе, в чем дело, — проговорила она, испытывая, судя по всему, некоторые затруднения при артикуляции. — Эти погремушки — в «Приусадебном мирке».

— Что-о?!

— Лежат на шифоньере в нашей спальной комнате, вот что.

Мыльному стало понятно, почему у его цыпочки, как он выразился бы, такое лицо. Такое лицо было теперь и у него самого.

— Лежат на шифоньере? — слабо прокурлыкал он.

— Я считала, что это самое надежное место. Так-то вот, начальничек, и никак к ним не подобраться, потому что к этому времени туда уже кто-то вселился.

— Быть того не может!

— А я бы не удивилась. Этот дед с белоусиками, ну, Корнелиус, рассказывал мне, что такие дома больше одного-двух дней без жильцов не

простаивают. Слушай, иди-ка, позвони ему.

— Корнелиусу?

— Н-нну! Спроси, какая погода.

Мистер Моллой вскочил с места так, словно кто-то вонзил шило в сиденье его стула, и быстрыми шагами удалился из помещения.

— Ты была права, — произнес он замогильным голосом, вернувшись к столу. — Хату уже сдали.

— Я так и знала.

— Писательнице Лейле Йорк. Она ее снимает с этого утра, — сказал Мыльный и, поманив официанта, заказал два двойных бренди. Супруги понимали, что это сейчас необходимо.

Некоторое время никто не решался нарушить молчание. Наконец Долли выбралась из-под окутавшей ее пелены угрюмого затишья. Женская жизнестойкость прочнее мужской.

— Поезжай-ка туда. Встретишься с этой тетей, поговоришь о том, о сем.

— Что ты имеешь в виду, солнышко?

— Ну, расскажешь ей какую-нибудь байку, чтобы она согласилась вернуть нам домик.

— Думаешь, она клюнет?

— Может, и клюнет, если будешь молодцом. Все же говорят, что ни у кого не получается так вести разговоры, как у тебя.

Мистер Моллой, которому было пока далеко до обычной благостности, все же немного приосанился. На опушке его сознания вспыхнули проблески надежды, как будто в конце прохода чиркнула спичка.

— Я бы попробовал, — согласился он.

— Вот и пробуй. Ничего еще не накрылось. И помни, эта тетя пишет книжки. Не было на свете писателя, которому хватило ума по-человечески перейти улицу. Все они на одно ухо обутые.

Мистер Моллой кивнул в ответ. Он знал, что в этих словах есть зерно истины.

7

Лейла Йорк завтракала в постели. Салли сварила ей яйца и поджарила булочки, все еще дивясь про себя той скорости, с которой ее подняли с насиженного места и переправили в незнакомую обстановку. В пятницу

хозяйка велела ей собирать вещи, в субботу они выехали на машине из Клэйнз Холл, сопровождаемые очень долгим взглядом дворецкого, каким всегда смотрит дворецкий, если отказывается вас понимать, и вот наступило воскресное утро, а они уже провели в «Приусадебном мирке» почти двадцать четыре часа. Лейла Йорк ничего не любила откладывать на завтра, и хотя Салли была от нее без ума, в глубине души ей уже не раз приходилось сетовать на то, что та чересчур часто моделирует свое поведение по образцам тех американских ураганов, которые, стоит им появиться у мыса Гаттерас,[14] становятся совершенно неуправляемыми.

Она села немного передохнуть, но в этот момент с крыльца позвонили. Открыв дверь, она обнаружила перед собой почтенного посетителя, большая часть которого растворилась в длинной седой бороде. В руке он держал пухлый чемоданище и пачку газет. Она даже спросила себя, не собирается ли он здесь остаться.

— Доброе утро, — промолвил бородатый контур.

— Доброе утро, — ответила Салли.

— Моя фамилия — Корнелиус. Могу ли я видеть мисс Йорк?

— Она лежит в постели.

— Уж не больна ли? — спросил мистер Корнелиус, отступая на шаг.

— О нет, она просто завтракает.

— И чудесные образы один за другим навещают ее, — сказал, придя в себя, мистер Корнелиус— Кладет ли она рядом с подушкой блокнот и карандаш?

— Мне не приходилось этого видеть.

— А это очень важно. Следует сберегать даже крупицы ее вдохновения. Здесь тридцать две книги, — объяснил мистер Корнелиус, показывая на чемодан. — Я надеялся, что она сможет начертать на них свои автографы.

— Она обязательно это сделает. Если вы их оставите…

— Благодарю вас, мисс…

— Фостер. Я — секретарша мисс Йорк.

— Прекрасный жребий!

— О, да.

— Она, должно быть, восхитительная женщина.

— Конечно…

— В ее книгах, как в источнике, я всегда черпал жизненные силы, и не только я сам, но и небольшой литературный кружок, который проводит заседания каждый второй четверг. Как вы полагаете, удалось бы нам убедить мисс Йорк прийти и выступить на этой неделе?

— Простите, пожалуйста, но боюсь, она не сможет. Она обдумывает план нового романа, и, разумеется, отдает этому всю себя без остатка.

— Понимаю, понимаю. В таком случае я оставлю для нее воскресные газеты. Возможно, ей захочется полистать их.

— Ужасно любезно с вашей стороны, мистер Корнелиус. Не сомневаюсь, ей будет интересно открыть воскресную газету.

— В Вэлли Филдс их не так-то легко получить. Сюда их не доставляют, и кому-то приходится прогуливаться за ними в табачную лавку к станции. Я, например, всегда захватываю газеты для мистера Виджена, — он живет в соседнем доме, в «Мирной гавани», а добрые соседи всегда готовы помочь друг другу. До свидания, мисс Фостер, — сказал мистер Корнелиус и, торжественно взмахнув на прощание бородой, растаял в воздухе.

Сказанные им перед исчезновением слова едва не заставили Салли подпрыгнуть на месте. На мгновение ей почудилось, будто она услышала «мистер Виджен». Правда, потом она поняла, что произошла ошибка. Да, совпадения неизбежны, и в своих романах Лейла Йорк приучает к ним читателя, однако всему есть предел. Нелепо предполагать, что по воле случая ей придется теперь проживать в самом тесном соседстве с человеком, которого она решила навсегда вычеркнуть из жизни. Простое объяснение не заставило себя ждать. Вынужденный общаться с миром через живую изгородь, мистер Корнелиус не всегда мог рассчитывать на верное понимание. Несомненно, упомянутый им человек на самом деле носил фамилию Вильяме, может быть, Вилсон, или — в самом крайнем случае, — Вигхэм. Вернув себе душевный покой, она отправилась взглянуть, как у мисс Йорк продвигаются дела с завтраком. Та спускалась ей навстречу в розовом пеньюаре.

На лице ее лежала печать озабоченности. Нельзя было не подумать, что она прервала общение с сонмом чудесных образов и погрузилась в пучину мирской обыденности.

— У вас недовольный вид, — обратив на это внимание, заметила Салли.

— У меня плохое настроение, — ответила Лейла Йорк. — Я слышала, кто-то звонил в дверь.

— Начали подтягиваться отцы города. Некий мистер Корнелиус. Кто он такой, я не знаю.

— Он — агент по недвижимости. Разводит кроликов.

— В самом деле? Так вот, желая проявить добрососедство, он принес вам воскресные газеты.

— Благослови его Господь! Я как раз о них подумала.

— А также тридцать два ваших произведения. Вам предстоит оставить на них автографы.

— Тьфу! Чтоб у его кроликов уши пооблезли!

— Кроме того, он просит вас выступить с небольшим докладом на заседании литературного кружка, который собирается здесь каждый второй четверг.

— Да пошел он ко всем чертям!

— Спокойно. Благодаря мне вы избежали своей участи. Я сказала, что вы размышляете над новым романом.

Лейла Йорк досадливо хмыкнула.

— Что, так и сказали? Тогда бедняга стал жертвой беспочвенной фальсификации. Неужели в подобной обстановке можно задумываться о романе в стиле Джорджа Гиссинга? Я-то всю жизнь считала, что пригороды — это долгие мили двухсемейных халуп, населенных иссохшими женщинами, которые утюжат рубашки своим надрывающимся от кашля мужьям, а те только и делают, что недоумевают по поводу выросшей платы за жилье. Полюбуйтесь-ка, в какие нас хоромы засунули. Райские кущи, и все тут.

— Вы действительно так думаете?

— Ну, скажем, такой летний домик, с двумя птичьими бассейнами, азиатскими ландышами, не говоря уж о репродукции «Гугенота» и фарфоровой вазе с клеймом «Дары Боньор Реджис» и узорочьем из нежно-розовых раковин, по которой, клянусь, вздыхал бы Виндзорский замок. Надо было думать раньше. Все этот жеребенок, это он меня укусил.

— Какой еще жеребенок?

— Вы с ним знакомы. Виджен. Вы его и привели в тот раз ко мне. Мыс ним прилепились друг к другу, как два матроса, получивших увольнительную на берег. Раздавили бутылочку, перемыли косточки его дяде Родни и Джонни Шусмиту, и в минуту наступившей слабости я поведала ему о том, что собираюсь написать трущобный роман. Тут он и сказал мне, что если я желаю оказаться в месте, в котором трущоб хватит на сотню великих писателей, то я должна немедленно отправиться в Вэлли Филдс. Если я, дескать, хочу сделать правильный ход, то еще успею заполучить этот «Приусадебный мирок». А я, старая ворона, попросила его позвонить Корнелиусу! И вот торчу теперь на этой фешенебельной дачке, которая одухотворяет меня не больше, чем Лас-Вегас. В таких объемах тоской и безысходностью с успехом можно было заряжаться, не двигаясь со старого места. Лишний раз доказывает, как опасно доверяться этим

судейским.

Пока гремели разоблачения, и у Салли открывались глаза на вероломные действия Фредерика Виджена, она успела поперхнуться дважды: в первый раз — как некий пекинес, что подавился косточкой, предназначавшейся гончей собаке, а во второй — как другой уроженец Китая, подавившийся другой, но одинаковой по размеру косточкой. Заглянув в ту бездну зла, дна которой способен достичь рвущийся к добыче мужчина, она оцепенела от ужаса. Не в силах уразуметь, чем вызваны перемены ее лица, Лейла Йорк взглянула на нее недоверчиво.

— А что это вы вдруг зарумянились?

— Я не зарумянилась.

— Ну, что вы! Рдеете, как маков цвет. И к чему бы это? Боже милостивый! — восклик1гула Лейла Йорк. — Теперь мне все ясно. Виджен в вас влюблен, вот он и уговорил меня забраться сюда, чтобы стать вашим соседом и всегда иметь возможность ущипнуть вас через забор. Что ж, отметим характер и природную смекалку! Вообще я бы посулила этому юноше блестящее будущее, если бы не боялась пристукнуть его за то, что он устроил мне эту потеху. Итак, мы совершили важное открытие. Любовь обвила бедного Виджена своими божественными путами.

Будь Салли героиней одного из романов Лейлы Йорк, ей бы самое время поскрежетать зубами. Невежество, однако, побудило ее фыркнуть.

— Еще бы не обвила, — с горечью провозгласила она. — Он же не в силах пропустить ни одной девицы.

— Что, правда? — живо переспросила Лейла Йорк. — Мне был знаком один мужчина, в котором я отмечала те же тенденции. Служил счетоводом, а у них, у всех до одного, сердце — как отель «Хилтон». Вы-то воображаете, что они с головой ушли в проверку полугодовых балансовых ведомостей Миггса, Монтэгью и Мэргатройда, оптовых импортеров, а они знай себе кропают блондинкам записочки: «Завтра, в полвторого, на том же месте». Мне бы очень не хотелось, чтобы вы из-за этого расстраивались. Какие пустяки! Если все мужчины — такие, что тут поделаешь?

— Если мужчина — такой, он мне не нужен.

— Вам нужен Виджен, что бы он собой не представлял. Я за вами тут какое-то время по-матерински подглядывала и опознала все до единого симптомы, — застывший, как у лягушачьего чучела, взгляд; движения обмякшие; подпрыгиваете, как летучая форель, когда с вами внезапно заговаривают. Милая деточка, вы с ума по нему сходите, и если в вас есть хоть крупица здравого смысла, расскажите ему все и милуйтесь с ним по

гроб жизни. Я в тыщу раз вас старше, дайте я вам кое-что посоветую. Если уж полюбили мужчину, не будьте белорыбицей, не позволяйте ему улизнуть. Я говорю со знанием дела, потому что в свое время совершила именно такой промах, и с той поры только и делаю, что жалею и жалею. Вы были помолвлены?

— Да.

— И расторгли помолвку?

— Да.

— А я была замужем. Это гораздо хуже, дольше потом мучаешься. На больший срок хватает воспоминаний. Ну, а расторгнутая помолвка — это чепуха. Вы за пару минут ее слепите заново, и последуйте моему совету, займитесь этим прямо сейчас. Он где-нибудь у себя в саду, стрижет, скорее всего, лужайки, — чему у них еще здесь принято посвящать воскресное утро? Давайте-ка, дитя мое, не теряйте ни минуты! Пойдите и скажите ему все, что у вас накипело.

— Сейчас-сейчас, — сказала Салли и, сосредоточившись на принятом решении, твердыми шагами вышла из дома. Из ноздрей ее несколько раз полыхнуло нежное пламя.

8

Стоило ей появиться в саду, как сразу же выяснилось, что стрижкой газона Фредди себя не утруждает. Он посиживал в тени единственного выросшего при усадьбе дерева и читал воскресную газету, любезно доставленную ему мистером Корнелиусом. Оказавшись вблизи ограды, Салли замешкалась. Предстояло решить, каким именно образом привлечь к себе внимание. В «приветике» маловато самоуважения. Те же минусы сказывались и в «динь-динь». Что касается «Фредди!», то это уж чересчур по-дружески. Стоит ли говорить, что с наибольшим удовольствием она бы метнула в него какой-нибудь кирпичик, но и с кирпичиками на территории «Приусадебного мирка» было совсем не густо. Она уговорила себя произнести «Доброе утро!», причем таким голосом, что целительный уровень температуры погожего летнего денька сразу же сполз вниз на несколько градусов. Фредди заерзал на месте и поднял на нее глаза, а подняв глаза, на мгновение застыл, являя собой прекрасного, чуть завороженного юношу, одетого во фланелевую рубашку и курточку крикетной сборной Итона, которого перенесенное потрясение на миг лишило дара речи. Затем, взмыв вверх в акробатическом прыжке, он

приземлился у самой ограды.

— Салли! — чуть не задохнулся он. — Это — правда ты?

— Да, — отвечала Салли, и температура вновь отчетливо понизилась. Улитка, которой случилось оказаться вблизи описываемых событий, попятилась обратно в раковину, придя к заключению, что морозец, пусть и легкий, — не лучшее время для прогулок. Будь у нее на спине лопатки, их бы надолго свело холодом.

— Да ведь это самое сверхъестественное событие за всю историю, — сказал Фредди. — В зобу спирает. Как зовутся эти хреновины, которые бродят по пустыням? Нет, не Иностранные легионы. Миражи, вот как. Когда я поднял глаза и увидел, что это — ты, я решил, что передо мной мираж.

— Да?

— Ну конечно! Не каждый день бывает, что вот так поднимешь глаза, — глядь, а это ты стоишь. И… как бы лучше выразиться… спирает в зобу.

— Да?

Реплика эта, если ваша возлюбленная подает ее рассеянно и бесстрастно, может доставить известное беспокойство, даже если вы неустрашимы, как лев. Фредди, от природы одаренный наглостью армейского мула, был немного обескуражен. Впрочем, отступать ему не хотелось.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что решила поселиться в «Приусадебном мирке»?

Принять вид более бесстрастный и независимый, чем тот, который с начала собеседования взяла на вооружение Салли, было практически невозможно. Она, однако; переступила и этот порог.

— Уж не хочешь ли ты это услышать?

— Как-как?

— Мисс Йорк мне все рассказала.

Фредди с трудом перевел дыхание. Вот, нашептал ему внутренний голос, опять пошли испытания.

— Что, всю правду?

— Да.

— Всю подноготную?

— Именно.

— И ты ее теперь знаешь?

— Знаю.

— Ну что ж, в таком случае, — проговорил Фредди, внезапно озаряясь

лицом, как человек, отыскавший долгожданный поворот в русле беседы, — до тебя, наконец, дойдет, как сильно я тебя люблю. Я не буду от тебя ничего скрывать.

— Можешь и не пытаться.

— Я действительно заманил сюда Йорчиху, и готов сделать это еще раз. Я готов заманить их сюда целую сотню. Передо мной стояла цель поместить тебя в пределы слышимости, чтобы разъяснить свою позицию и уберечь тебя от очередного выкрутаса.

— Я не страдаю выкрутасами.

— Не обижайся. Ведь ты, кажется, склонна полагать, что любовь моя неискренна, неполноводна и еще Бог весть что. Стало быть, твое поведение охватывается понятием «выкрутас» и выдает в тебе выкрутаску.

— А твое поведение выдает в тебе помесь похотливого мотылька и старосты мормонской церкви. Ты с этим Бригхэмом — два сапога пара.

Слова ее ненадолго охладили пыл Фредди, но он не стал снижать обороты.

— Нельзя ли пояснить?

— Ты крутишь с каждой встречной-поперечной.

— Какая чушь!

— Нет, не чушь!

— Чушь и клевета, которая, если не ошибаюсь, преследуется по закону. Обязательно выясню у Шусмита. Явиться сюда, швырять мне в лицо такие вздорные, высосанные из пальца обвинения…

— Как ты сказал, высосанные из пальца?

— Да, я воспользовался именно такой формулой.

— Надо же! А как нам быть с Друзиллой Уикс?

— Не понял?

— Как нам быть с Далией Прендерби, Мэвис Писмарч, Ванессой Воукс, Хэлен Кристофер, Дорой Пинфолд, а также с Хильдегардой Уот-Уотсон?

Этот обвал имен совершенно оглушил Фредди. Нельзя сказать, чтобы он перещеголял только что упомянутую улитку: та поспешила втянуть голову в раковину, а Фредди — в курточку «Итон Рэмблерс», и, подобно той же самой улитке, ему на мгновение почудилось, будто бы над Вэлли Филдс пронесся ледяной вихрь. Казалось, следующие свои слова он произносит лишь для того, чтобы вытолкнуть из дыхательных путей нечто кряжистое и костистое.

— А!.. Эти-то?

— Да, эти-то.

— Кто тебе о них рассказал?

— Мистер Проссер.

— Пуфик?

— Я тебе говорила, он на днях заезжал к мисс Йорк. Я показывала ему дом, мы разговорились, всплыло твое имя, и он сообщил, что ты не пропускаешь ни единой юбки, и привел необходимые подробности. Это только те имена, которые он упомянул, но не сомневаюсь, что при желании он мог бы добавить сотню-другую.

Фредди оцепенел. Открыв рот, он понял, что заикается. Очень редко на его долю выпадали подобные потрясения.

— Пуфик! Тот самый сирота, которого я вскормил собственной, можно сказать, грудью! И так он представляет себе долг верного товарища? Я представляю его совсем иначе.

— Он только сообщил мне то, что известно всем юным стервятникам твоего круга. Ни для кого не секрет, что если сложить всех твоих девиц в одну линию, она соединит Пиккадилли с Гайд-парком.

Фредди показалось, что «Приусадебный мирок» (добротно отстроенное сооружение, хотя, само собой, и не избежавшее участи большинства пригородных домов, с которыми небрежно обращаются, скажем, используя их как опору для тела) пустился в танец живота. Необыкновенным для себя усилием он выровнял положение и в обморок не упал. Наконец, способность управлять движениями полностью вернулась к нему, более того — даже сам мистер Моллой в момент продажи нефтяных акций не смог бы столь выразительно взмахивать руками.

— Да гори оно сто раз синем пламенем! Как ты не поймешь, что это все детские шалости? Ты — другое дело.

— Да-а? — произнесла Салли, и если признать, что «да?» способно звучать как «ладно уж», тогда это «да?» не подкачало.

Фредди продолжал самовыражаться, как заправский осьминог. Скорость, с которой петляли и кружили его руки, могла привести к ошибке.

— Да, тысячу раз да, ты — другое дело. Ты — то, что надо. Ты — то самое, за чем я охочусь всю жизнь, начиная с детских лет. А девицы эти, которых ты упомянула, как приходили в эту жизнь, так и выскакивали. Салли, милая моя, да вызубри ты наконец, что ты для меня — самая дорогая и одна-единствен-ная! Больше в этом суровом мире никого и нет!!!

Как бы ни противилась тому Салли, колебания все-таки начались. Она решила быть твердой и благоразумной, но может ли оставаться твердой и

благоразумной девушка, когда столь медоточивые речи сочатся из уст единственного, самого любимого мужчины? И тут ядовитая, пагубная мысль ужалила ее в самое сердце, — собственное прошлое показалось ей вовсе не таким уж благолепным, хотя примерно такого прошлого она и требовала от противоположной стороны. Это обстоятельство никогда не выносилось на суд, должны же у девушек быть свои маленькие секреты, но и в ее жизни было разное. Была чехарда самых разных Биллов, Томов и Джимми, — до тех пор, пока в этой жизни не появился Фредерик Виджен. И что же? Унесенные ветром, они бесславно позабыты — открыток на Рождество, и тех от нее не дождутся. Так не могло ли случиться, что все мисс Уикс, Прендерби, Писмарч, Воукс, Кристофер, Пинфолд и сама Хильдегарда Уотт-Уотсон занимали в *его* шкале ценностей столь же незначительное место?

В самый разгар внутренних дебатов за ее спиной вдруг раздался голос.

— Ну, вот и я, Виджен.

— О, здравствуйте, мисс Йорк. Добро пожаловать в Вэлли Филдс.

— Добро пожаловать, скажите на милость! Хотелось бы на досуге потолковать с вами о Вэлли Филдс и его трущобном убожестве.

— Всегда к вашим услугам.

— Здорово вы меня облапошили! Ну да ладно, с этим можно обождать. Знайте, что я настроена быть снисходительной.

— Дай вам Бог.

— Потому что теперь я узнала, что вами повелевала любовь. Мы все — ее смиренные рабы.

— Готов подписаться.

— Если вы влюблены, значит, вы влюблены.

— Самая меткая мысль в вашей жизни.

— Ну так как же, — продолжила Лейла Йорк, которая не любила плевать в потолок и всегда шла вперед с открытым забралом, — чем похвастаетесь? Вы ее уже поцеловали?

— Пока нет.

— Пресвятые угодники! Вы мужчина или заяц?

— Видите ли, здесь одна неувязочка. У меня как-то нет уверенности, что она, черт подери, этого хочет. Кажется, по-шусмитовски это называется положение sub judice.[15]

— Хочет, хочет.

— Вы правда так считаете?

— Заявляю официально.

Фредди издал страдальческий вздох.

— Ну как, шансы есть, Салли?

— Наверное, да, Фредди.

— Так-то лучше. Наконец вы оба говорите дело. Рада за вас, — сказала Лейла Йорк и тронулась по направлению к дому, вступив, по слову мистера Корнелиуса, в общение с сонмом чудесных образов. Ситуация чем-то напомнила ей встречу после долгих лет испытаний между Клодом Хэллуордом и Синтией Роузли из ее романа «Купидон, лучник меткий».

— Уф! — выговорил Фредди несколько минут спустя.

— О, Фредди! — выговорила Салли. — Фредди! Знаешь, как я мучилась…

— А я! Мрак, безысходность!

— Ты меня правда любишь?

— Еще как!

— И будешь любить всегда?

— Пока не покроются инеем пески Сахары.

— Постарайся, пожалуйста. Если уж мне суждено выйти замуж, я хочу, чтобы мой муж был человеком устойчивым, а не срывал пыльцу с цветочков, как мотылек!

— О чем речь!

— И вообще, я хочу, чтобы ты не заговаривал с другими девицами.

— Обещаю.

— И потом…

— Понимаю, что ты хочешь сказать. Тебе бы не хотелось, чтобы я с ними целовался. Нет вопросов! Это же просто такая манера, не больше и не меньше.

— Вот и откажись от нее.

— Обязательно. Буду, как Джонни Шусмит. Он и Елену Троянскую не поцелует, даже если преподнести ее спящей в кресле и подвесить сверху ветку омелы. Ну, а теперь живо прыгай через забор, я познакомлю тебя с «Мирной гаванью».

Тем временем Лейла Йорк, воздав должное утренней гимнастике, вернулась в спальню, чтобы одеться. Она уже почти управилась со своим туалетом, когда из передней донесся звонок. Бросив коротко «Чтоб тебе удавиться!», ибо у нее возникли подозрения, что звонок этот означает повторный визит мистера Корнелиуса, а заодно и следующий чемоданчик подлежащих автографированию книг, она пошла открывать.

Но то был не мистер Корнелиус. То был с иголочки одетый мужчина средних лет с открытым, пригожим лицом и вздернутой по-шекспировски бровью, который с самого порога поглядел на нее так умилительно и

чистосердечно, будто именно от нее зависело счастье всей его жизни.

— Мисс Лейла Йорк?!

— Да.

— Доброе утро, мисс Йорк! Вот оно, величайшее мгновение моей жизни! Я — один из ваших самых пылких поклонников. Пусть это послужит оправданием моему бесцеремонному визиту. Не могли бы вы уделить мне парочку минут, конечно, не в ущерб работе? Для меня это была бы великая честь.

9

Воскресенье — день, когда жизнь в городе замирает; ни пройтись, ни прогуляться по магазинчикам. Оно всегда нагоняло тоску на Долли Моллой, и после отбытия Мыльного в «Приусадебный мирок» она не знала, как убить время. Долли сделала маникюр, уложила по-новому волосы, проверила в действии свежую помаду, в недавнем прошлом украшавшую стеллаж крупного универмага, — но все понапрасну. Она была не в силах совладать с хандрой, и если сказать, что скрежет ключа в замке она услыхала уже в тот миг, когда было не грех задуматься и о ланче, то станет ясно, что этот миг принес ей облегчение.

— Я думала, ты уже никогда не придешь, лапуся, — весело закричала Долли, кидаясь на шею вернувшемуся с фронта бойцу.

Но радость ее была скоротечной. Вот он ступил в комнату, и один-единственный мимолетный взгляд поведал ей всю правду: перед ней был не тот счастливец, что доставил прекрасную депешу из Ахена в Гент,[16] а тот, что прибыл с печальными и скорбными вестями. Тенью заволокло чело Мыльного, глаза его потускнели. Вообще, весь его облик наводил на невольное предположение, что в совсем недалеком прошлом его дух подвергся суровому испытанию, которое, казалось, проходит на редкость неровно. Было ясно одно: уныния познал он власть — удушья без заряда грозового, которое не искупить и не заклясть ни словом, и ни вздохом со слезою, — точь-в-точь того самого чувства, которое в начале девятнадцатого столетия угнетало поэта Кольриджа.[17]

Он погрузился в кресло и обмакнул лоб шелковым платком, который его половина как-то раз прошлой зимой слямзила в «Хэрродс» и преподнесла ему на Рождество.

— Бе-да! — возвестил он голосом, который вполне мог принадлежать

обитателю преисподней.

Долли была хорошей женой. Исходя мелкой дрожью от любопытства, снедаемая желанием забросать его вопросами, она понимала, что все должно идти по порядку. Минут через десять на одном из столиков красовался поднос со льдом и парой бокалов, а сама Долли поспешно доставала из буфета джин, вермут и шейкер. Мелодичное позвякиванье разбавило тишину, окутавшую было комнату, и вскоре Мыльный, первый заход которого вышел на редкость судорожным, а второй развивался уже не в пример степеннее, обнаруживал признаки достаточно полного восстановления сил, чтобы начать рассказ.

Зорко следя за происходящими переменами, Долли пришла к выводу, что нужда в сдержанности миновала и настал черед задавать вопросы.

— Что случилось, Мыльный? Ты был там? Ты видел ее? Ну, как она?

Мыльный скривил лицо. Последний вопрос задел обнаженный нерв. Повторив ошибку Фредди Виджена, он ожидал, что Лейла Йорк окажется хилым и хлипким созданием, которое само сложит голову на плаху его таланта, однако с первых же минут что-то пошло не так. Эти яркие, колючие глаза привели его в замешательство, а уж позже, когда в руках у нее оказался дробовик… Воспоминание заставило его содрогнуться. Он был не из тех людей, которых легко выбить из колеи, — когда вам приходится зарабатывать на жизнь продажей фиктивных нефтяных акций, вы очень скоро выучитесь взирать на мир с невозмутимым, даже холодноватым выражением, — однако Лейла Йорк совершила невозможное.

— Жаба зубастая! — промычал он, заново отирая лоб. — Помнишь Супика?

— Помню, конечно. — Этот маститый медвежатник был вхож в их тесный круг легендарного чикагского периода. — Супик-то здесь при чем?

— А она немного на него похожа. То есть внешне, конечно, поприятней, но взгляд такой же холодный и стеклянный, как у Супика, когда сядешь с ним за покер, а он начинает смекать, что мухлежом попахивает. Как бы насквозь протыкает и с другой стороны выходит. Я только ее увидел, сразу понял, что ничего не получится, но у меня и мысли не было, что все обернется так, как обернулось. Не-ет, начальничек, таких мыслей у меня не было.

Женщину пылкого нрава, которой не терпится разузнать свежие новости, ничто не взбудоражит так, как необходимость выуживать их у мужчины, обнаруживающего склонность к витиеватой речи. Вовсе не исключено, что менее любящая супруга, жаждущая вернуть мужу

внятность изложения, не устояла бы перед соблазном хватить его по спине шейкером для коктейлей. Так воздадим должное Долли — она сумела ограничиться словами:

— Куда обернется? О чем ты говоришь? Что случилось-то? Мыльный выстраивал свои мысли в боевое каре. Он управился со второй порцией мартини и стал поспокойнее. Этому не в последней степени способствовало сознание того, что между ним и Лейлой Йорк пролегла дистанция в семь миль. И еще он напомнил себе слова, сказанные вчера Долли, — да, случаются иногда проколы. Такое размышление врачевало душевные раны. Когда он начал свой рассказ, привычное благодушие не вполне вернулось к нему, однако ему удалось стряхнуть то головокружение, которое может настигнуть мужчину, когда он является в чужой дом с деловым визитом, а хозяйка дома приставляет дуло дробовика к его диафрагме.

— Так-то, милая моя, подошел я к «Приусадебному мирку» и позвонил в звонок. Звонок, который висит у входной двери. И вот, значит, звоню. Да-а, лапочка, звоню в этот самый звонок у входной двери…

То, что ее возлюбленный всегда был обстоятельнейшим рассказчиком, Долли знала давно, однако в данный момент она даже взвизгнула от негодования. Ей действительно было пора подумать о ланче, а все шло к тому, что с ним придется повременить.

— А живее ты не можешь? Поняла я, что ты не на горне заиграл.

Мыльный был озадачен. В случаях, не относящихся к продаже нефтяных акций, его головной мозг работал с некоторыми перебоями.

— На горне?

— Давай дальше.

— А почему я должен был заиграть на горне?

— Ладно, проехали. Двигай дальше.

— Да у меня нет никакого горна. Откуда у меня мог взяться горн?

— Говорю тебе, проехали. Давай, лапуся, сконцентрируйся. Итак, в конце прошлой серии наш герой позвонил в дверь. Что же случилось потом?

— Она ее открыла.

— *Она* открыла?

— Да.

— У нее что, нет горничной?

— Да вроде бы нет.

— И вообще прислугу не держит?

— Я, по крайней мере, никого не видел. А что?

— Да нет, ничего. Так, свои мысли вертятся.

Идея, которая осенила Долли, заключалась в том, что если гарнизон «Приусадебного мирка» столь скупо укомплектован, то ничто не мешает им в один прекрасный вечер наведаться туда, имея при себе какую-нибудь корягу, и подойти к вопросу конкретней. Эта дама всегда слыла сторонницей конкретного стиля. Увы, следующие слова Мыльного превратили ее план в прекраснодушную затею.

— У нее есть только секретарша и дробовик.

— *Дробовик?*

— Вот именно. Такое спортивное ружьишко.

Долли редко дотрагивалась до своей прически, если та была ей по вкусу, но тут мигом запустила в нее обе пятерни. Она вдруг почувствовала, что не совсем понимает супруга. Мотив дробовика увел ее в сторону.

— Начни-ка с самого начала, — попросила она, пренебрегая опасностью по второму разу выслушать описание звонка и двери.

Мыльный осведомился, не положен ли ему дивиденд, получил утвердительный ответ и с благодарностью использовал свое право. Затем, заметно оживившись, он принялся за свой рассказ.

— Ну так вот, как я сказал, она открывает мне дверь, и мы друг на друга смотрим. Мисс Лейла Йорк? — спрашиваю. Да, братишка, — отвечает она. Ничего, говорю, что я так сюда зарулил, вы меня простите? Я, мисс Йорк, один из ваших самых пылких поклонников. Можно вас на пару слов? И начинаю ей вешать. Причем вешал я четко. По-моему, все шло хорошо.

— Не сомневаюсь.

— Я сразу стал канать под такого заматеревшего миллионера, который нажил себе денег на нефти, и обрисовал ей те условия, в которых живет человек, если хочет раскрутиться на нефти: пустынная местность, халупы стоят деревянные, приходится общаться с грубыми, необразованными людьми, ну, никакой зацепки для парня, который стремится к культурной среде… В общем, дал ей полный расклад.

— Я как будто тебя слышу!

— Четыре года, говорю ей, не знал я другой жизни и совсем изголодался по интеллектуальной почве. Душа моя увядала, как жухлая листва в осеннюю пору, и тут передо мной возник экземплярчик ее романа.

— Она спросила тебя, какого именно?

— Да уж конечно, спросила, а я как раз отыскал ее до этого в «Кто есть кто», и смог ей ответить. Мне, говорю, показалось, что передо мной открылся совсем новый мир, и как только я раздобыл денег из скудного

источника моих доходов, я скупил всю партию, а потом читал их, не покладая рук, и каждый раз узнавал что-то свежее. И, говорю, я теперь перед вами в неоплатном долгу.

— Это ее, по идее, должно бы порадовать.

— По идее, да, но вот тут-то я и заметил, что она на меня глазеет как-то непонятно, точь-в-точь Супик. Сощурила глазки, что-то ей в моем лице не понравилось.

— Если ей *твое* лицо не понравилось, тогда она ку-ку. Ты у меня красавец.

— Да, вроде бы никто не жаловался, но вот так она на меня посмотрела. Вы, говорит, передо мной в неоплатном долгу? — и я отвечаю, да, в нем самом. Я, говорит, сама так думаю.

— Наглая какая!.. — неодобрительно заметила Долли.

— Ну вот, мне тоже так показалось. Дают эти писатели, подумал я. Но все равно я еще против нее ничего не имел, потому что я знаю, что это такой народ. И вот тогда я и завел разговор о покупке. Говорю, деньги для меня не препятствие, я намерен купить этот дом, и сколько он стоит, неважно, я намерен сделать из него такую святыню. Не исключено, говорю, что я его заберу с собой, переправлю пароходом в Америку и установлю у себя в Вирджинии, как Уилльям Рэндольф Хэрст.[18]

— Но она же не владелица этого «Мирка». Она его только арендует. Мы тоже его арендовали.

— Да, понятное дело, но я как раз готовил ее к счастливому мгновению. Она мне сообщает, что дом принадлежит Кеггсу, который сейчас то ли в Сингапуре, то ли еще где-то, совершает кругосветное путешествие, и я тогда говорю, ну что ж, дескать, очень-очень жаль, потому что я всем сердцем настроился купить этот дом, и мои друзья по ту сторону, которые все до одного ее жуткие поклонники, будут жутко разочарованы, и я сам тоже. Но вы не будете против, спрашиваю, если я просто поброжу по дому, осмотрю святыню, в которой вы живете и работаете? Я уже было двинулся в спальную, как она мне говорит: обождите-ка минутку.

— Захотела попудрить носик?

— Нет, захотела взять дробовичок. Вернулась вместе с ним и приставляет мне к дужке. Эй, ты, слушай! — это она мне говорит. — Слушай меня внимательно. Выметайся, и чтобы через три секунды духу твоего здесь не было!

— Ой, Господи! С какой стати?

— Именно этот вопрос я ей задал. Значит, наживаешь деньги на

нефти, говорит она, так я поняла? А я ведь это знаю, миллионер ты мой заматеревший, сама в свое время вложила тысячу фунтов. В Ле Тукэ, три года назад. Припоминаешь? Мамочка моя, это та самая тетка из казино, про которую я тебе рассказывал, ну, которой я продал «Серебряную реку»! Ясное дело, я ее не вычислил. Когда мы заключали сделку, она была в темных очках, и потом, — сколько народу через меня прошло! Я, говорит она, считаю до трех, и если в тот момент, когда я скажу «и», ты еще не будешь подлетать к Америке, я тебе всыплю под трусы весь заряд. Ну что тут долго думать, намеки я понимаю. Чесать репу не стал, ушел от нее. И вот я здесь, солнышко. В девяносто девяти случаев из ста с такой байкой я бы пустым домой не вернулся. Жаль, конечно, но винить-то некого.

Долли проявила чудеса женской преданности.

— Я тебя, ластонька моя, и не виню. Ты-то сделал все, что мог сделать на твоем месте мужчина… ну разве что… Я вот думаю, не мог ты случаем нацепить ей стул на башку?

— Ноль шансов. Если бы я хоть раз дернулся или даже пальцем пошевелил, я бы здесь не сидел. Я бы лежал и краснел, а ты бы выковыривала из меня дробины щипчиками для бровей. Нет, тут все серьезно, — заключил Мыльный и поерзал в кресле, лишний раз представив себе, как все могло обернуться. Его ранимое воображение иногда преподносило вполне достоверные образы.

Долли насупилась, о чем-то неотступно размышляя. Более заурядная особа, наверное, была бы полностью подавлена финалом этой душераздирающей истории, но она никогда не позволяла временным неудачам вытеснить из ее памяти басню про Брюса и паука.[19] И с поэтом заодно смогла бы, пожалуй, признаться, что внемлет певцам, на сто ладов поющих нота к ноте, что тем, кто не отринул бремя плоти, заветных не стяжать плодов.[20]

— Нужно попробовать еще раз, — сказала она, и Мыльный вздрогнул так, словно бы перед ним материализовалась Лейла Йорк, а заодно и дробовик.

— Ты хочешь, чтобы я еще раз съездил в «Приусадебный мирок»?

— Нет, папуля, не ты.

— Но ты-то как ее сможешь заболтать?

— Ну, об этом мы еще сто раз подумаем. У меня кое-что наклюнется. Как представлю себе, что погремушки лежат на шифоньере, и в любой момент кто-нибудь может вытереть там пыль, так у меня все внутри дыбом встает. Вот что, лапуся, пойдем-ка пообедаем. Надо подкормиться после

того, как ты прошел через такие… как это называется?

— Тернии, — подсказал мистер Моллой, который по роду занятий обладал значительным словарным запасом. — Если ты попал на тетку, которая жжет тебя насквозь глазищами, а палец держит на курке дробовика, то это называется «тернии», и если кто-то возразит, шли его подальше.

И все-таки ланч в таком местечке, как «Баррибо», помогает воспрянуть духом и стимулирует деятельность мозга. Hors d'oeuvres[21] тихонько шепчут друг другу, что скоро проглянет солнце, холодный лосось в винном соусе пробуждает уверенность в скором появлении серебряной полоски на темном под завязку небе, а под фруктовый салат или другое украшение трапезы созревает твердое убеждение, что синяя птица, хотя и явно отлынивает в последнее время от службы, еще не ушла в отставку. В голове Мыльного так и не смогли просиять эти оптимистические выводы, — опустив очи, он целиком предался смакованию горя, зато Долли, едва отведав peche-melba,[22] разразилась победным кличем:

— Мыльный, я придумала!

Мистер Моллой, который в этот момент ковырял в вазочке клубничное мороженое, дернулся так, что ложка, вылетев из рук, сделала смертельное сальто и шмякнулась на пол за его спиной.

— Что придумала, лапочка моя? Случайно не способ…

— Да. Полный блеск.

Окутавший Мыльного мрак чуть поредел. Изобретательность жены неизменно внушала ему уважение.

— Слушай, лапуся, ты ведь мне сказал, что в «Приусадебном мирке» прислуги нету. Теперь так. Эта Йорк и ее секретарша должны иногда выходить из дома, правильно? В магазин зайти, еше чего-нибудь.

— Да, наверное.

— И хата стоит пустая. Так что мне мешает туда нагрянуть, поторчать, пока не станет тихо, и просочиться внутрь? Тип этот уходит в свой офис рано утречком. Я спокойно подожду себе в садике перед «Мирной гаванью» и увижу, как они будут уходить.

— Ну а представь, они не уйдут?

— Слушай, я тебя умоляю! Раньше или позже они должны смыться. Я так думаю, лыжи можно навострить и завтра, потому что в газете написано, что Лейла Йорк должна выступить на каком-то там банкете, и я предполагаю, она возьмет с собой секретаршу. А если не возьмет, секретарша, пока той рядом нет, наверняка будет стоять на ушах. Нет, это

дело верное, как в аптеке. Заметано, еду туда сразу после завтрака. А может быть, ты захочешь?

Мистера Моллоя передернуло. Он сказал, что не захочет.

— Ну и ладно, значит, поеду я. По идее, все должно быть в ажуре. Дверь с черного хода заперта не будет. Спокойно можно сунуться в дом. Вопросы есть?

— Ни единого, мамочка, — промычал млеющий Моллой. — Я и раньше говорил и сейчас повторю: таких, как ты, нет на всем белом свете.

10

Торжество, на котором дала согласие выступить Лейла Йорк, именовалось совместным обедом членов женской секции клуба «Перо и чернила», проводимым раз в два месяца. Обещание едва ли было бы выполнено, если бы не вовремя успевшая напомнить о нем Салли. Узнав о надвигающемся бедствии, Лейла Йорк разразилась одним из тех хлестких присловий, которые почти не сходили с ее уст, и заявила, что с общественными секретарями надо бы держать ухо востро, ни на секунду не расслабляться, иначе будешь плясать под их дудку.

— Это же коварные бестии! В декабре они пишут вам, что надеются на ваше, прости Господи, выступление в следующем июне, ну а вы, зная, что такой месяц никогда в жизни не наступит, говорите им «да». И выклюйте мне всю печень с селезенкой, если в один прекрасный день июнь вдруг не объявится!

— Когда его и не ждешь.

— Истинная правда. Просыпаешься однажды, и вдруг ясно сознаешь, что тебе конец. Вы хоть раз бывали на этих сборищах, которые любых поминок тоскливей раз в сто?

— Нет, я не член «Пера и чернил». Я всегда вела скромную и уединенную жизнь.

— Обходите их подальше, — посоветовала Лейла Йорк, — а в особенности женские утренники. Сейчас вы мне скажете, что лучше стерпеть клубок писательниц в пенсне и неподражаемых шляпках, чем битком набитую комнату писателей в роговых очках, но я с вами не соглашусь. Женские особи этой породы куда опаснее мужских. Что мне сказать этим грымзам?!

— «Я люблю вас, грымзы».

— А потом усесться на место? Неплохая мысль. Не думаю, чтобы кто-

то пробовал воплотить ее в жизнь… Ну-ну, пора заводить машину. Мне нужно будет кое-что прикупить, так что у нас сегодня ранний выезд.

— У нас?

— О, ну что вы, не потащу же я вас с собой на этот обед! Думаете, я такая людоедка? Просто хотелось бы, чтобы вы навестили Сэксби и рассказали ему об изменении планов, то есть о новой книге. Все-таки он — мой литагент. Пожалуй, его-то следует держать в курсе. Только сделайте это помягче. Захватите с собой флягу с бренди, на случай, если он рухнет в обморок.

— Да, ему будет, от чего растеряться.

— Так же, как и моим злополучным издателям. У нас с ними контракт на шесть книг, и если хватит пороху, с каждой книгой позиция моя будет все непреклонней, а челюсть у этих жалких созданий будет отвисать все ниже и ниже. Только их горе меня не касается. Подумаешь, профукают все до последней рубашки! Деньги — это еще не все.

— В могилу не захватишь.

— Вот-вот. После того, как побываете у Сэксби, загляните к ним и поделитесь наблюдениями. Отогрейте им душу. Известно вам, кто будет белугой выть, когда закрутится вся кутерьма?

— Ну, думаю, взвоет все издательство. Они же хотят, чтобы вы им окупили отпуска у синего моря.

— Проссер первый завоет, вот кто! У него в этой конуре лакомая косточка зарыта, и если он прочухает, что от нее могут остаться одни хрящи, он себе череп о стенку размозжит. Да что я, право? Не хватало еще каким-то Проссером голову себе морочить! Жизнь вообще полна невзгод. Идите заводить машину.

Салли завела машину, и когда, выруливая на главную дорогу, они проезжали мимо «Мирной гавани», внезапным восклицанием вогнала в дрожь свою патронессу.

— Ну, что еще? — спросила Лейла Йорк.

— Да нет, ничего, — ответила Салли.

Однако кое-что все-таки было. Вряд ли бы Салли издала это восклицание, если бы не увидела яркую блондинку, которая стояла, на ее взгляд — по-хозяйски опершись о главные ворота «Мирной гавани». Что меньше всего хотела бы увидеть девушка у ворот полюбившегося ей юноши, если тот — большой охотник до прекрасного пола? Известного типа блондинку, тем паче — в такой позе. Впрочем, чтобы лишить Салли покоя, хватило бы и брюнетки. Остаток недолгого пути в столицу она

провела в непрерывном молчании, тем самым став легкой добычей для душещипательных раздумий о леопардах, пятнах и общепризнанной неспособности первых поступиться последними. Лишь когда машина остановилась в гараже близ Беркли-сквер, и они с Лейлой Йорк разошлись в разные стороны, — одна отправилась в магазины, другая — отравлять утро мистеру Сэксби, литагенту а также Попгуду и Грули, злополучным издателям, — лишь тогда новое размышление исцелило ей душу: она напомнила себе слова Фредди о том, что «Мирную гавань» он снимает вдвоем со своим кузеном Джорджем, ревностным стражем порядка. Ей было известно, что полисмены в глубине души — лирики, и в перерывах между дежурствами не прочь потрепать кудри Амариллиде.[23] Можно не сомневаться, пышнотелая дева — подружка Джорджа. Когда Салли входила в помещение литагентства, на репутации Фредди уже не оставалось ни малейшего пятнышка, и сама она была совершенно счастлива.

А между тем, блондинка, провожавшая долгим взглядом машину, опершись на врата «Мирной гавани», звалась Долли Моллой. Она не ошиблась, все складывалось прекрасно. Оставалось только пройти несколько ярдов, проскользнуть в дом с черного хода, забраться на второй этаж, подхватить замшевую сумочку и отправиться домой, — план был прост и ничуть не расходился с возможностями. Выполняя первую часть намеченного мероприятия, она приступила к открыванию ворот, и тут сзади, но совсем рядом раздался человеческий голос, при первых же звуках которого она завертелась на месте, как фигуристка, и вдобавок проглотила жевательную резинку, чем лишила себя важного источника бодрости.

— Привет! — сказал голос, и она обнаружила перед собой бравого и ражего молодца, при виде которого в ее светло-карих глазах, до того излучавших покой и радость, отразились растерянность и ужас. Нельзя сказать, что она недолюбливала ражих молодцев или что оксфордский акцент покоробил ее заатлантический слух. Своими чувствами Долли была обязана исключительно полицейской форме и шлему, в которые был облачен незнакомец, а если жизненная чересполосица сумела чему-то ее научить, так это навыку пореже соприкасаться с представителями органов. Лучше от этого, как доказывали ее наблюдения, еще никому не становилось.

— Ждете Фредди Виджена? А он, скорей всего, сейчас в Лондоне.

— Вот как! — ответила Долли. Ничего другого она бы попросту не смогла вымолвить. Братство фараонов, легавых, мусоров, хомутов, бобиков и тому подобных начальников, — процесс словообразования в этой

области себя отнюдь не исчерпал, — неизменно вызывало у нее спазмы.

— Работает в офисе, бедолага, и вынужден отправляться на службу вскоре после утренней трапезы. Вот в шесть утра вы вполне его застанете. Могу я чем-нибудь вам помочь? Я — его кузен Джордж.

— Ну… — Долли понемногу восстанавливала дыхание. Благодушный тон собеседника возвращал ей силы. Многие полисмены из ее прошлого, а в особенности чикагского периода, так часто бывали с ней грубы и бесцеремонны, так часто начинали диалог с обращения «Эй!», что раскованная изысканность этого служаки принесла свои плоды. Разумеется, ее еще немного лихорадило, поскольку у девушек, которые совершают хищение драгоценностей стоимостью в несколько тысяч фунтов, некоторое время остается определенная трепетность нрава, но ее представления о собственной безопасности наконец-то претерпели изменения.

— Да вы же — легавый! — наконец отозвалась она.

— Верно. Кому-то нужно быть легавым, правда?

— А говорите не как легавый.

— Вот вы о чем! Ну, знаете ли, Итон, потом Оксфорд, в общем, — вся эта филомудрия…

— Не знала, что местные бычары поступают в Оксфорд!

— Очень многие, по всей видимости, не поступают, а я вот поступил. Потом спустился на землю, и передо мной встал выбор — либо пойти в офис, либо что-то придумать. Я подался в легавые. Говорили, что буду разгуливать на свежем воздухе и достигну заоблачных высот в Скотланд Ярде, хотя, я думаю, это не так. Чтобы твердо встать ногой на лестницу успеха, необходимо кого-нибудь свинтить, а что такое свинтить человека в Вэлли Филдс, вам понять не дано, ибо из всех копошащихся на земле законобоязненных садоводов местный садовод — экземпляр редчайший и самый бестолковый. Потому-то он и губит юное дарование. Да ладно, вы, наверное, недовольны, что я говорю о себе. Представляю, как это может надоесть. У вас к Фредди какое-то важное дело? Я спрашиваю потому, что найти его можно в конторе «Шусмит, Шусмит, Шусмит и Шусмит» в Линкольнз Инн Филдс, если вы знаете, где это. Адвокатская фирма. Фредди там работает. Скажем так, — поправился кузен Джордж, разделявший, по-видимому, сомнения, незадолго до этого обуревавшие и мистера Шусмита, — он сидит там в кресле за письменным столом. Держите курс на Флит-стрит и спросите полицейского. Он вам подскажет.

— Ах, нет, спасибо! Ничего важного. Просто хотела сказать «пип-пип!»

— Ну, если так, позвольте удалиться. В полиции, знаете ли, не любят опозданий, все должно быть так, как положено, иначе можно получить выговор от старшего по званию. Ну ладно, пока. А, вот что! Чуть не забыл! Как бы вы отнеслись к тому, чтобы купить билеты на ежегодный концерт Полицейского детского приюта?

— Кто, я?..

— Звучит глупо, согласен, но отцы-командиры препоручают это нам, рядовым служакам, а мы должны охмурять местных избирателей. Разброс цен должен удовлетворить любого налогоплательщика, — вот, пожалуйста, за пять шиллингов, за полкроны, за два шиллинга, шесть пенсов, и стоять вы будете только, если купите последний. Какие будут соображения?

— Да никаких.

— А вы поразмышляйте. Вы никогда не сможете простить себе, если не услышите, как сержант Бэнкс поет «В тенетах сна» или, к примеру, констебль Боджер подражает нашим непревзойденным мастерам сцены. Итак, мы взвесили «за», отмели «против». Штуки две по пятерочке, а?

Долли была неумолима. При мысли о том, что ее действия хотя бы самым косвенным и приблизительным образом могут быть расценены как сотрудничество с полицией, в ней все, по собственному определению, вставало дыбом.

— Вот что, братец, — сухо заметила она, — если не знаешь, куда бы тебе пристроить билеты, могу подсказать.

— Не стоит. Я сразу вас понял. Вы говорите о внеэкономическом принуждении? Что ж, в таком случае придется свернуть агитацию. Они ведь нас заставляют наизусть пиликать одну и ту же арию, призванную подстегнуть торговлю. Мы Должны пропеть вам, что необходимо поддержать благотворительную организацию, которая не только заслуживает всяческого уважения сама по себе, но неотъемлема от учреждения, коему вы, как домохозяйка, первой, судя по всему, категории, испытываете горячую признательность за собственную безопасность и спокойствие родного очага. То есть, говоря попросту, мусоров. Ну что ж, если вам так неприятен Полицейский детский приют, мне остается откланяться и сказать…

— «Наше вам с кисточкой».

— Я собирался сказать «До свидания».

— Ну, пускай так. Приятно было познакомиться. Держи нос кочергой и смотри, фраеров не заметай, — напутствовала его Долли, и кузен Джордж пошел своей дорогой, одолеваемый неожиданными сомнениями. Он подумывал о том, что Фредди — человек хороший, достаточно

взглянуть на его физиономию, однако подруги у него какие-то странные. Спору нет, очаровательная девушка, он сам, положим, не отказался бы с ней как-нибудь встретиться, но уж, прямо заметим, такую домой не позовешь и не станешь знакомить с мамой.

А Долли еще чуть-чуть постояла на том же месте, ощущая некоторую нетвердость в членах, как всегда после свидания с полицией. Наконец, стряхнув с себя последние остатки впечатлений от прошедшей встречи, она торопливо зашагала по дорожке к дому, и весьма скоро получила дополнительное свидетельство того, что, вопреки ожиданиям, день этот для нее складывался совсем не безмятежно. В палисадник перед «Приусадебным мирком» вела калитка, похожая на ту, что вела к «Мирной гавани». К ней-то, скрестив на груди руки, и прислонился мистер Корнелиус. Его застывшая фигура внушала уверенность, что в обозримом будущем он не собирается перейти куда-нибудь в другое место. Неизменно учтивый к жильцам, пусть и бывшим, он приветствовал ее дружественным взмахом седой бороды, гораздо больше, чем она сама, обрадованный этой встречей. К Томасу Дж. Моллою, как мы знаем, он относился неодобрительно, зато Долли всегда приводила его в восхищение.

— Доброе утро, миссис Моллой. Давненько мы с вами не виделись. Мистер Моллой говорил мне, что вы куда-то уезжали.

— Нн-ну, навещала друзей, — ответила Долли, отметив про себя, правда, что слегка исказила факты, обозначив таким термином персонал тюрьмы «Холлоуэй». — Очень я удивилась, когда Мыльный сказал мне, что уехал из «Приусадебного мирка».

— И я тоже.

— С ним всегда так получается. У человека серьезный бизнес, захотелось быть поближе к городу.

— Да, прекрасно понимаю. На первом месте — дело.

— Конечно, тоскливо ему было взять и сорваться отсюда.

— Нисколько не сомневаюсь. Я в этом просто уверен. Такого места он больше не найдет. Знаете, миссис Моллой, к Вэлли Филдс, мне кажется, чудесно подходят слова, сказанные сэром Вальтером Скоттом. Осмелюсь предположить, что они вам известны. Слова эти он включил в поэму «Песнь последнего менестреля», и вот что они гласят: «Где тот мертвец из мертвецов, чей разум глух для нежных слов: "Вот милый край, страна родная!" В чьем сердце не забрезжит свет, кто не вздохнет весне в ответ, на почву родины ступая?» — говорил мистер Корнелиус и вспоминал, как однажды ему пришлось отлучиться на сутки в Булонь.

Низведенная до статуса беспомощного слушателя, Долли

почувствовала, что ее едва сдерживаемое нетерпение сделалось поистине катастрофическим. Вскоре после их приезда в Вэлли Филдс мистер Корнелиус уже декламировал в ее присутствии эти славные строки, и ей было известно, что если не пресечь чтение в самом зародыше, испытания скоро не кончатся.

— Понятно, — сказала она. — Какие могут быть споры? Так вот, я приехала сюда…

— «Для тех, чьи чувства таковы, — не осекшись, продолжил агент по недвижимости, — все песни немы и мертвы! Пускай огромны их владенья и знатно их происхожденье, ни золото, ни знатный род…»

— Я потому сюда приехала…

— «…ничто им в пользу не пойдет. Любуясь собственной тоскою, они не ведают покоя. Удел и рок печальный их — в себе убить себя самих! Они бесславно канут в Лету…»

— Да я вот что хотела…

— «…непризнанны и невоспеты!»[24] — сурово возвестил мистер Корнелиус, завершая отповедь безымянному изгою. — Словам этим, миссис Моллой, предстоит появиться на титульной странице книги по истории Вэлли Филдс, материалы для которой я сейчас собираю.

— Ну понятно, вы мне об этом говорили, тогда, пару месяцев назад.

— Напечатана она будет за мой собственный счет и распространяться по частному списку. Она выйдет в свет в мягком кожаном переплете, по всей видимости — в синем.

— Блеск, а не идея! Запишите меня на один экземплярчик.

— Благодарю вас. Сочту за великую честь. Разумеется, книга потребует еще долгой работы. Совершенно необъятный материал.

— Да ладно, подожду. Послушайте-ка меня. Я сюда явилась из-за своей волшебной хрюшки.

— Своей… простите, не совсем вас понял?

— Такой прибамбасик из серебра, который у меня был приделан к браслету. Где-то потеряла.

— Да, очень жаль.

— Шарила где только можно, и потом вспомнила, что последний раз видела ее здесь, в спальне, когда переодевалась. Куда-то засунула и совсем о ней позабыла.

— Подобные курьезы памяти — явление весьма распространенное.

— Н-нну. Слушайте, вы как думаете, кто-нибудь занял уже дом?

— Писательница Лейла Йорк, — едва не трепеща, вымолвил мистер Корнелиус.

— Что, серьезно? Правда, не шутите? Я ведь ее пылкая поклонница.

— И я тоже.

— Здорово пишет, просто класс. Все у нее в ножках ползают.

— Справедливая оценка, — подтвердил мистер Корнелиус, хотя не вполне готов был поручиться за ее точность.

— Так как, думаете, она бы не стала возражать, если бы я быстренько слетала в спальню и посмотрела туда-сюда?

— Не сомневаюсь, что она с готовностью дала бы свое согласие, если бы только находилась здесь, однако она отправилась в Лондон. Этим, должен признаться, и объясняется мое присутствие. Меня попросили присмотреть за домом. Насколько я понял, вчера мисс Йорк пришлось выдержать визит одного в высшей степени подозрительного субъекта, который под разными предлогами пытался проникнуть в глубь «Приусадебного мирка», лелея, очевидно, намерение вернуться позднее с целью грабежа.

— Ну уж, прямо, вы скажете! Додуматься надо!

— Уверяю вас, это — вовсе не редкость. Я беседовал об этом человеке с кузеном мистера Виджена, который работает в полиции, и слышал историю от мистера Виджена, который слышал ее от мисс Фостер, которая слышала ее от мисс Йорк, и он поведал мне, что уголовные слои общества зачастую пользуются именно таким приемом. «Выпасти телка», вот как это у них называется. Он выразил некоторую досаду из-за того, что должен следовать по маршруту патрулирования и, тем самым, отлучиться от «Приусадебного мирка» на дальнее расстояние. Поэтому, когда тот человек вернется, у него не будет возможности его, как он образно выразился, свинтить. Этот полицейский беззаветно предан своему непростому делу.

— Да уж… Побольше бы таких, и все были бы довольны.

— Совершенно справедливо.

— Ладно, не в том дело, я-то не собираюсь кабанчика пасти. Я только хочу по-быстрому смотаться в спальню и взглянуть, там ли моя хрюшка. Может, лежит где-нибудь под туалетным столиком. Не будет мисс Йорк особенно против?

— Я положительно убежден, что у нее не возникло бы ни малейшего возражения, однако то, что вы предлагаете, едва ли осуществимо, поскольку перед уходом она заперла дверь спальни.

— То есть как?

— По моему настоянию, — не без удовольствия добавил мистер Корнелиус.

Долли не проронила ни звука, а ведь шесть убийственных изречений

пронзили ее мозг, словно раскаленные докрасна пули. Весьма кстати вспомнив о том, что она — дама, Долли не дала им сорваться с уст и смирилась с тем, что сказав лишь «Вы что, серьезно? Ладно, конец связи!» — развернулась и пошла обратно, так и не дав воли хищному грифу, глодавшему ее печень.

На углу дороги, что вела к станции, она воспользовалась автобусом номер три, и тот через надлежащий промежуток времени доставил ее к Пиккадилли. Отчасти из-за чудесной погоды, отчасти же надеясь двигательной нагрузкой усмирить кипение крови, она свернула на Бондстрит, и как только это сделала, тут же уголком глаза поймала хорошо одетого молодого человека, который двигался вслед за ней.

Выше уже отмечалось, что, заметив сзади хороши одетых молодых людей, Долли часто решала пустить в ход ту технику, которую привили ей годы беспрерывных упражнений. Мгновением позже, обессиленная, она уже поникла в его объятиях, а еще через миг отдергивала руку, которую запустила было в его карман. Заглянув в его лицо, она уже не могла усомниться, что из недр этих карманов вряд ли можно извлечь что-либо достойное такого старателя и добытчика, каким почитала себя Долли Моллой.

— А, вот и вы, — сказала она. — Здравствуйте, мистер Виджен.

11

Вплоть до вступления в контакт Фредди пребывал в цветущем состоянии, не хуже джентльмена из Оклахомы, которому мнилось, что жизнь у него складывается просто здорово. Да, свернув на Бондстрит, он не начал распевать «Волшебное я встретил утро»,[25] однако, дабы склонить его к этой затее, многих усилий не понадобилось бы. Ничто не восстанавливает у молодых людей весенний упадок сил с такой полнотой, как примирение с возлюбленной, и одна мысль о том, что они с Салли совсем недавно могли записаться в клуб разбитых сердец, а нынче были Ромео и Джульеттой в лучшие для тех времена, способна была вознести его в заоблачную высь, и, как мы уже сказали, подвела его к рубежу, за которым человек срывается в пение.

Но вдобавок ко всему душу его ублажало воспоминание о ящике комода в «Мирной гавани», где хранился подлинный сертификат концерна по добыче и переработке нефти «Серебряная река», который он уже совсем скоро продаст за десять тысяч фунтов; и уж истинным венцом его счастья

стало сегодняшнее падение тяжеленного гроссбуха на ногу мистера Джервиса, ведущего клерка конторы, заставившее того скрючиться от боли, поскольку задетой оказалась древняя мозоль. За те полгода, что Фредди прослужил под крылышком у Шусмита, он умудрился проникнуться такой кипучей ненавистью к мистеру Джервису, что это явно шло наперекор его благодушной натуре. Он строго придерживался того взгляда, что чем больше гроссбухов свалится на ногу мистера Джервиса, тем и лучше. Сожалел он лишь о том, что на нее не свалилась тонна кирпичей.

С другой стороны, можно было предсказать, что ситуация в ближайшие часы едва ли подвергнется изменениям, а потому на пути безудержного счастья, можно сказать, рухнули последние плотины.

Но внезапное открытие, что прямо в руки откуда ни возьмись падают непредвиденные блондинки, привнесло в его блаженство ложечку дегтя. Он знавал время, когда эти особы, попав в его объятия, подвергались нежному натиску и решительным уговорам, но все это имело место в досаллический период. Салли перевернула вверх дном его духовный кругозор. Стоило ему вспомнить о ней, как через его сознание пронеслась цепь душераздирающих реплик, которые бы она могла отпустить, узнай о том, какие тут творятся дела, а вслед за тем явилось более щадящее умозаключение, в соответствии с которым, находясь в Вэлли Филдс, она не сможет узнать, что они творятся, поскольку между этим пригородом и данным местом лежит расстояние в семь миль. А уж когда Долли обратилась к нему с приветствием и он понял, что держит не случайную незнакомку, которую вдруг обуял неодолимый порыв, а всего-навсего ближайшую свою соседку миссис Моллой, он пришел в себя окончательно. Отношения его с Долли близкими не были, однако их представил друг другу ее муж, они время от времени обменивались через забор пожеланиями приятного дня, и если уж ей суждено было споткнуться у его ног и уцепиться за него в поисках опоры, в этом решительно ничего такого не было, что могло бы вызвать укоризну даже у самой Эмили Пост.[26]

Итак, когда она произнесла: «А, вот и вы, здравствуйте, мистер Виджен», — он смог ответить с полнейшим самообладанием:

— А, вот и вы, здравствуйте, миссис Моллой. Приятно на вас вырулить.

— Вот именно, вырулить. Надеюсь, я вам хлястик на пальто не оторвала? А то я вроде подвернула лодыжку.

— Да, серьезно? Все эти высокие каблуки! Для меня загадка, как женщины на них ходят. Ну как вы, ничего?

— Ах, все в порядке, спасибо!

— Слабости или неприятных ощущений нет?

— Так, немного голова кружится.

— Вам не мешало бы чего-нибудь выпить.

— А вот это мысль. Я бы за милую душу.

— Можно вот здесь, — предложил Фредди, указывая на «Боллинджер-бар», поблизости от дверей которого им посчастливилось оказаться. — Самое приличное место, если верить cognoscenti.[27]

Быть может, тайные уголки его сознания, когда они заходили внутрь, и были омрачены червем сомнения из-за того, что он не препроводил свою подопечную в одну из многочисленных кофеен на Бондстрит, а вместо этого галантно увлек ее в заведение, в котором, как известно, за неразличимую на глаз капельку алкоголя сдирают с вас по три шкуры; да, быть может, но он сумел это скрыть. Рыцарский дух Видженов сам по себе оградил бы Фредди от неправого помышления, но когда оно все же прокралось к нему в душу, то было тут же изгнано напоминанием, что мужу именно этой дамы обязан обеспеченным будущим. Если человек по велению сердца вложил вам в карман несколько тысяч фунтов, а его супруга, идя по Бондстрит, едва не падает вам в руки, и теперь вся трепещет, то самое меньшее, что вам следует сделать, — это вернуть ей сияющий вид, угостив каким-нибудь испытанным средством, и вас не отпугнет, если при выборе она проявит склонность к коктейлям с шампанским.

Да, именно к ним тяготели пристрастия Долли Моллой, и, как Виджен, как джентльмен, Фредди мужественно перенес тяжесть удара на свой кошелек, которой такому обращению, вообще говоря, научен не был. Фредди нисколько не побледнел под слоем загара, когда она осушила первый бокал и поставила вопрос о втором. Манера, в которой он повел беседу, была верхом беспечности и раскованности.

— Занятно, что мы с вами так взяли и выскочили друг на друга. Что вы поделывали в этих краях? По магазинам бродили?

— Нет, просто гуляла. Я должна встретиться с мужем, мы обедаем в «Баррибо». Мы теперь там поселились.

— Правда? — произнес, напрягая внимание, Фредди. — Чудное местечко.

— Нн-ну. Сняли там очень комфортабельный номер.

— Все-таки есть разница с Вэлли Филдс. Вообще я был довольно удивлен, когда Корнелиус мне рассказал о вашем отъезде.

— Да, мне тоже кажется, что мы как-то резко сорвались, но это все из-

за Мыльного.

— В самом деле? А кто это — Мыльный?

— Я так зову мистера Моллоя. Это у нас с ним семейная шутка. Первый свой миллион он сделал на мыле.

— Понимаю. Действительно забавно, — сказал Фредди, которому приходилось на своем веку слышать и более нелепые нежности. — Зато вы никогда не отгадаете, кто сейчас занял этот дом.

— Его уже успели сдать заново?

— Оторвали с руками и ногами. Теперь там свила гнездышко одна ужасная знаменитость. Писательница Лейла Йорк.

— Да что вы говорите? А что это она переехала в Вэлли Филдс? Я тут как-то читала статью в газете, что она владеет пышным домом, которых так много у вас в Англии.

— Да, Клейнз Холл, в Луз Чиппингс. Это в Сассексе. Но у нее теперь возникла блажь написать роман о пригородной жизни. Вы ее читали?

— Нет. Я слышала всякие разговоры, но для меня это, по-моему, слишком слащаво. Мне нравится, когда кровищи побольше, и куча всяких китаез.

— Вот-вот, мне тоже. Но вы не знаете самого главного. Она меняет личину. Ее новый роман будет мрачным, угрюмым, одна нищета и беспросветность, в духе Джорджа не помню уже какого, и вот она прибыла в Вэлли Филдс, чтобы впитать в себя, как это у них называется, местный колорит. Я-то думаю, она сваляла дурочку. Обычно ее хлам продается в несметных количествах, а до этой штуки, полагаю, охотников вообще не найдется. Ну, как бы там ни было, у нее теперь пунктик — писать глубокие и мрачные вещи, и она настроена биться до конца.

— А издатели лай не поднимут?

— Поднимут, и еще какой! А уж бедный Пуфик! Пятьдесят семь раз будет за ночь просыпаться. Очень много в дело вложил, а без денег он задыхается, как акула на свежем воздухе.

— Пуфик?

— Личность, которая ходит в тот же клуб, что и я. По фамилии Проссер.

— Проссер? Слыхали, слыхали. Ведь это у миссис Проссер на днях стащили украшения?

— Совершенно верно. Это Пуфикова жена. На секунду отвернулась, а когда хватилась, камушков уже нет.

— Я об этом в газетах прочла. Они думают на горничную?

— Да, кажется. Когда поднялся шум и крик, она исчезла.

— Ну и я тоже должна исчезнуть, не то опоздаю на ланч, а Мыльный не любит, когда долго не ест.

— Я вас посажу в такси, — ответствовал Фредди, испытывая громадное облегчение оттого, что ему не придется более смотреть на уходящие в бездну потоки шампанского.

Он посадил даму в такси, и она укатила, махнув ему на прощание своей точеной ручкой. Фредди радушно помахал ей в ответ, и подивился тому, до чего же замечательная особа эта миссис Моллой, даже пожалел было, что не так часто встречал ее в то время, когда она жила в «Приусадебном мирке», но праздное размышление было прервано совсем близкими звуками сопрано, в котором были вкраплены по-дурному звонкие нотки.

— Бригхэм Янг,[28] если не ошибаюсь? — пропело сопрано, и он подскочил вверх на шесть дюймов. Позади него стояла Салли, и он не замедлил отметить, что глаза ее заволокло той недвусмысленной пеленой, которая всегда заволакивает глаза идеалисток, как только им доводится увидеть, как их суженые подсаживают в такси блондинок и машут тем вслед с чрезмерным воодушевлением.

— Боже мой, Салли! — сказал он. — Я из-за тебя вздрогнул.

— Что ж, понять можно.

— Каким ветром тебя сюда занесло?

— У меня была встреча с редакторами Лейлы Йорк по поводу новых планов. У них здесь, за углом — контора. Разве вопли сюда не долетали? Да, так кто же…

— Не понял. Ты о чем говоришь?

— Тебе легче будет, если скажу я? Ну хорошо. Кто эта женщина, с которой вы тут прогуливались?

— То есть, случайно встретились?

— Хорошо, встретились?

Если вы — жених, и жених молодой, вы, угодив в подобные обстоятельства, должны испытать ни с чем не сравнимый прилив сил, когда вспомните, что у вас наготове — правдивая история, в которой даже самый въедливый критик не найдет слабого местечка. Там, где юноша с менее счастливым уделом стал бы шаркать ногами и натужно мямлить фразы, которые начинаются с «во-от», Фредди был стоек и прямодушен; голос его, когда он заговорил, звучал не менее чисто и ровно, чем голос мистера Корнелиуса, декламирующего любимый отрывок из поэмы сэра Вальтера Скотта.

— Это миссис Моллой.

— А, новенькая!

Фредди взял холодноватый и чуточку надменный тон.

— Если я правильно представляю себе, что ты хочешь этим сказать, — а я представляю это правильно, — то ты сейчас пробьешь далеко в сторону от ворот, и тебя будут утешать товарищи по команде. Переломи тенденцию прислушиваться к тому, что диктует тебе больное воображение, а то ты вечно что-нибудь брякнешь, а потом начнутся муки совести. Тебе не приходилось видеть альпийские снега?

— Я их очень хорошо представляю.

— Так вот, я чист, как альпийский снег. А миссис Моллой, — я хотел это сказать, но ты меня перебила, — никто иная, как жена Томаса Дж. Моллоя. Он проживал в «Приусадебном мирке» до той поры, пока им не завладела мисс Йорк. Миссис Моллой шла но улице и подвернула лодыжку…

— И на счастье, тут же подвернулся ты.

— Я не подвернулся. То есть не в этом смысле! Если ты соблаговолишь буквально на полминутки сомкнуть свои нежные уста, я разъясню тебе смысл произошедшего и сделаю это по возможности полно. Я вовсе с ней не разгуливал, как раз наоборот, я гулял сам по себе, что вполне характерно для этой улицы, а она — сама по себе, что также вполне характерно, да, мы гуляли совершенно автономно и независимо, и вот тут-то она подвернула лодыжку, о чем я уже упоминал. Я увидел, что она споткнулась — я двигался сзади от нее — и, вполне естественно, подхватил ее.

— Так-так…

— При чем здесь «так-так»? Если женщина, которой вас в недалеком прошлом представил ее муж, на ваших глазах едва не летит вверх тормашками, вам незачем раздумывать, вы можете смело подать ей руку. Таковы законы рыцарской чести. Поэтому, обвиняя меня в вольностях посреди Бондстрит, ты тем самым, — надеюсь, ты согласна, — порешь вздор, несешь чушь и лепишь галиматью.

— Я не обвиняла тебя в вольностях.

— Но собиралась это сделать. Ну так вот, я ее подхватил, и мне пришло в голову, что после такой неприятности она может испытывать некоторое недомогание. Я пригласил ее в «Боллинджер», чтобы вернуть ей нормальное кровообращение. Но, — продолжал с чувством Фредди, — в этой собачьей забегаловке заряжают так, что все волосы на голове увянут и засохнут. Когда явился официант и сообщил мне скорбную весть, у меня, например, на минуту поплыли круги перед глазами. Я решил, что он….

— Но расходы себя оправдали?

— Ты о чем это?

— Да так, ни о чем.

— Надеюсь. Мне не доставляет удовольствия кидаться огромными деньгами, которых у меня, в сущности, нет, чтобы поить шампанским едва знакомых женщин.

— Тогда зачем ты это сделал?

После этих слов у Фредди заныло сердце, стоило ему представить себе, насколько же глупый вид через пятьдесят секунд будет у этой недотепы. Да, вряд ли полноценный мужчина охотно повергнет любимую женщину в омут смущения и замешательства, показав ей со всей определенностью, что она вела себя, как ничтожная овца, со всеми своими нелепыми подозрениями и намеками на Бригхэма Янга, — и тем не менее иногда это делать необходимо. Иногда нужно навести порядок. Он придушил в себе жалость и заговорил:

— Я тебе скажу, почему я это сделал. Я сделал это потому, что чрезвычайно многим обязан ее мужу, Томасу Дж. Моллою, который не так давно, исключительно по велению сердца, уступил мне нефтяную акцию одного концерна, которую весьма скоро я смогу сбыть за десять тысяч фунтов.

— Фредди!

— Можно и «Фредди!» крикнуть. Умно, но не чересчур. Да, таковы факты, и я считаю, что раз уж Моллой обошелся со мной так благородно, то самое меньшее, чем бы я мог ему ответить, это отвести его пострадавшую жену в «Боллинджер», велеть человеку за стойкой хорошенько ей впрыснуть и не дрожать, если коктейль с шампанским немало стоит. Да, она грохнула парочку, и был момент, когда я решил, что она собирается заказать по-третьему.

Он не ошибся в своем предположении, что, открывая глаза на истину, сумеет добиться сильного эффекта.

— Мамочка! — сказала Салли.

— Десять тысяч *фунтов!* — сказала Салли.

— Ой, *Фредди!* — сказала Салли.

Он наращивал свое превосходство с настырностью хорошего полководца.

— Теперь, полагаю, тебе ясно, почему я заговорил об альпийском снеге.

— Ну конечно!

— Подозрений больше не будет?

— Исключаются.

— Мир и любовь?

— Они самые.

— Ну тогда давай зарулим в какую-нибудь дешевую богадельню, и я тебя угощу. А пока будем пировать, расскажу тебе про страну Кению и про то, почему тамошнюю кофейную индустрию ждет невиданная удача.

Роль смыслового ударения в заключительной тираде принадлежала прилагательному «дешевый», из чего следует, что в качестве места для трапезы он выбрал не «Баррибо». Поступи он так, они бы, пожалуй, заметили сидящих за столиком у стены мистера и миссис Моллой, и от их взгляда не ускользнуло бы, что последняя пребывает в приподнятом настроении. Долли, успевшая за семгой ввергнуть мужа в уныние отчетом о своих мытарствах в Вэлли Филдс, к появлению заливной курицы приурочила размораживание супруга.

— Все идет нормально, Мыльный, — говорила она. — Все в порядке.

— Да неужели? — огрызнулся мистер Моллой. История, которую ему пришлось выслушать, обратила семгу в пепел, и ничего лучшего, чем заливная курица, от жизни он уже не ждал.

— Ты послушай! На обратной дороге, на Бондстрит, я повстречала Виджена, и он мне подбросил одну идейку. Ты ведь Йорчиху знаешь.

Мыльного передернуло.

— Встречались, — глухо вымолвил он.

— Я хочу сказать, ты ведь знаешь, какую она муру сочиняет?

— Понятия не имею. Кто я, по-твоему, — книжный червь, что ли?

— Так вот, это всякие сю-сю-сю да ухти-тухти. Раскупают, как хот-доги на Кони-Айленд. У нее миллион фанатов и здесь, и в Америке, но я-то думаю, что она своей бурдой с маринадом по уши наелась, потому что следующую книжку хочет сделать, это, беспросветной, мне Виджен сказал. Мрачной такой…

— Ну и что? — с прежней угрюмостью обронил мистер Моллой.

— Как, что, разве нас это не касается? На это клюнет куча народа, правильно я говорю? Так что «Тайм» или «Ньюсуик», то есть какой-нибудь американский журнал, у которого в Лондоне есть офис, позвонит ей и скажет, что пришлет к ней одну из своих теток, которая выяснит, чего ради она так переключилась. Ну и вот, приходит тетка в этот «Мирок», расспрашивает Йорчиху, какого хрена с ней стряслось, а потом говорит, что нужно сделать несколько фотографий, в том числе — спальни, по той причине, что читатель их очень любит. И все, проникаем внутрь!

Мистер Моллой, как уже отмечалось, был не то чтобы очень

сообразительным, — кроме случаев, затрагивающих круг его профессиональных интересов, — но и он ясно увидел, как много истины содержат эти слова. Поднося ко рту кусочек курицы, он вдруг оцепенел, держа вилку наперевес. Былая угрюмость бесследно улетучилась.

— Ластонька, — проговорил он, — мне кажется, это мысль.

— Вот-вот, повтори-ка еще раз. Вроде не должно быть никакого прокола. Позвоню ей после ланча и договорюсь, как встретиться.

Тут мистеру Моллою привиделась одна неувязочка.

— Так ведь у тебя же нет фотоаппарата?

— Ерунда, — ответила Долли. — Захвачу вечерком в «Сел-фридже».

12

Угощая Салли запеканкой с мясом и печеными яблоками в знакомом ему пабе, который оказался за ближайшим углом, Фредди прибегнул к режиму строжайшей секретности, то есть подошел к вопросу о концерне так же, как мистер Моллой, когда почти даром отдавал ему свою акцию. Мистер Моллой, пояснил он, планирует скупить все сверхдоходные акции и, что вполне естественно, хотел бы удержать их стоимость на прежнем уровне, а это было бы невозможно, если бы все вокруг начали трещать и судачить о том, какая это сногсшибательная штука. Принцип здесь тот же, говорил он, что и на бегах, когда тебе сообщают тайные сведения и велят молчать, чтобы не срезать ставки. Высказывая эту мысль, он испытал мимолетное чувство вины, вспомнив, что сам же отступил от этого курса, когда недавно беседовал с мистером Корнелиусом; но уж теперь волноваться об этом было поздно, да и, с другой стороны, человека, с головой погруженного в недвижимость и кроликов, вряд ли бы заинтересовала такая новость.

Вот почему, встретившись с Лейлой Йорк и тронувшись в путь по направлению к дому, Салли завела речь не о грядущих десяти тысячах фунтах, а о мероприятии клуба «Перо и чернила» и выступлении своей госпожи.

— Ну как, все обошлось? — спросила она. — Вы были в голосе?

— Да, вполне.

— И что вы им сказали?

— Наговорила обычную галиматью.

— Много ли явилось чудищ?

— Не меньше миллиона.

— А как их шляпки?

— Не поддаются описанию.

Вопросы, судя по всему, не находили желанного отклика, но Салли еще пыталась завязать беседу:

— Я была у мистера Сэксби.

— В самом деле?

— Ушла, когда он начал набирать номер мистера Проссера, желая сообщить ему дурные известия.

— Ах, вот как? — сказала Лейла Йорк и снова умолкла, на сей раз уже до конца поездки.

Салли ставила на место машину и размышляла об этом необычайнейшем явлении. Такие чудеса замкнутости были совершенно не в духе ее говорливой работодательницы. Конечно, можно допустить, что это нормальный спад, наступивший после длительного общения с дамами, но чувствовалось, что дело обстоит не так просто. Даже после двухчасового свидания с участницами клуба «Перо и чернила» Лейла Йорк должна была выглядеть как-то посвежее.

Тут явилась мысль, что сейчас в самый раз сгодилась бы чашечка крепкого чаю. Салли не приходилось бывать на литературных утренниках, но знакомые уверяли, что вся, так сказать, материальная пища (не путать с интеллектуальной) представляет собой слегка подогретый грейпфрут с засунутой внутрь вишней, нечто вроде рубленой курятины, внедренной в размякшее тесто, и печеную грушу. Следовательно, уныние Лейлы Йорк вызвано недоеданием, и причина эта устранима с помощью чая и поджаренных булочек с маслом. Салли заготовила спасительные снадобья, разложила их на подносе и отнесла в сад, где в это время находилась мисс Йорк, взиравшая перед собой тем самым взглядом, который в своих собственных книгах она охотно нарекала *невидящим.*

Безропотная вялость, с которой она приняла угощение, побудила Салли заговорить с ней. За месяцы, проведенные в Клейнз Холл, она всей душой привязалась к Лейле Йорк и уж никак не могла смириться с тем, что та пребывает в упадке.

— Что все-таки стряслось? — отрывисто спросила она.

Салли понимала, что ее могут одернуть. Немудрено представить себе, как при подобном обращении со стороны какой-то секретарши вздымается надменная бровь и звучит холодно: «Не поняла». Однако вопрос пришелся впору, писательница уже испытывала потребность облегчить душу. Видно, есть что-то такое в грейпфрутах с вишней, рубленой курятине и печеных грушах, что расщепляет сдержанность и взывает к простой

доверительности. Мисс Йорк не стала поднимать брови. Она ответила Салли так, как отвечает довольный вопросом человек.

— Я страдаю из-за Джо.

Салли уже знала, что Джо — загадочный муж Лейлы, лишившийся этого звания несколько лет назад. С тех пор, как Салли заступила на пост, ей неоднократно случалось выслушивать упоминания этого имени, и ее частенько занимало, что же он за птица. Обычно она представляла его крупным мужчиной весьма значительной наружности, с пронизывающим взглядом и бравыми усищами, поскольку не могла и помыслить, что для столь тяжкого супружества может сгодиться что-либо меньше похожее на упыря. Да-да, громадный, с пронизывающим взором, могучий и, во всяком случае, немногословный. Другой человек никогда не смог бы жениться на такой речистой особе, как Лейла Йорк.

— Что вы говорите? — выдавила из себя Салли. Едва ли то была реплика к месту, а, впрочем, собеседница с готовностью на нее откликнулась.

— Я сегодня его видела.

На сей раз ответ у Салли получился еще короче. Она сказала:.

— Ну?!

— Да, — подтвердила Лейла Йорк. — Он там был. Совершенно не изменился. Не считая того, — вспомнила она, — что у него наметилась лысина. Я ему всегда говорила, что он дождется лысины, если не будет каждый день делать особую гимнастику.

Салли оставила без комментариев сообщение о лысине. Вместо этого она изо всех сил задержала дыхание.

— Здорово меня тряхануло, когда я его вдруг увидела.

В этой точке беседы Салли себя решительно осадила, ей не стоило выражать изумления. Молчать гораздо разумнее. Впереди маячила исповедь об одинокой постели, а благоразумный человек такие исповеди не прерывает.

— Не видела его три года. Он тогда жил у матери. Любопытство Салли все распалялось. Значит, Джо ушел к матери. Интересно! Салли слышала о том, что с женами это случается повсеместно, а с мужьями — несколько реже. Созданный ею образ начал неумолимо комкаться. Тот, первоначальный Джо просто обязан был взять винтовку и уйти в Скалистые горы отстреливать свирепых гризли.

— А мать-то какова! — неожиданно вскричала мисс Йорк. — Змеи!

— Змеи? — удивленно переспросила Салли. Она почувствовала, что само по себе упоминание беспозвоночных едва ли бросает свет на истину,

и ей захотелось, чтобы тема получила некоторое развитие. Что это не просто восклицание, сомнений у нее не возникло. Испытывая известный подъем чувств, женщина способна возопить и «Змея!», и «Гадюка!», и даже «Кобра!», но не во множественном числе.

— Они у нее жили, — пояснила мисс Йорк. — Она играла в пьеске «Герпина, королева змей» и выносила их с собой на сцену. В тех исключительных случаях, — с горчинкой добавила она, — когда эту сцену получала… Я вам когда-нибудь рассказывала, Салли, о своем браке?

— Нет-нет, никогда. То есть, мне, конечно, известно, что вы были замужем.

— А вам бы понравился Джо. Он всем нравился. Я его любила. Беда его в том, что он очень, очень слаб… Чистой воды кролик, который и на гуся топнуть побоится.

Отметив про себя, что кроликов, способных в наше время топнуть лапой на гуся, остались считанные единицы, Салли не поделилась своим наблюдением с патронессой. Она вообще браковала негодные плоды воображения.

— И вот, когда его мать в очередной раз *отдыхала*, она вдруг заявила, что не прочь переехать к нам, а у него язык не повернулся сказать, что это не вполне уместно, а точнее — кое-кого просто кондратий хватит, как только она переступит ногой порог. Отличная мысль, ответил он. А поскольку мне во всем признаться он тоже не решился, для меня началась новая жизнь. Я вернулась домой, вся разбитая после кошмарного рабочего дня — я тогда марала в вечерних газетенках разную слюнявую галиматью, — и вдруг увидела ее в своем дорогом, любимом кресле. Прихлебывает чаек и треплет своих змей по загривку. Недурная встреча в родных пенатах, говорю я Джо, когда отвела его в сторонку. И тут у него совести хватило сказать мне: «Понимаешь, я вечно на своих гастролях, и ей будет приятно, что рядом живой человек».

— Он — актер?

— Ну, что-то в этом духе. В Вест-Энде он так ничего и не добился, но в провинции дела шли неплохо, он постоянно получал главные роли в разных постановках для юношества. Так вот, когда дома у меня окопалась его мать со своими змеями, я и принялась вовсю раскручиваться, — загадочно промолвила мисс Йорк.

Салли сморгнула.

— Что вы хотите этим сказать?

— То, что вы слышали. Если человек пишет для периодики, он обязательно хочет состряпать роман, и ждет, когда у него выдастся

свободное время. А я уже давно подумывала, как бы чего-нибудь сварганить, потому что, если вы пишете слюнявые заметки, у вас скапливаются горы бесценного материала. Тогда я и поняла, что настал мой час. Вместо того чтобы вечера напролет слушать рассказы об оглушительных успехах и о зависти бездарных знаменитостей, которые помешали ангажементу в Лондоне, я заперлась у себя комнате и написала первый роман. Он назывался «Вереск на холмах». Читали?

— Да, конечно.

— Муть несусветная, но ее взяли «Попгуд и Грули», она неплохо разошлась, и тогда они отослали гранки в Нью-Йорк для «Братьев Синглтон», а уж те книжки лепят, словно сосиски. Им дела нет, из чего лепить, набралось бы восемьдесят тысяч слов. Засыпали они все это в сосисочный автомат, повернули рычажок, и мой благоухающий жмых ходил у них потом в фаворитах сезона. Что называется, бестселлер. Пригласили меня в Нью-Йорк, чтобы помочь, — реклама, автографы, и прочее в этом духе. А Джо как раз был на своих гастролях, ему оставалось объехать еще с полдюжины мест. Мне казалось, что я уеду на две-три недели. Ну, а там выяснилось, что по этой чертовой книжонке захотели ставить фильм, и пришлось перебираться в Голливуд и работать над сценарием. Через два месяца высылаю Джо пять тысяч долларов и пишу, что мероприятие грозит затянуться, а потому надо взять и приехать ко мне. И что ж вы думаете?

— Что?

— Пишет мне в ответ, что очень благодарен за пять тысяч, но приехать он не может, мамаше трудно жить одной! У нее сердцебиение, то да се. Тут я вошла в раж, да и наломала сгоряча дров. Сегодня считаю свой поступок неправильным, а тогда я сказала себе: «Ладно-ладно, Джо! Тебе, значит, и без меня неплохо, ну а мне без тебя — и подавно!» Провела в Америке безвылазно четыре года. К тому времени мы оба уже принимали как должное, что супружеству нашему — каюк.

— Но вы же не получали развода?

— Да мне и в голову не приходило. Я создана для одного-единственного мужчины. После Джо замуж я уже не соберусь. Я просто пустила все на самотек. Три года назад я встретила его случайно на улице, мы с ним немножко поболтали. Спросила, как у него с деньгами, он говорит — все в порядке. Написал пьесу, ее возят по городам. Я ему пожелала успехов, он мне пожелал успехов, потом я спросила насчет матери, и он мне рассказывает, что живут они все так же вместе, и змеи тоже там, никуда не делись. Здорово, говорю, — а потом убежала домой и

проревела всю ночь.

С огромным усилием Салли отважилась нарушить наступившее молчание:

— И сегодня вы снова с ним повстречались?..

— Ну да, — сказала Лейла Йорк. — Он был официантом на этом утреннике.

Салли ахнула.

— Официантом?!

— Да-да, официантом. Они по такому случаю всегда набирают официантов со стороны, и он был одним из них.

— Но ведь это же, наверное, означает…

— Что он разорился до нитки? Разумеется, и мне надо будет срочно его разыскать. Ну а как, трам-та-ра-рам, его искать?! Бегать, высунув язык, по всему Лондону?

Пока они ломали голову над этой задачей, в доме зазвонил телефон.

— Сделайте одолжение, Салли, пойдите, поднимите трубку, — теряя силы, произнесла Лейла Йорк. — Если это опять Корнелиус, скажите, что меня больше нет, я умерла.

— Это кто-то из «Тайм», — сказала, возвратившись, Салли. — Хотят получить у вас интервью по поводу новой книжки.

— Скажите им, пусть берут интервью у… Ладно, не стоит. Мужчина или женщина?

— Женщина.

— Хрен с ней. Скажите этой пиявке, чтобы была здесь завтра в пять, — сказала Лейла Йорк. — Все-таки, целые сутки! Может, к тому времени ее переедет грузовик или автобус.

13

Для кузена Джорджа четверг складывался удачно. Свесившись через ограду, проходящую по линии «Бухта» — «Мирная гавань», он не только уговорил мистера Корнелиуса приобрести пару пятишиллинговых билетов на грядущий концерт, но и завладел с помощью соседа важной информацией. В «Приусадебном мирке» поселилась знаменитая писательница. Услыхав такую весть, он встряхнулся и приосанился, словно то был звук полицейского свистка. Ведь ни для кого не секрет, что даже самые ошеломляющие грезы не в силах дать точного представления о том, насколько богатой может быть женщина, если она — знаменитая

писательница, и потому, полагал он, если найти верный подход к этой даме, да еще постараться вытянуть бархатную ноту, успех предприятию обеспечен. Вследствие этого до начала обхода он несколько раз прошелся щеткой по своему мундиру, легонько обронил «Э-хе-хе…» и загромыхал в своих казенных ботинках по направлению к «Мирку».

Увидав в дверях Салли, он замер, не в силах совладать с восхищением. Сам он был помолвлен с очаровательной девушкой, делопроизводящей в конторе одного пароходства, некоей мисс Дженнифер Тиббегг, и внешность особ одного с нею пола, коль скоро они ему изредка встречались, вызывала у него любопытство сугубо академического свойства, однако, умея смотреть в глаза правде, он отдавал себе отчет в том, что дверь ему отворила дивная фея. Разве можно было не прийти в восторг при виде прелестной точеной фигурки, чуть вздернутого носика, отливающих бронзой волос, голубых глаз, смотревших прямо на него? Если уж речь зашла о глазах, ему показалось, будто они переливаются (такое сравнение!), как две яркие звездочки, й он оказался прав. Салли, которая в то время готовила для мисс Йорк завтрак, мыслями унеслась к Фредди и предалась созерцанию своих чувств. От этого всегда появляется особый блеск во взоре.

— О, здравствуйте, — сказал он. — То есть, доброе утро.

Приняв во внимание самый характер темы, слишком священной, чтобы обсуждать ее с кузеном, тем более — с таким кузеном, который, как ему доподлинно известно, выслушав сердечные излияния, дико хохочет, приняв все это во внимание, Фредди так ничего и не рассказал Джорджу о Салли. Очень уж ему не хотелось, чтобы идиллию высмеяли, а внутренний голос подсказывал, что этого во всяком случае не миновать, узнай Джордж о том, что он, Фредди, наконец-то встретил в своей жизни *ее*. Тесно связанный с последним из Вidженов еще с детских лет, Джордж был сполна осведомлен о непродолжительности его увлечений. И — пусть сама Салли об этом никогда и не вспомнит — если уж на то пошло, не кто иной, как Джордж на одной злополучной вечеринке изрек ту самую максиму насчет Пиккадилли и Гайд-парка, которая лишила ее покоя.

Всеми сведениями о Салли Джордж был обязан мистеру Корнелиусу; говоря точнее, он знал, что мисс Йорк сошла с небес и ступила в Вэлли Филдс, имея при себе секретаршу. Весьма миловидная девушка, сказал агент по недвижимости, что Джорджу, нещадно пожиравшему ее очами, казалось неслыханным плоскоумием. С его точки зрения, она была явным лидером в номинации, и он уж представлял себе, как Фредди, едва завидев ее на горизонте, подтянет галстук, стрельнет манжетами и, подобно

упомянутому выше коню, издаст голос: «Гу! гу!» при трубном звуке.

— Прошу вас, — возобновил беседу Джордж, — взгляните снисходительно на это беспардонное вторжение. Я тут рядом живу и подумал, что на правах соседа могу заглянуть к вам на часок, посидеть немного…

— Вот как? — и Салли озарилась улыбкой такого калибра, что не будь его сердце одето в броню нерушимой любви к мисс Тиббетт, улыбка эта прошла бы через него как пуля сквозь бланманже. Но поскольку броня была, как всегда, на месте, он лишь слегка качнулся взад-вперед. — А вы — двоюродный брат Фредди, полицейский. Он мне о вас рассказывал.

Проворство родича ввергло Джорджа в благоговейный ужас. Да, ему ли не знать, что, как человек дела, никаких антимоний в отношениях с прекрасным полом Фредди разводить не станет; однако, успев не только познакомиться, но и оказавшись на столь короткой ноге с девицей, которая здесь и суток-то не побыла, он, по мнению Джорджа, превзошел самого себя. Уже, видите ли, «Фредди»! Мастер, иначе не скажешь. Сам он недели через три мог бы узнать фамилию. Ах, что там, у Фредди — талант, а у него — рожки да ножки!..

— Да, действительно, — сказал он. — Прекрасный человек, этот Фредди. Всегда мне напоминает такого, знаете, юношу, который скачет по сцене с ракеткой в начале пьесы и зазывает: «А не покидать ли нам шарик?»

Салли сдвинула брови.

— Ничего подобного. Он совсем другой.

По тому, как твердо это высказано, Джорджу стало ясно, что шутка его плоха. Надо было спешно исправлять ее.

— Да я просто хотел сказать, что он не такой пеликанище, как я. Фредди — птичка юркая, ловкая, если хотите, изящная.

— Тут вы правы.

— Можно сказать, быстрокрылая.

— Да, пожалуй.

— Вот и замечательно, — прохрипел Джордж. — Итак, Фредди у нас быстрокрылый. Теперь, поскольку мне нужно прямо сейчас исчезнуть, чтобы преградить путь местной волне преступлений, нельзя ли минутки на две заглянуть к мисс Лейле Йорк?

— Она еще не вставала, завтракает в постели. Вы хотите ей что-нибудь передать?

Джордж почесал подбородок.

— Ну что ж, можно и так, — сказал он, колеблясь, — но вообще-то я

надеялся заявиться к ней лично, чтобы сразить силой обаяния. Дело в том, что я пытаюсь распространять билеты на ежегодный концерт в пользу сиротского приюта, который должен следующим месяцем состояться в нашем клубе на Огилви-стрит, и шансы мои неизмеримо выше, если мне удается лично потеребить будущего зрителя за пуговицу и пропеть ему, — или, в данном случае, ей, — что надо поддержать благотворительную организацию, которая не только заслуживает всяческого уважения сама по себе, но и связана с учреждением, коему он, — вернее, она, — как домохозяйка, первой, судя по всему, категории, испытывает горячую признательность за собственную безопасность и спокойствие родного очага. В сущности, это только вступление. Как будет развиваться тема, вы уже представляете.

— В общем, да. Вы сами все это сочинили?

— Боже упаси! Либретто написано отцами-командирами, а нам приказано знать его наизусть. В эти самые минуты сотни моих коллег в Вэлли Филдс и примыкающих к нему окрестностях излагают его этому почетному сословию.

— Жаль, что каждого не услышишь! А концерт будет хороший?

— Феерический.

— И почем билеты?

— Цены на них колеблются. Так, пятишиллинговый обойдется вам в пять шиллингов, место за полукрону — в полкроны, двухшиллинговый билет будет вам стоить…

— Два шиллинга?

— Поразительно! — воскликнул Джордж, взирая на нее с пущим восторгом, словно немало потрясен таким блистательным сочетанием ума и красоты. — Шиллинг за билет по шиллингу, шестипенсовик — за шестипенсовый. Причем последние я вам категорически не рекомендую, поскольку за такие деньги вам достанутся только стоячие места, а они традиционно заполняются отвергнутой, обездоленной чернью, которая не может позволить себе лишних расходов. Тем временем Салли осенило откровение.

— А ведь вы истинный златоуст, — сказала она.

— Не спорю, — ответил Джордж.

— Говорите вы не хуже Фредди!

— Осмелюсь доложить, лучше. Ну что ж, будьте так добры, доползите до мисс Йорк, попробуйте довести ее до пятишиллинговой кондиции. Столь заметная особа не может занять место дальше третьего ряда.

Салли поднялась наверх. Лейла Йорк попивала чай маленькими

глоточками и вид имела довольно пасмурный.

— Мне кажется, кто-то звонил в дверь, — произнесла она.

— Да, пришел один посетитель.

— Корнелиус?

— На этот раз нет. Это двоюродный брат Фредди, Джордж. Полицейский. Продает билеты на концерт в помощь сиротскому приюту.

— Ага, опять поборы?

— По весьма умеренной цене. Вы можете отделаться десяткой. И поддержите заодно благотворительную организацию, которая не только заслуживает всяческого уважения сама по себе…

— Ну-ну, довольно. Посмотрите у меня в сумке. На туалетном столике.

Лейла Йорк, до сих пор отпускавшая вялые реплики, внезапно села в постели и заговорила взволнованным голосом:

— Вы говорите, этот тип — полицейский?

— При полном параде — в шлеме и уставных ботинках. А что?

— Не может ли он просветить нас насчет частного сыска?

— Так вы собираетесь…

— Заняться розысками Джо. Спуститесь к нему и узнайте, кого он готов порекомендовать для такой работы.

Мысль, конечно, была неплохая, но все-таки показалась Салли не вполне блестящей.

— А вы уверены, что частный детектив здесь чем-то поможет? Я знаю, они могут навести справки или как там это называется, но вы-то, по-моему, хотите, чтобы они нашли иголку в стоге сена.

— Знаете, для того и существуют на свете частные сыщики. Пойдите и спросите его. Я должна найти Джо, а сделать это можно только таким образом.

— Наверно, вы правы, — согласилась Салли и вернулась к крыльцу, на котором, похожий на большую, выкрашенную в синее статую, одиноко возвышался Джордж, начисто лишенный предмета для раздумий, если только не предположить, как в сущности и следует, что думал он о мисс Дженнифер Тиббетт. Прикосновение руки и обращение: «Вы слушаете?» — вывело его из комы, и в глазах его полыхнул огонек надежды.

— Что, есть успехи?

— Два по пятерке.

— Вы просто чудо! Наверное, была страшная борьба. Вам не пришлось заламывать ей за спину руки?

— Да нет, она у нас доброхотно дающая.[29] Честное слово, вполне

доброхотно. Сейчас, правда, она удручена тем, что потеряла мужа.

Джордж поцокал языком в знак сочувствия.

— Это нехорошо. Любую женщину расстроит. А ведь всем нам когда-то придется уйти. Плоть — как трава,[30] ничего не попишешь.

— Да нет, он не умер, он просто — официант на приработках.

— Наверное, я опять вас не понял. Кто он?

Салли познакомила его с создавшимся положением, Джордж промолвил «Теперь понятно» и немного погодя добавил, что с первого раза не вполне уловил суть.

— И она просила меня спросить у вас, — сказала Салли, — не знаете ли вы какого-нибудь частного сыщика.

— Вы хотите сказать, шпика?

— Да, именно.

— Нет, не знаю, и знать не хочу. Довольно гнусные субчики, судя по тому, что я о них слышал. Охотятся за мужьями и за женами, а потом выколачивают нужные показания. Мы в Управлении их на дух не переносим. Значит, мисс Йорк хочет нанять шпика, чтобы он нашел ее мужа?

— Да.

— Любой шпик Богу душу отдаст с таким заданием!

— Я ей так и сказала.

— Нельзя же искать иголку в стоге сена.

— И это говорила.

— Хотел бы вам чем-нибудь помочь. Пожалуй, прежде всего ей следует поговорить с адвокатом.

— А, верно! Адвокат ведь, скорее всего, знает целую свору частных сыщиков.

— И я так думаю. У адвокатов всегда найдется уйма грязной работенки — и бумажки украсть у соперников, и наследничков похитить, и завещаньице к рукам прибрать, да и сжечь потом; ну, много всякого. Так что вы теперь летите к ней, выложите все, как есть. Я, если только позволите, должен идти на дежурство, а то одному Богу известно, что наделают в мое отсутствие обитатели Вэлли Филдс. Ужасно приятно было с вами поболтать.

Салли же вернулась к Лейле Йорк, которая к тому времени покончила с завтраком и теперь попыхивала мягкой сигаретой.

— Он сказал, что сам сыщиков не знает, но адвокатам они известны.

— А если нет?

— По-моему, надо попробовать.

— Да, наверное. Хорошо, поезжайте к Джонни Шусмиту и поговорите с ним.

— Отлично. Только я бы дождалась второй половины дня. В городе нужно переделать кучу дел, а если я не сготовлю для вас ланч, вы опять попытаетесь нажарить себе котлет и будете есть обугленные черенки. Помните, в прошлый раз? Ума не приложу, как вы умудрились не научиться готовить! В период, так сказать, слюнявых заметочек вам не приходилось самой себе стряпать?

— Кому, мне? Вы говорите о времени, когда я была молоденькая и хорошенькая, так что мужчины, чтоб меня покормить, в очереди записывались! Дядя вашего Фредди, Родни, один готов был выдержать шесть-семь обедов в неделю. А уж когда я была замужем, стряпней занимался Джо. Он мог и суп из сапога сварить, сокровище мое. У нас была небольшая квартирка на улице Принца Уэльского в Бэттерси,[31] и каждую ночь…

В глазах Лейлы Йорк заблестели слезы, и Салли поспешно покинула комнату. Подхватив мешок для покупок, она вышла на Малбери Гроув и увидела на своем пути Джорджа. Тот закрывал ворота «Мирной гавани». Он решил чуть отложить схватку с преступным элементом, чтобы зайти домой и захватить пачку сигарет, из которой рассчитывал выкуривать по одной, а то и по две штучки в те минуты, когда будет недосягаемым для сержантского ока.

— Привет, — сказал он. — Опять мы вместе.

— Опять, — ответила Салли. — Иду в магазин. О, кстати, вас вчера здесь ждали. Вы встретились?

Джордж посмотрел на нее настороженно.

— А кто меня ждал?

— Я только успела мельком взглянуть, когда выезжала на машине. Такая стройненькая, миловидная девушка. Стояла, прислонившись к воротам «Мирной гавани».

Джордж все понял.

— О! А, да-да-да. Знаю, о ком вы говорите. Мыс ней повстречались и поболтали о том, о сем. Только она не меня поджидала, а Фредди. Я-то ее видел впервые в жизни. Ну ладно, всего хорошего, — произнес Джордж и, браво взяв под козырек, зашагал своей дорогой.

День, который так удачно обернулся для кузена Джорджа, для мистера Шусмита, адвоката (Линкольнз Инн Филдс), как-то сразу не задался. К завтраку всегда столь бдительная кухарка подала ему яйца, которые, судя по всему, целую минуту до того бесцельно пролежали на блюдце, и, не довольствуясь этим не то деянием, не то проступком, она же, поджаривая булочки, довела их до уровня полной несъедобности. А во время обеда у себя в клубе «Демосфен» он был загнан в угол старикашкой Лукасом-Гором, который, стоило ввязаться с ним в разговор, путаясь и сбиваясь, мямлил блеющим голоском анекдоты про Генри Джеймса,[32] к которому маститый адвокат всегда питал весьма умеренный интерес. Ближе ко второй половине дня погода установилась душная, предгрозовая, вот-вот должны были громыхнуть первые раскаты. А в четыре часа явилась секретарша Лейлы Йорк и начала ему что-то плести о частном сыске.

Семена здорового ужаса перед Лейлой Йорк, которые смолоду дали всходы в его душе, не позволили ему, как хотелось, выпроводить девицу за дверь, но он приложил все усилия, чтобы избавиться от нее как можно быстрее. Но вот, едва она исчезла, как в кабинет вошла его дочь Миртл, застав его в то мгновение, когда он, казалось бы, выкроил свободную минутку для разбора дел лорда Блистера, у которого открывалась пора ежегодных тяжб с налоговым управлением. У мистера Шусмита мелькнула мысль, что Провидение сегодня в лепешку разобьется, но сумеет его доконать. Ему это напомнило случай с Иовом,[33] на которого тоже ни с того, ни с сего посыпались неисчислимые невзгоды.

Миртл, в свою очередь, отнюдь не сияла от счастья. В глазах ее тлели угольки, губы были сомкнуты в прямую линию, а сама она производила впечатление, чем-то схожее с теми грозовыми тучами, что в это самое время вдаль и вширь разбухали за окном. Выглядела она как одна из впадин, какими в изобилии пестрит поверхность Соединенного Королевства к югу от Гебридских островов, если превратить ее в человека; и любящий отец встретил дочь с несколько гадливым выражением. Неплохо изучив перепады ее настроений, он без труда опознал недуг. Она была крепко на кого-то обижена, а его опыт свидетельствовал, что когда она обижена, то способна беспрерывно говорить несколько часов, и таким образом время, которое куда более целесообразно потратить на работу над запутанным, но прибыльным делом лорда Блистера, грозит пойти насмарку. Понимая, что ничем себе не поможет, мистер Шусмит почувствовал себя псом, у которого вырвали кость.

— А, Миртл, — пробормотал он, борясь с желанием хлопнуть родное

дитя по головке делом Блистера. — Заходи, садись. Какая неприятная сегодня погода. Ну, как Александр?

Нельзя сказать, чтобы самочувствие зятя, все заслуги которого, на его взгляд, сводились к необъятному состоянию, особенно занимало мистера Шусмита, но ведь любую беседу надо как-то начать.

Миртл, которая уже успела сесть и, как казалось взволнованному отцовскому оку, намертво приросла к месту, сидела какое-то время, бурно дыша носом. Сходство ее с грозовой тучей бросалось в глаза.

— Александр в ужасном состоянии.

— Иначе и быть не может.

— Как, ты уже слышал?

— Что именно?

— Да о том, что выкинула эта Йорк.

— Что же она выкинула?

— А, значит, ты ничего не слышал! Почему ж ты не удивился, что Александр страдает?

Истинной подоплекой этой оговорки было то, что адвокат знал о похмельных мучениях зятя, однако чувствовал, что произнести это вслух неблагоразумно, а может быть, и небезопасно. Поэтому он ответил, что наслышан о том, какое у его зятя нежное пищеварение.

— Наверное, что-нибудь съел? — спросил он, вложив в эти слова все наличные запасы сострадания, которых, впрочем, было немного.

Миртл переключилась на фырканье.

— Папа, дорогой мой, неужели ты думаешь, что я прибежала сюда, чтобы рассказывать тебе о пищеварении Александра? Он совершенно раздавлен этой кошмарной историей с Лейлой Йорк. У меня такое ощущение, что она просто выжила из ума. Ты ведь помнишь, что Александр владеет контрольным пакетом у Попгуда и Грули, которые издают ее книги?

— Да, ты мне говорила. По всему, что слышал, — фирма очень крепкая. Одна только Бесси…

— Какая еще Бесси?

Тут мистер Шусмит взял на вооружение тон, который так не нравился Фредди Виджену, безликий, мертвенный тон, типа «а теперь послушайте…».

— Одна моя старая знакомая, которая пишет под псевдонимом Лейла Йорк. Когда-то, уже давно, я называл ее Бесси Биннс, и потому мне, полагаю, простится, что я упомянул ее настоящее имя. Впрочем, если пожелаешь, больше я так делать не буду, воля твоя. Но перед тем, как ты

меня перебила, мы говорили, если припоминаешь, о прочном финансовом положении издательского дома «Попгуд и Грули» и я собирался сказать о том, что одна только Лейла Йорк, очевидно, приносит им ежегодно десятки тысяч фунтов.

Миртл испустила какой-то диковинный звук, который можно было бы расценить как глухое хихиканье.

— Правильно, потому что до сих пор она писала… э-э…

— Муру? — подсказал мистер Шусмит.

— Можно назвать и так. Я имела в виду чудовищный сентиментальный вздор, предназначенный для дамского чтения. Сейчас в Англии больше всех читают ее. А женщины, те ее просто боготворят.

Мистер Шусмит закудахтал. То была его манера смеяться.

— Хотел бы я знать, как бы они о ней отзывались, если бы познакомились. Сама она совсем не похожа на свои романы. А почему ты говоришь «до сих пор»?

— Потому, что следующую вещь она задумала совсем иначе. Вчера у мистера Грули была ее секретарша и заявила ему, что роман, над которым она работает, будет написан в мрачных, серых, унылых тонах, вроде Джорджа Гиссинга.

— Прекрасный писатель.

— Не спорю, только его никто не покупает. Ты подумай, как это воспримут ее поклонники. Она потеряет всех до единого.

— Значит, Александр расстроился из-за этого?

— А что здесь неестественного? У него из-под носа уводят несколько тысяч фунтов. Когда позвонил мистер Грули, он стал белый, как простыня.

Неплохая новость, мелькнуло в голове у мистера Шусмита. Цвет лица у зятя никогда не приводил его в восторг. Благодаря нескрываемой слабости к шампанскому, Пуфик порой становился багровым, словно рябина, тогда как тесть его предпочитал мужские щеки скорее рододендронового отлива.

— Она уже закончила книгу? — спросил он.

— Нет, пока прорабатывает замысел. Отправилась в пригороды, чтобы погрузиться в нужную атмосферу.

— Может получиться замечательная вещь.

— Только это уже будет не Лейла Йорк. Что здесь непонятного? Когда люди видят, что на обложке стоит «Лейла Йорк», они и рассчитывают, что будут читать именно Лейлу Йорк. А если им взамен подсунуть другую книгу, они ее живо отшвырнут, как ядовитое насекомое. Тебе бы понравилось, если бы ты, например, покупал себе книгу по

предпринимательскому праву, а оказалось, что это — детектив?

— Я был бы на седьмом небе, — честно признался мистер Шусмит.

— Ты — ради Бога, но читатели Лейлы Йорк — никогда. После этой книжки она — труп. Читать ее больше никто не захочет.

— Не думаю, чтобы это ее сильно волновало. Она каждый год делала по двадцать тысяч фунтов, а тратила совсем немного. Мне кажется, сугубо ее личное дело, если она решила не марать руки об издательские деньги и заняться искусством ради искусства. Непонятно, почему Попгуд и Грули так переполошились. Если им не хочется публиковать ее новую вещь, пусть не публикуют, не обязаны.

— Обязаны!! У них с ней заключен договор на издание шести новых книг.

— Тогда чего же ты от меня ждешь? — постарался как можно сдержаннее сказать мистер Шусмит, но с задачей не справился. Дрязги лорда Блистера с налоговым ведомством сулили несколько любопытнейших правовых находок, он всей душой устремлялся им навстречу — и вот… Не впервые посетовал он на то, что дочь его не вышла замуж за человека, который постоянно работает за границей, скажем — в Малайзии, где отпуск на побывку в Англию предоставляют не чаще одного раза в пять лет. — Коль скоро у нее есть договор…

Миртл рылась в своей сумочке.

— Я его захватила с собой. Может быть, ты сумеешь в нем отыскать какое-нибудь условие, которое удержало бы ее от этой бредовой затеи?

— Сомневаюсь, — пробурчал мистер Шусмит, беря в руки документ. Пробежав его натренированным взглядом, он вернул его обратно. — Все, как я и предполагал. Нет ни единого слова, хотя бы отдаленно указывающего на содержание будущего романа.

— Разве это не подразумевается?

— Что именно?

— То, что она обязана писать такой же роман, как и всегда.

— Конечно, нет. При составлении договора условия не подразумеваются. Они оговариваются, а потом записываются.

— То есть ты хочешь сказать, что если бы, скажем, у Агаты Кристи был договор со своим издателем…

— Убежден, что он у нее есть.

— …она могла бы ни с того, ни с сего взять и написать «Поминки по Финнегану»?[34]

— Естественно.

— А издатель должен был бы их публиковать?

— Если это предусмотрено договором.
— И что, это все законно?
— Да.
— Ну тогда законы у нас идиотские.
— У Диккенса об этом сказано лучше. Он говорит, что закон — просто осел.[35] Но даже если вы оба правы, от этого ровным счетом ничего не изменится.

Миртл поднялась со стула, хотя мистер Шусмит и не чаял, что она способна на такое действие. Он сразу ощутил прилив бодрости.

— Уже покидаешь меня? — спросил он, стараясь упрятать поглубже свое ликование.

Миртл взяла в руки сумочку и зонтик. На лице ее обозначились все признаки непреклонной решимости и несгибаемой воли.

— Я еду в Вэлли Филдс.
— Странные места ты выбираешь для прогулок. А почему не в Сэрбитон?
— Потому, что это не прогулка. В Вэлли Филдс живет Лейла Йорк, и я еду туда, чтобы поговорить с ней.
— Ты полагаешь, это принесет желаемые результаты?
— Надеюсь, что да.
— Как знать, как знать…. Насколько я помню Бесси, она не из тех женщин, которых легко переубедить. А впрочем, надо вести бой до последнего патрона. Золотое правило. Ну, целую, дорогая. Молодец, что заглянула. Передай от меня привет Александру. — И мистер Шусмит, еще до того, как за дочерью закрылась дверь, погрузился в налоговую пучину лорда Блистера.

Обитательница «Приусадебного мирка», тем временем принимала другую гостью, прибывшую туда с записной книжкой и новеньким фотоаппаратом, и совершенно очаровала ее. Лейла Йорк, которая, заслышав о чьем-то намерении явиться к ней за интервью, начинала метаться и лютовать, как язычник,[36] Лейла Йорк, которая сыпала разными словечками, нимало не заботясь о степени их уместности, — эта самая Лейла Йорк преподносила себя газетчикам в наилучшем виде. Сразу же давая им почувствовать себя непринужденно, — хотя в случае с Долли это было, в общем, излишне, — она получала восхищенные отзывы, ибо понимала, как добрый человек, что не вина детишек, родившихся от внебрачных связей, если редакторы заставляют их превращаться в полипа.

Когда она сама в свое время распускала нюни в газете, ей часто приходилось брать интервью, так что она способна была отнестись к репортерам с полным сочувствием.

В Долли она и вовсе обнаружила родственную душу. О лучике света в жизни Мыльного Моллоя некоторые высказывались очень нелестно. Макаку Твиста, открывшего дело под названием «Дж. Шерингем Эдер, частные расследования», просто разбирала нелегкая, стоило кому-то упомянуть ее имя — но Долли, бесспорно, была замечательной собеседницей, и Лейла Йорк очень быстро к ней расположилась. Они неспешно бродили по небольшому палисаднику, разбитому вокруг «Приусадебного мирка», общаясь, как две институтские подружки, и мисс Йорк была совершенно покорена отношением этой умненькой девушки к тому крутому развороту, который она наметила в своем нелегком ремесле.

— Надо двигать и двигать вперед культуру, — говорила Долли, — нельзя же всю жизнь крутить одну шарманку. Вот я вам сейчас расскажу об одном… — Тут она замешкалась. Приготовившись уже было сказать «знакомом», она вовремя почувствовала, что благоразумнее будет применить другую синтаксическую модель, — об одном человеке, в газете ведь перезнакомишься со всем на свете. Звали его Мак Джи Верняк, и у него были свои дела в Цицеро, это рядом с Чикаго. Тряс бензоколонки с аптеками, вроде бы на сыр и масло хватало, и какое-то время жил себе тихо и спокойно. А потом вдруг однажды утром проснулся и сказал: «Все, с мелочевкой завязываю! Пора выбираться из болота. Нужно придумать что-нибудь посолиднее». И тогда он просто взял, пошел и опустил банк, а потом уже никогда не стоял на одном месте. Собрал себе братву, и сейчас — один из самых грамотных бригадиров в графстве Кук. Я точно знаю, мне рассказывали, — поспешно добавила она, — что у него одних костюмов пятьдесят семь штук, все на шелковой подкладке и по заказу сшитые, и каждый день он надевает новую пару обуви. Так что решайте сами. Усилия даром не проходят.

Лейла Йорк сказала, что, как ей кажется, у Горацио Олджера[37] есть рассказы с очень схожим сюжетом. «Точно не знаю», — отвечала ей Долли, объяснив при этом, что она Горацио Олджера только перелистала.

— Неважно, вы меня поняли. Сейчас вы точно в таком же положении. Для девушки с высоких гор, как поется в песне, вы побили все рекорды, но вот пришло время, и вы поняли, что надо показать им, на что вы способны, если возьметесь за ум и будете работать по-крупному. Так что чешите вперед, дорогая, и не оглядывайтесь, а если кто-то там расквакается, гоните его ко всем чертям.

Слова эти до такой степени совпадали с чувствами, которые испытывала Лейла Йорк, что она светло и радостно оглядела свою гостью и с легкой душой позволила ей сфотографировать себя в дюжине разнообразных поз, хотя среди всех несносных черт интервью самыми невыносимыми для себя она считала просьбы облокотиться и улыбнуться. Освободившись от очередной позы (опершись о птичий бассейн,[38] она одухотворенно глядела через левое плечо) она заметила, что свинцовые небеса, до сих пор хранившие молчание, вдруг заговорили громко и прямо. Пророкотали раскаты грома, вспыхнула молния, и в манере, повсеместно насаждаемой Ниагарским водопадом, полил дождь.

Долли первой влетела в дом через распахнутое французское окно, поскольку находилась к нему ближе, а мгновением позже там же оказалась Лейла Йорк. За окном бушевала стихия.

— О, Англия, священная земля![39] — вскричала писательница.

— Да уж! — поддержала ее Долли. — Если кого дернет сюда приехать, то он долго не опомнится. В такой гнилой стране только концессию на зонтики покупать. Ну хорошо, уж если мы попали в дом, а в садик все равно не выйти, может, займемся съемкой прямо здесь? Слушайте, — протянула осененная идеей Долли, — а я ведь с удовольствием щелкнула бы пару снимочков у вас в спальне! Так, знаете, интимно… Не возражаете, если я слетаю наверх?

— Пожалуйста. Как подниметесь по лестнице, дверь налево.

— Я разберусь, — сказала Долли, и тут в дверь позвонили. Досадливо крякнув, поскольку она вновь ожидала увидеть на крыльце мистера Корнелиуса, Лейла Йорк пошла открывать. Долли, уже ступившая на лестницу в Эльдорадо, вдруг оцепенела на полушаге, ибо услыхала голос, перепутать который просто не могла.

— Мисс Йорк? — произнес голос— Не позволите ли зайти? Мне нужно поговорить с вами по очень важному делу. Я — миссис Александр Проссер.

На разных отрезках жизненного пути нам обязательно попадались и будут попадаться лица, новая встреча с которыми кажется излишней. Иногда для нас совершенно неприемлема их манера кашлять, иногда — чавкать, всасывая суп. Порой они напоминают нам родственников, которых мы очень надеемся забыть. Но не эти щекотливые причины вынуждали Долли чураться встречи с Миртл. Сознавая, что та продвигается в глубь дома, и с неизбежностью грядет сцена, ничего, помимо новых неприятностей, не сулящая, она стояла, прикованная

ужасом к месту. Затем простые истины взяли свое, вернув ей обычную находчивость. Одним рывком она кинулась в гостиную, одним прыжком выпорхнула в стеклянную дверь, пронеслась через сад и перемахнула через ограду, отделявшую одно владение от другого.

В «Мирной гавани», если задняя дверь не заперта, Долли ожидало убежище, которому преступные элементы отводят весьма высокую роль.

15

Стоя перед зеркалом своей спальни и расчесывая рыжеватые волосы с необычной тщательностью, Джордж задавался вопросом, не придаст ли волосам капелька «Скальпо», — лосьона, что ласкает лоском, — то самое неуловимое свойство, которое изобличает в человеке настоящую породу. На нем был синий костюм в неразличимую для глаза полоску, а ботинки, ничем не напоминающие уставные, сияли светом, который Поэт написал бы, если бы был Художником,[40] и все потому, что он сумел отпроситься у начальства на этот вечер и теперь вел Дженнифер Тиббетт обедать, а потом — в театр. Поскольку подобная удача выпадала нечасто, на сердце у него было легко, а ко всему живому и тварному он относился с нежностью и благодушием. Случись сейчас взломщику ворваться в «Мирную гавань», он бы, пожалуй, налил ему стаканчик, предложил бутерброд с ветчиной и помог упаковать вещи.

В силу какого-то непостижимого совпадения, в тот самый момент, когда его посетила эта мысль, он вдруг проникся ощущением, что взломщику случилось-таки ворваться в «Мирную гавань». Внизу раздалось чье-то чихание, Фредди должен был вернуться из своего офиса не ранее чем через полчаса, и это означало, что чихальщик мог быть только из разряда незваных гостей. Положив щеточку для волос на туалетный столик, он в очередной раз впитал в себя млеко незлобивости и, как учтивый хозяин, спустился в гостиную, где с немалым интересом обнаружил ту самую златовласую молодую особу, с которой накануне имел достопамятную беседу. Его преклонение перед могуществом Фредди в обращении с прекрасным полом усугубилось пуще прежнего. Где именно притаился источник колдовских чар кузена, он указать бы не смог, но не вызывало сомнений, что на девиц он действовал, словно кошачья мята на кошек. Эта девушка, находясь во власти мощного притяжения, судя по всему, не могла провести без него и дня. Мотылек и свечка, мелькнуло у Джорджа.

— А, здравствуйте, — сказал он. — Опять к нам? Соскучились по Фредди? Он скоро должен вернуться. Подождите здесь, а?

— Ладно уж, если не возражаете, — ответила Долли, справляясь с дрожью, в которую всякий раз вгоняло ее появление полиции. Приглядевшись, она с некоторым изумлением заметила прекрасный костюм, изящный галстук и начищенные ботинки. — Извиняюсь, что спрашиваю, — сказала она, — а в кого вы так вырядились?

— В джентльмена английского, обыкновенного. Я не при исполнении.

— Вот это — другое дело, — сказала Долли, вздохнув свободнее. — Я имела в виду — для вас.

— Да, полезно иногда сбежать от этой тягомотины. Передышка рано или поздно необходима, иначе станок пойдет на свалку. Спросите любого уважающего себя медика на Харли-стрит.

— А убийствами есть кому заняться?

— Ну, здесь еще куча других ребят. Они и без меня управятся. Вот это да! — воскликнул Джордж, совершая открытие, которое Шерлок Холмс, со всей очевидностью, и Скотланд Ярд, с большой долей вероятности, совершили бы несколько раньше. — Вы же промокли!

Наблюдение было безукоризненное. Путь от «Приусадебного мирка» в «Мирную гавань», как бы ни был он краток, все же достаточно долог для того, чтобы дождь успел сделать свое дело, а Долли затянула пребывание под ним на несколько нерасчетных секунд, поскольку упала, перелезая через забор. Джорджу, тяготевшему к безыскусным метафорам, пришло на ум, что напоминает она крысу-утопленницу; и, погрешив против такта, решил сообщить об этом. Долли тут же ощерилась.

— Сам ты крыса, голова — два уха, — твердо сказала она. — Ишь, кинозвезда выискалась! Да тобой только людей пугать.

— Ну-ну, хорошо, если вы настаиваете, — сказал Джордж. — Вы правы. А теперь, если не хотите подцепить какой-нибудь мерзкий насморк, вам бы лучше переодеться.

— Во что это?

— Так-так, об этом я не подумал… Во что, значит, вам переодеться? А, понял! — с чувством воскликнул Джордж. — Сгоняйте наверх к Фредди и позаимствуйте его пижаму. Я бы и свою предложил, да она вам не подойдет. Имеется и широкий выбор домашних тапочек… Пойдемте, я вам все покажу. Так, пожалуйста, — произнес он чуть погодя, — пижамы и домашние тапочки, все как обещано. А эта экипировка к вашему уходу успеет полностью просохнуть. Есть ли у вас еще какие-нибудь просьбы и пожелания?

— Ничего, если я себе кофе сварю?

— Решительно ничего. У нас тут царство свободы. Все необходимое найдете на кухне. А мне пора, иду обедать со своей невестой, — добавил Джордж и, любезно улыбаясь, ускользнул, чувствуя себя настоящим бойскаутом. Совершив небольшой добрый поступок, он припустил завершающий мазок в ту картину безбрежного счастья, которая водворялась в его голове каждый раз, когда он отправлялся смотреть, как мисс Дженнифер Тиббетт ест баранью отбивную с картофельным пюре. Он чувствовал себя более достойным ее руки.

Уход его оставил Долли наедине с противоречивыми ощущениями. Джордж ей нравился, он был занятным собеседником, но она не могла забыть, что при всей своей обходительности и непринужденной манере речи он служил этому жуткому Закону. Прознай он о подробностях ее пребывания в доме Проссеров, он, ни секунды не колеблясь, сцапал бы ее за шкирку и призвал бы своих не менее неумолимых коллег, чтобы те заковали ее в кандалы. А значит, к лучшему, что они расстались. Да, говорить он лих, поистине — язык без костей; но вместе с тем она избавилась от гадкого чувства, будто по ее позвоночнику вверх и вниз шастает полчище сороконожек, которое всегда набрасывалось на нее, стоило ей перекинуться парой слов с представителями правопорядка.

Долго не мешкая, она сбросила мокрое платье, окунулась в нечто бесформенное, служившее Фредди пижамой, и пребывала в достаточно сносном расположении духа, когда спустилась в кухню сварить себе оговоренную чашку кофе. Конечно, она трепетала, коль скоро была так близка к предмету своих чаяний и лишилась его по прихоти сверхъестественных сил, но философская ее натура чуралась уныния и в любом положении умела разглядеть светлую сторону. Да, как ни крути, она осталась без драгоценностей — а ведь это, говорить нечего, гадость, каких мало; зато она могла утешать себя тем, что не засветилась, хотя в какой-то момент все к тому шло.

Однако она отнюдь не мечтала рассказать Мыльному о крахе третьей экспедиции. Он ее пожалеет, он сделает все, что должен любящий супруг, но не сможет притвориться спокойным. «За что нам теперь хвататься?» — спросит он, а в ответ наверняка услышит, что будь она трижды проклята, если она это знает. У нее возникало то самое ощущение, которое возникнет и у него: задействованы все лазейки, испробованы любые средства. Она не в состоянии до бесконечности рождать великие идеи, а за Мыльным, когда он не занимался продажей нефтяных акций, этого вообще не водилось.

Пока она таким образом бередила душу, потягивая кофе и смакуя

нелегкие думы насчет Миртл Проссер, которую бы с превеликим наслаждением заставила опустить ноги в чан с расплавленным свинцом, Фредди, выйдя из вагона пригородного поезда 6.03, прибывающего в Вэлли Филдс 6.24, направился в сторону «Мирной гавани».

Дождь перестал, чему нельзя было не порадоваться, поскольку утром он не захватил с собой зонтика, и даже соображение о том, что благодаря сегодняшнему отсутствию Джорджа обед ему придется готовить самому, не способно было вывести из bien etre.[41] Салли его любит, боковые карманы вскоре будет топорщить славная сумма в десять тысяч фунтов, а что до обеда, то всегда оставались сардины. Сказать, что при повороте замочного ключа из уст его лилась песня, было бы, в сущности, не слишком большой натяжкой.

Более того, песня лилась, как обнаружил он, едва переступив порог, из чьих-то уст в самой «Гавани», а уста эти, видимо, находились на кухне, поскольку, вешая шляпу, он услыхал размеренное исполнение одной из популярных баллад, доносившееся из соответствующей части дома. Это было достаточно странно. По его расчетам, кузен Джордж, гонимый в направлении Лондона ветром любви, должен был давным-давно сняться с якоря. Другой же смущавший его аспект пения заключался в том, что Джордж сменил свой приятный баритон на высоченное сопрано.

Пение прекратилось. Долли прибегла к нему лишь затем, чтобы немного прийти в себя, и цели своей достигла. Покончив с мытьем кофейной чашечки и ножа, которым она отрезала кусочек кекса с тминной начинкой, она вошла в гостиную, где побудила Фредди пережить то самое ощущение, какое испытал Макбет, увидев дух Банко,[42] или человек, ступивший на дымящийся динамит. В те дни, когда Салли не стала еще средоточием его мятущихся страстей, Фредди частенько приходилось сталкиваться с девушками, которые выныривали в самые непредвиденные мгновения в самых неожиданных местах, но он ни разу не видывал, чтобы они были одеты в его домашние пижамы. Это же касалось и вовсе незнакомых дам, что лишь усугубляло печальное удивление.

Но когда Долли почувствовала, что лучше начать беседу самой, и произнесла: «Привет, Виджен! Ну, как дела?», он узнал в ней жену своего благодетеля. Испытав мимолетную досаду на то, что эта женщина раз за разом вторгается в его жизнь, словно семейное привидение, он напомнил себе, что она состоит в браке с человеком, который направил его по стезе, устремленной к изобилию, а потому ей нельзя и намекнуть, что ее присутствию не рады. Водворив на место сердце, бившееся о стенку

желудка, он промолвил:

— Здравствуйте. Вот вы где!

— Приятно снова увидеться.

— Спасибо, что забрели. Убийственная погодка, а?

— Не говорите.

— Хотя сейчас вроде бы немного получше.

— Это хорошо.

— Дождик перестал.

— Наверное просто силы копит.

— Скорее всего. Чайку не хотите?

— Я уже кофе попила.

— Выпейте еще чашечку.

— Нет, спасибо. Знаете, я чувствую, что должна объяснить вам, как меня сюда занесло.

— Ни в коем случае! Окажетесь рядом — заходите в любое время.

— Вот именно, я как раз оказалась… рядом. А потом налетел этот ливень, я вся насквозь промокла, ну и кинулась сюда.

— Ясно. Как бы в поисках убежища?

— Точно. Что же мне, ума не хватит от дождя спрятаться, ха-ха!

— Ха-ха! — вторил ей Фредди, но как-то не жизнерадостно. Он в очередной раз представил себе, что может начаться, стоит только Салли краешком глаза взглянуть на происходящее.

— Я надела на время вашу пижамку. Если бы стала разгуливать в мокром платье, могла бы схватить простуду.

— Да-да. Или пневмонию.

— Вы не расстроились?

— Нет-нет!

— Хотела бы я сказать то же самое! Мчалась сюда, сломя голову, упала и расшибла колено. Оно теперь что-то пошаливает.

— Ай-я-я-яй!

— Отодрала кусочек кожи. Вот, поглядите.

— На ваше колено?

— А куда еще?

По равнине его лба пробежали ложбинки и рытвинки. Он был верен Салли самое скромное на сто процентов, а потому поглядывать на иные коленки, тем паче — такие премиленькие, как у миссис Томас Дж. Моллой, никак не собирался. Год назад он бы взялся за дело с превеликим усердием, но нынче это был уже другой, более глубокий человек, который сумел покончить со своим прошлым. И все-таки он — хозяин, а хозяину не

пристало потакать собственным чувствам.

— Все ясно. Давайте сделаем снимок. Ей-богу, — продолжал он, осмотрев ушиб, — мне не нравится, как оно выглядит. С такой раной вам надо идти к знахарке. Пакостная царапина! Может и столбняк начаться… Вам он ни к чему.

Долли подтвердила, что столбняк ее не прельщает.

— Единственная загвоздка в том, что вам не с руки разгуливать по Вэлли Филдс в полосатой пижаме… Вот что мы сделаем, — сказал Фредди. — У кузена Джорджа где-то был йод. Пойду, поищу его

— Ужасно, что я вам причиняю беспокойство.

— Никакого беспокойства! Ни малейшего. Да и Джордж не стал бы возражать. Вы, наверное, с ним не знакомы?

— Да нет, почему, мы тут на секундочку пересеклись.

— Замечательный парень.

— Нн-ну… Не похож на тех легавых, которых я знала.

— А вы много легавых знали?

— Как вам сказать. Не лично, но вообще-то встречалась. У нас в Штатах они не очень приятные.

— Конечно. Такие… грубоватые.

— Калеки косолапые. Понятия не имеют, как обращаться с женщинами.

— Это уж точно, не имеют. Ну хорошо, я — за йодом. Джордж его держит в комнате.

Окна из комнаты Джорджа выходили в задний палисадник, и если Фредди успел бы мимоходом туда взглянуть, то заметил бы тоненькую фигурку, продвигавшуюся к заднему крыльцу «Приусадебного мирка». Салли (ибо, как выразилась бы в своем романе Лейла Йорк, *то была она)* ключей от дома не имела и не желала беспокоить звонком патронессу.

Миновав ряд помещений, она вошла в гостиную и застала там Лейлу Йорк за чтением журнала.

— Простите, что не смогла приехать раньше, — сказала она. — Навалилась куча дел. Как прошло интервью?

— Лучше, чем я ожидала, — ответила Лейла. — Исходя из моего опыта, журналистов набирают из сумасшедших домов, но на этот раз пришла славная, шустренькая девица. Мы с ней полюбили друг друга с первой секунды. Но случилась забавная вещь. Она ни с того, ни с сего исчезла.

— Растворилась в воздухе, как Чеширский кот?[43]

— Насколько я себе представляю, она могла уйти через сад вон туда.

— Под таким дождем? Как-то странно.

— Мне тоже так показалось, но некогда было ломать над этим голову, поскольку я воевала с миссис Проссер.

— Ой, неужели она приходила? Жена этого Пуфика? Чтобы урезонить вас насчет книги?

— Битый час трещала без умолку. В конце концов пришлось потеснить ее к двери и указать дорожку… Да что я, право? Сколько можно воду в ступе толочь! Расскажите-ка лучше, как удалось свидание с Джонни Шусмитом.

— Ну, сначала я вошла в его кабинет.

— Да что вы?

— И он состроил злобную мину.

— Это все?

— Нет, пока мы разговаривали, он состроил ее еще несколько раз… По-вашему, он — отзывчивый человек?

— Джонни, если ему захочется, способен вести себя, как самая пропащая гнида, а хочется ему этого, по-видимому, всегда. Что поделаешь, адвокат! Они всё мельчают. Ну, сыщика-то он порекомендовал?

— Да, пожалуй, можно сказать и так… Схватил телефонный справочник, разыскал там соответствующий раздел и ткнул пальцем в первую попавшуюся фамилию. Какой-то Эдер. Дж. Шерингем Эдер.

— Ну, чепуха. Таких фамилий не бывает.

— Вот видите, а он считает, что бывает. Я к нему ходила, и это имя там красуется во всю дверь аршинными буквами. Это маленький плюгавенький офис в маленьком плюгавеньком тупичке под названием Хэлси Корт. Причем это — в Мэйфэр,[44] так что он, наверное, считает себя мэйферским консультантом.

— Какой он?

— Страшненький. Лицо как у макаки, усища вощеные.

— Прок от него будет, как вы считаете?

— Он говорит, что будет. Всячески себя расхваливал.

— Сдается мне, все эти детективы — одного поля ягоды. Ну что же, давайте надеяться на лучшее.

— Давайте. Он собирается сюда приехать. Хочет поговорить с вами и получить фотографию вашего мужа. Дадим ему одну штучку?

— Да хоть целую дюжину!

— Тогда, как вы говорите, будем надеяться на лучшее. Вы сможете побыть без меня еще полчасика?

— Конечно. А что так? Надумали сходить в «Мирную гавань» к

своему Фредди?

— Честно говоря, да, — сказала Салли. — Хочу устроить ему сюрприз.

16

Опасения Долли, что история ее поражения загонит Мыльного во мрак безысходности и разуверит в необходимости вести борьбу до победы, подтвердились с избытком. Тень меланхолии сгустилась на его челе не только во время предобеденных возлияний, но и в течение последовавшей за ними трапезы, и даже утром, за завтраком. Увидев, как он поедает яичницу с беконом, специалист по античности представил бы Сократа, выпивающего чашу с цикутой; и, несмотря на ожидавшее ее одинокое утро, Долли испытала облегчение, когда он сменил разношенные домашние тапочки на крепкие башмаки и возвестил, что хотел бы прогуляться и все основательно обдумать.

Прошло немало времени, прежде чем он вернулся, а когда это наконец случилось, она с изумлением обнаружила, что его лицо, которое трудно назвать неправильным, расслоилось на две равные части столь ослепительной улыбкой, что она при виде ее несколько раз сморгнула. Его вступительная речь, сводившаяся к тому, что все теперь будет, как в аптеке, и дела уже на мази, усугубила ее оторопь. Она любила его всей душой, она готова была преклоняться перед ним из-за способности продать фальшивую акцию самому маловероятному из потенциальных вкладчиков, но, не считая этого редчайшего дара, она не пихала иллюзий относительно прочих возможностей его интеллекта. Долли сознавала, что, к худу или к добру, выбрала себе мужа, начиная с шеи и выше состоящего из сплошного бетона, но ей это было в радость. Она придерживалась мнения, что лишний ум только отвлекает мужчину, и с удовольствием отмечала, что у нее самой ума хватает на двоих.

— На мази?! — подивилась она, отказываясь верить, что самая вдохновенная прогулка способна одарить ее благоверного чем-то, даже отдаленно похожим на дельную мысль. — С чего это вдруг?

Мыльный присел в кресло и стянул с левой ноги ботинок.

— Натер себе волдырь, — пояснил он.

Для проявления супружеского участия момент был неподходящий. Когда волдырь превращает левую ногу в очаг страдания, жена, разумеется, должна воплотиться в ангела-хранителя, но нетерпение на время сделало

Долли непригодной для этой роли.

— Что это значит — дела у нас на мази?

— Сообрази-ка мне капушку, и я тебе расскажу. Все, что нужно — в этом мешке.

Долли сообразила ему капушку, при виде которой он расцвел пуще прежнего.

— Ух ты! — промолвил он, умильно воззрившись на жену во время краткой передышки. — Выглядишь ты сейчас, солнышко, прямо как новенький красный тарантас!

— Забудь о том, как я выгляжу, — отрезала Долли, хотя комплимент ей польстил. — Что произошло?

— Ты о волдыре? Вскочил вот после того, как я походил где-то полчаса, — ответил Мыльный, массируя ступню. — Вдруг чувствую, мне как будто горячих углей из камина подсыпали. У тебя когда-нибудь бывал волдырь?

На лице у Долли наметились угрожающие изменения.

— Давай начинай, — проговорила она. — Расскажи мне просто, быстро и ясно, из чего ты сделал вывод, что дела у нас на мази.

Говорила она очень спокойно, но Мыльный женат был уже не первый год и понимал, что спокойные интонации всегда требуют повышенного внимания. Без дальнейших предисловий он приступил к изложению фактов:

— Ну-с, начальничек, только натер я себе волдырь, и кого, думаешь, я встречаю? Макаку!

Долли фыркнула. Как уже отмечалось, Мак Твист не был ее любимчиком. Когда-то, в силу разного рода обстоятельств, им приходилось объединять усилия в интересах дела, но в сердце ее он занимал место даже более скромное, чем миссис Александр Проссер.

— Да, подфартило тебе, барсука этого встретить! — желчно произнесла она, но Мыльный широко расплылся в улыбке.

— Это точно, — сказал он. — Знаешь, что он мне сообщил?

— Если ты спросил, сколько время, он наверняка соврал.

— Он сообщил мне, что его наняла Лейла Йорк, чтобы найти ее мужа.

— У нее есть муж?

— По всему выходит, что да. И она наняла Макаку, чтобы он его отловил.

— Он что, пропал?

— Пропал, пропал, и Макака теперь должен его разыскивать.

— Ну а дальше?

Мыльный недоуменно вытаращил на нее глаза. Он-то всю жизнь считал, что она умеет соображать и побыстрее.

— *Дальше?* — сказал он. — Встряхнись, цыпочка! Как ты не понимаешь? Он же теперь свой человек в доме, будет ходить туда-сюда, совещания у них будут разные, мало ли чего. Ребенку понятно, что рано или поздно он подкараулит момент, чтобы подняться в ту комнату и заграбастать погремушки.

— А откуда он знает, что они — там?

— Как, откуда? Я ему сказал.

— Что-о?!!

Жутковатая дрожь пронзила Долли с верхних завитков перманента до туфелек из кожи аллигатора, денно и нощно разыскиваемых персоналом одного фешенебельного магазина после ее недавнего посещения. Глаза у нее выпучились, рот округлился; все говорило о том, что она готова выразить неудовольствие. Любя супруга, она этого не сделала, но и сдавленного вопля, исторгнутого из ее груди, было достаточно, чтобы он почуял неладное.

— Ты ему сказал?

Мыльный растерялся. Рассказ его не находил того отклика, на какой был рассчитан.

— Ну, солнышко! Конечно, сказал. Иначе как бы он узнал, где их искать?

И вновь округлились уста Долли, и вновь она их сомкнула. Не исключено, что она даже сосчитала до десяти, применив это безотказное средство против опрометчивых речей.

— Он говорит, что поедет туда во второй половине дня. Так что, вполне возможно, сегодня вечером он уже явится сюда с ними. Никак не пойму, чем ты так недовольна. Два часа назад мы с тобой сидели, куковали, шансов было ноль, а тут чудом наваливается такая удача, и все решается за полминуты. И Мак не требует золотых гор. Он сказал, что сделает это за десять процентов от выручки.

— А ты ему поверил, да?

— Конечно, поверил. Почему я должен ему не верить?

— А потому, что не хуже меня знаешь Макаку Твиста. Чего он не сумеет сделать, чтобы человеку бороду пришить, можно сосчитать на пальцах одной руки. Хочешь, расскажу тебе, что теперь с нами будет? Подай-ка мне на минутку хрустальный шарик, сейчас туда заглянем и введем тебя в курс дела. Та-ак! Туман рассеялся, вижу маленькую крыску с вощеными усиками, которую только мама одна и любила. Бежит она в

Вэлли Филдс… Заходит в «Приусадебный мирок»… Крадется по лестнице в спальню… Заглядывает на шифоньер… А что ж это такое она кладет к себе в кармашек? Пакетик с арахисом? Да нет же, ей-богу, это те погремушечки, которые мне достались от миссис Проссер! Вспоминаешь? Я тебе как-то раз о ней рассказывала. А что теперь происходит? Не может же она попасть прямиком в ближайший аэропорт! Не-ет, именно туда она и попала. Сейчас ее просят пристегнуть ремни. Железная птица взмывает в воздух, парит над облаками, и если только она не грохнется, и наша крыска не сломит себе хребетик, следующий ее адрес будет а/я 243, сельская доставка, где-нибудь в Южной Америке. А кто эти двое жалких заморышей? Сидят себе, смотрят на часы, ждут и приговаривают: «Когда же наконец он появится?» Что-то очень знакомые у них лица. Смотри-ка, да это же мы с тобой! Так точно, начальничек, те самые, ты да я!

Долли утихла, чтобы немного отдышаться, а нижняя челюсть Мыльного начала медленно отвисать, словно тянущийся к земле утомленный цветок. Вообще-то он был не из тех, кому можно все что угодно втолковать с первого раза, но в данном случае доводы жены оказались слишком доходчивы, чтобы понять их превратно. Наконец его проняло.

— Совсем об этом не подумал, — выдавил он.

— Теперь можешь думать, сколько душе угодно.

— Бе-да!

— Вот про беду — это точно.

— И что мы будем делать, если он их уведет?

— В суд на него подадим, — процедила Долли, и даже слух Мыльного уловил сокрытую в этих словах сатирическую нотку. Он погрузился в то, что могло бы оказаться глубокой задумчивостью, будь он сейчас в состоянии о чем-либо думать. Лучшее из предложений, которыми он сумел через несколько минут разродиться, сводилось к тому, что он позвонит Лейле Йорк и предупредит ее не вести никаких дел с неким Дж. Шерингем Эдером, чья детективная деятельность — просто ширма (или крыша) для преступных намерений самого подлого рода.

— Если он потом попытается просочиться в дом, она опять пустит в дело свое ружьишко.

Долли это не растрогало.

— Ты думаешь, она должна верить каждому твоему слову, после тех ваших делишек?

— Могу сказать ей, что я какой-нибудь инспектор, звоню из Скотланд Ярда.

— Это с твоим-то прононсом? Предложи что-нибудь еще! Мыльный уже покончил с мартини, но коктейль, ублажая вкус и обволакивая теплой волной, никак не способствовал вдохновению. Он пожевал губами, сообщил, что случай тяжелый, и Долли ответила: «Да-да, я заметила». Мыльный начал растирать шекспировское чело.

— Не знаю, что и предложить.

— Давай не расслабляйся. Ты еще не все испробовал.

— Мы могли бы… Нет, это без толку. Или вот… Да нет, и это без толку.

— Как-то нечетко по сравнению с первой идеей. Та вроде получше.

— Эх, если бы, — тоскливо протянул Мыльный, — поставить эту дамочку на лыжи!

Долли, которая, как заботливая жена, не запаздывала со второй порцией, вдруг застыла с шейкером в руке. Она не ожидала, что столь прозорливый совет появится из этого источника. Поистине, устами младенцев![45]

— Выкурить ее из дома? Мыльный, знаешь, в этом что-то есть. Когда я побывала там вчера, мне как-то показалось, что она и сама не против того, чтобы собрать вещички и уехать. У меня такое чувство, что она потихоньку сохнет по своему шикарному дому, где у нее есть всякие кухарки и дворецкие. Нет, она ничего не сказала, но я по ней заметила. Вот что, давай-ка допивай и пойдем прошвырнемся по кварталу.

— Как, с моим волдырем?

— Ну ладно, сиди тогда на месте. Мне надо подумать, — сказала Долли, отошла к окну и повернулась лицом к Лондону, в то время как Мыльный, стараясь дышать пореже, дабы не загубить творческий поиск у самых его истоков, погрузился в кресло и начал осторожно массировать подошву левой ступни, вперив столь пронзительный взор в затылок супруги, будто мог различить работу мозговых клеток. Свет надежды в этом взоре был достаточно тускл, и все же он был. Не однажды, а много-много раз по велению крохотных сер647еньких ячеек катастрофа разрешалась триумфом, и вполне могло статься, что даже нынешняя проблема* которая, он всей душой признавал, была истинной головоломкой, оказалась бы им по силам.

Подошло время, и Долли заговорила:

— Мыльный, иди-ка сюда. Хочу тебе кое-что показать.

Мыльный повиновался и тоже стал вглядываться в Лондон. Часть города, которая ему открылась, представляли задворки отеля «Баррибо», коль скоро именно на них случилось выходить данному окну. Зрелище

было не из тех, что захватывают дух — пустые коробки да мусорные баки, — и едва ли могло рассеять мрак его души. Однако эту душу вряд ли исцелили бы сейчас Елисейские поля весной или Тадж-Махал при лунном свете.

— Видишь того кота? — промолвила Долли.

Указанный ею кот оказался животным беспутного, богемного склада. Именно такие коты ошиваются на углах и учиняют непотребные свары со столь же антисоциальными котами. В данный момент он обнюхивал мусорные бачки. Мыльный, взирая на него без умиления, ответил, что котов не любит.

— Вот и тетушка Йорк их не любит, — сказала Долли. — Один пролез в сад, когда мы гуляли, начал за птичкой красться, так она его в два счета убрала.

— Из дробовика, что ли?

— Нет, просто шикнула, и он тут же испарился, а потом она мне сказала, что не любит котов.

— И что из этого?

— А то, что когда я кота увидала, так сразу и подумала… Мыльный обмер всем своим существом.

— Значит, ты еще ничего и не придумала?

— Придумала. Так… Помолчи немного, — сказала Долли. Подойдя к богато инкрустированному письменному столу, которыми обставляют все апартаменты «Баррибо», она вооружилась пером и бумагой и сосредоточенно сдвинула брови.

— Как пишется «порода»? — спросила она. — А, нет, не надо, я знаю…

— Через «о». По-ро…

— Хорошо, хорошо, сказала же тебе, что знаю. «Приусадебный» — через одно или два «с»?

— Через одно. А что такое, солнышко? К чему все это? Долли нетерпеливо отмахнулась, как делают все авторы, когда к ним пристают в самый разгар ответственной работы, и на несколько мгновений, собрав силы, морща лоб и выставив наружу кончик языка, целиком погрузилась в мир образов. Прошло не меньше часа, когда она наконец поднялась и протянула ему лист почтовой бумаги.

— Ну-ка, оцени, — сказала она.

Сочинение избежало ненужных длиннот и гласило следующее:

ТРЕБУЮТСЯ КОТЫ

ВСЕХ ПОРОД И РАЗНОВИДНОСТЕЙ
ВЫГОДНЫЕ УСЛОВИЯ
ОБРАЩАТЬСЯ
«ПРИУСАДЕБНЫЙ МИРОК»
МАЛБЕРРИ ГРОУВ
ВЭЛЛИ ФИЛДС.

— Обойдется недешево, — пояснила Долли, — учитывая, что это должно выйти во всех газетах, включая местные Одну я знаю, она называется «Саут Лондон Аргус», но там у них может оказаться с полдюжины других. Этим будешь заниматься ты. Мне нужно, чтобы завтра утром они уже появились, поэтому придется тебе поразмяться, даже если у тебя на самом деле волдырь. Зато в этот раз у нас все выгорит, будь спокоен.

Мыльный изучал рукопись недоумевающим взглядом человека, которому забыли объяснить, в чем дело.

— Каким образом у нас что-то может выгореть, мамочка?

— Все просчитано. Я же говорила тебе, что Йорчиха не особенно держится за Вэлли Филдс. А что будет, когда к ней нагрянут сотни людей с котами всех разновидностей, и половину из них пустят шляться по саду? Ну, а если с котами не выйдет, мы ей еще кое-чего предложим. На свете много приятного. Говорю тебе, слиняет за милую душу. Ну что, права я? Мыльный с шумом выдохнул. Даже для него все стало ясно и просто, и теперь он думал, что с самого начала знал — свет его жизни наверняка просияет во мраке.

— Солнышко мое! — вымолвил он, когда чувства позволили ему обрести дар речи. — На всем белом свете…

— Слушай, скажу тебе одну вещь, — перебила его счастливая Долли. — Я и сама так думаю.

17

Укрытые со всех сторон кварталами аристократического Мэйфэра подобно бедным приживалкам у богатых родственников, то здесь, то там теснятся узенькие улочки и проулки, которые были бы куда более к лицу непритязательному окружению Уайтчепела или Шордича. Таков и Хэлси Корт. Лейле Йорк, продвигавшейся по направлению к частному бюро расследований «Дж. Шерингем Эдер» спустя двое суток после того как

Долли приступила к осуществлению нового плана, он показался мрачным, грязным, неприютным и тоскливым, а также не в меру обжитым бродячими котами. Обстоятельства накануне сложились так, что она не испытывала ни малейшей тяги вообще встречаться с котами, даже если собиралась дожить до ста лет.

Преодолев три лестничных пролета, она вошла в неопрятную комнату, служившую обиталищем Макаке Твисту, сдержанно кивнула и, смахнув предварительно пыль, уселась в кресло, изучая хозяина с придирчивым вниманием женщины, которая явилась за получением профессионального совета и рассчитывает его услышать.

Внешность у хозяина была не слишком обнадеживающая. Салли, выполнив по настоянию мисс Йорк словесный портрет, назвала его страшненьким человечком с лицом как у макаки и вощеными усищами, и, когда он приехал в «Приусадебный мирок», чтобы забрать фотографию ее мужа, писательница была потрясена меткостью описания. Но никто не откажется от сыщика из-за его внешности. Всех занимает только его ум, а в силу своей изворотливости данный ум оставил у нее благоприятное впечатление. Если бы этот человек вызвался подсказать ей на улице точное время, она, как и Долли, поостереглась бы ему верить, но это ей и не угрожало. Ей было нужно одно — содействие в розыске и поимке неизвестного изверга, утверждавшего, что ей позарез необходимы коты всех мастей и пород.

— Надеюсь, не очень помешала? Занимаетесь таинственным алмазом раджи? — осведомилась она. — Мне бы надо было с вами посоветоваться.

Макака развалился в кресле и соединил кончики пальцев.

— Разговор пойдет о том деле, которое мы обсудили во время моего недавнего визита? — спросил он, беря на вооружение манеры и обороты речи, к которым всегда прибегал в разговоре с клиентами. Становясь частным лицом, он изъяснялся с помощью вполне общеупотребительной лексики, но в официальных сношениях предпочитал стиль наиболее благовоспитанных детективов из прочитанных им книг. — Хочу заверить вас, что предпринимается все возможное для счастливого его окончания. Я завалил работой всю свою агентуру. В настоящий момент к розыскам подключились с полдюжины лучших моих людей. Так, давайте-ка посмотрим, кто у нас здесь занят. Уилбрахам, Джонс, Ивэнс, Мередит, Швед… Да, так и получается — с полдюжины. Они обшарят каждый сантиметр Лондона. Считайте, что вы повернули рычаг и запустили в действие исполинский механизм. Агентство «Эдер» — своего рода осьминог, что простирает щупальца и в том направлении, и в этом, и…

Лейла Йорк была нетерпеливой. Она грохнула ладонью по столу, запустив в воздух облако пыли, и голос у Макаки зачах и осекся. От ударов Лейлы Йорк по столам пасовали, бывало, такие люди, как Обри Попгуд, ее издатель, и Сирил Грули, его компаньон, схожее воздействие оказывали на метрдотелей удары по ресторанным столикам. Как иногда разъясняла писательница близким друзьям, это вмиг отбивает охоту дурака валять.

— Короче! — прогремела она. — Вы меня хотите убедить, что чего-то стоите.

Макака вынужден был признать, что именно эту мысль ему хотелось бы донести до посетительницы.

— Так! — с жаром отозвалась Лейла Йорк. — С этим у нас полная ясность. Может, позволите мне теперь сказать два слова?

— Разве речь пойдет не о том деле, которое мы обсудили во время моего недавнего визита?

— Нет. Речь пойдет о кошках. Макака заморгал.

— Что вы сказали? О кошках?

— И собаках.

— Не уверен, что вполне вас понял.

— Сейчас поймете, — ответила Лейла Йорк, и, открыв свою сумочку, извлекла оттуда целую пачку газетных вырезок. — Вот, прочтите-ка.

Макака водрузил на нос очки в роговой оправе. Один раз взглянув на него в нормальном состоянии, можно было сказать, что опаскудить его внешность уже невозможно, однако эти очки сотворили невероятное. Даже Лейла Йорк, женщина не робкая, и та гадливо поморщилась. Он прочитал вырезки и посмотрел на нее изумленно и вопрошающе:

— Вы так привязаны к кошкам?

— Я испытываю к ним ровную симпатию, если они не охотятся за птицами. Надеюсь, вы не думаете, что это я сунула в газеты объявления? Кто-то, видно, решил меня поддразнить, и я ставлю перед вами задачу: выясните, кто это был, поскольку я сама придушу его вот этими руками. «Коты всех разновидностей!» Пожалуй, так оно и было. Понятия не имею, сколько народу живет в южном Лондоне, но все как один приперлись вчера в мой «Мирок», у каждого с собой была кошка, и каждый считал, что я должна ее купить, а если не купить, то оплатить время, которое я отняла своим объявлением. Вовек столько кошек не видела! Я в них по пояс утопала. И тебе черные, и пегие, и полосатые, и корноухие… просто какое-то мышиное светопреставление. Несут и несут. Если бы не этот кузен Джордж, они бы и сейчас еще приходили.

Она остановилась. Глаза ее метали молнии, сердце заново пропускало

через себя перенесенные испытания. Макака поинтересовался, кто такой кузен Джордж.

— Полицейский. Они с Видженом снимают соседний дом. Внезапно нагрянул, велел всем разойтись, и они послушались. Я бы и сама послушалась, если бы такой дядя меня попросил. Спасибо Господу Богу, что сотворил полицейских. Соль земли!

На это замечание Макака не ответил. Он не разделял восторгов перед правоохранительными органами, отношения с которыми и на родине, и в Англии складывались у него отнюдь не безоблачно. Если Соединенные Штаты и Великобритания еще тешили себя надеждой превратиться в рай земной, им надо бы, думал он, заметно сократить полицию.

— Незаменимый человек, этот кузен. Нажил тонну веса, а настоящий рыцарь. Допускаю, он чувствовал себя обязанным, потому что я взяла у него два пятишиллинговых билета на концерт в пользу их сиротского дома. Лишний раз доказывает, как верно насчет хлеба по водам.[46] Он проявил столько рвения, словно я скупила весь передний ряд кресел партера. Этим закончился эпизод с кошками.

Макака заметил, что все разрешилось самым благополучным образом, но Лейла Йорк его поправила.

— Благополучным, черта с два! Этим утром пожаловали собаки, и разбираться с ними было некому.

— Собаки?

— Знаете, сколько на свете собачьих пород?

Не в состоянии представить соответствующую информацию, Макака заметил, что их немало.

— Так вот, этим утром прибыли представители всех известных пород, кроме мексиканского чау-чау. По-моему, чау-чау не было, хотя я могла и ошибиться. Учтите, я собак люблю, у меня у самой в деревне их шесть штук, но…

— «Приусадебный мирок» — не ваш дом?

— Нет, я туда переехала, потому что решила написать книгу о жизни предместий. Живу я в Луз Чиппингз, в Сассексе, и уже подумываю о том, чтобы вернуться обратно. Еще разок что-нибудь такое случится, и поминай меня как звали! Что это с вами?

Вопрос был вызван тем, что по тощему остову ее собеседника пробежал озноб, а вощеные усы выполнили функцию камертона. Макака Твист, как уже говорилось, — человек с дальним прицелом, лицезрел прескверное видение. Столь же явственно, как если бы она сама к нему заявилась, различал он за диковинными несуразностями изящную ручку

миссис Томас Дж. Моллой. Его посетительница говорила о том, что ее кто-то хотел поддразнить. Долли Моллой и в голову бы не пришло кого-то дразнить! Она была до мозга костей деловой женщиной; все ее предприятия диктовались исключительно заботой о деле. А Мыльный, это чучело гороховое, все растрепал ему про погремушки, вплоть до того, где они лежат. Все стыкуется, звенело у него в ушах, все стыкуется.

Резким движением руки уняв вибрацию усов, он подался вперед, и Лейла Йорк настроилась на то, что сейчас с ним случится какой-нибудь припадок.

— Задумывались ли вы над тем, — спросил он, — что лицо, поместившее эти объявления, пытается удалить вас из «Приусадебного мирка», поскольку в доме сокрыт некий предмет, которым оно желало бы завладеть в том случае, если в доме не останется жильцов?

Лейла Йорк взвесила это предположение и почти сразу отнесла к категории вздорных. Слов нет, английский преступный элемент включает в свои ряды некоторое число завзятых оригиналов, но она никогда бы не поверила, что даже они стали бы пускаться во все тяжкие, чтобы раздобыть азиатский ландыш, репродукцию «Гугенота», фарфоровую вазу и узорочье из нежно-розовых раковин.

— Да что оттуда красть-то? — отрезала она.

— Не исключено, что этот предмет зарыт в саду.

— Только не кость. Собаки бы ее раскопали. Макакино лицо, сохранив почтительную мину, выразило сожаление о таком безрассудстве. Манеры его прибавили в напыщенности, речь — в выспренности.

— Если верно мое предположение, и на территории дома сокрыты ценные предметы, то позволительно заключить, что они помещены там одним из недавних постояльцев. Любопытно было бы узнать, кто до вас нанимал «Приусадебный мирок».

— Мне это известно. Корнелиус сказал. Некий Моллой. Макака картинно встрепенулся.

— Моллой?!

— По словам Корнелиуса.

— Американец?

— Да.

— Крупный мужчина с высоким лбом?

— Не знаю. Я его никогда не видела, — ответила Лейла Йорк, не ведая, что не обойдена этой честью. — А в чем дело?

— У меня есть версия. Им может оказаться опаснейший плут и мошенник Мыльный Моллой. А кто, между прочим, этот Корнелиус?

— Жилищный маклер.

— С вашего разрешения я сейчас же ему позвоню. Маловероятно, что это однофамильцы! — провозгласил Макака, роясь в ящиках стола в поисках телефонного справочника. — И Моллой, видите ли, и все эти ненормальные, если не сказать, аномальные происшествия… Подозрительно, подозрительно… Мистер Корнелиус? Вам звонят из розыскного агентства «Дж. Шерингем Эдер». Нам поступила просьба из Скотланд Ярда оказать им содействие в установлении личности человека, называющего себя Моллой, и до недавнего времени проживавшего в доме, известном как «Приусадебный мирок». В Скотланд Ярде полагают, что речь идет о том самом Моллое, которым они интересуются. Не могли бы вы описать нам его внешность?.. Понимаю… Так… Так… Благодарю вас— Он повесил трубку и посмотрел на Лейлу Йорк с застенчивым триумфом. — Все выяснилось. Это тот самый человек.

— И кто же он такой? — почтительно спросила Лейла Йорк. Когда она оказалась в этом офисе, его бесприютность и неряшливость на какое-то время поколебали ее доверие к хозяину, однако теперь оно было в полной мере восстановлено. Что мелкая неряшливость, думала она, когда у человека есть голова, а в ней — острый, беспощадный ум?

Макака вспушил себе усы.

— Мыльный Моллой, хотя против него до сих пор не собрано улик, достаточных для предания суду, — глава международной банды наркодельцов, с которой полиция безуспешно пытается покончить уже долгие годы. У меня лично нет сомнений, что крупную партию зелья он припрятал в саду «Приусадебного мирка». Вот вам истинная подоплека всего произошедшего. Вы должны как можно скорее удалиться из этого дома.

У Лейлы Йорк вытянулось лицо. В голубых глазах полыхнуло зарево спеси.

— Это что же? Чтобы меня вышвырнул из дома какой-то разносчик опия?

Макака поспешил унять ее встревоженную гордыню.

— Не более чем уловка! Узнав, что в доме никого нет, Моллой решит действовать. Но люди там будут. Там буду я.

— Вы?!

— Предлагаю следующее. Сегодня вечером вы возвращаетесь в Сассекс и говорите этому Корнелиусу, что уезжаете навсегда. Моллой непременно позвонит ему завтра или через пару дней, желая убедиться в том, что его попытки избавиться от вас не прошли даром. Он направится в

«Приусадебный мирок», считая, что пути свободны. Там мы с ним и встретимся.

— Тогда уж воспользуйтесь моим дробовичком.

— В этом нет необходимости. Я прихвачу кое-кого из своих лучших людей — Мередита, в любом случае, и, скорее всего, Шведа. Троих хватит, чтобы укротить негодяя.

— А я думала, Мередит и Швед ищут моего мужа.

— Я должен буду вывести их из дела, но только на несколько часов. По моим представлениям, Моллой объявится завтра вечером. Сделаем приятное Скотланд Ярду.

— С какой стати? Да какое мне дело до Скотланд Ярда? Я хочу найти своего Джо!

— Мы обязательно найдем его, сударыня. Агентство «Шерингем» работает без срывов. Так вы уедете завтра из «Приусадебного мирка»?

— Уеду, раз вы просите.

— Тогда решено. Позвоните мне перед тем, как будете уезжать?

— Хорошо…

— А какой, вы сказали, адресок у вас в деревне?

— Клейнз Холл, Луз Чиппингс.

— Я вышлю туда свой счет, — сказал Макака и, проводив гостью к выходу с обходительностью, которой близкие друзья никогда бы за ним не признали, открыл другой ящик стола и извлек оттуда бутылку виски, без которой, как известно решительно всем, нормальная деятельность сыскного агентства непредставима. По мере того как он пил, лицо его заливало краской, отчасти благодаря щедрому градусу напитка, но еще больше — тому, что вскоре ему предстояло утереть носик миссис Томас Дж. Моллой, которая в прошлом столь часто утирала его собственный нос.

Тем временем Лейла Йорк, ощупью выбравшись из сумеречного гнета Хэсли Корт, очутилась на Бондстрит, чтобы перед ланчем постоять у нескольких витрин. Там и встретилась она с Фредди Видженом, которому предстояло стяжать, если тут уместно это слово, дары дядиного хлебосольства. Приглашение, тождественное августейшему предписанию, настигло его накануне.

Лейла Йорк была неподдельно рада встрече. Впереди намечалась одинокая трапеза, а одиноких трапез она не переваривала.

— Привет, Виджен! — воскликнула она. — Судьба преподносит мне вас в самое время.

Беседа с Макакой оставила ее в наиприятнейшем расположении. Скорое расставание с Вэлли Филдс, способное, по всей видимости, вогнать

в могилу мистера Корнелиуса, вызывало у нее ликование. Ей хотелось домой, в Клейнз Холл, Луз Чиппингс, к родному письменному столу, хотелось опять писать вздор и. галиматью, а не дурить себе голову глубокомысленным мраком с беспросветностью. Уму непостижимо, чего ради она вообще начала мечтать о славе этого угрюмого летописца трущобной жизни, покойного Джорджа Гиссинга. Да одного взгляда на витрину ювелирной лавки достаточно, чтобы заболеть замыслом нового романа про юного Клода и юную Джессамину с серыми глазами и волосами цвета зрелой пшеницы!

— А, здравствуйте, — ответил Фредди. Он показался ей немного заторможенным, не настроенным на жизнерадостную волну. — Ну, как вы сейчас? Дышите полной грудью? Кузен Джордж говорил, у вас тут были трудности с котами.

— Пустяки, — бестрепетно отвечала Лейла Йорк. — Решительно пустяки. Расскажу подробней, когда будете сидеть со мной за ланчем.

— Ой, простите, не могу! Я встречаюсь с дядей Родни.

— Где?

— В «Баррибо».

— Что ж, пойду с вами, — сказала Лейла Йорк.

18

Приводя в блаженство почти всех техасских миллионеров, недавно извещенных, что на принадлежащих им угодьях обнаружено очередное месторождение нефти, и магараджей, смакующих смену обстановки после чинной пышности древних хором, при наступлении обеденного часа в холле отеля «Баррибо» неизменно воцаряется атмосфера дружеского — не путать с разнузданным! — веселья, и атмосфера эта Лейле Йорк пришлась по сердцу. Расставшись с назойливым обществом котов и приободрившись недавним посещением Дж. Шерингема Эдера, она пребывала в обычном для себя деятельном расположении духа. Даже неискушенный наблюдатель смог бы заметить, что в душе у нее цвели сады. Что-то слишком уж пышно, рассудил Фредди, печально глядя на нее.

— Виджен, — провозгласила она, поднимая фужер и искрясь беспредельным счастьем, — присоединяйтесь к этому тосту. Разом — и до дна! За того, кто выдумал жизнь, очень приятную штуку! Вы что-то сказали?

Фредди сказал «Вот это да!», о чем и сообщил, и мисс Йорк

продолжила:

— Виджен, вы видите женщину, которая, если бы в этом караван-сарае разрешали такие вольности, захлопала от избытка чувств в ладоши, сбросила туфли и пустилась в пляс!

— Вот это да, — произнес Фредди.

— Можете уведомить прессу, что я рада, рада, рада, как Полианна![47] И у меня есть на это право. Передо мной воссиял свет, и мне стало ясно, что чистое помешательство — задумываться об угрюмом романе из жизни трущоб. Все. Конец.

— Вот это да… — сказал Фредди.

— Я прямо увидела, как сотни тысяч полоумных теток, высунув языки, ждут, когда я начну раздавать следующую порцию своей диетической кашки. Нехорошо их так жестоко разочаровывать. Надо быть погуманней, сказала я. Да кто я такая, чтобы лишать их простых радостей жизни? Не растеряй доверия публики, душенька, добавила я, подав последнюю реплику.

— Вот это да, — сказал Фредди.

— Тут есть еще один нюанс. Эта трущобная литература должна тянуть не менее чем на полтысячи страниц, и работа превратилась бы в сущую каменоломню, тогда как первая заповедь писательского труда гласит, что он не может быть в тягость. Надо следовать своим бессознательным предпочтениям. Чую сердцем, не за горами то время, когда я смогу клепать свои погремушки прямо во сне.

— Вот это да! — сказал Фредди.

Она метнула в него пронзительный взгляд. Несмотря на склонность брать на себя в беседе роль лидера, ей бы хотелось несколько большей взаимности. Какой-то получается односторонний обмен опытом!

— Вам не кажется, что за отчетный период кроме «вот это па» вы ничего не сказали? — спросила она. — Какой-то вы смурной, Виджен.

— Есть чуть-чуть.

— Вас что-то гложет?

На лице Фредди забрезжила безжизненная улыбка, наподобие той, которой могла бы осклабиться затерянная в преисподней душа, если ее позабавит колкость другой погибшей души.

— Что меня только не гложет…

— Досталось на службе?

— Можете считать, что досталось. Меня оттуда выгнали. Лейла Йорк растворилась в сердечной участливости.

— Бедный мой, несчастный мальчик! А что там стряслось?

— Ох, да вы все равно в этом ничего не смыслите. Технические неувязки. Дал вчера маху, когда переписывал аффидавит,[48] или как там эта чушь зовется, а сегодня утром прихожу, — причем опять опоздал, поскольку проваландался дома, пытался поговорить с Салли, — вызывает меня к себе Шусмит и объявляет, что я могу идти на все четыре стороны. Оказывается, в нем давно зрело такое желание, хотя он честно пытался его подавить, но в конце концов оно сделалось непреодолимым. Выдал мне месячное жалованье в качестве выходного пособия и заявил, что за счастье раз и навсегда от меня избавиться грех денег жалеть. А напоследок сказал, что это самый светлый день в его жизни.

— Вы не пытались его переубедить?

— Нет, конечно. Зато я его подколол. Помня ваш рассказ о его темном прошлом, я сказал ему, что, может быть, я как работник и не предел мечтаний, зато под рододендроном не целуюсь. Удивительно, но факт. В кустах шиповника — бывало, но с рододендроном как-то не сложилось. «Целуйтесь дальше, Шусмит!» — напутствовал я его, развернулся и пошел куда глаза глядят.

— Жуткая история. Понимаю, почему вы такой понурый.

— Ох, совсем не поэтому. То, что меня выперли, меня никак не беспокоит, я очень скоро разбогатею.

— Каким же это образом?

— Простите, этого я вам сказать не могу, — сказал Фредди, памятуя о наказе мистера Моллоя. — Что-то вроде вложения капитала. Нет, причина упадка духа и падения сил, — продолжал он, уступая желанию поделиться своими тяготами со слушателем, — это Салли. Разве она не сказала вам, что произошло?

— Ни слова. А что такое?

Фредди окунул палец в опустевший фужер, завладел оливкой и с немалым усилием загнал ее внутрь пищевода.

— Если между вами и Салли что-то произошло, вам бы не помешало подкрепиться, — по-матерински заметила Лейла Йорк.

— Вы так считаете?

— Уверена. Официант! Encore[49] по коктейлю. Кстати, об официантах, — сказала она, когда они остались вдвоем. — Мой исчезнувший муж — официант.

— Ничего себе!

— Видела его своими собственными глазам, когда он сновал туда-сюда с рубленой курицей в клубе «Перо и чернила». Но не будем

отвлекаться на обсуждение моих дел. Что касается меня, то за себя я спокойна. На меня работает целый спрут, раскинувший щупальца в разных направлениях, а вы сами знаете, что это за звери. Не знают промахов. Забудьте обо мне и расскажите о Салли. Что, порвали все концы?

— Очень похоже.

— Натворили что-нибудь?

— Ничего я не творил!

— Ну-ну, смелее!

— Все кузен Джордж.

— Тот исправный служака, который вытряхнул из меня на днях червончик за билеты? Он-то здесь каким боком?

Фредди мрачно воззрился на безобидного техасского миллионера, присевшего за соседний столик. Нельзя сказать, чтобы тот ему чем-то не приглянулся, просто столь же мрачно он готов был взирать на любого человека, попавшего в поле его внимания, так что и захожего магараджу встретил бы угрюмо. Когда Виджены теряют любимых женщин, посторонним для их же блага лучше сохранять дистанцию.

— Прежде всего я бы отметил, — прежде всего отметил Фредди, — что из всех калечных и увечных на голову полицейских полудурков тупее кузена Джорджа свет еще не видывал. Он как тот тип из поэмы, за именем которого потянулось все остальное.

— Кажется, знаю, о ком вы говорите. Ему все досаждали по утрам ангелы.[50] Значит, Джордж, по-вашему, страдает умственным увечьем?

— Врожденным. Но на сей раз он перепрыгнул самого себя. Да, понятно, у него есть целая байка, чтобы… Что это за слово, начинается на «вы»? Никак не могу вспомнить…

— Выловить?

— Нет, вызволить. Чтобы себя вызволить, он готов рассказать целую байку. Женщина, видите ли, промокла.

— Я за вами не поспеваю. Какая такая женщина?

— Которая зашла в «Мирную гавань».

— Ваша знакомая?

— Отчасти…

— Так-так…

— Не надо говорить мне «так-так», да еще плотоядно! За ту же ошибку я только вчера отчитывал Салли. Разумеется, — произнес Фредди, содрогаясь вздохом, исходящим, казалось, из-под его носков со стрелочками, — когда мы с ней еще разговаривали.

— А теперь не разговариваете?

— Куда там! Этим утром вижу ее в вашем палисаднике, окликаю, а она обводит меня таким взглядом, будто я какой-то особо неприятный ей прокаженный, и пулей влетает в дом! Вот так я и провалandался, пытаясь восстановить связь, и опоздал на службу. Заметьте, вполне могу ее понять. Она, никуда не денешься, была в моей пижаме.

— Салли?

— Нет, та женщина.

— С которой вы отчасти знакомы?

— Да.

— Была в вашей пижаме?

— В фиолетовую полоску.

— Нн-н-да!

Фредди вскинул руку. Даже кузен Джордж, когда тому случалось стоять на перекрестках, не смог бы вложить в этот жест больше благородства. На лице его запечатлелось выражение, схожее с тем, каким его с утра одарила в палисаднике Салли.

— Никаких «нн-н-да». Это все равно, что «так-так». Я бы все мог ей объяснить в два счета, если только она соизволит меня выслушать, а не будет каждый раз, когда я открываю рот, уноситься прочь со скоростью ветра, словно она хочет побить рекорд на стометровке. Женщина эта попала под ливень и устремилась в «Мирную гавань» в поисках убежища. Там она повстречала Джорджа, Джордж заметил, что она промокла…

— Профессиональная зоркость. Все видят, все замечают.

— …и предложил ей подняться в мою комнату и переодеться, чтобы не подхватить простуду. Потом он повел в ресторан свою девицу, а эту оставил в доме, и потому, когда я вернулся, мы с ней оказались вдвоем.

— И тут вошла Салли?

— Не сразу. Она заглянула в тот момент, когда я оказывал первую помощь. Эта… дама ободрала коленку, и я как раз смазывал ее йодом.

— Коленку?

— Да.

— Обнаженную?

— А вы думаете, она должна прятать ее под слоем брони?

— Нн-н-да…

Фредди повторил упомянутый выше жест, который вызвало предыдущее использование этого междометия.

— Могу я попросить вас не говорить мне «нн-н-да»? Весь это эпизод с первой до последней минуты невинен. Черт меня дери, да когда дама соскабливает три добрых дюйма кожи со своей нижней конечности, и

столбняка не миновать, если с помощью безотказных средств не принять безотлагательных мер, то не должен ли мужчина взять пузырек с йодом? Не оставлять же ее в предсмертных муках на полу вашей гостиной…

— Вообще-то вы правы. Но Салли взглянула на вещь предвзято?

— Оказалось, что она совершенно не понимает истинной положения дел. Я заметил ее не сразу, поскольку склонился над раной и был спиной к двери, но услышал, что кто-то словно бы заскулил, оглянулся, и увидел, как она стоит вытаращив на меня глаза, будто оглушенная. Несколько мгновений продержалась полная тишина, прерванная возгласом «У-уфф!», потому что йод жжет как сволочь, а потом Салли говорит: «Ах, прости меня, пожалуйста, я не знала, что ты не один» — и молча уходит за кулисы. Когда я пришел в себя после шока и бросился за нею, она уже растворилась. Да, заваруха довольно гнусная, — закончил Фредди, и снова метнул хмурый взгляд на пэра, который, в столь обычном для пэров стиле, забежал в «Баррибо» хлопнуть по маленькой перед ланчем и уселся за столик в противоположном углу.

Лейла Йорк тоже нахмурилась, однако складка на ее челе обозначала задумчивость. Она взвешивала и перебирала каждое услышанное слово. Лицо ее приняло непреклонное выражение. Она дотронулась до локтя Фредди:

— Виджен, посмотрите-ка мне прямо в глаза. Он посмотрел ей прямо в глаза.

— И ответьте мне на один вопрос. Честны ли ваши намерения в отношении нашей бедняжки? Не может ли статься, что невинное создание для вас — не более чем игрушка в час праздной прихоти, как допытывалась у Брюса Тэллентайра Анджела Фосдайк в моем романе «Вереск на холмах», когда увидала, что он целуется с ее сестрой Жасминой в фамильном замке? Интересно услышать ваш ответ на этот вопрос, поскольку зависит от него многое.

Фредди, который потонул в одном из баррибоских кресел, мясистее которых и податливее не сыскать во всем Лондоне, не смог бы выпрямиться во весь рост, но посмотрел на нее таким ледяным и горделивым взором, что с успехом подменил этот прием. Голос же его, когда он заговорил, был немного неровным.

— Вы спрашиваете у меня, люблю ли я Салли?

— Именно это.

— Разумеется, люблю. Я по ней с ума схожу.

— Недурно, коли так. Только, мне кажется, любите вы каждую встречную-поперечную.

— Где вы это услышали?
— Салли сказала. Я все знаю из первоисточника.
Фредди, что было мочи, громыхнул по столу. Как специалистка, Лейла Йорк осталась довольна постановкой пальцев.
— То-то и оно! — выговорил он, едва не хрипя. — В этом и состоит ее ошибка. Она судит меня по прошлым показателям. Когда-то, в свое время, признаю, у меня были склонности порхать от цветочка к l веточку и упиваться нектаром, но я с этим завязал, когда появилась она. Кроме нее у меня в этом паршивом мире никого нет. Клеопатру знаете?
— Что-то слышала.
— А царицу Савскую?
— Ну так, мельком.
— Так вот, слепите их в одно целое, и что у вас получится? То, ради чего я и в окно не выгляну, если могу остаться вдвоем с Салли. А вы меня спрашиваете, люблю ли я ее? Пф-фф!
— Как вы сейчас сказали?
— Когда?
— Вслед за словами «…спрашиваете, люблю ли я ее».
— Я сказал «Пф-фф», что должно означать, что вопрос этот — нелепый, вздорный, надуманный, беспочвенный и совершенно излишний, как выразился бы на моем месте Шусмит. Люблю я ее или нет? Еще бы! Отчего ж, как вы думаете, я такой взвинченный, когда она со мной не заговаривает и глядит на меня так, словно сдвинула тяжелый камень и увидела какую-то пакость?
Лейла Йорк кивнула. Это безыскусное красноречие убеждало ее.
— Виджен, я вам поверила. Многие женщины не стали бы этого делать, потому что нет на свете повествования, которое настолько шито белыми нитками. Но я всегда верю любовным речам. И знаете, как я сейчас поступлю? Я пойду, позвоню ей и изложу обстоятельства. Помогу вам, помирю.
— Думаете, что-нибудь выйдет?
— Положитесь на меня.
— Вам никогда не понять, скольким я вам обязан.
— Уймитесь.
— Только идите поскорей!
— Нет, хочу дождаться ланча. А вот и наш Родни… — успела протянуть Лейла Йорк, пока через вращавшуюся дверь протиснулась тучная фигура лорда Блистера. — Интересно, он уже знает о том, что Джонни Шусмит вас выставил?

Ореол вокруг Фредди мигом обмяк и растаял. Он подзабыл, что его ожидает убийственное собеседование с дядюшкой, который никогда не жаловался на бедность лексикона.

— Да, кажется…

— Ну, и держите хвост трубой. Он вас не скушает.

— Постарается, — произнес Фредди. На мгновение ему представилось, что спинной мозг, спускаясь вниз, превращается в студенистую массу.

19

Случаются ланчи, от начала до конца брызжущие весельем, расцвеченные то слева, то справа, словно вспышками зарниц, ослепительными блестками остроумия. Случаются и иные, когда все идет вкривь да вкось, а тоска гнетет собеседников, как туман — лондонское небо. Ланч, проходивший в ресторане «Баррибо» под патронажем лорда Блистера, соответствовал второму определению.

В отнюдь не радужных чувствах явился лорд в «Баррибо». Связавшись утром по телефону с мистером Шусмитом, чтобы выяснить, как продвигаются дела с налоговыми неурядицами, и услыхав, что тот более не нуждается в услугах его племянника, он задумал, при встрече с Фредди, переговорить с этим нарывом на теле Лондона в манере, не допускающей кривотолков; и, перемещаясь в такси к месту встречи, раз за разом проговаривал и шлифовал текст, кое-где вкрапливая прилагательное позабористее, а то и более емкое существительное. Обнаружив, что предвкушаемый им tete-a-tete придется делить на троих, он испытал малоутешительную готовность провалиться на месте. Как человек, болезненно ощущающий грань дозволенного, он сознавал, что суровая буква этикета не дозволяет размазывать по стенке провинившихся племянников в присутствии посторонних дам.

Поэтому на протяжении всей трапезы словарь его был достаточно скуден, а манеры, как действующий вулкан, ждали случая себя показать. Фредди пребывал в каком-то полузабытьи, а Лейлу Йорк главным образом занимало, как увеличился его вес со времени их последней встречи, и она восхваляла различные системы похудения, что не замедлило отразиться на аппетите. Словом, все мероприятие протекало без всякого блеска.

Но даже самая вялая речка в свой срок должна излиться в океан.[51] Когда принесли кофе и учтивая мисс Йорк встала, сказав, что ей нужно

позвонить, он приготовился, как сказал бы на нашем месте Шекспир, вывести из отягощенной груди накопившееся содержимое.[52] Вперив в племянника недобрый взгляд, он произнес: «Ну-сс, Фредерик!», на что Фредди отозвался: «О, дядя Родни, как поживаете?!», словно бы только что признал своего родственника в числе прочих присутствующих. Мыслями его всецело завладел телефонный разговор Лейлы Йорк. Успев заметить теплую, обнадеживающую улыбку, которую она бросила ему напоследок, он поверил, что она покажет товар во всей красе, но довольно ли будет той красы, чтобы переломить Салли? Очень уж много зависело от ответа на этот вопрос, и задумчивость его была вполне извинительна.

Лорд Блистер постарался завладеть его вниманием. Если уж его, как сейчас, разбирало по-настоящему, говорил он не хуже среднего пророка, обличающего людские грехи, и умеющего, что важно, приправить речь выверенным жестом. Тот самый пэр, который успел опрокинуть маленькую, и теперь, перебравшись в ресторан, уписывал ланч за столиком через проход, в одно мгновение сообразил, внимая героям драмы посредством пытливого монокля, что худенький персонаж претерпевает трепку от персонажа жирного — от дяди или кого-то в этом духе. Симпатиями его завладел персонаж худенький. В младые лета и он, бывало, испытывал на себе прелести родительской трепки. Он вышел из семьи, в которой старшее поколение, впав в гневливость, никогда не отказывалось применить силу.

Одна из трудностей при составлении исторических хроник — в том, что, излагая диалог между героями, составитель принужден оставлять существенное и отсеивать лишнее, приводя лишь главные реплики, а не стенографическую запись. Поэтому достаточно упомянуть, что лорд Блистер, поведя разговор о нравственных устоях и духовных изъянах племянника, не упустил самой малой мелочи. Слово «гнида» мелькало здесь с той же частотой, что и прилагательное «паршивая». К моменту выхода на заключительный вираж, мораль, к которой пришел бы каждый, кто бы эту речь ни услышал, сводилась к тому, что остается великой тайной, как столь презренный отпрыск рода человеческого, Фредерик Фозерингей Виджен, умудрился проникнуть в такое уважаемое заведение, как отель «Баррибо»,

Филиппика эта вызвала у Фредди ощущения, знакомые людям, которым довелось пережить в Сан-Франциско землетрясение!906 года. Он заметно сник, он все глубже и глубже погружался внутрь ладно скроенного костюма, когда свершилось то, что напрягло его мышцы, разожгло

кровь[53] и привело к догадке, что можно твердо сидеть на своем месте и к тому же стоять за свои права. В дверях ресторана появилось двое посетителей и прошествовали к столу, за которым сидел пэр. Один из них был Пуфиком Проссером, другой — Мыльным Моллоем. В апартаментах Мыльного они успели выпить аперитива, а Пуфик выписал чек за очередной пакет акций «Серебряной реки», осыпав неумеренными излияниями признательности сей великодушный поступок.

Появление Мыльного не замедлило сказаться на Фредди. Град унизительных сравнений, Извергавшийся из уст дяди, совершенно затмил в его сознании мысль о том, что очень скоро, еще до отъезда в Кению, он станет богатым человеком, а там уж разбогатеет вконец. И вот, вернувшись к нему, мысль эта напомнила, что нет ровным счетом никакой необходимости высиживать и выслушивать хулу этого обрюзгшего родича, который вместо того, чтобы оскорблять и поносить свою плоть и кровь, мог бы с большей пользой употребить время на турецкие бани или на вкушение хлеба и помидоров. Спокойствие и сила наполняли его, и в том, как он распрямлялся в кресле, было немало от движений червяка, выползающего на поверхность после страшной бури. Он не сомневался, что ему вполне по плечу задача отбрить любого двухсотпятидесятифунтового дядю.

— Все это очень мило, дядя Родни, — небрежно отозвался он, — да и вы, наверное, правы во многом, только, понравится вам это или нет, на самом-то деле вы ничего не знаете.

Было бы неточно утверждать, что этот вызывающий тон со стороны того, кого не рискнешь уподобить даже пыли под колесами своей колесницы, заставил лорда Блистера задохнуться от возмущения. Ему и без того дышалось настолько тяжко, что лишний глоток воздуха способен был взорвать его в мелкие клочья. Пришлось удовольствоваться свирепым оскалом.

— Я не понимаю тебя.

— Постараюсь объяснить так, чтобы и дураку стало ясно. То есть… Ну, вы меня понимаете. Давайте-ка я сначала задам вам один вопрос. Вот вы все распаляетесь, что Шусмит взял тропку повыше, а я, стало быть, пониже,[54] отношения у нас страдают, а вам самому бы понравилось прислуживать на побегушках в адвокатской конторе?

— Вопрос как-то не стоит.

— Стоит-стоит, если я его поставил. А ответ — нет, нисколько не понравилось бы. Вот и мне не нравится. Я хочу поехать в Кению и стать

там кофейным королем.

— Опять этот вздор!

— Это не вздор. Трезвый, взвешенный шаг.

— Ты уже говорил мне, что хочешь получить у меня три тысячи фунтов, чтобы вложить в дело. Только я тебе их не дам.

Фредди брезгливо отмахнулся. Пэр королевства, поедавший в данный момент truite bleu,[55] застыл в восхищении, не донеся вилку до рта. Такого он от тощего не ожидал. Видимо, тощий ухватил быка за рога; и пэр от всего сердца пожелал ему удачи. Незадолго перед тем он опознал в лорде Блистере члена своего клуба, чья манера есть суп была ему глубоко неприятна, и теперь страстно жаждал, чтобы тощий хорошенько ему всыпал.

— Поберегите свое золотишко, дядя Родни! — сказал Фредди, сожалея вдогонку, что не решился на «барахлишко». — Не позарюсь я на него. Своих денег девать некуда.

— Что?!

— Буквально некуда. Если не сейчас, то через парочку дней. Поверните-ка ваш жбанчик на десять градусов, норд-норд-ост. Замечаете, там, за столиком, павлин сидит? Не тот, который с прыщами, а другой. Богатый американский финансист.

Лорд Блистер осмотрелся кругом.

— А, так это же Моллой! Фредди удивился.

— Вы знакомы?

— Разумеется. Он ведет операции с бумагами, которыми я владею.

— Чьи они?

— Видит Бог, не знаю, почему это должно тебя беспокоить, но принадлежат они концерну по добыче и переработке нефти «Серебряная река».

— О Господи! Вы их у него купили?

— Да, купил.

— И я тоже.

Лорд Блистер вытаращился на него.

— Кто, ты?!

— Собственноручно.

— Да с каких радостей у тебя вдруг нашлась?..

— Заначка, чтобы расплатиться? Крестная кое-какие пиастры завещала. Сумма не убийственная, но хватило, чтобы профинансировать подписку. Теперь вам ясно, что я по Щусмиту слезки ронять не собираюсь? Через месяц-другой десять тонн у меня на полке среди сувениров будут

валяться. Моллой это гарантирует. Кто такой Шусмит, я теперь вообще могу забыть, а «Шусмит, Шусмит и Шусмит» — тем более. Удивительно, — пустился он в размышления, — какие только ярлыки не шьют себе эти адвокатские конторы! На днях познакомился с одним субъектом в клубе, и он рассказывал, что работает на «Хогг, Хогг, Симпсон, Бивэн, Мэргатройд и Мерриуэзер». Я говорю ему: «Однако! И как же они себя чувствуют?», а он мне отвечает, что они все перемерли еще в восьмидесятых, и делом заправляет некий Смит. Что я хочу сказать? Ахал бы дядя, на себя глядя. Вы меня поняли?

Облик и поведение лорда Блистера переживали существенное обновление. И хотя говорить о том, что сделался он ласков и нежен, было бы, пожалуй, преждевременно, он перестал смотреть на Фредди так, как если бы тот был носителем бубонной чумы, застигнутым за обшариванием его карманов. Разница между восприятием племянника, потерявшего работу и таящего в себе угрозу обратиться за содержанием, и племянника, подписавшегося на ценные бумаги баснословно процветающей нефтяной компании, обозначается изящно, но очень внятно. В качестве примера можно указать на то, что бережливый по натуре человек, ведущий счет каждой копеечке, осведомился у Фредди, не хотелось бы ему к кофе ликера. Он слегка поморщился, когда Фредди ответил утвердительно, поскольку ликер в «Баррибо» стоит недешево, однако обходительности не растерял. Пэр, поглощавший всю сцену, так же выпучив глаза, как сорок лет назад, наблюдая за безмолвным движением кинокадров, на этом месте решил, что драма исчерпана, и вновь принялся за свою truite.

— Ну что же, должен сказать, это меняет дело, — сказал лорд Блистер. — Если у тебя имеются солидные средства, ты, разумеется, не обязан цепляться за низкий оклад в шусмитовской фирме, тем более, учитывая, что ты вознамерился отправиться в Кению. Надеешься там прижиться?

— Мой приятель Боддингтон в восторге. Пространства там, он пишет, огромные и совершенно открытые.

— Выращивание кофе — это большие деньги.

— Горы золота. Мне, например, точно известно, что Боддингтон курит сигары по семь шиллингов шесть пенсов.

— Да, ты поступаешь разумно… С другой стороны, сам бы я вряд ли захотел поселиться в Кении.

— Могу вас понять. Всегда рискуешь, конечно, что тебя съест лев, и все пойдет насмарку, но надо ведь делать допуск в ту или иную сторону. Я много об этом думал, дядя Родни, и пришел к убеждению, что Кения — это

то, что нужно, если, правда… — Фредди умолк, и легкий румянец покрыл его щеки. — Если со мной будет Салли. Я, наверное, вам еще не говорил, но я собираюсь жениться.

Лорд Блистер онемел от ужаса. И в физическом, и в чисто умственном отношении считаясь одним из самых крепких лондонских холостяков, он с неизменным благоговением поминал ангела-хранителя, состряпавшего ему размолвку, когда в свое время его посещала мысль обвенчаться с Лейлой Йорк, урожденной Бесси Биннс.

— Вы уже обручены? — проговорил он дрогнувшим голосом. Фредди не был его любимчиком, но гуманные инстинкты есть у каждого человека, и он посочувствовал бы любому, кто стоит над матримониальным омутом.

— Это, — ответил Фредди, — мы узнаем определенно, когда вернется мисс Йорк. Строго между нами, у меня с моею суженой вышло плачевное недоразумение.

— А-га! — отозвался лорд Блистер, оживляясь, как свойственно человеку при известии о том, что надежда не погибла.

— Мисс Йорк сейчас звонит по телефону и пытается ее урезонить. Знаете, из-за чего вся неприятность? Салли тогда заявилась неожиданно и увидала женщину в моей пижаме… А, вот она идет, — проговорил Фредди, подтягиваясь кверху, как семга в нерестовый период. Итак, говорил он себе, сейчас он услышит приговор.

Лейла Йорк принесла самые восхитительные новости.

— Все уладилось, — кратко бросила она, подходя к столику. — Можете расслабиться, Виджен. Она заказывает приданое.

— То есть вы хотите сказать?..

— На Потомаке[56] тишь да гладь. Перед вами — светлая дорога. Можете действовать по намеченному плану.

Лорд Блистер боролся с судорогой.

— Если я тебя понял, эта девица, как бишь ее, вознамерилась выйти за Фредерика?

— И выйдет, как только получит лицензию.[57]

— Боже мой! — проронил лорд Блистер, словно бы только что услышал из уст опытного медика, что его племяннику осталось жить в лучшем случае месяц; и в смятенных чувствах обернулся к Фредди. — У вас и бумаги имеются?

— Масса.

— И там упоминается женитьба?

— Через каждую строку.

— Официант! — возопил лорд Блистер, начисто позабыв о том, что цены отель «Баррибо» заламывал такие, словно потчевал клиентов платиной. — Подайте-ка бренди.

Фредди был оглушен свалившимся счастьем, но не позабыл о нормах учтивости по отношению к стоящей у накрытого столика даме.

— А вы разве не присядете? — спросил он.

— Нет времени.

— Еще целый день впереди.

— Все возможно, но я записалась к парикмахерше, которая примет меня, только если я попаду к ней в ближайшие десять секунд. Спасибо за ланч, Родни. Хорошо, что снова увиделись. Как в те стародавние времена.

Лорд Блистер затрепетал. Так случалось всегда, когда ему напоминали о стародавних временах. Если бы не милосердие Божие и отточенная, мастерская работа ангела-хранителя, подумал он, быть бы ему в том же незадачливом положении, в котором оказался племянник.

Лейла Йорк собралась двинуться восвояси, однако, словно некий василиск наложил на нее свои чары, застыла на месте, и глаза ее сузились. Видимо, ее обеспокоил стол, за которым Мыльный Моллой предавался радостям жизни за счет Пуфика. Пуфик, вообще говоря, расставался с деньгами осторожно; однако если вдруг является человек и преподносит тебе пухлую дольку такого сочного ананасика, как «Серебряная река», дело чести его угостить.

Она тяжело перевела дыхание.

— Наверное, если швырнуть мясным рулетом в другого посетителя, «Баррибо» внесет меня в черные списки, — произнесла она с тоской в голосе, — однако соблазн — страшный. Взгляните-ка на этого гада, который лопает, как изголодавшийся питон. У него совесть праведника, скажете вы. Не будь я слабой, немощной женщиной, подошла бы, да и ткнула его мордой в то, чем он там обжирается.

Фредди не сразу собрался с мыслями. На какого именно гада, спросил он, она указывает.

— Третий столик отсюда, рядом с мужчиной в очках. Этот, высоколобый.

— Вы говорите про Томаса Дж. Моллоя?!

— Не знаю. Я с ним встречалась только дважды, и визитками мы не обменивались. Первый раз в Ле Тукэ, когда он объегорил меня на тысячу фунтов с помощью фальшивых акций какой-то «Серебряной реки», второй — когда он явился в Вэлли Филдс, и я показала ему свой дробовик.

Изумление Фредди переросло все возможные границы. Ощущение

было такое, будто эпитет «фальшивые» она предпослала акциям «Серебряной реки», но он полагал, что не все правильно расслышал. Точь-в-точь, как и лорд Блистер, который вышел из задумчивости и уставился на нее, не мигая.

— Как-как ты сказала? — вскричал он.

— Я говорила вот о том червонном валете и о том, как он уболтал меня купить эти акции.

— Но ведь это огромная ценность!

— Не знаю, для кого как. Может быть, для ценителя туалетной бумаги. Хорошо, если вы по ним два пенса вернете. Я так говорю, потому что сама попыталась и узнала, что покупателей на них нет. Единственное предложение исходило от человека, у которого ребенок-дебил. Он сказал мне, что разноцветные бумажки могут доставить малышу радость. И ведь вся дикость в том, что балабола этого нельзя посадить в тюрьму: я наводила справки, и выяснялось, что рудник «Серебряная река» существует где-то в Аризоне. Он купил его за пятьдесят долларов, и из него выкачали все до последней капли еще в двадцать шестом году. Это развязывает ему руки. Он может надувать направо и налево безвинных чайников, не рискуя схлопотать срок за выманивание денег при помощи заведомо ложных сведений. Вот в таком мире и приходится жить, — закончила Лейла Йорк и направилась к выходу, чтобы не опоздать в парикмахерскую.

Покинутые ею дядя и племянник напоминали скульптурную группу, вытесанную из гранита неким зодчим, которого их бывшие друзья и почитатели наняли для увековечения памяти. Пэру, покончившему с truite bleu и принявшемуся было за взбитый омлет, почудилось, как только они оказались в поле его наблюдений, что они что-то не то съели — конечно, не устриц, поскольку дело было в июне, и уж, конечно, не truite bleu, она вне подозрений. Более уместно предположить что-нибудь из семейства гуляшей, есть которые нельзя, кроме тех случаев, когда, как человек дальновидный, вы заблаговременно заказали химический анализ сведущему специалисту.

Первым пришел в движение лорд Блистер, и весьма немногие из тех, кто лицезрел его только в курительной комнате клуба, где он вразвалочку ступал к столику с газетами и журналами, чтобы взять в руки свежий выпуск «Скэч» или «Тэтлер», смогли бы заподозрить в нем способности к развитию таких скоростей. Увидев, как он покрыл отделявшее его от Мыльного расстояние, можно было живо вообразить пассажира железной дороги, влетающего за пять минут до отхода поезда в привокзальный

буфет где-нибудь на Виктории или Ватерлоо и требующего джина с тоником. Вздыбившись над Мыльным и гулким ударом опустив ему на плечо руку, он произнес:

— Вы мерзавец и плут!

Мыльный, которого эти слова настигли, когда он заглатывал филе средней прожарки, отвечать не стал, чтобы окончательно не подавиться. Роль решительного человека, совершенно необходимую в подобных случаях, принял на себя Пуфик.

— Как вы его назвали?

— Плутом.

— *Плутом?* Может, объясните?

— Объясню. Акция «Серебряной реки», которую он мне продал, стоит меньше туалетной бумаги. Этот человек — отъявленный шельмец!

У Пуфика затряслась челюсть. Под прыщами проступала бледность.

— Вы это серьезно?

На такой вопрос полагается ответить: «Еще как!», но лорд Блистер говорить не мог. Приходилось расплачиваться за проделанный рейд. Он лишь кивнул головой.

Пуфику было довольно и кивка. Где лорд раздобыл такие сведения, он не знал, но ни на мгновение в них не усомнился. Такие уважаемые граждане, как лорд Блистер, не будут закатывать сцены в общественных местах, если не имеют убедительных оснований, а побагровевшая физиономия Мыльного представляла очевидное доказательство виновности. На самом деле побагровел Мыльный из-за филе, о котором упоминалось выше, но этого Пуфик не ведал. Суть его мыслей сводилась к тому, что если человек, которого назвали жуликом, в одно мгновение начинает смахивать на спелую сливу, то вердикт по делу вынесен. Вспомнив о том, что в бумажнике его визави находится чек на две тысячи фунтов, подписанный «А. Проссер», Пуфик действовал безотлагательно. Обойдя кругом столик, он ринулся на Мыльного, и, не теряя ни секунды, стал его душить.

На свете немало ресторанов, где подобное поведение сопровождалось бы одобрительным гиканьем или, хотя бы, простым вздыманием бровей, но не таков ресторан, принадлежащий отелю «Баррибо». В скорбном недоумении переглянулись между собой официанты, метрдотель поджал губы, пэр королевства промолвил: «Неподражаемо. Бесподобно!», а мойщика посуды послали за полицией.

В надлежащий срок прибыли сразу двое штатных сотрудников, а поскольку каждый из них размерами был с кузена Джорджа, они легко и

весьма своевременно спасли человеческую жизнь, хотя тот же Пуфик, если б его спросили, усомнился, применимо ли это слово к существу, на груди которого он восседал. Взяв Пуфика под стражу, полисмены удалились, а отель «Баррибо» вновь погрузился в обычное для него изысканное благолепие.

Ничего этого Фредди не заметил. Он сидел за столиком, обхватив голову руками.

20

В наши дни, получив добрые известия, люди нечасто произносят «Шик-блеск-красота!», тогда как в былые времена это, по-видимому, было самым обычным делом, и потому Салли, отойдя от телефона по завершении переговоров с мисс Йорк, не воспользовалась таким способом самовыражения. Однако настроение вполне позволяло ей это сделать, поскольку душа ее возликовала, а жизнь, совсем незадолго до того казавшаяся серой и беспросветной, словно промозглое воскресенье в северном промышленном городишке, снова стала средоточием радости и солнечного света, в полном согласии с тостом, провозглашенным Лейлой Йорк в адрес ее Создателя. Удачней всего, пожалуй, передал бы эти чувства возглас «Ура!»

Но за приступом счастья последовали муки совести. Салли затрепетала при воспоминании о том, сколь неблаговидные подозрения посещали ее по поводу Фредерика Виджена, тогда как Фредерик, оказывается, совершенно сливался с образом сэра Галахада. Следовало подумать о том, твердила она, что всякий человек, имеющий такого кузена, в сущности, обречен рано или поздно застать у себя в гостиной блондинку, облаченную в его пижаму. Уж если парадом взялся командовать Джордж, можно только удивляться, что блондинка — в единственном числе.

Муки совести уступили место признательности. Лейла Йорк прекрасно справилась с функцией посредника. Именно она, которая без устали проделывала то же самое в выходящих из-под ее пера романах, довела дело до счастливой развязки, и Салли показалось, что ответный жест был бы нелишним. Единственное, что ей пришло в голову, — заменить отбивную с жареной картошкой каким-нибудь особым блюдом. Надев шляпку, она отправилась на поиски нужных ингредиентов.

Хотя цветов здесь выращивают больше, а за лужайками ухаживают лучше, чем в любом другом пригороде к югу от Темзы, Вэлли Филдс

немного скудноват на-роскошные магазины, в которых можно запастись всем необходимым для умопомрачительного обеда. Чтобы справиться с этой задачей, вам придется дойти, страшно сказать, до Брикстона, и вот туда-то и направила свои стопы Салли. Следовательно, вернуться скоро она не могла. Когда ж это свершилось, она увидела на крыльце «Приусадебного мирка» мистера Корнелиуса.

— О, мисс Фостер! — сказал мистер Корнелиус— Вот и вы, наконец. А я все звоню и звоню.

— Простите, — сказала Салли. — Отправилась за покупками в Брикстон, да вот туземец-рикша заплутал на обратном пути. Ничего не случилось? С вами все в порядке?

— Со мной — да. Самочувствие превосходное, сердечно вам благодарен. И так — всегда, — продолжал мистер Корнелиус, в котором тенденция к словоохотливости проявлялась всякий раз, когда заходила речь о его здоровье, — если бы только не внезапные схватки ревматизма, которые случаются со мной при плохой погоде. А вот мистер Виджен меня очень тревожит. Сидит под деревом у себя в садике и стенает.

— Стенает?!

— Уверяю вас. Мне нужно было проведать кроликов, один из которых отказался от латука, а это более чем странно, поскольку на аппетит он никогда не жаловался, и тут-то я увидел мистера Виджена. «Добрый вечер, мистер Виджен», — говорю я. Он поднял голову и как застонет…

— И вы его ни о чем не спросили?

— Как тут спросишь? У меня возникло предположение, что он получил дурные известия, а в подобных обстоятельствах тактичный человек лезть не будет.

Салли вдруг осенило:

— А вы не думаете, что он пел?

— Полностью исключено. Я слышал, как он поет, это совсем непохоже.

— Ну что ж, большое спасибо, мистер Корнелиус, — сказала Салли. — Пойду узнаю, что случилось.

Она поспешила в дом, разложила покупки на кухне и выбежала в сад. В голове у нее складывалась теория, способная связать все обстоятельства. Фредди, как было ей известно из телефонного разговора с Лейлой Йорк, обедал в отеле «Баррибо» за счет своего дяди, а когда человек, который в обеденный перерыв пьет кофе с сандвичем, вдруг попадает к бесплатному столу в таком заведении, он может немного перегнуть палку. Подойдя к забору, она понадеялась, что двух разбавленных в стакане таблеток будет

достаточно, чтобы на щеках у возлюбленного вновь заиграл румянец.

Но стоило ей его увидеть, как надежда эта увяла. Он больше не сидел под деревом, он расхаживал взад-вперед по лужайке, и, бросив взгляд на осунувшееся лицо, она тут же заключила, что дело не только в преходящем воспалении слизистой оболочки. Несходство между страдающим человеком, и тем, кого гложет вопрос, почему же он не воздержался от омара, легко бросается в глаза даже издали.

— Фредди! — крикнула она. Он проковылял к забору и обвел ее опустошенным взором.

— Здравствуй, — отозвался он глухо, и она с ужасом поняла, что ни это свидание, ни то, что после ледяной отчужденности она с ним заговорила, не в силах рассеять его уныние.

— Фредди, дорогой! — взмолилась она, заподозрив, что он не знает о ее разговоре с мисс Йорк, — Неужели она не сказала тебе, что все уладилось?

— Кто?

— Лейла Йорк.

— А-аа, да-да-да. Сказала. Это, конечно, очень хорошо, как будто съездил в Боньор Реджис… Освежает… В этом смысле все в порядке.

— Тогда почему у тебя такой скорбный вид?

Миг-другой он размышлял молча. Специалист по Шекспиру, должно быть, сумел бы при взгляде на него сравнить его с наименее бесшабашным из всех Гамлетов, виденных на сцене от «Олд Вика» до Стратфорда.[58]

— Не знаю, как это помягче выразить.

— Что именно?

— То, что со мной случилось.

— У меня мурашки по коже бегают!

— Они еще не так забегают, когда ты все узнаешь, — молвил Фредди с прискорбным злорадством. Человек, которому предстоит обнародовать печальные вести, испытывает греховное наслаждение при мысли о том, что это — истинная сенсация. — Мне конец!

— Что случилось?!

— Я разорен. Я погиб. Все пропало.

— О чем ты?!

— Пока я буду говорить, дыши носом и глубже. Помнишь эту мою акцию «Серебряной реки»?

— Ну конечно.

— Она пустая.

— Но мне казалось…

— Мне тоже. Вот где вся закавыка. Этот Моллой — истинный гад. Волк в овечьей шкуре. Только и думает, кого пожрать.[59] Меня-то он сожрал в два счета. Тысяча штук испарилась за клочок бумажки, которому красная цена два пенса. А, кстати сказать, — припомнил Фредди. — Меня с работы уволили.

— О, Фредди!

— Шусмит этим утром выгнал. Одна пакость за другой! Салли бессильно прислонилась к забору. Устремив взгляд на Фредди, она обнаружила, что он словно бы реет в воздухе. Из чего не следует, что он стал выглядеть лучше.

— Единственный просвет в том, что он выдал мне месячное жалованье, так что я позволю себе пригласить тебя в ресторан. Как ты, не против?

Салли кивнула. Говорить она пока не могла.

— Нужно возместить моральные убытки. Отправимся в «Ритц» и кутнем на полную катушку. Мы же, как-никак, теперь вместе, — угрюмо добавил он.

К Салли вернулась речь.

— Что же ты собираешься делать?

— А вот, наконец, и главный вопросец! Что я могу делать? Видимо, подыскивать работу. Только что же это за работа такая? Мы, Виджены, большие привереды.

— А в Кению ты поехать не сможешь?

— Только если сумею приобрести в ближайшие два-три дня три тысячи фунтов, а шансы на это можно считать умеренными до тех пор, пока я не схвачу мотыгу и не пойду на приступ Английского банка. Вчера мне пришло очередное письмо от Боддингтона. Он не может ждать до бесконечности, и если я не хочу войти в долю, то он будет искать другого человека. Нет, похоже, что Кению мы проплыли.

Салли встрепенулась. У нее зародилась идея.

— Знаешь что…

— Нет, не знаю.

— Я подумала о Лейле Йорк.

— А что с ней случилось?

— Почему бы тебе не занять у нее денег? Фредди удивился.

— У мамаши Йорк?

— Ну да.

— Три тысячи?

— Она и не заметит. У нее их столько, что она не понимает, куда их

можно деть. Все, что она ни напишет, расходится миллионным тиражом, а права на последнюю книгу она продала киношникам за триста тысяч долларов.

Бессмысленно уверять, что при упоминании такой суммы Фредди не сглотнул слюну, однако он был стоек. Персонаж Лейлы Йорк, которого агент темных сил искушает блеском презренного металла, не мог бы дать более решительный отпор:

— Нет, нет и нет, черт бы меня побрал!

— Ты возьмешь в долг. А потом отдашь.

Фредди качал головой. Его взгляды на краткосрочные ссуды так и не устоялись и тем не менее некоторых правил он придерживался неукоснительно.

— Исключено. Дядя Родни — да. Пуфик Проссер — за милую душу. Если б тот или другой хотя бы в малой степени показали готовность к взаимодействию, я бы с превеликой радостью сел им на ухо. Но просить денег у женщины, которую я знаю-то пару дней? Извините, не буду. Нет и нет. Есть у Видженов собственное достоинство.

Которое так помогает им, прибавила бы Салли, будь она в состоянии связно мыслить. С одной стороны, она восхищалась непреклонным, сильным, бескомпромиссным человеком, из уст которого вырвалось это благородное признание. С другой стороны, ей хотелось хватить его по макушке чем-то увесистым, чтобы голова у него наконец заработала.

Она внезапно ощутила, что вот-вот разрыдается.

— Мне нужно пойти в дом, — сказала она. У Фредди отвисла челюсть.

— В дом?

— Да!

— А мне нужно, чтобы ты была рядом. У нас куча нерешенных дел.

— Можем заняться ими попозже. Я должна приготовить обед.

— Мы с тобой обедаем в «Ритце».

— Знаю, но нельзя оставлять голодной Лейлу. Я ей цесарку купила.

Фредди безнадежно махнул рукой.

— Цесарка… в такой момент! Хорошо, стряпай. Когда ты кончишь?

— Она обедает довольно рано. К полседьмому, судя по всему, я буду готова.

— Договорились.

— Ну, пока, — сказала Салли и повернула к дому. Когда она проходила через заднюю дверь, слезы лились потоком. Не из тех она была девушек, которые плачут по всякому поводу, но уж раз начав, исправно

доходила до конца.

Она приводила себя в порядок в ванной, когда в дверь позвонили. Предполагая, что мистер Корнелиус явился за свежей сводкой о стонах ближайшего соседа, она нехотя спустилась вниз и открыла дверь.

Однако на крыльце вместо мистера Корнелиуса стоял высокий, худой, небрежно одетый мужчина, чья внешность, несмотря на то, что она, бесспорно, видела его впервые, что-то ей смутно напоминала. В руке он держал большую плетеную корзину.

— Простите, пожалуйста, — сказал он. — Вы хозяйка дома?

— Я — ее секретарша.

— А сама она здесь?

— К сожалению, нет. Но скоро вернется.

— Я подожду, если не возражаете, — сказал мужчина. — Я очень долго добирался, и мне бы не хотелось с ней разминуться.

Попятившись бочком мимо Салли с виноватым и даже сокрушенным видом, он проскользнул в гостиную и опустил на пол корзину.

— Я принес ей змей, — сказал он.

21

Ничто не способно так приободрить женщину, как отличный массаж лица и новенькая прическа, и Лейла Йорк, выйдя из косметического кабинета и садясь в машину, готова была взлететь в воздух, что естественно для тех, кто достиг апогея. И в физическом, и душевном отношении она набрала оптимальную высоту. Южные предместья не так часто балуют живописностью своих ландшафтов, однако, пока она через них проезжала, умилили ее вконец. Массу дивных вещей обнаружила она в Клэпхэм Коммон, а уж Херн Хилл показался ей истинным раем.

Сердце у нее было щедрое и отзывчивое. Не было на свете людей, на которых она смотрела бы с неприязнью, за исключением особо насоливших ей Томасов Дж. Моллоев, и самое большое ее удовольствие состояло в том, чтобы порадовать ближних. Упоительно сознавать, что благодаря твоим усилиям Салли сумела удержать свое счастье, когда ты души не чаешь в этой девушке, а разлуку юных сердец отвергаешь вообще, тем паче — весною. Ей не терпелось заглянуть Салли в лицо, и заглянуть в него именно теперь, когда устранились все эти нелепые подозрения и вымыслы, словно бы списанные из ее романов. Должно быть, сияет и светится, предположила она.

Предположение не оправдалось. Когда Лейла Йорк появилась в «Приусадебном мирке, Салли находилась в палисаднике перед домом, однако на ее отнюдь не сияющем и не светящемся лице лежала печать озабоченности. Печать эта неизбежно ложится на лица всех девушек, если они недавно выскочили из гостиной, в которой незнакомый мужчина выкладывает из корзины змей, но о последнем обстоятельстве Лейла Йорк ничего не знала. А потому, решив, что весеннею порой между юными сердцами пробежала еще одна трещинка, при всем своем благодушии не смогла побороть гневливости. «Однако!» — думала она. Приятно водворять мир и согласие, но у всего есть предел. Самые широкие женские натуры не вынесут, если принуждать их к этому каждые пять минут.

Тем не менее она попыталась взяться за дело помягче.

— Здравствуйте, Салли.

— Здравствуйте.

— Видите, я сделала массаж.

— Замечательно.

— Вполне прилично. А Виджен уже здесь?

— Здесь.

— Поговорили вы с ним?

— Да.

— Все наладилось?

— Конечно.

— А почему же вид у вас, — продолжила Лейла Йорк, не выдержав щадящего подхода, — словно у мышки, объевшейся химикатами?

Салли колебалась. Помня бурную реакцию, вызванную у ее патронессы еще свежими в памяти котами, она остерегалась сообщать ей о том, что место их досталось рептилиям, к которым та, судя по всему, не питала ни малейшей привязанности. Но бывают в жизни ситуации, когда откровенность уже ничем не заменишь, и она ответила:

— Пришел один человек.

— Где он?

— В гостиной.

— Чего он хочет?

Салли вновь заколебалась.

— Он пришел по объявлению.

Лейла Йорк побагровела. Дыхание ее стало неровным.

— Снова коты?!

— Нет, не коты.

— Собаки?!

— Нет, не собаки…

— Кто же тогда?!

Салли собрала все мужество, уподобляясь посыльному в шекспировских драмах, который, принеся всемогущему монарху дурные вести, начинает думать, что поступил опрометчиво.

— Понимаете, на этот раз нам принесли змей, — промолвила она.

Она не ошибалась, полагая, что эти слова должны произвести тяжкое впечатление на патронессу. Лейла Йорк начала укрупняться в объеме, превращаясь в прекрасно одетый воздушный шар. Нелегким словом поминала она безвестного и зловещего Моллоя, не признававшего преград на пути к своим целям, и с облегчением вспомнила, что в лице Дж. Шерингема Эдера имеет союзника, которому по силам совладать с ним. Оставалось надеяться, что его ассистенты Мередит и Швед — народ мускулистый, и сумеют прибрать к рукам этого паршивца.

— Змеи? — глухо проговорила она. — Я правильно расслышала?

— Да. В корзине.

— Она в гостиной?

— Теперь они расползлись по всему полу.

— Вы не должны были его пускать!

— Он сам вошел.

— Хорошо. Напрягите зрение и увидите, как он сам будет выходить.

Окно гостиной глядело в палисадник. Двигаясь с грацией взявшей след пантеры, Лейла Йорк подошла к окну и заглянула внутрь. Затем остановилась и всмотрелась пристальнее, а в следующее мгновение отпрянула, как будто подоконник, на который она положила пальцы, был раскаленной сковородой. Сделав несколько неровных шагов, она бессильно опустилась на крыльцо, глядя прямо перед собой недвижимыми очами, и Салли подбежала к ней, сгорая от беспокойства.

— Что такое? Что случилось?

Лейла Йорк что-то прошептала. Нелегко было разобрать ее слова, и Салли сумела уловить только, что случившееся — из серии «туши свет».

— Как до меня сразу не дошло? Кто еще мог явиться со змеями?

— Так вы его знаете?

— Я? Его?!

Салли ахнула. Теперь становилось ясно, почему лицо показалось ей знакомым. Ведь в спальной комнате мисс Йорк стояло шесть фотографий.

— Неужели это и есть?..

— Он самый, он самый. Совершенно не переменился. Немедленно дайте мне что-нибудь выпить.

— Неважно себя чувствуете?

— Чувствую себя так, словно меня освежевала чья-то костлявая лапа, а нижние конечности разобрали на хрящики.

— На кухне есть немного хересу.

— Ведите меня на кухню. Ух ты! — провозгласила Лейла Йорк через пару минут, — Это, конечно, крысиная отрава, однако со мной она обошлась благородно! Бальзам на сердце. А ну-ка, за мной!

Распахнув двери в гостиную, она задержалась на пороге.

— Здравствуй, Джо, — сказала она.

В момент ее появления посетитель взял в руки одну из змей, которыми столь щедро наполнилась комната, и теперь играл с ней, словно занятый посторонними мыслями. Услышав обращенные к нему слова, он затрепетал, и выронив из онемевших пальцев змею, уставился, не мигая, на мисс Йорк.

— Бесси!! — возопил он.

Теперь, когда представилась возможность более тесного знакомства, Салли могла убедиться в том, что ее патронесса справедливо заподозрила в муже бесхарактерность. Лицо у него было ласковое и добродушное; такие лица начинаешь любить с первого взгляда. Но сильным оно не было. Бесхарактерность выдавали робкие глаза, вялый подбородок, нерешительные линии рта. Гусь, на которого, по слову Лейлы, человек этот осмелился бы топнуть ногой, должен был оказаться истинным страстотерпцем. И, как бывает при встрече с мужем интересной женщины, Салли подивилась, что ту угораздило выйти за него замуж. Что же это за таинственные чары, которыми он околдовал такую неукротимую натуру?

Она вовремя опомнилась. Искать ответ на подобные вопросы — затея пустая и бесплодная. Как указал нам один умный человек, любовь слепа,[60] а потому не стоит ничему удивляться. Можно представить, что какой-нибудь Родни, лорд Блистер, голову себе ломает над тем, как она умудрилась полюбить его племянника Фредди. Джо Бишоп все еще не мигал.

— Бесси! — просипел он повторно и провел пальцем по изнанке воротничка, что, по-видимому, проделывал на сцене всякий раз, когда требовалось выразить волнение. — Это ты?!

— Это я. Давай-ка, собери этих гадин, — живо распорядилась Лейла Йорк. Салли иногда приходилось задумываться над тем, что говорят друг другу влюбленные после долгой разлуки; теперь она это знала, — Узнаю родные лица! — промолвила Лейла, без удовольствия разглядывая рептилий. — Вот это, по-моему, Кларисса. Правильно?

— Да, Бесси.

— А это Руперт?

— Да, Бесси.

— Ну, собирай их и складывай в корзину. Они навевают мне воспоминания о твоей мамаше. Как она, кстати, поживает?

— Она год как умерла, Бесси.

— А-а! — сказала Лейла Йорк, и поскольку было очевидно, что лишь с превеликим трудом она не добавила к этому «вот здорово», на несколько мгновений воцарилось неловкое молчание. — Прости, — сказала она наконец. — Тебе, наверное, очень ее не хватает.

— Да.

— Что ж, теперь у тебя буду я.

Джо Бишоп широко раскрыл свои щенячьи глазки.

— Бесси, ты что, хочешь начать сначала?!

— Понятное дело, хочу. Я чахла без тебя, как хворостинка. Наняла осьминога, который обвил своими щупальцами весь Лондон. Почему ты не дал мне знать, что сидишь без денег?

— Да как-то не хотелось.

— Ты — официант на приработке, которому нужно содержать полдесятка змей! Каждая наутро должна съедать по яичку. Ведь эти подлые твари охотней всего жрут яйца вкрутую, верно?

— Да, Бесси.

— Влетает в копеечку, однако. Видно, тратишь на них все свои чаевые. Все-таки ты мог бы найти меня.

— Нет, Бесси, не мог! Мы принадлежали к разным мирам. Я совсем опустился, а ты разбогатела и прославилась.

— Разбогатела — это правда, но прославилась я, скорее, в кавычках. Во всей Англии не сыщешь критика, которого при звуке моего имени не начинает колотить мелкой дрожью.

— А я считаю, что ты пишешь прекрасные книги. Знаешь, что я тебе скажу? По одной твоей вещи я пишу пьесу!

— По какой?

— «Вереск на холмах».

Лейла Йорк сдвинула брови и призадумалась.

— Из «Вереска» пьеса получиться может. Ну и как, дело двигается?

— Да все не могу ей заняться. Времени нет.

— Прекрасно, теперь времени у тебя будет предостаточно. Прямо сейчас ты сядешь в мою машину, и я отвезу тебя в Луз Чиппингс. Пять минут тебе на то, чтобы разобраться со змеями, десять — мне, чтобы

собрать сумку, и мы готовы.

Салли в ужасе застонала.

— А как же цесарка?

— Какая такая цесарка?

— Я ее жарю вам на обед. Лейла Йорк проявила стойкость.

— Оставаться в этом лепрозории — подороже цесарки. Скормите ее котам. Их тут, наверное, еще порядком осталось. А если они откажутся, можете съесть сами.

— Мы обедаем с Фредди в Лондоне…

— Вот и чудненько. Тогда прямо сейчас вы мухой летите в «Бухту», говорите Корнелиусу, что я уезжаю, и что ему никто не мешает сдать дом новому постояльцу. Остаетесь на ночь, завтра отдаете ему ключи и являетесь в Клейнз с чемоданами и обозом. Все ясно?

— Так точно, мой генерал!

— Тогда — ноги в руки и вперед. Если Корнелиус начнет спрашивать, почему я решила трубить отбой, скажите ему, что этот Вэлли Филдс, от которого он без ума, — истинная моровая язва, и я бы не согласилась тут жить, даже если бы ко мне пришли депутаты графства и ползали передо мной на коленях. Не исключено, что его хватит удар, и мы будем его хоронить, но это все пустое. Подумаешь, одной могилой больше! Ну, Джо, — продолжала Лейла Йорк, когда Салли ушла, — вот так история, а?

— Да, Бесси.

— Мы нашли друг друга.

— Да, Бесси.

— Мама родная, как же я по тебе тосковала! Помнишь ту квартирку, в Бэттерси? Ну, теперь все в наших руках. Ты ничего не можешь мне дать, кроме любви, милый, но больше ничего и не нужно. Кстати, я не слишком самонадеянна? Ты меня любишь? Прекрасно. *И* впрямь, лучше спросить. А ты знаешь, чем мы теперь с тобой займемся? Я собираюсь прокатить тебя по Европе. Начнем с Парижа, а продолжим там, где нам заблагорассудится.

— Получается второй медовый месяц.

— Второй, скажешь тоже! У нас и первого-то не было. Я не могла оставить свои байки, а ты пустился в очередное турне с каким-то мерзопакостным фарсом.

— Это была драма с убийствами.

— Ты думаешь? Ах, какая разница! Главное, что медового месяца у нас так и не было. Ничего, мы это исправим. Ты ведь не бывал за границей?

— Однажды был в Дьепе.

— Это здорово. Зато ты не видел сияющей Сиены, колдовской Кордовы, стоглавого Стокгольма и Грецию, колыбель грез. А когда мы приедем обратно, ты примешься за пьесу.

Подойдя к дому, Салли увидела, что до исхода остались считанные секунды. Лейла Йорк сидела за рулем, а ее муж запихивал сумку вместе со змеиным лукошком на заднее сиденье.

— Дело сделано. Я ему сказала.

— Как он это принял?

— Кажется, впал в оторопь. Никак не поймет, что можно вообще уехать из Вэлли Филдс.

Лейла Йорк заметила, что во всякой избушке — свои погремушки, а если у мистера Корнелиуса плохо с головой, его надо пожалеть, и включила зажигание. Машина уже неслась по дороге, когда Джо вдруг испустил громкий вопль:

— Бесси!

— Да?

— Знаешь, что случилось?!

— Нет.

— Мне кажется, я забыл уложить Мейбл!

— Ты прямо рассеянный убийца с большой дороги. А кто же эта самая Мейбл?

— Да ты ее помнишь. Такая зеленоватая, в яблочках.

— А-а, снова эти твари поганые… Ты уверен?

— Ну, не уверен, но мне кажется…

— Ладно, забудь. Моллою будет компания.

22

В «Бухте», угодьях мистера Корнелиуса, воцарилась совершенно нетерпимая атмосфера. По всем помещениям дома расползлись тлетворные пары, превращая приветливую загородную виллу (с городской канализацией, центральным водоснабжением, четырьмя спальнями, двумя гостиными и необходимыми службами) в безутешную юдоль плача. Скорбь — вот то слово, что само просится на уста.

Когда Салли сообщила, что, получив известия о внезапном отбытии знаменитой постоялицы, мистер Корнелиус впал в оторопь, она не погрешила против правды. Он был глубоко потрясен этой новостью, тяжким испытанием для его патриотических чувств. Казалось почти

неправдоподобным, как человек, снискавший возможность проживать в Вэлли Филдс, по зову минутной блажи способен этим пренебречь. Лейла Йорк, бесспорно, небожительница, взрезающая своим скальпелем женское сердце, но и небожители должны знать, где остановиться. И когда вечером он сел за стол с миссис Корнелиус, предвкушая жутковатую трапезу, в которой первые роли отводились какао, копченой селедке и розоватому бланманже, душа его томилась.

Миссис Корнелиус тоже было не по себе. Она была женщина твердая и уравновешенная, как правило — не подвластная сильным переживаниям, однако нынче страдала так отчаянно, что копченая селедка содрогалась, проделывая путь к ее устам. Даже мистер Корнелиус, не отличавшийся наблюдательностью, обратил на это внимание, и когда дело, наконец, дошло до того, что она отодвинула бланманже, он счел, что пришла пора кое-что выяснить. Только душевный катаклизм небывалых масштабов мог отвратить ее от блюда, которое, хоть и напоминало вкусом прокисшую промокашку, всегда было одним из любимейших.

— Ты, кажется, чем-то расстроена, — сказал он.

Миссис Корнелиус смахнула слезинку и порывисто вздохнула. Она дала себе слово отложить объяснения для более подходящего момента, но эта мука оказалась ей не по силам.

— Хуже, чем расстроена, Перси. Я просто места себе не нахожу. Мне не хотелось заводить разговора за столом, потому что знаю, как быстро реагирует твой желудок, и однако, молчать я не могу. Дело касается мистера Виджена.

— А, вот как? Он, бедолага, стонал сегодня в саду.

— Ты мне рассказывал. Так вот, мне удалось узнать, в чем дело. Я беседовала с его кузеном, полицейским, когда ты еще не вернулся с работы. Он мне и объяснил. Все этот Моллой!..

— Ты имеешь в виду мистера Моллоя из «Приусадебного мирка»?

— Того самого, но лучше назвать его мистером Моллоем из Вормвуд Скрабз.[61] Это отъявленный мошенник! Мистер Виджен сказал кузену всю правду. Моллой убедил мистера Виджена вложить все средства в убыточную акцию, и теперь у мистера Виджена за душой — ни гроша.

— Ты хочешь сказать, что «Серебряная река», которую он так расхваливал, — пустышка?

— Вот именно. И Моллой об этом знал! Он умышленно присвоил себе деньги мистера Виджена. Обчистил его до последнего пенса.

Мистер Корнелиус побагровел. В грозном упреке взметнулась борода. Фредди ходил у него в любимчиках.

— Этого я и боялся, — промолвил он. — Никогда не доверял Моллою. Помню, я покачал головой, когда юный Виджен поведал мне о том, как он продал ему вышеупомянутые акции. Невозможно поверить, что американский бизнесмен принесет в жертву солидный куш лишь потому, что ему кто-то приглянулся! Все складывается прескверно. Виджену, насколько я знаю, необходимо иметь три тысячи фунтов, чтобы вложить их в какой-то кофейный концерн. Он полагался на эту «Серебряную реку». Думал, что она поднимется в цене.

— А кроме того, он обручен с этой милой девушкой, секретаршей мисс Йорк. Теперь, естественно, пожениться они не смогут. Ты еще удивляешься, что я не ем бланманже! Не понимаю, как сам ты его ешь.

Мистер Корнелиус, все свои реплики размеренно приправлявший розоватой субстанцией, виновато опустил ложечку, и воцарилось смущенное молчание. Нарушил его донесшийся из залы телефонный звонок. Хозяин пошел брать трубку, а вернулся, с трудом переводя дыхание. За бородой проступил чеканной твердости лик, как у высокопоставленного друида, обнаружившего раскол в пастве.

— Это звонил Моллой, — возвестил он. — Спрашивал, уедет ли мисс Йорк из «Приусадебного мирка», поскольку он хотел бы снова занять дом. Я ответил ему внятно и коротко.

— Надеюсь!

— Я сказал ему, что мисс Йорк и в самом деле уехала. Он выразил удовольствие и сообщил, что сообщит мне свои планы через пару дней. Тогда я объяснил ему, что ни при каких обстоятельствах даже заявления от него принимать не буду. «Я знаю все, — сказал я. — Такие люди, как вы, недостойны "Приусадебного мирка"». Словом, высказал, что я о нем думаю.

— А он что ответил?

— Кажется, я уловил нечто похожее на «Тьфу!» Потом он повесил трубку.

— Прекрасный поступок, Перси. Жаль, что я тебя не слышала.

— Да. Жаль. Они помолчали.

— Знаешь, я, пожалуй, отщипну бланманже, — сказала миссис Корнелиус.

Полагая, что обвинение Мыльного тронет и обрадует самые закаленные сердца, мистер Корнелиус был прав. Только единожды за всю свою жизнь ему доводилось выражаться еще недвусмысленней, когда им был пойман с поличным отпрыск семейства, обитавшего в «Приусадебном мирке» в довидженовский период, — прелестный мальчуган лет девяти от

роду, который вел прицельный огонь из рогатки по кроличьим клеткам. Но какой бы сокрушительной ни была его речь, Мыльного, нередко выслушивавшего обвинения из уст профессионалов, она нимало не покоробила. Он был не из тех, кого может вывести из себя резкое слово, да и физическое насилие. Стычка с Пуфиком Проссером в ресторане «Баррибо», к примеру, показалась ему тривиальной до такой степени, что он едва упомянул о ней в разговоре с женой. Подобные происшествия проходили у него по разряду профессиональных издержек, и он побыстрей выбрасывал их из головы. В разоблачениях квартирного агента его заинтересовало лишь сообщение о том, что Лейла Йорк выехала из «Приусадебного мирка». Водворив на место трубку, он стал с нетерпением поджидать еще ни о чем не ведающую Долли. Та обеспокоилась нехваткой двух-трех нужных мелочей, и незадолго до этого вышла прогуляться по магазинам.

— Солнышко! — вскричал он, когда дверь наконец отворилась. — Только подумай! Вот это новости!

Долли, которая принялась было раскладывать свои приобретения, если только это несколько мягкое слово здесь уместно, порывисто повернулась к нему.

— Неужели…

— А то!

— Уехала?

— С вещами.

— Кто тебе сказал?

— Да Корнелиус этот. Только что говорил по телефону.

— Вот это да! — воскликнула Долли.

Ей довелось испытать все положительные эмоции генерала, который видит плоды выбранного им плана кампании и сознает, что готов отличный материал для будущих мемуаров.

— Я знала, что змей с нее хватит. Только боялась, что никто не ответит на заметку, ведь змеи-то есть не у каждого. Но главное — попытаться! Так и вышло. Ну ладно, я, правда, надеялась снять туфли, пошевелить пальчиками и чуточку расслабиться. За день набегаешься, как собака, и ножки у меня просто отваливаются, но времени у нас нет. Собирайся.

— Куда? У нас вагон времени. Мы и так все подготовили. Как часто бывало в их семейной жизни, неторопливое течение его мыслей Долли не понравилось. Даже Мыльный мог бы сообразить, ради чего эта гонка. Но там, где менее любящая жена ответила бы недобрым словом, упомянув

олухов, которых уронили в детстве, она только вздохнула, сосчитала до десяти и обрисовала ситуацию.

— Послушай, — сказала она. — Ты ведь знаешь, эта тетя поручила Макаке искать ее мужа. Так вот, когда женщина нанимает сыщика на такое задание, она постоянно сообщает о себе в сводке новостей. Если она хочет сменить место, она ему об этом скажет. Берет телефон и говорит: «Ку-ку, уезжаю жить в деревню. Вот вам мой адресок».

У Мыльного поникла челюсть. Как обычно, обо всем он. не подумал.

— Думаешь, она сообщила Макаке, что собрала вещички?

— Естественно, сообщила. Именно сейчас он вполне может направляться в этот «Мирок».

— Бе-да!

— Только, сдается мне, он спешить не будет. Летними вечерами по таким вот Вэлли Филдс ходит порядочно народу, а Макака — типус осторожный. Ладно, нечего нам здесь рассиживать. Надо двигаться.

— Я готов.

— Я тоже. Только давай не будем пороть горячку. Что нам понадобится? Фонарь?

— Фонарь-то зачем?

Долли опять сосчитала до десяти.

— Затем, что в «Приусадебном мирке» электричество мы врубать не будем. Мы не собираемся кричать соседям: «Ау! Вы-то, небось, думали, что в доме пусто? А вот и нет. Сюда пришли Моллои, хотят заграбастать погремушки».

— А, понял, — сказал супруг, улавливая ход ее мысли. Он вполне способен был во всем разобраться, если изъясняли просто и без спешки.

— Так что фонарь нам понадобится. А поскольку Макака вломится в дом, когда там уже будем мы, нам не помешает, — добавила Долли, — прихватить мою клюшечку.

Мыльный молча кивнул. Сердцебиение лишило его дара речи. «Да, жена у меня!» — сказал он себе. Обо всем-то она позаботится, все в своей головке держит.

Путь из столицы в Вэлли Филдс можно проделать на поезде, автобусом или проехать часть дороги в трамвае, но если вы заторопились и расходы во внимание не принимаете, то быстрее будет взять такси. Так и поступили Мыльный с Долли, причем судьба уготовила для них машину новую и скоростную, хотя их распаленному воображению казалось, что она еле катится. Лишних слов сказано не было. В такие минуты редко удается завязать непринужденный разговор. Лишь когда они приехали на

место, и сумрачный, необитаемый силуэт «Приусадебного мирка» утешил их, один из супругов решился заговорить.

— Похоже, его здесь нет, — сказал Мыльный.

— Будем знать точно, когда разведаем округу.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, если Макака здесь, он либо окно разбил, либо еще что-нибудь сделал, иначе как он войдет внутрь?

— А, понял.

— Обойди дом с той стороны, а я пойду по этой. У заднего крыльца они встретились.

— У меня все тихо, — сказал Мыльный.

— У меня тоже. Думаю, мы здесь вовремя.

— Ты меня немного напугала, солнышко.

— Да, положеньице — не сахар, — сказала Долли. — Ну, за дело.

Порывшись в своей элегантной сумочке, она вытащила резиновую дубинку и уверенным движением разбила кухонное окно. Для Мыльного, чья нервная система была не в лучшей форме, звук рассыпающегося в полночной тиши стекла прозвучал грохотом, с каким тысяча тарелок могла бы выпасть из рук тысячи поваров, и, затаив дыхание, он приготовил себя к появлению полиции, которая рванется вперед, выхватив из-за пояса дубинки. Этого не произошло. «Приусадебный мирок» и его окрестности той ночью входили в маршрут кузена Джорджа. В минуты противоправного вторжения бравый служака стоял под сенью куста у одного дома, отдаленного приблизительно на три четверти мили, и наслаждался сигареткой, о которой мечтал последние два часа. Для целостности картины скажем, что перебирал он и нежные мысли о Дженнифер Тиббетт, поскольку этому обыкновению в периоды ночных дежурств он следовал неукоснительно.

Войдя в кухню, Долли включила свой фонарь.

— Я иду наверх. Встретимся в гостиной.

— Фонарь будет у тебя?

— Ясное дело, у меня. Надо мне видеть, что я делаю, а?

— Еще трахнусь обо что-нибудь в темноте…

— Это сколько душе угодно, — снисходительно отозвалась Долли. — Никто тебя за руку хватать не будет. Тут у них — царство свободы, как говорит один легавый.

— Не говори мне о легавых, солнышко! Не сейчас, не в такой момент, — взмолился Мыльный. — Как-то мне это не нравится. И спускайся поскорее вниз.

Когда же она вернулась, его уже не обрадовала замшевая сумочка, покачивающаяся у нее на пальцах. На сумочку он почти и не взглянул, мысли его были заняты совсем другим.

— Вот что, — сказал он. — Ты не думаешь, что хата засвечена?

— Навряд ли. А что такое?

— Мне послышался один звук.

— Какой еще звук?

Мыльный пытался подобрать mot juste.[62]

— Как бы шебуршащий.

— Какой?

— Ну, шебуршащий такой. Я тут в темноте зондировал почву, и откуда-то шел шелестящий, шебуршащий звук. Как у привидений, — добавил Мыльный, по всей видимости, хорошо знакомый с их повадками.

— Это тебе мерещится.

— Ты думаешь?

— Ну! Извел себя совсем, лапочка, вот и померещилось невесть что.

— Может быть… — уныло протянул Мыльный. — Темно, жутко… Нет, как у домушника крыша не едет, если он каждую ночь вот так! Меня бы это довело до нервного тика. Ох, сейчас бы я выпил!

— А на кухне, может, что-нибудь есть. Возьми фонарь да сходи, посмотри.

— Тебе не страшно одной в темноте, мамочка?

— Кому, мне?! Не смеши меня! Вообще-то ничего не случится, если мы зажжем свет, надо только шторы задернуть. И я бы на пару дюймиков приподняла окошко. Здесь душновато. Если найдешь что-нибудь, притащи три стакана.

— Три?

— На тот случай, если Макака объявится.

— Может быть, нам выйти на воздух?

— Нет уж! Я хочу поглядеть на Макакино лицо. Любому человеку, знакомому с Макакой Твистом, подобное желание должно было показаться весьма экстравагантным, если не болезненным, но Мыльный ход ее мыслей уловил и захихикал.

— Обломается, да?

— Обломается и не встанет. Давай, лапуся, шевелись… Надо и отдохнуть немного.

Когда Мыльный вернулся, неся бокалы и бутылку шампанского, которую Салли с превеликим трудом раздобыла к обеденному столу Лейлы Йорк, он застал жену в задумчивости.

— Сказать тебе кое-что, Мыльный?

— Что, солнышко?

— Тут и вправду какой-то звук. Я его сейчас слышала. Немного шуршащий, как ты говорил. Да ладно! Наверное, сквозняк или что-то в этом роде.

— Все может быть, — неуверенно произнес Мыльный и собирался добавить что-то еще, но слова прилипли к его гортани раньше, чем он успел их выговорить.

С переднего крыльца позвонили.

23

Звук этот всполошил Моллоев, так как чудесный вечер мог быть в одно мгновение скомкан. Обнаружив непонятную для своей комплекции фацию, Мыльный исполнил антраша, которые так любезны артистам балета, а Долли, с резким присвистом вобрав в себя воздух, хлопнула по клавишам выключателя. Недвижимые, стояли они во тьме, и даже глухой шебуршащий звук, который пять минут назад лишил его покоя, не смог отвлечь Мыльного от ночного звонка. Рука его лихорадочно нащупывала бутылку шампанского.

— Что это? — процедил он.

— Догадайся с трех раз, — отвечала ему Долли немного резко, но как тут сдержишься? Мало кто любит выслушивать идиотские вопросы в тот момент, когда всеми силами старается прервать вращение Вселенной.

— С крыльца кто-то звонил.

— Ну!

— Ясно. Легавый.

Долли уже избавилась от ощущения, что он пала жертвой одного из тех загадочных взрывов на улицах Лондона, которые «уносят чью-то жизнь». Они пришла в себя и прислушалась к доводам рассудка.

— Да нет, не легавый. Если хочешь знать, я думаю, что это — Макака. Хочет выяснить, пусто ли в доме, пока его не свинтили. Такие вещи надо знать заранее.

Предположение ее оправдалось. Макака Твист, как она заметила, отличался предусмотрительностью. Он все обдумывал заранее, предпочитая, перед тем, как сделать шаг, быть уверенным, что на пути у него не встретятся обломы и проколы. Торопясь побыстрее сесть в машину и стряхнуть с ее шин пыль Вэлли Филдс, Лейла Йорк не дала растянуться

их телефонной беседе и не сообщила, будет ли ее сопровождать секретарша, которая однажды посещала его офис. Не исключено, что ту оставили, чтобы собрать чемоданы.

Тут было о чем подумать. Ничто так не обескуражит человека, проникшего в пустой дом через разбитое окно и питающего интерес к личной собственности его жильцов, как открытие, что дом не так уж и пуст. Особенно верно это для случаев, когда известно, что в доме есть дробовичок. Мыльный подробно рассказал Макаке об оружии мисс Йорк, и тот не жаждал с ним свидания, даже если оно оказалось бы в ручках секретарши. Вот почему он решил позвонить в дверь.

Когда же он позвонил вторично, и ему никто не ответил, стало ясно, что он может успокоиться. Спустившись с крыльца и прокравшись вдоль стены, он с восторгом обнаружил, что первое же окно беспечно приподнято на несколько дюймов. Это устраняло необходимость разбивать стекло, чего он не хотел, ибо цель его заключалось в том, чтобы издавать как можно меньше звуков и не совершать ничего, что могло бы вызвать у соседей отклик или любопытство. Поднять окно было для него делом одной секунды, перемахнуть через подоконник — делом второй секунды, и, донельзя довольный, он уже приготовился себя поздравить, когда внезапная вспышка света ослепила его. Он пребольно закусил язык, ощутив именно то, что ощущают на электрическом стуле.

Когда же пелена рассеялась, он увидал перед собою Долли. Лицо у нее было глумливое, как у малолетней правонарушительницы, которой только что удалось ущу-чить представителя чуждой возрастной группы, а сияющая улыбка, которая так восхищала Мыльного, резанула пришельца, словно острие кинжала. Далеко не впервые пожалел Макака, что не может безнаказанно подсыпать щепоточку малоизученного азиатского зелья в утренний кофе этой дамы, а то и проковырять ее в жизненно важных местах эдаким ножичком с восточным узором. Очами мысли он увидал, как она, безуспешно барахтаясь, идет ко дну озера или иного водоема, а сам он, ухмыляясь, бросает ей чугунную наковальню.

При подобных обстоятельствах очень редко удается собраться и найти нужные слова. Произнеся: «Ах, вот вы где!» — Макака почувствовал, что дал слабинку.

— Мы-то — здесь, — ответила Долли. — А ты как сюда забрел?

Жизненный путь, пройденный Макакой по обочине закона, научил его принимать быстрые решения и оправляться после ударов в минимальные сроки.

— Я пришел, — сказал он, постаравшись говорить достойнее, —

чтобы взять погремушки и отнести их Мыльному.

— Вот оно как!

— Да, так.

— Хотел подобрать их и вручить потом Мыльному?

— Именно.

— За десять процентов от выручки?

— Был такой уговор.

— Вроде джентльменского соглашения? Ну да ладно. Ах, жалость какая!

— Что именно?

— Что тебе пришлось зазря волноваться. Погремушки мы сами забрали. Вон они, там, на столе. Сделаешь хоть один шажочек, — потихоньку вытаскивая из сумки дубинку, Долли наполняла слова глубоким смыслом, — до конца жизни ходить разучишься…

Такие сообщения неизбежно устанавливают тишину. Скажи подобные слова один министр иностранных дел другому министру иностранных дел, другой министр сразу бы не нашел, что ответить. Так и Макака. Он вспушил усы, как оскорбленный негодяй в старосветской мелодраме, бросил взгляд на Мыльного, словно надеясь заручиться его поддержкой; но на высоком челе мистера Моллоя отражалось лишь полнейшее одобрение высказанной мысли.

Тогда он решился пробудить их души к прекрасным чувствам, хотя годы совместного труда с мистером и миссис Моллой (особенно — с нею) могли бы подсказать ему, что он взыскует птичьего молока.

— Некрасиво получается.

— Да нет, ничего, — заверила его Долли.

— Вот именно, — добавил Мыльный.

— Так-то, начальничек, — сказала Долли. — Честное слово, очень мне душу греет, что я утащила такие погремушечки. Тысяч пятьдесят они стоят? Как думаешь, Мыльный?

— Больше, лапочка.

— Наверное, больше! Когда мы продадим их нашим финансовым партнерам, мы с Мыльным дернем в Париж на недельку-другую и пройдемся с независимым видом по Булонскому лесу, словно сорвали банк в Монте-Карло. Мы можем себе это позволить.

Макаку перекосило. Пальцы расстались с усами. Обычно, когда он оставлял их странствовать в этом неприглядном маленьком бору, ему становилось легче, потому что он был крепко к ним привязан, однако теперь, как ни наверчивал он их островерхие кроны, ничего не помогало.

Макака клял себя зато, что ему не хватило ума прибыть в этот дом пораньше, чем рассиживать за обедом. Он потягивал кофе с ликером, наслаждался жизнью, и мысли не допуская, что каждая секунда — на вес золота. И вот, пожалуйста!

Было ясно как день, что, имей Мыльный со своей подругой лучшие чувства, они бы сегодня вечером не были столь расторопны, но он все равно взывал к ним.

— Где моя доля? Где мои десять процентов?

— Ух ты! А ты их заслужил?

— Да. Я — ваше доверенное лицо. Вы пришли сюда раньше и забрали товар, но это ничего не меняет. Как у мамаши Йорк с ее книжками. Вы что же, думаете, если она сама продала хотя б одну из них, то сгребла бы себе всю капусту, а издателям не заплатила? Нет, конечно. Они бы получили свое. То же самое и я. И потом, еще одно. Мамашу Йорк я выкурил. Она хотела пожить еще — любит, что ли, котов? Но я постарался. Сказал, что одна крутая шайка хочет ее выжить, и будет глупо, если она проснется с перерезанной глоткой. Поэтому, если у тебя есть хоть капля совести… Как ты меня назвала?!

Долли, которая назвала его павианом, макакой и шелудивым лемуром, еще раз поделилась своими наблюдениями.

— Ты у меня рваного бакса не получишь, — хладнокровно сообщила она. — Даже если ко мне придет архиепископ Кентерберийский и будет молить-просить. Мы-то с тобой знаем, что тебе захотелось обдурить нас с Мыльным. Хорошо, мы с ним клювом не стали щелкать. Десять процентов, мать моя женщина! Можем дать шестипенсовик, чтоб ты купил воска для усов, но уж на этом — прости.

Макака выпрямился. Он, в сущности, и не надеялся. Если вы пытаетесь смягчить сердце Долли Моллой, то нужно, чтобы за соседней дверью кто-нибудь поставил пластинку с песенкой, которая напомнила бы ей детство. Либо это, либо хорошая, крепкая дубинка.

— Отлично, — сказал он. — Если ты так заговорила, добавить мне нечего. Только два слова. Что мне сейчас помешает выглянуть наружу, кликнуть легавого да заложить тебя с потрохами?

— Объясняю, — услужливо отозвалась Долли. — Как только ты шевельнешься, грохну тебя по тыкве. А вообще-то, — сказала она после скорого раздумья, — мне кажется, это в любом случае неплохо.

— Ну-ну, ласточка! — сказал миролюбивый Мыльный. — Зачем руки пачкать?

Макака тоже сказал, что пачкать их не нужно. В дамах он ценил

женственность.

— Могу я доставить себе удовольствие? — возразила Долли. — Как только я вижу это чудище из соседней галактики, мне сразу хочется жахнуть его чем-нибудь, а сейчас, по-моему, самое подходящее время.

Макака неловко попятился. Он не забыл тот случай, когда приклад пистолета, направляемый недрогнувшей рукой, столкнулся с его затылком, после чего он, как раньше говорили, уже ничего не помнил. Опухоль разгладилась, но не рубцы памяти.

— Слушай-ка, хватит! — закричал он.

Но Мыльный и Долли слушали шебуршащий звук, который недавно привлек их внимание. Теперь он явился снова, и обрел солидность. По ковру передвигалась огромная зеленая змея.

Джо Бишоп не ошибся и не лукавил, сообщая, что забыл уложить Мейбл. Собирая в стойбище милых дружков, он проглядел ее; змея же некоторое время знакомилась с обстановкой, расширяла кругозор, узнала много нового, а потом решила немного прикорнуть под креслом. Оправившись после сна, она охотно продолжила осмотр достопримечательностей. Ступня Долли захватила ее воображение, и она припустила к ней со скоростью, весьма похвальной для безногой рептилии, поскольку уже ощущала урчание в желудке. Нога могла быть съедобной, могла и не быть, — это рассудит время, — но змея посчитала, что исследовать вопрос нужно.

В кругах, где вращалась Долли Моллой, она пользовалась заслуженной славой, и Мыльному многие завидовали из-за того, что он приобрел себе подругу, на которую можно положиться. Но и у нее были уязвимые места, и она могла быть до того женственной, что сам Макака Твист не стал бы желать большего. Одного взгляда на Мейбл было довольно, чтобы это пробудилось. С резким взвизгом она взметнулась на тахту — ближайший предмет обстановки, способный, по видимости, обеспечить уровень высоты, достаточный для относительной недосягаемости. Мыльный, разделявший ее неприязнь к змеям, выпустил крылья голубки и воспарил к вершинам книжного шкафа. Слегка застигнутая врасплох, Мейбл растерянно переводила взгляд то на него, то на нее, не вполне, как выразился бы Джордж, улавливая мораль. Ничего подобного не бывало в те дни, когда Герпина, Королева Змей, и ее очаровательная труппа выходили на сцену в Вигане, Блэкпуле и других очагах индустрии досуга.

В делах людей, как отметил наш собрат по перу, есть прилив и отлив; успех достигается с приливом.[63] Навряд ли Макака Твист был знаком с

этим замечанием, читал он по большей части триллеры в мягкой обложке и расписание собачьих бегов, но сейчас он действовал так, словно этими словами вдохновлялся всю свою жизнь. Долли обладала отменным прыжком, а Мыльный и подавно, но оба эти прыжка не могли уподобиться тому, который доставил Макаку к столику, где лежала замшевая сумочка. Больше того, даже Фредди Виджен и друг его Боддингтон, с их пристрастием к открытым пространствам, и те бы не ринулись в них с такой прытью. В одно очень короткое мгновение оказался он у ворот «Приусадебного мирка» и принялся трясти засов.

Когда же, наконец, он выбрался на улицу, ожидая встречи с еще более открытыми пространствами, нечто преградило ему дорогу, и он понял, что столкнулся нос к носу с полицейским, до того огромным, что кости его обмякли, а сердце заколотилось, словно подневольная пташка. Ему были мерзки любые полицейские, однако встречи с огромным он в данный момент хотел меньше всего.

Что ж, решил он, надо избавиться от сумочки, пока великан не спросил, что это такое. И он перекинул ее через ворота, в палисадник.

24

Кузен Джордж, ибо из темноты выступил именно он, встрече с Макакой обрадовался. Беседы с человеком, даже, как в данном случае, с последним из человекообразных, требовала его душа, уставшая от монотонных ночных маршрутов. Дежурный обход — занятие муторное, да и невозможно постоянно думать об одной Дженнифер Тиббетт.

— Какой вечер! — сказал он.

Макака мог бы ответить, что до недавней поры так оно и было, но человек благоразумный не будет вступать в перебранку с полицией, а потому он ограничился кивком.

— Луна, — сказал Джордж, указывая вверх.

— Нда-а, — без особого пыла признал Макака. Ему, в сущности, не вполне удавалось сосредоточиться на беседе, ибо ум его занимали размышления о Мыльном и о Долли. Поверить в то, что его уход остался незамеченным, он не мог и ясно сознавал, что они давно уже должны были броситься за ним в погоню, подражая при этом небезызвестным ассириянам.[64] Причину их промедления он корректно отнес на счет личного магнетизма змеи Мейбл, и все же усомнился, что пресмыкающееся, какими бы незаурядными свойствами оно ни блистало,

способно надолго сковать натиск двух целеустремленных натур. Поэтому насчет беседы при свете луны единодушия не было. Джордж к ней стремился, Макака — нет. Ему бы хотелось куда-нибудь улизнуть, а потом, когда установятся более благоприятные условия, вернуться за этой сумочкой, вследствие чего на Джорджа он взирал, как Брачный Гость — на Старого Морехода.[65]

Те или иные из приведенных соображений были так или иначе восприняты Джорджем, поскольку он изменил лунному сюжету, увидев, что тот не находит спроса.

— Хотели зайти к мисс Йорк? — спросил он.

— Да… Есть небольшое дельце.

— Она уехала.

— Вот почему никто мне дверь не открыл… Очень жаль. Специально прибыл из Лондона, чтобы с ней встретиться.

— Сами вы не из Вэлли Филдс?

— Нет.

— То есть живете в другом месте?

— Да.

— Но семья у вас есть?

— Да, конечно.

— А тогда, — сказал Джордж, выходя на вираж, — вы, без сомнения, захотите поддержать от всей души благотворительную организацию, которая не только заслуживает всяческого уважения сама по себе, но и неразрывно связана с учреждением, к коему вы испытываете горячую признательность за собственную безопасность и спокойствие родного очага. Теперь, когда вы выслушали это вступление, имею честь предложить вам и вашей супруге…

— Я не женат.

— …вам и вашему близкому родственнику, будь то нежно любимый дядюшка или милейшая тетушка, два пятишиллинговых билетика на ежегодный концерт в помощь Полицейского сиротского дома, который должен следующим месяцем состояться в клубе на Огилви-стрит. Есть места подешевле — здесь можно упомянуть варианты за полкроны и за два шиллинга, — но я бы порекомендовал пятишиллинговые билеты, поскольку они открывают вам доступ в первые три ряда. Если же вы сидите в первых трех рядах, люди видят в вас человека зажиточного, и ваш престиж взмывает на новые высоты. Не зря потратите деньги, — заключил Джордж, вынимая два пятишиллинговых из внутреннего кармана, ибо чувствовал уверенность, что красноречие не ушло впустую.

Он не ошибся. Макака Твист, разделяя непоколебимое отвращение Долли к силам правопорядка, испытал приступ тошноты при мысли о том, чтобы внести лепту в поддержание сироток, которые, стоит им возмужать, вполне возможно, сами захотят стать полицейскими; однако выбора он не видел. Отказ означал, что ему попросту конец, поскольку этот зуботочильный автомат возобновил бы свои уговоры; если же существовало место, на котором он не хотел бы закончить жизнь, при том, что Мыльный и Долли отняли бы ее с легкостью, то местом этим была булыжная мостовая, начинавшаяся у ворот несравненного «Мирка». О Макаке нельзя было сказать, как говорила Салли о Лейле, что он — из числа доброхотно дающих. Тем не менее он дал то, что просили, и Джордж одобрил этот щедрый, гуманный поступок.

— Вы не пожалеете, — посулил он. — К грядущему концерту применимо только одно слово, — сногсшибательный. Мы трудимся в поте лица, чтобы люди надолго запомнили этот вечер. Если бы вы узнали, сколько выпили для укрепления голосовых связок в местных отделениях полиции, вы бы очень удивились, — прибавил он, и учтиво поблагодарив, двинулся в восточном направлении, а Макака, подгоняемый стремлением оказаться от него как можно дальше, взял курс на запад.

Он не преодолел на этом пути и полдюжины ярдов, как двери «Приусадебного мирка» распахнулись, и показались Долли с Мыльным, следуя в названной последовательности. Мгновением раньше, отметив, что Мейбл вновь свила кольца под креслом, они прониклись решимостью покинуть облюбованные насесты, и охота началась. Чрезмерными надеждами они себя, впрочем, не тешили. Создав столь солидный задел с самого старта, Макака, как они понимали, сейчас уже должен был войти в число тех далеких друзей, упоминание о которых можно часто встретить в сборнике духовных песнопений.

Когда же выяснилось, что сделал он всего несколько шагов, изумление их уравнялось с вдохновением. Две, скажем, гончих, пусть и чемпионского класса, никогда не сумели бы развить ту скорость, с которой они бросились на него; а Джордж, возобновивший размышления о Дженнифер Тиббетт, остановился у перекрестка, занеся над землей уставной ботинок, словно собирался расплющить жука. В до сих пор безмолвной ночи за его спиной развертывались события, которые (не знай он доподлинно, что в богохранимых кварталах Вэлли Филдс их не бывает) он бы мог назвать скандальными, и в нем забрезжила надежда наконец кого-нибудь свинтить, о чем так долго тосковала его душа. Затем он решил, что, вернее всего, ошибся. Просто ветерок вздыхает в листве, подумал он.

Однако, спустя мгновение, он спросил себя, так ли вздыхают ветерки? Как всякий человек, чьи юные годы прошли в деревне, он часто слышал их вздохи в листве, но среди них ни один не выдыхал непечатные выражения со среднеза-падным американским акцентом. Джордж стремительно обернулся, а обернувшись, замер как вкопанный. Подобно тому как игрок, ставящий на судьбу в поединке с автоматом, очарованно цепенеет в момент небывалого выигрыша, так и Джордж застыл при виде открывшегося ему зрелища. Некий крупный субъект пытался задушить субъекта похлипче, а в непосредственной близости от них вертелась обворожительная барышня, которая с удовольствием присоединилась бы к свалке, если б только знала, как в нее втиснуться. Другими словами, такая отчетливая и заманчивая возможность выпадает не всякому радеющему о долге констеблю.

В приподнятом духе ринулся он к месту столкновения. Вот, говорил он себе, мой звездный час; и пусть не произнес «Чаша моя преисполнена!», [66] но был, в сущности, готов это сделать. Применил же он выражение, с умом разработанное высокими чинами для применения в сходных обстоятельствах.

— Почему шумим? — спросил он.

Вопрос этот, если задать его в тот момент, когда страсти уже накалены, может остаться без ответа. Так получилось и сейчас. Речевые возможности Макаки были невелики, а Мыльный уделил все внимание поставленной задаче. Джордж заметил, что если ранее тот стремился просто удушить его нового знакомого, то теперь, по-видимому, хотел вырвать у него голову; и пришел к выводу, что подоспела пора вмешаться. Осуществил он это в своем стиле, просто и бесхитростно. Не тратя времени на увещевания, он ухватил Мыльного за шиворот и резко взял на себя. Послышалось что-то вроде чмоканья, и Макака понял, что спасен от смертельного зажима, когда совсем было отчаялся. Миг-другой он стоял, проверяя свой дыхательный аппарат, дабы убедиться, что тот по-прежнему исправен; затем, стремясь, насколько возможно, сохранять максимальную дистанцию между собой и четой Моллоев, испарился в ночи со скоростью, которую Фредди Виджен, мчась утром к поезду 8.45, развить бы, вероятно, мог, но перекрыть — навряд ли.

Джордж, как всегда — невозмутимо и бесстрастно, старался воссоздать общую панораму событий, приведших к славному нарушению однообразия полицейской службы. Первоначальную теорию, согласно которой крупное чучело, за шею которого он теперь держался, позаимствовало сумочку очаровательной барышни, а меньшее чучело,

проходя мимо, за нее вступилось, пришлось отвергнуть. Знакомство с Макакой было недолгим, однако достаточным, чтобы знать твердо — он не из тех, кто бросается выручать девиц из беды. Более вероятным представлялось, что маленькое чучело — скажем так, гуманоидная козявка — позволило себе не вполне взвешенные замечания, а большее чучело, воспылав праведным гневом, пренебрегло спокойствием помыслов и дало волю сильным чувствам.

Прекрасно, подумал Джордж, все это прекрасно, в знак восхищения таким рыцарством можно и шлем приподнять, однако нельзя же допускать столь злостных нарушений общественного порядка, тем более — в присутствии полицейских, которые уже месяцами хотят задержать кого-нибудь. Он плотнее надавил на шею Мыльного, а другой рукой захватил его запястье, придав ему положение, при котором, если возникла бы надобность, его можно было бы связать в рифовый узел, напомнив ему о последних посещениях остеопата. Именно тогда запечатленные чувства барышни выхлестнули наружу.

— Ах ты дубина стоеросовая! — процедила она.

Джордж вздрогнул. Он понимал, что со многих точек зрения такое уподобление верно, ибо именно им пользовались школьные учителя, а позднее — старшие коллеги. Сержант, к примеру, всегда бывал с ним предельно откровенен. И тем не менее выходка его изумила. Устремив пристальный взгляд поверх Мыльного, он с удивлением опознал свою — ну, не подругу, но все же знакомую.

— О-о, здравствуйте! — промолвил он. — Опять вы? Можно сказать, не даете по себе соскучиться. Правильно я понял? Вы меня назвали стоеросовой дубиной?

— Правильно, — с жаром отозвалась Долли. — Смотри, что начудил, индюшатина. Из-за тебя этот павиан вонючий спокойно слинял, а он увел у нас очень ценную вещь.

Джордж покачал головой.

— А вы бы не давали. В долг не бери и взаймы не давай. Шекспир.[67]

— Плюс к этому, сейчас у мужа будет растяжение мышц.

— Это ваш муж?

— Вот именно. Будь любезен, сними с него свои грабли!

— Отпустить его? То есть освободить?

— Понял наконец!

— Дорогая моя, вы и сами не знаете, о чем просите. Я готов побожиться, что приложил бы все мыслимые усилия, чтобы угодить даме, с которой меня связывают незабываемые встречи, но когда вы предлагаете

мне его *отпустить*, я решительно отказываюсь. Он нарушил общественное спокойствие. Это серьезно, и мы, полицейские, относимся к этому сурово.

— Кончай баки забивать!

— Как вы сказали?

— Зачем весь шухер? Человек просто хотел перекрыть кислород этому еноту плюгавому. Вообще-то перекрывать надо было, когда он родился, если б у его мамаши было больше извилин, чем у бильярдного шарика.

Джордж оценил ход ее мысли, но, хоть он и был самым галантным человеком из всех, на ком побывал полицейский мундир, не позволил увести себя от намеченной цели.

— Поверьте, прекрасно вас понимаю. При иных обстоятельствах я бы не раздумывая исполнил все ваши пожелания, но вы упускаете из виду одну чрезвычайно важную деталь. Да представляете ли вы себе, что значит для полицейского арестовать кого-нибудь в таком месте? Хорошо, если раз за год вы в этом безгрешном пригороде встретите подгулявшего балагура, а уж когда перед вами свежеиспеченное оскорбление действием…

Красноречие отказало Джорджу, и он сосредоточился на работе. Еще крепче стиснув шею Мыльного, он придал ему необходимое ускорение. Долли вдумчиво замолчала и не ответила, когда Джордж умолял ее взглянуть на вещи пошире, не забывая о том, как все это оздоровит его отношения с сержантом. Она нащупывала в сумочке милую подружку, резиновую клюшку, зная по опыту, что почти все в этом мире можно разрешить с ее помощью.

Макака же, повинуясь первейшему своему инстинкту — бежать и не оглядываться, унесся тем временем в дальние Дали, до того дальние, что когда спустя немалое время он остановился и решил возвратиться в «Приусадебный мирок» за сумочкой, он понял, что заблудился. Да, Вэлли Филдс — не африканские джунгли, но, как и в большинстве лондонских пригородов, заблудиться там нетрудно, потому что состоит он из домов и улиц, ни в чем друг от друга не отличных. Тут неоценимую помощь должны оказать доброхотливые старожилы; и битый час производя первые повороты налево, а вторые — направо, но возвращаясь раз за разом на исходное место, он все же достиг железнодорожной станции, а оттуда до «Приусадебного мирка» рукой подать. К Малбэрри Гроув он подходил в прекрасном настроении, чуть ли не пел, но песнь его оборвалась при первом же взгляде на заветный дом.

Это не значит, что, бросив взгляд на ворота, он сразу подумал о

Джордже и Моллоях. Нет, внезапно остановиться и признать, что Рок следует за ним по пятам, побудили девушка и юноша, которые стояли у этих самых ворот и с увлечением о чем-то беседовали.

Он отвернулся от них в тоске, зная, что воспоследует, если на том или ином месте юноша начал беседовать с девушкой. С места их уже не сгонишь.

25

Обед удался на славу. Начался он, прилично обстоятельствам, в атмосфере некоторой подавленности. Первая перемена блюд ознаменовалась, уместно сказать, всевластием темных сил. Однако рыба принесла с собой заметные сдвиги к лучшему, поскольку именно над ней Салли, постаравшись говорить по-женски убедительно, убедила Фредди позабыть о видженовском достоинстве и позволить ей занять у Лейлы денег. А уж после этого пиром правило веселье.

И только когда они застыли у ворот «Приусадебного мирка», саднящая нотка вновь зазвучала в разговоре. Пока они направлялись домой, Салли порой отмечала склонность возлюбленного к молчанию, и теперь он открыл ей, что, взвесив все, не станет обращаться за помощью к Лейле Йорк. Былые терзания вновь всплыли наружу.

— Понимаешь, Виджены не берут денег у знакомых дам.

— Фредди, я умоляю!

— Кричи-кричи, сколько душе угодно, вопрос яснее не станет. Странное все-таки чувство, когда споришь с женщиной. Все равно что разглаживать бархат против ворса. Помню, когда я в детстве учился танцам, одна девочка по имени Алиса принесла молочный шоколад. Я прекрасно знал, какие чувства она ко мне питает, и расчетливо сыграл на них, чтобы завладеть половиной плитки. Тогда-то я был от себя в восторге, а теперь меня мучает совесть. Да, я поступил подло, и мне кажется, что просить у Лейлы Йорк — то же самое.

— Так ведь не ты будешь деньги брать, а я.

— А я буду брать их у тебя.

— Хорошо, а что здесь такого?

— Да нет, вроде ничего, но как-то… Салли вышла из терпения.

— Вот что, — спросила она, — ты хочешь на мне жениться?

— Еще бы!

— Хочешь ты поехать в Кению и нажить там состояние?

— Да уж не против!
— И ты понимаешь, что ни того, ни другого ты сделать не сможешь, если в ближайшее время не раздобудешь денег9
— Понимаю.
— Ну вот и не дури, — заключила Салли.
Фредди все понял. Отточенная дамская логика сумела его убедить.
— Да, ты права. В конце концов, я ведь только займу.
— Вот именно.
— Когда эти бобы пойдут в рост, я верну ей сторицей.
— Ну конечно.
— А ты думаешь, она не откажет?
— Что ты! Она самый щедрый человек на свете.
— Ладно, будем надеяться. Я уже говорил тебе, Боддингтон пишет, что он не может долго ждать. Дни, так сказать, сочтены. Ты ее завтра увидишь?
— Да, она приказала мне нанять автомобиль и отвезти все чемоданы. Вот тебе пример, что это за человек. Любая другая бы на ее месте заставила меня тащиться в поезде.
— Золотая душа. Я всегда так думал. Она…
Фредди умолк. Из кромешной тьмы выступила громадная Фигура в полицейском мундире и остановилась позади них, Дыша немного натужно, словно бы заключенный в ней дух подвергся какому-то грозному испытанию.
— Здорово, Фредди, — сказала фигура.
— Здорово, Джордж.
— Здравствуйте, мисс… Никак не запомню вашу фамилию.
— Фостер. Можете запомнить имя, Салли.
— Хорошо, — буркнул Джордж. — А меня только что грохнули по основанию черепа тупым орудием.
— Ка-ак?!
— По самому основанию. Хуже того, это сделала женщина. Помнишь, Фредди, эту свою подружку, которая забралась в твою пижаму?
— Она мне не подружка!!! Джордж не был мелочен.
— Хорошо, твою дальнюю знакомую. Это ее десница меня поразила.
Салли взвизгнула от изумления.
— Миссис Моллой вас ударила?!
— Наткнулась рукой на череп, если так вас больше устраивает.
Фредди глубоко вздохнул. После помолвки с Салли его взгляд на любовные интрижки с противоположным полом, когда-то невозбранно

широкий, сменился аскетизмом. Он взял суровую ноту.

— Джордж, ты сам виноват. Как ты можешь?! Ты обручен с замечательной девушкой, которая любит тебя, во всем доверяет, так нет же, ты ходишь и высматриваешь других женщин! Лично я в жизни бы так не сделал, Салли знает. Мне за тебя стыдно!

— Ты соображаешь, что несешь?!

— Разве ты не лез к миссис Моллой?

— Конечно, нет. Я к ней под наркозом не полез бы.

— Тогда почему ж она тебя стукнула?

— Я хотел свинтить ее мужа.

Фредди вздрогнул. Человек, желающий свинтить изувера Моллоя, мог рассчитывать на его сочувствие.

— Понимаешь, — продолжил Джордж, — он нарушал общественный порядок. Я его задержал, и мы все двинулись к участку. Эта самая тетя умоляла меня его отпустить, и я бы, наверное, так и сделал, хотя давно мечтал кого-нибудь захомутать, чтобы сержант похвалил, но тут до меня дошло, что этого типа она называет мужем, а поскольку я уже знаю, что саму ее зовут миссис Моллой, то сопоставляю факты и делаю вывод, что это он нагрел тебя с нефтяными акциями. Тут уж, само собой, я стал непреклонен, но вскоре наступила развязка: мое внимание целиком переключилось на Моллоя, а она немного отошла назад и тюкнула меня по затылку, видимо, дубинкой со свинцом. Не понимаю, что за дамы пошли… Фредди прицокнул языком.

— Так ты позволил ему уйти?

— Что значит позволил?! — с чувством произнес Джордж. — Я на время вышел из строя. В глазах потемнело, а йотом, когда вернулся к жизни, оказалось, что сижу я в сточной канаве, вот с таким шишаком на голове. Можете взглянуть, если хотите. Со страусиное яйцо. А Моллой растворились в ночи.

Салли снова запищала, теперь — от жалости.

— Бедный вы, бедный! Сильно болит?

— Не смею скрывать правды. Боль — адская.

— Зайдите в дом и выпейте чего-нибудь.

Джордж покачал головой, и по тому, как резко он взвыл, стало ясно, что он быстро раскаялся.

— Спасибо, но только едва ли… Я на дежурстве, а у нас самым гнусным образом нюхают дыхание. Вообще-то на самом деле надеялся стрельнуть у тебя, Фредди, сигарету. Есть хоть одна?

— Конечно. У меня и сигарка найдется. Неплохая, если судить по

цене.

— Сигара будет в самый раз, — сказал растроганный Джордж. — Добавь к ней спички — я свою последнюю сжег перед операцией «Моллой», — и я буду в полном ажуре. — И выразив напоследок желание заново встретиться с Моллоем, Джордж, в свою очередь, растворился в ночи.

Он ушел, и воцарилась тишина. Фредди первым ее нарушил.

— Ах, бедняга!

— У меня сердце разрывается.

— У меня тоже. Нет, как обидно! Оксфордского тяжеловеса, который в любой момент может постоять за честь страны на футбольном поле, одним ударом уложила женщина. Да еще он не может окропить вином свои раны. Твое предложение, кстати, мне очень понравилось. Что мы сегодня пьем?

— У меня есть непочатая бутылка шампанского. Купила Лейле на обед.

— Что ж, поспешим.

Они зашли в дом, и Салли направилась на кухню. Когда спустя несколько минут она вернулась к Фредди в гостиную, цвет лица у нее немного переменился.

— Ее там нет, — сказала она.

— Там нет, а здесь есть, — сказал Фредди и показал на стол. — Не знаешь, кто ее сюда занес? И три стакана стоят. Странно как-то.

— Я тебя сейчас еще не то скажу. На кухне разбито окно. Кто-то сюда залезал.

— Грабители? Этого еще не хватало! — сурово заметил Фредди. — Мне это не нравится.

— Мне это тоже совсем не нравится.

— Что им нужно в этом доме?

— Видимо, что-то нужно. Я вот думаю, не собираются ли они вернуться?

— Только не паникуй.

— Не могу! Сам видишь, я уже распсиховалась. Мне здесь всю ночь одной спать. Не так приятно спать и думать, что грабители тут устроили проходной двор.

Фредди сделал предупредительный взмах.

— Стоп! Я буду караулить снаружи, проявляя неусыпную бодрость, или как там ее, бдительность. Выкинь всех грабителей из головы. Я стану их незримой тенью, прослежу за каждым шагом…

— Не надо!

— Надо.

— Нет, лучше выспись. Со мной все будет в порядке, — сказала Салли в приливе внезапной уверенности. Ей вспомнился дробовичок Лейлы Йорк. Только он способен так благотворно подействовать на девичье сердце.

Фредди размышлял.

— Ты не хочешь, чтобы я проявил неусыпную бдительность?

— Да, не хочу.

— Договорились, — благодушно ответил Фредди. Он все еще был холостяком, но соглашаться с женщинами уже научился. Поцеловав Салли, он отошел от дверей, а Макака Твист, притаившийся у ворот и готовый в любую минуту открыть их, поспешно попятился и вновь растаял в ночи, поминая недобрым словом подрастающее поколение. В поколении этом плохо то, с горечью сокрушался он, что оно вечно попадается тебе под ноги, возникает там, где ему совсем не рады.

Прошло, пожалуй, не меньше часа, прежде чем он решил возобновить старания. Он в точности знал, где лежит замшевая сумочка, — сразу за тем самым местом, где он тогда стоял; и к воротам приближался, предчувствуя счастливую развязку, только затем, чтобы застать прислонившегося к ним представителя все тех же поколений, воздевшего к луне глаза и всем своим видом внушающего уверенность, что он не сойдет с места всю ночь.

Мужчина, закаленный дружбой с прекрасным полом, знает: если женщина начнет давать указания, лучше всего не спорить, во всем соглашаться, а потом сделать по своему; и Фредди не стал тратить понапрасну силы, пытаясь убедить Салли. Он просто пошел и поступил, как считал нужным. Целый час бродил он вокруг дома, как великолепный экземпляр сторожевой собаки, бдительно высматривая ночных разбойников. Полное их отсутствие подпитывало скуку, а потому, как и Джордж, он был рад встрече с Макакой. Возможно, ночью хочется провести время с кем-нибудь менее напоминающим сбежавшую из питомника обезьяну, но он сознавал, что не вправе выбирать. Вэлли Филдс рано отходит ко сну, и в столь поздний час это лучшее, чем он в состоянии разродиться.

— Чудный вечерок, — сказал он, хотя слово «вечерок» было не самым подходящим.

Макака угрюмо подивился, сколько людей готово настаивать на этом вздорном утверждении. Из всех известных ему вечеров, не исключая и того, когда миссис Томас Моллой стукнула его прикладом пистолета, этот был самым скверным. Вместо ответа он что-то промямлил, и Фредди был

чуточку разочарован. Судя по всему, на зажигательного собеседника, который расцветил бы полночную вахту блестками остроумия, рассчитывать не приходилось.

Впрочем, он не сдавался.

— Луна, — сказал он, присовокупив к этому слову, как Джордж, жест, призванный выразить, что о спутнике нашем можно думать только самое лучшее.

Вероятнее всего — не скорей всего, но все же вероятнее, — Макака нашел бы пару добрых слов про луну, но они так и не разминулись с его устами, поскольку в этот самый миг, наперекор всем ожиданиям, подоспел конец света. Так, во всяком случае, это восприняли и Фредди, и его собеседник. На самом же деле одна девица, высунувшись из окна на втором этаже, разрядила дробовичок. Весь последний час она с тревогой прислушивалась к звуку вкрадчивой поступи, петлявшей вокруг дома, а две зловещие фигуры, совещавшиеся друг с другом у главных ворот, как будет лучше всего проникнуть в дом и вынести награбленное, заставили ее действовать. Дробовичок хранился в спальне у Лейлы. Именно туда она и направилась, отыскала его, принесла к себе, открыла окошко и нажала на курок, выбрав в качестве прицела луну, ибо сердце у нее было нежное и даже бандитскую кровь проливать она не хотела.

Эффект был молниеносным. Макака, прекрасно понявший, почему Мыльный так возненавидел дробовички, после короткого приступа каталепсии, часто сопутствующего полночной пальбе, сорвался с места не хуже гончей. Джорджу, который наслаждался сигарой перед воротами «Мирной гавани», одновременно держа ушки на макушке, чтобы вовремя засечь приближение сержанта, почудилось, что мимо него пронеслась какая-то размытая фигура, и он решил, что это либо летающая тарелка, либо что-нибудь похуже. Будучи человеком душевным, и вспомнив, что он — страж порядка, Джордж откликнулся на зов долга и ринулся туда, откуда доносился звук. В это же мгновение из «Бухты» высунул бороду мистер Корнелиус в бежевом халате и задал вопрос: «Что такое?!» Джордж отвечал, что это и его занимает, а мистер Корнелиус сообщил, что такие происшествия совершенно не характерны для Вэлли Филдс. Затем они вместе направились к «Приусадебному мирку».

Фредди тоже прижимал ушки к макушке, или, скорее, к макушкам, а еще точнее — к макам. Случилось это потому, что вслед за выстрелом он немедля припал к растительному покрову, ибо просмотренные им вестерны велели в подобных случаях делать это в самую первую очередь. Лежал он покойно, пытаясь дышать через нос, но чем дольше он лежал, тем больше

его раздражало что-то жесткое и неподатливое. Оно упиралось ему в грудь и очень мешало. Как можно осторожней — если ты угодил под пули, роковой станет любая неловкость — он нащупал этот предмет и вытащил его из-под себя. То была неизвестная сумочка, содержащая что-то увесистое. Он сунул ее в карман и тут же стало удобней, тем более, что в этот момент подтянулись Джордж с Корнелиусом. Ободренный таким подкреплением, он поднялся и поспешил за ними к главным дверям, по которым Джордж несколько раз громыхнул дубинкой.

Сверху послышался голос:

— А ну-ка, отошли отсюда, а то я еще раз выстрелю! — и прибавил: — Полиция!

— Полиция на месте, — ответил Фредди. — По крайней мере, Джордж — здесь. Ради всего святого, оставь это дурацкое ружьишко, спустись вниз и впусти нас в дом.

— Ой, Фредди, это ты?

— А то кто же?

— Значит, это тебя я на земле видела?

— Именно меня.

— Что же ты делал?

— Отдавал Богу душу.

— А почему ты не лежал в постели?

— Проявлял неусыпную бдительность.

— Я же тебе запретила!

— Знаю, но мне показалось, что так будет лучше.

— Ничего себе!

Мистер Корнелиус развил свои недавние мысли о том, что такие эпизоды исключительно редки в пригороде его сердца. Правда, примечательные события, поведал он, в Вэлли Филдс иногда бывают, чему пример — случай с мистером Эдвином Филлимором из «Пихт» на углу Баллер-стрит и Миртл-авеню, которого прошлым летом покусала морская свинка. Он уже приступил к не сулящей скорого окончания повести о местном жителе по фамилии Уолкиншоу, как-то раз вернувшемся из Лондона в новом твидовом костюме, которого, не признав запаха, загнала на крышу беседки собственная собака, когда наконец появилась Салли. В руках она держала дробовичок, так, на всякий случай. Да, только что она мило побеседовала с личностью, отождествляющей себя с Фредди, однако грабители — народ изобретательный и умеют подражать чужому голосу. Тому есть немало печальных подтверждений.

Джордж заговорил первым.

— Ну знаете! — сказал он. — То есть вообще-то, а?

— Несомненно, — согласился мистер Корнелиус. Салли уразумела, в чем суть.

— Я не виновата! Я решила, что Фредди — один из бандитов. Они тут всю ночь околачиваются. Простите, Бога ради, что я вас разбудила, мистер Корнелиус.

— Пустяки, мисс Фостер, ничего страшного. Я ведь, в сущности, и не спал. Сидел у себя внизу, работал над историей Вэлли Филдс.

— Ах, я очень рада! Как она продвигается?

— Благодарю вас, вполне удовлетворительно, хотя и не быстро. Приходится ворошить груды материала…

— Ну, сегодня-то вы получили новую порцию! Как ваша голова, Джордж?

— Спасибо, получше.

— Еще, наверное, постреливает?

— Чуть-чуть.

— Советую вам все-таки чего-нибудь выпить, хоть вы и на дежурстве.

— Ваша взяла.

— А у меня есть бутылка шампанского!

— Так-так-так!…

— Она уже на столе. Фредди!

— Да-да?

— Ты весь вывалялся в пыли. Иди сюда, дай я тебя вытру щеткой. Господи, — всплеснула руками Салли, — что ты в карман напихал?

— Напихал? — сказал Фредди, сунув руку в карман. — Какая-то сумка. Я на нее налетел, когда падал вниз головой.

— А что там внутри?

— Не знаю. Взглянуть, как думаете? Ой, беги сюда! — сказал Фредди. — Ой, хватайте меня за копытца! Ой, не могу!

Основания к подобным речам у него имелись. Со стола, куда он вытрусил содержимое сумки, на них смотрело мерцающим взглядом ассорти из колец и браслетов с алмазами и рубинами, увенчанное изумрудным колье несравненного великолепия.

И вновь Джордж заговорил первым. Полицейский, приученный действовать в экстремальных ситуациях, способен овладеть собой быстрее, чем обычный, более впечатлительный человек.

— Злоумышленники выронили награбленное! — провозгласил он, и мистер Корнелиус, не в силах выразить мысль словами, подтвердил ее взмахом бороды.

Салли его версию не приняла.

— Это не Лейлины драгоценности. У нее вообще нет украшений, кроме двух-трех колец.

— Вы уверены?

— Она сама мне сказала.

— Тогда откуда взялись эти чертовы побрякушки?! — пробурчал раздосадованный Джордж.

Странный огонек полыхнул во взгляде его кузена. Он взял в руки колье и скрупулезно осмотрел.

— А я скажу тебе, откуда они взялись, — сообщил он. — Из дома Проссеров. Это же их bijouterie.[68] Откуда я знаю? Я видел этот хомут с погремушками на шее у Миртл Проссер, n’ee[69] Шусмит, когда у них обедал. Она готова напялить их по любому случаю, даже если за столом один Виджен. Понимаешь, Салли, что это значит? Это значит, что мы с тобой совершили восхождение на самую вершину высокой-превысокой горы. Наши проблемы решены. Завтра, с утра пораньше, я отыщу Пуфика, выложу перед ним эти камушки, и, отмахнувшись от трогательных излияний, приму гигантскую сумму, которую он будет просто счастлив вручить. Попахивает не одной тысячей.

Редко кому удается найти верные слова после подобных речей. Но Джордж с этим справился. Полиция у нас прекрасная.

— Открыть шампанское!!! — рявкнул он.

26

Во время вечернего кормления кроликов в саду «Бухты» — а этим действием открывался и заканчивался каждый его день, — мистер Корнелиус, подбрасывая латук, принялся было мурлыкать один из особенно запоминающихся «Гимнов былого и настоящего», и в конце концов его бы пропел, если бы слова не изгладились из его памяти. Настроение у него было изумительнейшее. События последней ночи дали ему прилив спокойной бодрости, нередко наступающей после какао, копченой селедки и розового бланманже. Человек чистейших намерений, всем своим соседям он желал только блага, в особенности же — ближайшему своему соседу, мистеру Виджену, к которому ощущал отцовскую привязанность, и сознание того, что мучения Фредди позади, процветание его обеспечено, колокола вовсю заливаются радостным

перезвоном, а друзьям волноваться не о чем, кроме выбора рыбного ножа для свадебного подарка, воодушевляло его чрезвычайно.

Рядом на газоне возникла тень, и он огляделся.

— А, мистер Виджен! Добрый вечер!

Мистер Корнелиус был очень рад встрече. У него зародилась собственная версия событий прошедшей ночи, и ему не терпелось огласить ее.

— Я долго размышлял над тем, мистер Виджен, каким же образом украшения миссис Проссер могли угодить в сад «Приусадебного мирка», и наконец пришел к заключению, что за личиной показной благопристойности, под фамилией Моллой скрывался один из крупных уголовных авторитетов, специализирующийся на присвоении чужих ценностей. Насколько я представляю, хотя я должен буду справиться у вашего кузена, такие авторитеты именуются ворами в законе.

— А мне куда деваться? — сказал Фредди.

— Простите?

— Вы сказали, что все это — в рамках закона?

Мистер Корнелиус забеспокоился. Он заметил, что у его собеседника взгляд пустой, разговор — какой-то странный. От Салли, с которой он недолго общался утром, пока она готовилась к отъезду в Клейнз Холл на заказной машине, ему стало известно, что с утра Фредди направился в Лондон, чтобы вернуть владельцу утраченные драгоценности и принять взамен щедрое вознаграждение, так что он рассчитывал встретить его млеющим от счастья и восседающим, как однажды он сам выразился, на вершине мира, перекинув радугу через плечо. И вот он явился перед ним, сраженный неведомым горем. Он смотрел прямо в глаза ближайшему от себя кролику, и с лица его не сходило то сумрачное выражение, которое отметил техасский миллионер в ресторане отеля «Баррибо».

— Вы себя хорошо чувствуете, мистер Виджен?

Не раз и не два хроника эта предлагала описание случаев, когда Фредерик Виджен невесело смеялся, но никогда еще не разродился он чем-то, сопоставимым по скорби с тем, что сорвалось с его уст. Невеселый смешок звучал, как заегозившая граммофонная игла.

— Нет, — ответил он, — хорошо я себя не чувствую. Чувствую я себя так, как чувствовал себя Джордж, когда миссис Моллой долбанула его свинцовой дубинкой. Знаете что?

Мистер Корнелиус ответил, что не знает.

— Вы ведь и Пуфика Проссера не знаете?

— Встречаться не довелось. С другой стороны, вы мне не раз о нем

говорили.

— Так вот, когда вы его все-таки встретите, окажите любезность, сядьте ему на брюшко и снимите с него кожицу тупым лезвием. Этот гад меня околпачил.

— Простите?..

— Утром я встал и поехал к нему.

— Это мне миссис Фостер сказала.

— А, значит, вы с Салли сегодня виделись?

— Да, я ее проводил до машины. У нее с собой была змея, принадлежащая, насколько я понял, супругу мисс Йорк. Она везла ее в Клейнз Холл. Довольно любопытная история. Мне кажется… Да, но вы начали рассказывать о вашем визите к мистеру Проссеру.

Фредди сделал протестующий жест.

— Он не мистер Проссер, а боров. Или, если хотите, гад. Прихожу я к нему на Итон-сквер и застаю его в печали. Он только что вернулся из полицейского суда, где председательствующий мировой судья вздул его на пятьдесят фунтиков и напоследок сказал, что он должен ему в ножки кланяться, потому что мог бы легко схлопотать четырнадцать суток без замены штрафом.

— Вы меня просто поражаете, мистер Виджен! Как же так?

— Я вам разве не рассказывал, как он пытался вчера в «Баррибо» умертвить Моллоя? Нет? Ну, так вот, он пытался; шилась gendarmerie,[70] сгребли его в кучу, и ночь он провел в застенке. Это далось ему нелегко; особенно он горевал из-за того, что его насильно помыли. В первые десять минут он вообще ни о чем другом говорить не мог, но как только я ввернул словечко и протянул ему bijouterie, он меня спрашивает: «А это еще что?» Я ему объясняю, что это драгоценности его благоверной, и мне не хотелось бы диктовать условий, так что вопрос о вознаграждении я полностью передаю на его усмотрение, однако считал бы, что десять процентов от их стоимости удовлетворило бы все стороны. И что же, вы думаете, он мне ответил? Поклялся здоровьем своей матери, что и гроша ломанного не даст и добавил, что если б в этом несчастном мире всякие недоразвитые утконосы не лезли к нормальным людям с уродскими услугами, то человечество с благодарностью бы вздохнуло. По-моему, он застраховал свое добро в два раза дороже стоимости, получил деньги, и теперь должен будет вернуть их страховой компании. Словом, он очень раскипятился, я же понял, что мое присутствие неуместно, и пошел своей дорогой. А я еще рассчитывал стрясти с него целых три штуки! — возопил Фредди, не отводя от кролика взгляда и, видимо, ожидая у того сочувствия.

Сочувствия он не дождался, кролики снискали печальную известность полным равнодушием к людским горестям — сапат-латук, салат-латук, вот кролику и сват, и друг, — но мистер Корнелиус это восполнил. Борода квартирного агента затрепетала, как ей и положено, когда ее обладатель слышит рассказ о бедствиях дорогого ему человека. Он стоял молча, как бы обдумывая какую-то мысль или стараясь прийти к какому-то решению.

— Существует иной источник, мистер Виджен, — сказал он. — Вы можете получить необходимые средства.

Фредди удивился.

— Неужели Салли вам рассказала об этой своей затее, ну, с Лейлой Йорк? Да, теперь, когда Пуфик оказался полным гадом, это наш последний шанс. Я ей позвонил из «Трутней», сообщил насчет Пуфика, и хотя, конечно, от таких новостей недолго и свихнуться, она их приняла очень достойно. Сказала, что все будет хорошо, поскольку у Лейлы Йорк золотое сердце, а денег — целый амбар. Что ж, я вошел в образ, сказал: «Отлично!» или что-то в этом духе, но честно вам признаюсь, Корнелиус, мне неприятно занимать у женщины. Так, все-таки, не делают. Правда, как все время подчеркивает Салли, я беру деньги в долг, то есть не предлагаю просто поделиться, и, однако ж…

Фредди еще не закончил мысль, но тут раздался звонок, и он решил обратить на это внимание собеседника. В таком возрасте человек вправе быть туговатым на ухо.

— У вас телефон звонит, Корнелиус.

— По-моему, это у вас, мистер Виджен.

— А ведь правда! — вскрикнул Фредди, возвращаясь к жизни. — Это, наверное, Салли. Простите.

Оставшись один, мистер Корнелиус предался созерцанию. Кролики подергивали носами, теряясь в догадках, почему прекратились бесперебойные до сей поры поставки латука, но задумчивость его была глубока. Когда же, спустя какое-то время, на заднем крыльце «Мирной гавани» появился Фредди, мистер Корнелиус одним взглядом смог определить, что хороших вестей тот не услышал. Его облик сразу напомнил квартирному агенту, как выглядел брат его Чарлз в те дни, когда разгорелся весь этот скандал из-за пропавшей наличности его хозяина. Чарлз, уличенный в казнокрадстве, выглядел так, словно на него с порядочной высоты обрушилась немалая масса. Фредди был ничем не лучше. Не тратясь на предисловия, он сообщил:

— Ну, полный финиш.

— Простите, как вы сказани?

— Все к собакам!

Мистер Корнелиус снова попросил прощения, и Фредди пришлось взять себя в руки. Он понял, что если хочет рассчитывать на сочувствие, должен выражаться более связно.

— Позвонила Салли, из Клейнз Холла, и представляете, что она сказала? Лейлы Йорк там больше нет!

— Она умерла? — спросил вмиг побелевший Корнелиус.

— Хуже, — сказал Фредди. — Умахнула за границу со своим муженьком. Адреса не оставила, только записку, где говорится, что они собираются странствовать туда-сюда на машине, где — понятия не имеют, когда вернутся — тоже. Короче говоря, удалилась в астрал, порвав контакты с родом человеческим, и вычислить ее невозможно. Понимаете, что это значит?

— Вы не сможете обратиться к ней за помощью?

— Именно! Я бы, правда, сказал, что нам теперь ни копья с нее не стрясти, но вы выразились достаточно удачно. А Боддингтону я должен отписать в ближайшие два дня. Теперь понимаете, почему я сказал, что все к собакам? Потому что на горизонте нет ни лучика…

Хроника наша уже упоминала, что роскошнейшие кущи на лице мистера Корнелиуса мешали наблюдателю определить, выпятил ли тот губы. Не меньшие сложности касались и улыбки, что важно в данную минуту. Возможно, Фредди и заметил нежное трепетание могучих дубрав, но не более; и продолжал все в том же заупокойном духе:

— Лейла Йорк была последней нашей надеждой. К кому еще взывать о помощи?

— Ко мне, ко мне, мистер Виджен, — отвечал Корнелиус. — Я буду счастлив, если вы согласитесь принять от меня ссуду. Это я и имел в виду, когда заговорил об ином источнике.

Фредди уставился на него.

— К вам?!

— Разумеется. Мне будет очень приятно.

Фредди вдруг охватило чувство, знакомое по кроссвордам и головоломкам в «Тайме», — ему почудилось, что рассудок его пошатнулся на своем подиуме. Хотя ни малейший признак не указывал на то, что у мистера Корнелиуса не все дома, еще меньше было поводов думать, что он решил сострить. Однако третьего истолкования его словам Фредди подобрать не мог.

— Послушайте, — сказал он. — Вы уверены, что хорошо все поняли? Я не пятерку до среды хочу занять, а три тысячи фунтов!

— Я с самого начала именно так вас и понял.

— То есть вы хотите сказать, что у вас есть три тысячи фунтов?

— Совершенно точно.

— И вы жаждете одолжить их мне?

— С восторгом и удовольствием.

— Та-ак, — сказал Фредди, который раз внемля упрекам совести. — Честно признаюсь, пиастры нужны мне позарез, очень уж жалко прощелкать такой проект. Исходя из того, что пишет Боддингтон, я могу твердо пообещать, что через какое-то время расплачусь. Однако мне все равно не хочется, чтобы вы ради этого рисковали сбережениями всей своей жизни.

И вновь зашевелилась борода у мистера Корнелиуса, словно в ней заблудился пришлый ветерок.

— Это нельзя назвать сбережениями, мистер Виджен. Кажется, я говорил с вами как-то о своем брате?

— Который живет в Америке?

— Который жил в Америке, — поправил мистер Корнелиус, — Несколько дней назад его не стало. Он разбился, выпав из собственного самолета.

— Вы что, шутите? Я просто в ужасе…

— Я тоже. Я был очень привязан к Чарлзу, да и он ко мне. Он часто уговаривал меня оставить дело и перебраться к нему в Нью-Йорк, но пришлось бы расстаться с Вэлли Филдс, и я всякий раз воздерживался. Причина, побудившая меня вспомнить о нем по ходу нашей беседы, заключается в том, что он завещал мне все свое состояние, оцениваемое, по утверждению адвокатов, то ли в три, то ли в четыре миллиона долларов.

— Что-о-о?!!

— Так они сказали.

— Держите меня, а то я буду кусаться!

— Завещание еще надо официально утвердить, но адвокаты имеют возможность выделять по моему требованию любые суммы, в том числе и крупные, так что вы можете не сомневаться в том, что такая тривиальная просьба, как три тысячи фунтов, не встретит ни малейших препятствий.

— Тривиальная?!

— Сущая безделица. Теперь вы понимаете, что я вполне могу протянуть вам руку помощи. Как я уже сказал, это доставит мне огромное удовольствие.

Фредди с шумом выдохнул воздух. Мистер Корнелиус, его кролики и палисадник «Бухты» исполняли зажигательную версию популярного в

двадцатых годах танца, который назывался шимми.

— Корнелиус, — проговорил он, — вы будете возражать, если я полезу к вам с поцелуями, так что целоваться я не буду, а просто скажу… Нет, не могу я говорить! Вы сами-то понимаете, что совершили чудо? Вытащили из бездны два живых существа! Можете цитировать меня направо и налево, но если и был добрый гений, превратившийся в человека… Нет-нет, увольте, лучше помолчу.

Мистер Корнелиус, который до этого все-таки улыбался — по крайней мере, так решил Фредди, поскольку борода его пребывала в постоянном треморе, — вдруг стал серьезным.

— Только одна просьба, мистер Виджен. Вы не должны обмолвиться об этом деле ни единым словечком, за исключением, понятно, мисс Фостер, которой вам, естественно, придется сказать все. Но пусть и она пообещает хранить тайну.

— На ее устах будет печать молчания. А в чем дело?

— Это не должно дойти до миссис Корнелиус.

— Разве еще не дошло?

— К счастью, нет.

— Вы хотите сказать, что она ничего не знает? Что вы ей не рассказали о золотом дождике?

— Не рассказал, и не собираюсь. Мистер Виджен, — Корнелиус стал еще серьезнее, — представляете ли вы себе, что может случиться, если моей жене станет известно, что я — миллионер? Неужто вы полагаете, что мне дозволят остаться в любимейшем месте, трудясь на излюбленном поприще? Неужто вы думаете, что мне разрешат сохранить старых друзей, вроде мистера Ренна из «Сан-Рафаэля», с которым по субботам я сражаюсь в шахматы, или кормить кроликов, выходя во двор в одной рубашке? Куда там! Меня засунут в какую-нибудь роскошную квартиру, я должен буду каждый год долгие месяцы проводить на юге Франции, найму дворецкого, каждый вечер буду одеваться к обеду. Мало того, мне придется вступить в один из лондонских клубов, снять на весь сезон ложу в опере, научиться играть в поло. — Мистер Корнелиус дал волю распаленной фантазии. — Против таких соблазнов не устоят самые лучшие женщины. Миссис Корнелиус совершенно довольна и счастлива в той обстановке, к которой она привыкала с младых лет, — до того, как мы поженились, она звалась мисс Балстроуд и жила в «Блаженной гавани», — и я хочу, чтобы счастливой и довольной она оставалась до конца своих дней.

Фредди кивнул.

— Понимаю. От изложенной вами программы у меня лично слюнки

текут, но я сознаю, что у вас может быть свое мнение. Все зависит от того, как вы смотрите на проблему. Ладно, будьте уверены, что никто не узнает вашей тайны от Фредерика Фозерингея Виджена, или, коли на то пошло, от будущей миссис Ф. Ф. В. У нее на устах, как я говорил, будет печать молчания. Если нужно, перехватим их скотчем. Я думаю, вы не очень обидитесь, что я сейчас отлучусь? Хочу позвонить и сообщить ей новости.

— Пожалуйста!

— Я не увижу ее личика, но я знаю, что оно озарится, как прославленный «техноколор».[71] Благодаря вам!

— Дорогой мой мистер Виджен, умоляю вас!!!

— Повторю, благодаря вам. И если у вас есть какие-то пожелания…

— Пожалуй, ничего такого… Ах, да! Можете вы мне напомнить, как там этот «Утес»?[72]

— Лошадь? В моем списке такой вроде бы не было.

— Церковный гимн. «Утес веков».

— А-а, гимн! Теперь я вас понял. Ну, очень просто: пум-пу-пу-пу, пум-пу-пу. Разве не так?

— Нет-нет, слова.

— А-а, слова? Простите, забыл. По-моему, что-то там такое разверзлось. Или я путаю с другим гимном?

Лицо мистера Корнелиуса озарилось восторгом, что совсем скоро предстояло и личику Салли.

— Ничего-ничего! Теперь я и сам все вспомнил.

— Вот и прекрасно. Будут еще поручения?

— Нет, благодарю.

— Тогда, милейший мой мультимиллионер, временно — конец связи. Пип-пип!

Фредди помчался к себе. Мистер Корнелиус вернулся к своим кроликам, которые подметили, что это весьма кстати.

— «Разверзлась бе-ез-дна для меня…» — запел он. Кролики чуточку поморщились. Они не разделяли новомодного помешательства на музыке во время еды.

Но латук, между тем, вовсе не дурен, подметили они философски. Если кролик хочет, он достойнейшим образом переносит испытания.

Даровые деньги

Перевод с английского Н. Трауберг

Иэну Хэю Бейтсу[73]

Глава I ПРЕДСТАВЛЯЮЩАЯ ЧИТАТЕЛЮ ВЛЮБЛЕННОГО МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

1

Деревушка Радж дремала в летних лучах. На узкой, хотя и главной улице жизнь замерла, если не считать кошки, трущейся о желоб, мух, занимавшихся гимнастикой на раскаленных подоконниках, и глубоких мыслителей у кабачка, ожидавших, когда он откроется. Жизнь вообще не кипит здесь, но чужеземцу особенно трудно принять эту местность за Пиккадилли, Бродвей или Рю де Риволи в два часа пополудни, жарким летом.

Саму деревушку вы найдете, внимательно изучив ту живописную часть Англии, где серый камень Глостершира сменяется серым кирпичом, которым славен Вустершир. Тихо, почти бессознательно, притулилась она у речки Скерм, и никого не трогает, никуда не лезет, сонно довольствуясь норманнской церковью, одиннадцатью кабачками, населением (если верить справочнику) в 3541 ч. и единственным знаком прогресса, аптекой Ч. Байуотера.

Ч. Байуотер трудолюбив. Не ведая радостей сиесты, он бдит, когда другие спят. Местные жители, как правило, расходятся днем по спальням, прикрывают лицо платком и выключаются. Так поступают они, но не Байуотер. В те мгновения, с которых начинается наша повесть, он работал, не покладая рук, и только что продал полковнику Уиверну чудодейственное средство от комариных укусов.

Купив эликсир, полковник собирался уйти, но Ч. Байуотер любил приправить сделку беседой. К тому же, Мередит Уиверн еще не заходил к нему с тех пор, как разразился знаменитый скандал, другими словами — две недели, и главный сплетник селенья страдал без сведений.

Главное он, конечно, знал. Радж-холл, обиталище рода Кармоди, окружал парк, а в этом парке росло несколько дубов, посаженных при Елизавете. То один из них, то другой становился настолько трухлявым, что угрожал жизни гуляющих. Тогда вызывали экспертов, и те, применив динамит, обращали его в невинный пень. Судя по слухам, две недели назад именно эта процедура едва не погубила полковника и мистера Кармоди. Они подошли к дубу как раз тогда, когда эксперт поджег шнур.

Это знали все и живо обсуждали в одиннадцати кабачках. Но Ч. Байуотер с его нюхом или тем шестым чувством, которое подсказывало ему, что творится у мелкой и крупной аристократии, чувствовал, что есть еще что-то, и надеялся на полковника.

— Жара… — начал он.

— Э, — согласился покупатель.

— А барометр поднимается.

— Э…

— Может, станет полегче.

— Э…

Ч. Байуотер открыл карты.

— У вас хороший вид, — сказал он. — После таких неприятностей…

Полковник, человек пылкий, как раз собирался узнать, почему, черт подери, надо заворачивать этот эликсир чуть не до вечера. Но тут, обретя ярко-малиновый цвет и грозно нахмурив брови, он яростно воззрился на аптекаря.

— Неприятности! — вскричал он. — Ну, знаете!

— Я имел в виду…

— Ха-ха! Неприятности!

— Да я просто…

— Если вы хотите сказать, — загрохотал полковник, — что я чудом спасся от смерти, я бы вам посоветовал лучше выбирать слова. Этот жирный мерзавец пытался меня убить. Неприятности! Нет, это бесподобно!

Мало что в мире печальней, чем ссора близких друзей, которые долго разделяли радости и скорби, что там — думали одно и то же о вере, вине, сигарах, политике и современной молодежи. Услышав, что полковник именует жирным мерзавцем Лестера Кармоди, надо бы опечалиться; но нет, аптекарь испытал греховный восторг. Нюх не подвел, скандал изрядный. И Ч. Байуотер развесил уши, ожидая разъяснений.

Он их дождался, и в превеликом количестве. Полковника он понимал, тут не захочешь — обидишься. Когда мы гуляем с другом в парке, слышим вскрик и, оглянувшись, понимаем, что сейчас бабахнет, легко ли, если этот друг схватит нас сзади и сунет между собой и шнуром, чтобы защититься от взрыва?

— Так-так-так… — сказал Байуотер, поднимая уши еще на один дюйм.

Хорошенько подумав, полковник не выбрал бы его в наперсники, но какие тут думы! Бутылка не выбирает пробочник, ей бы только не лопнуть;

а несчастный Уиверн был именно такой бутылкой. Дочь уехала, две недели он терпел, и наконец излил душу.

Изливал он ее с блеском. Аптекарь просто видел все, от окрика до тех мгновений, когда, подбежав к упавшему дереву, люди заметили, что полковник встает с физиономии мистера Кармоди. Честно говоря, аптекарь считал, что хозяин парка опроверг невысокое мнение об уме английской знати. Однако обидели все-таки полковника, и он ему сочувствовал. Жертва коварства имеет право на брань, а можно ли называть бывших друзей трусами и гадами, это уж дело личной совести.

— Подаю в суд, — заключил свой рассказ Уиверн, гневно глядя на рекламу пилюлей.

— Так-так-так, — сказал Байуотер.

— Этот жирный мерзавец любит только деньги. Я из него выжму последний пенни. До палаты лордов дойду!

— Так-так-так.

— Он мог меня убить! Я чудом спасся. Пять тысяч фунтов, не меньше. Если в Англии осталось правосудие, его вообще посадят.

Ч. Байуотер издавал неясные звуки. И истец, и ответчик покупали у него лекарства. Не желая оттолкнуть ни того, ни другого, он надеялся, что полковник не спросит его мнения.

Тот и не спросил. Излив душу минут за шесть, он помолчал, подумал, покашлял и сменил тему.

— Где этот эликсир? — спросил он. — О, Господи! Еще не готов? Почему вы три часа завязываете бантик?

— Сейчас-сейчас, — заторопился аптекарь. — Ну, вот. Я сделал петельку, удобней будет нести.

— А он помогает?

— Говорят, да. Спасибо, полковник. До свидания. Всего вам хорошего!

Еще кипя обидой, полковник распахнул дверь, и тут же тихую улицу огласили дикие звуки. То был яростный лай, сливавшийся с сердитым криком. Ч. Байуотер отступил в глубь, к полкам, откуда извлек в поименованном порядке корпию, арнику, бутылку признанного средства от царапин, ожогов, уколов и укусов. Он знал, что надо готовить все загодя.

2

Когда полковник изливал душу в чуткое ухо Байуотера, на улице

появился молодой человек в костюме для гольфа и галстуке, который носят бывшие питомцы Рэгби. Это был Джон Кэррол, племянник мистера Кармоди. Он шел с собакой Эмили купить табаку у многостороннего аптекаря.

Вывески обманчивы. Вы читаете: «Аптека», но это все скромность. На самом деле Ч. Байуотер поставляет буквально все, от сервизов до мышеловок. Что-то вроде табака можно купить и в других местах, но субстанция эта вряд ли удовлетворит разборчивого курильщика. Истинная услада для нёба — только здесь.

Джон, крупный молодой человек с приятным, но мрачным лицом, медленно шел по улице. От безответной любви и других забот душа его совсем расклеилась, но послеполуденная тишина омывала ее бальзамом, погружая в транс, из которого, однако, вывел дикий шум, напугавший и Байуотера.

Причину его объяснить не трудно. Когда Джон, собираясь купить табак, брал с собою Эмили, она останавливалась у входа и жадно нюхала, пока кто-нибудь не откроет дверь. Ей очень нравилось снадобье от кашля, а долгий опыт подсказывал, что если жалобно смотреть на аптекаря янтарными глазами, леденца два или три ей перепадет. Вот и сегодня, подбежав к двери, она только-только принюхалась, как вдруг получила весомый удар по носу, завизжала, отпрыгнула, а из аптеки выскочил полковник со своей бутылкой.

— Минуточку, минуточку! — язвительно сказала собачка. — Нельзя ли помедленней, любезный?

Полковник, придавленный бременем скорбей, заметил, что к ним прибавилось лохматое чудище, и рявкнул:

— Брысь!

Эмили зашлась от лая.

— Ах-ах-ах! — говорила она, сопровождая междометия визгом, — Это еще кто? Бьет, видите ли, по носу, словно король какой-нибудь…

— Пошел отсюда! — заорал полковник.

— Если хотите, «пошла», — заметила Эмили. — Я — дама, черт побери!

Словарь у нее был богатый и современный.

— Из-за таких субъектов, — продолжала она, — все наши беды. Знаю я вас, акул! Одно слово, тираны. Разрешите сказать…

Тут, как это ни печально, полковник решил ее ударить. Она увернулась, но, убедившись в тщете слов, изменила тактику. Намереваясь вцепиться противнику в ногу, она услышала истерический крик:

— Э-э-ми-ли-и!!!

Голос у Джона был зычный, легких он не жалел. Когда валлийский терьер вот-вот сожрет отца любимой девушки, миндальничать нельзя. Услышав трубный вопль, полковник подпрыгнул и выронил свою бутылку. Та со звоном разбилась, а Эмили, вполне способная внести лепту в неожиданный, хотя и безопасный тарарам, все же поджала хвост и убежала. Негромкие, но приязненные крики у кабачка «Герб Кармоди» свидетельствовали о том, что она миновала это популярное заведение.

Однако Джон не успокоился. Глядя на Уиверна, вы не подумали бы, что у него красивая дочь, но так уж случилось, и Джон робел, как робеет едва ли не всякий при отце красивой дочери.

— Простите, — выговорил он. — Надеюсь, вы не ранены? Потерпевший не ответил, но метнул в него тот взгляд, от которого сержанты никли, как увядшие розы. Потом оба они вошли в аптеку.

— Еще одну, — лаконично сказал полковник.

— Вы уж простите! — сказал Джон.

— Ту я уронил. На меня бросился дикий пес.

— Ради Бога, про…

— Нет, как разрешают водить их по улицам?

— Я вас у-мо-ля…

— И опасно, — закончил полковник, — и противно.

— Так-так, — сказал аптекарь.

Разговор себя исчерпал. Байуотер понял, что не время любовно вывязывать бантики и мгновенно упаковал бутылку. Полковник схватил ее и убежал, а Джон, придержавший для него дверь и не услышавший: «Спасибо», вернулся к прилавку, за табаком.

— Так-так, — сказал Байуотер. — Сию минутку, мистер Джон. Две унции?

С уходом полковника стало полегче. Обретя былую приветливость, аптекарь отсыпал табаку и, разговора ради задерживая сдачу, сказал:

— А полковник-то расстроен.

— Сдачу не дадите? — спросил Джон.

— Очень прискорбный случай.

— Как там сдача?

— Я сразу заметил, что он сам не свой. Что говорить, шок! Только он вошел, я подумал…

Джон не возражал, но поинтересовался сдачей.

— По дочери скучает, — определил аптекарь с лукавой улыбкой. — После такого шока нужен близкий человек. Это и коту ясно.

Джон ушел бы, но как расстанешься с тем, кто говорит о Патрисии? И он придвинулся к прилавку.

— Скоро она будет дома, — сказал Байуотер. — Насколько мне известно, завтра.

— Завтра?!

— Да, мистер Джон. Вчера вернулась из Франции. Канал пересекла без эксцессов. Сейчас находится в Лондоне, отель «Линкольн», Керзон-стрит. Здорова и весела. Завтра приедет трехчасовым поездом.

Джон не удивлялся такой точности. Он знал, что сестра аптекаря служит на почте.

— Завтра… — повторил он.

— Да, сэр. Именно — завтра.

— А сдачу можно? — спросил Джон, торопясь уйти, чтобы обдумать все на воздухе.

— Конечно, теперь ей… — начал аптекарь.

— Сда-ачу!

И Ч. Байуотер, взглянув на него, отсчитал монетки.

3

Чтобы дойти от аптеки до усадьбы, вы проходите Главную улицу, резко сворачиваете налево, то есть на Ривер-лейн, потом переходите каменный мостик, под которым речка Скерм тихо течет к реке Северн, минуете небольшой, но приятный дом полковника, поднимаетесь по склону, пересекаете луг-другой — и оказываетесь в парке, где виднеются сквозь деревья высокие трубы и красные стены древнего дома Кармоди.

Когда тут не взрывают дубы под носом у военных, место это можно назвать царством покоя. Джон прибавил бы «и очарованья», ибо за четырнадцать лет, прошедших с ее приезда, Пэт пропитала местность своими свойствами. Каждый дюйм был так или иначе с ней связан. На этих пнях она сидела, помахивая ножками в коричневых чулках; под этими деревьями укрывалась от грозы; на эти ворота лазала, на этих лужайках бегала, в эти колючие кусты гоняла его в поисках гнезд, словом — куда ни взгляни, поневоле о ней вспомнишь. Самый воздух сверкал и звенел ее смехом, и даже мысли о том, что смеялась она над ним, Джоном, не могли ни на каплю ухудшить это сказочное царство.

Под деревьями, на полдороге, к нему присоединилась обиженная Эмили, всем своим видом говоря: «Ну, где ты запропастился?». Они пошли

вместе и обогнули дом. Джон несколько лет вел хозяйство вместо дяди, а жил над конюшней, в двух комнатках, куда и направился, оставив собачку с шофером по фамилии Болт, который мыл машину.

Там, у себя, он сел в кресло, набил трубку особым табаком, положил ноги на стол и стал смотреть на фотографию. Видел он прелестное личико, которое не смог испортить даже современный фотограф, склонный заволакивать черты сероватым туманом. Чуть раскосые глаза глядели нежно и лукаво, легкая улыбка таила какой-то занятный секрет, нос привлекал тем задором, который дарует чуть вздернутый кончик. Словом, в лице был вызов, был и призыв.

Эту, последнюю, фотографию Пэт подарила три месяца назад, перед отъездом в Лё Тукэ.[74] А теперь она вот-вот вернется…

Джон Кэррол, человек солидный, не менял привязанностей. Он всегда был влюблен в Пэт и не ждал перемены, хотя знал, что надеяться не на что. Когда ей было десять, а ему пятнадцать, она обожала его, как обожают больших мальчиков, которые умеют двигать ушами и не боятся коровы. Однако с тех пор отношение ее изменилось. Она обращалась с ним то ли как нянька с несколько отсталым ребенком, то ли как хозяйка — с приятной, но неуклюжей собакой. Тем не менее он ее любил, а она — возвращалась.

Джон выпрямился в кресле. Думал он медленно, и только сейчас представил, что при этой злосчастной распре они оказались в разных лагерях. Что, если она не захочет с ним знаться?

Содрогнувшись от страха, он решил немедленно что-то сделать — и, в редком припадке ясновидения, понял, что именно. Надо поехать в Лондон, все ей рассказать и отдаться на ее милость. Если она поверит, что он числит дядю среди самых страшных злодеев нынешнего века, может, и обойдется без ссоры.

Когда разум проснулся, удержа ему нет. Джону пришла в голову потрясающая мысль: а почему бы не сделать предложение?

4

Он затрясся мелкой дрожью. Теперь он ясно видел, что ошибался все эти годы. Да, он любит Пэт, но ведь она об этом не знает! А теперь, в такой ситуации слово может что-то изменить.

Не потому ли, кстати сказать, она вечно над ним смеялась? Как-никак, смешно видеть человека, который явно в тебя влюблен и молчит годами.

Он решительно взглянул на часы, было три без малого. Если выехать сейчас же в своей двухместной машине, в Лондон приедешь к семи, самое время для обеда. И он помчался вниз, в конюшни, где располагался гараж.

— Уберите эту машину, — сказал он Болту, искусно избегая совершенно мокрой Эмили. — Мне нужна двухместная.

— Двухместная, сэр?

— Да. Я еду в Лондон.

— Ее нету, мистер Джон, — сообщил шофер с тем мрачным удовольствием, с каким сообщал обычно, что аккумуляторы сели.

— Как так, нету?

— Мистер Хьюго на ней уехал. К мистеру Кармоди, в этот самый курс. Говорит, у него дела, а вы не возражаете.

Двор завертелся. Не в первый раз бранил Джон легкомысленного кузена. «Не возражаю», это подумать! Только Хьюго и скажет такую чушь.

Глава II ДЕРЖИ КУРС!

Что-то есть в мерзопакостных словах «Курс на здоровье!», чем-то они знакомы, будто мы их уже слышали. И тут вспоминаешь, что время от времени они появляются в «письмах читателей». Скажем, так:

«Тяжела современная жизнь.

Издателю «Таймс», Лондон.
Mens sana in corpore sana[75]

Глубокоуважаемый N!

Неоднократно встречая в Вашей газете статьи о тяготах нынешней жизни, я задумался о том, знают ли Ваши читатели, что в графстве Вустершир есть заведение, для того и созданное, чтобы облегчить их. Санаторий «Курс на здоровье!» (располож. в прежнем Грэви-корт) основан д-ром Александром Твистом, известным американским медиком, знатоком физической культуры, который и руководит программой, позволяющей тем, кому не по силам вышеупомянутые тяготы, восстановить свое здоровье в идеальных условиях. Поднимаясь на заре и ведя спартанскую жизнь, отдыхающие (или пациенты) обновляют свои ткани. Доктор Твист, в прямом смысле этих слов, создает нового человека.

С глубоким уважением,
NN»

Или так:

«Не много ли мы едим?
Издателю «Дэйли Мэйл»
Умеренность, умеренность
и еще раз умеренность!

Достопочтенный М!

В наши дни немолодые люди, набравшие лишний вес, нуждаются не столько в сиделке, сколько в наставнике.

Санаторий «Курс на здоровье!» (бывш. Грэви-корт, Вустершир) буквально творит чудеса под началом д-ра Александра Твиста, широко известного в Америке. Метод его сводится к диете и регулярным упражнениям.

Поистине, д-р Твист берет ветхого человека и создает нового!

Искренне Ваш,
ММ»

При всех различиях — скажем, в подписи — послания эти принадлежат даровитому перу самого д-ра Твиста. Среди тех, кто слишком быстро отзывается на призыв гонга, но не забывает и о здоровье, они вызвали немалый, хотя и рассеянный интерес. Как бы то ни было, в этот день прославленный медик мог увидеть из окна одиннадцать человек, скачущих через скакалочку под надзором способного и преданного помощника, отставного сержанта Фланнери.

Опознать его мог бы не только Шерлок Холмс, но и, в хороший день, сам верный Уотсон. Только сержант не был, скажем так, выпуклым. Все прочие принадлежали к той разновидности, которая внушала доверие Юлию Цезарю.[76] Самым толстым, самым мокрым и самым печальным из них был Лестер Кармоди, владелец Радж-холла.

Печаль его объяснялась тем, что только у него из всех мучеников страдала, кроме тела, и душа, ибо он, по меньшей мере — в сотый раз, думал о том, сколько стоит лечение.

«Тридцать гиней в неделю, — считал он, сгибаясь и разгибаясь. — Четыре фунта десять шиллингов в день… Три шиллинга девять пенсов в час… Три фартинга в минуту!..» Цифры эти поворачивали меч в его сердце. Лестер Кармоди любил деньги больше всего на свете, кроме хорошего ужина.

Д-р Твист отвернулся от окна. Горничная внесла серебряный поднос, а на нем визитную карточку.

— Пусть войдет, — промолвил медик, изучив написанное, и тут же в кабинет вошел легким шагом молодой человек в светлом костюме.

— Доктор Твист?

— К вашим услугам.

Гость несколько удивился. Вероятно, он гадал, почему глава «Курса», способный создать нового человека, не применит свои возможности к себе. Дело в том, что прославленный врач был исключительно хлипок. Не украшали его и редкостное сходство с обезьяной, и хитрый, пронырливый взгляд, и нафабренные усики.

Однако, в конце концов, посетителя это не касалось. Хочешь нафабрить усы — что ж, Бог тебе судья.

— Разрешите представиться, — сказал упомянутый посетитель, — Хьюго…

— Знаю. Мне передали вашу карточку.

— Можно мне поговорить с дядей?

— Конечно, только не сейчас, — медик показал на окно. — Подождите минутку, он занят.

Хьюго встал, посмотрел и еще больше удивился.

— О, Господи! — воскликнул он, глядя на страдальцев. Отложив скакалки, они проделывали неприятные с виду упражнения, а именно — сгибались и разгибались, держа руки над головой и поводя, скажем так, талией. Зрелище это ошеломило бы любого племянника.

— Скажите, а еще долго? — несмело осведомился Хьюго. Д-р Твист взглянул на часы.

— Упражнения скоро кончатся, — ответил он. — Потом — холодный душ, растирание и перерыв до ланча.

— Холодный душ?

— Да.

— То есть дядя Лестер принимает холодный душ?

— Несомненно.

— О, Господи!

Хьюго с уважением посмотрел на медика. Тот, кто заставил дядю извиваться, да еще загнал под холодные струи, достоин многого.

— Наверное, — предположил он, — после этого они наедаются?

— Им дают отбивную без сала, вареные овощи и сухарики.

— Больше ничего?

— Ничего.

— А что они пьют?

— Воду.

— И капельку вина?

— Нет.

— То есть, нет?

— Вот именно.

— Ни-ка-ко-го вина?

— Естественно. Если б ваш дядя меньше пил, он бы здесь не был.

— А вот скажите, — попросил Хьюго, — название вы сами выдумали?

— Конечно. А что?

— Да так, не знаю. Подумал вдруг, спрошу-ка…

— У вас сигареты есть? — осведомился д-р Твист.

— Пожалуйста! — Хьюго вынул портсигар. — Здесь — турецкие, здесь — виргинские.

— Я не курю. Ни в коем случае не давайте их дяде. Ему противопоказан табак.

— Противопоказан?.. То есть, он вьется, гнется, ест отбивные без сала, пьет воду — и вдобавок не курит?

— Именно.

— Ну, знаете! — сказал Хьюго, — Нет. Это не жизнь для белого человека.

Потрясенный сообщениями, он нервно заметался по комнате. Дядю он не очень любил, тот держал его в черном теле и практически не выпускал из Раджа, тут уж не до любви. И все же он не считал, что тому положены такие муки.

Да, сложный человек, этот дядя. При его скаредности другой бы сидел на молоке и протертых опилках, как американский миллионер; но судьба со свойственной ей иронией одарила его прожорливостью.

— Ну, они кончили, — сказал доктор, выглянув в окно. — Можете поговорить с дядей. Надеюсь, его не ждут плохие новости?

— О, нет! Скорей уж меня, — признался общительный Хьюго. — Хочу попросить денег.

— Вот как? — спросил специалист по физической культуре, живо интересовавшийся деньгами.

— Да, — отвечал Хьюго. — Пятьсот фунтов.

Произнес он это со скорбью, ибо, стоя у окна, хорошо видел дядю, а тот выглядел так, что мог пришибить на корню любые надежды. Конечно, если он треснет, Хьюго получит наследство; в противном же случае уповать не на что.

— Вообще-то, — уточнил он, — какие просьбы? Деньги — мои. Отец оставил мне несколько тысяч, но почему-то назначил дядю опекуном. Ничего не могу взять без его согласия. Приятель предложил мне стать совладельцем ночного клуба. Внести надо полцены, как раз пятьсот фунтов.

— Вот как…

— Хотел бы я знать, — продолжал Хьюго, — даст ли их дядя Лестер? Да, хотел бы знать.

— По моим наблюдениям, вряд ли. Расставаться с деньгами он не любит.

— Да уж, — мрачно заметил Хьюго.

— Что ж, желаю удачи. Только не подкупайте его сигаретами!

— Простите?

— Не подкупайте сигаретами. Они тут душу отдадут за окурок.

Хьюго ожил. И верно, какая мысль!

— Кроме того, не держите его слишком долго. Встать под душ нужно вскоре после гимнастики.

— А вы не могли бы, — спросил Хьюго, — сказать ему, что я упросил вас избавить его от душа?

— Нет.

— Жаль. Это бы очень помогло.

— Ничего не могу поделать. Душ необходим. Гимнастика способствует обильному потовыделению.

— Ясно-ясно. Ну, что ж, положусь на такт и участливость. Трудно говорить о деле после такого… э… изнурительного утра.

Он поправил манжеты, одернул жилет и решительно вышел из комнаты. Ему предстояла беседа с человеком, который, в придачу к скаредности, считал, что молодым людям деньги только вредят. Хьюго был оптимистом, весело пел в ванне, но сейчас приуныл. С другой стороны, у всех Кармоди — бульдожья хватка. Что ж, попробуем…

Если судить теоретически, то, укрепив мускулы, открыв наглухо запертые поры, да еще расшевелив приутихшую печень, человек становится добрее. На самом деле это бывает не всегда. Когда мистер Кармоди обернулся на зов племянника, можно было сразу заметить, что десять дней диеты и гимнастики не умягчили его душу. Не обрадовало и открытие, что тот, кого он представлял за 20 миль отсюда, стоит рядом.

— Какой тебя черт принес? — начал он родственную беседу. Лиловое лицо скрылось за носовым платком и появилось снова, выражая злобу. — Ты *на моей* машине?

И то сказать, от усадьбы до «Курса» — двадцать миль, и от «Курса» до усадьбы — не меньше. Машина весьма прожорлива: десять миль — целый галлон. За этот галлон, подумать страшно, дерут дикие деньги, шиллинг и шестнадцать с половиной пенсов. Не считая масла, износа и т. п., на сорок миль уйдет по меньшей мере шесть шиллингов, а это

многовато за свидание с племянником, которого ты, к тому же, невзлюбил с детства.

— Нет-нет, — быстро ответил Хьюго. — Я взял у Джона двухместную.

Они помолчали. Точнее — дядя сопел, а Хьюго действительно думал, как бы помягче, получше к нему подмазаться. Вот например:

«Ты прекрасно выглядишь!»

Нет, не пойдет.

«Да у тебя просто девичий румянец!»

Ой, нет! *Совершенно* не то. Сейчас, сейчас… Есть!

— А ты, я смотрю, в неплохой форме.

Мистер Кармоди издал тот звук, какой издает бизон, вытаскивая лапу из трясины. Быть может, он хотел выразить приветливость, быть может — не хотел. Этого Хьюго не узнал, но был разумен и не ждал млека милости[77] от восьмипудового созданья, только что занимавшегося лечебной гимнастикой. Тут нужны терпение и сочувствие. Словом, заботливый племянник, вот его стезя.

— Да, это не шутки! — продолжал он. — Гимнастика, котлеты без жира, холодный душ… Очень тяжело. Что там, невыносимо. Истинная пытка. Ты *поразительно* держишься. Вот она, сила воли. Любой бы это бросил через два дня.

— Тут бросишь! — воскликнул мистер Кармоди. — Этот чертов доктор взял все деньги вперед.

Хьюго растерялся. Он приготовил еще два-три комплимента воле, но теперь они были ни к чему.

— Ну, в общем, ты в форме, — сказал он. — Молодец! Прямо атлет! Ка-акая фигура! — он помолчал, зайдя в тупик, и решил говорить прямо. Что ж, испытаем судьбу…

— Дядя Лестер, — начал он, — я приехал по делу.

— Да? А я думал, поболтать. Какие еще дела?

— Ты знаешь моего друга Фиша?

— Нет, не знаю.

— Ну, такой друг. Фиш.

— А что с ним?

— Хочет открыть ночной клуб.

— При чем тут я?

— Знаешь, на Бондстрит, в самом центре. Думает назвать «Злачное место». А, как тебе?

Лестер Кармоди откликнулся тем звуком, который издал бы другой

бизон. Лицо его опять переходило от алого к лиловому.

— Сегодня я получил от него письмо, — не унимался племянник. — Если я внесу пятьсот фунтов…

— Не внесешь, — предсказал мистер Кармоди.

— Они же есть! Там, у тебя, гораздо больше.

— Именно, у меня.

— Это же пустяк! На такое верное дело… Ронни Фиш все знает про ночные клубы. Он из них, собственно, не выходил после Кембриджа.

— Ничего не дам. Ты понимаешь, что такое опека? Ты должен вложить деньги в верное дело.

— Куда уж верней! Ночной клуб, и кого? Ронни Фиша.

— Если ты кончишь пороть чепуху, пойду приму душ.

— Вот что, я его приглашу к нам. Вы с ним поговорите.

— Не стоит. Зачем мне с ним говорить?

— Он тебе понравится. У него одна тетка — с приветом.

— По-твоему, это хорошая рекомендация?

— Да я так, к слову.

— А я запрещаю его приглашать.

— Дядя, ты послушай! Скоро викарий придет насчет концерта. Мы с Ронни могли бы сыграть сцену из «Юлия Цезаря», развлечем народ. В Кембридже всем очень нравилось.

Но и это не смягчило мистера Кармоди.

— Не буду я его приглашать!

— Дело твое, — сдался Хьюго, разочарованный, но не Удивленный. Так он и знал; что их кабачок — утопия. Некоторые люди просто не могут расстаться с пятью сотнями фунтов. Поменьше — может быть… Что ж, и то хлеб.

— Ладно, — сказал Хьюго. — Если не возражаешь…

— Возражаю, — отвечал дядя. — А что?

— Да вот, Ронни прислал мне билет на бокс. Придется переночевать в Лондоне. Десятки хватит — ну, гостиница, завтрак, то-се… В общем, всякие расходы.

— Ты хочешь сказать, что собрался в Лондон на матч?

— Именно.

— И зря. Никуда ты не поедешь. Я тебе запретил ездить в Лондон. Последний раз я уступил, и что случилось? Ты провел ночь в полиции.

— Так это же гребные гонки!

— А я заплатил пять фунтов. Хьюго отвел рукой былые невзгоды.

— Недоразумение, — сказал он. — Виноват был не я, а полицейский.

И кто теперь только там служит! Я давно замечаю… Да и вообще, больше такого не случится.

— Вот это верно.

— Значит, дашь десятку?

— Ни в коем случае.

— А ты понимаешь, что бы я подумал, если бы ты ее дал?

— Что у меня — старческий маразм.

— Нет. Что ты мне доверяешь. Самое страшное, когда нет доверия. Спроси, кого хочешь. Это вредит формированию личности.

— Ну, что ж, пускай вредит.

— В Лондоне я бы увидел Ронни и сказал, что не дам денег.

— А ты напиши.

— Когда пишешь, трудно объяснить как следует.

— Ничего, потрудись. Словом, в Лондон ты не едешь. Он повернулся было, чтоб закончить беседу, но тут же застыл на месте. Дело в том, что Хьюго, как всегда в минуты горя, вынимал их кармана портсигар.

— У-ух! — сказал мистер Кармоди (или что-то в этом роде) и непроизвольно протянул руку, как тянет ее к хлебу голодный. А Хьюго, воспарив душой, понял, что спасение пришло в последнюю минуту.

— Здесь — турецкие, здесь — виргинские, — сказал он. — Бери, сколько хочешь, за десять фунтов.

— Вам пора принимать душ, — раздался рядом голос д-ра Твиста.

Голос был вообще неприятен, но особенно отвратным показался он мистеру Кармоди в эти мгновения. При всей своей скупости, он отдал бы немало за то, чтобы швырнуть в доктора камнем. Сперва ему пришла в голову мысль, достойная Макиавелли: выбить портсигар и быстро подобрать, что удастся. Но он тут же понял, что ничего не выйдет.

Исторгнув горестный звук из самых глубин души, Лестер Кармоди поплелся к дому.

— Ай-яй-я-яй! — сказал медик, укоризненно качая головой. — Что ж вы искушаете беднягу?

Хьюго редко соглашался с дядей, но сейчас тоже думал, что д-р Твист заслуживает хорошего кирпича.

— Вы бы не могли одолжить мне десятку? — мягко, но деловито спросил он.

— Нет, — отвечал д-р Твист, — не мог бы.

Хьюго еще больше захотелось понять, зачем всемогущий Творец выпустил в мир такого человека.

— Что ж, я пойду, — заметил он.

— Так быстро?

— Вы уж простите!

— Надеюсь, — сказал медик, провожая его к машине, — вы не в претензии, что я вмешался? Понимаете, ваш дядя мог понадеяться, что вы уступите, а разочарование ему очень вредно. Он бы просто вышел из себя, тогда как часть нашего курса — мирные, приятные мысли.

— Что-что?

— Мирные приятные мысли. Видите ли, если разум в порядке, исцеляется и тело.

Хьюго уселся за руль.

— Простите, — сказал он, — вы надеетесь, что у дяди Лестера будут приятные мысли?

— Конечно.

— Даже под этим душем?

— Естественно.

— Ну, знаете!

Он нажал на стартер, и двухместная машина задумчиво Двинулась вперед. Когда медика скрыли кусты, он порадовался, ибо хотел поскорей о нем забыть. Секунду спустя он радовался еще больше, ибо из-за рододендрона выскочил темно-красный и мокрый человек. Лестер Кармоди спешил, а он не привык бегать.

— Ф-фу-ф!.. — сказал он, преграждая путь машине. Хьюго остановился, купаясь в блаженстве. Деловые переговоры начались.

— Давай сигареты, — пропыхтел дядя.

Подавив желание поторговаться, честный Хьюго ответил:

— Десять фунтов.

Мокрое, блестящее лицо скорбно исказилось.

— Пять.

— Десять.

— Восемь.

— Десять.

Мистер Кармоди победил себя.

— Ладно. Давай их, быстро!

— Турецкие — тут, виргинские — тут.

Рододендрон снова вздрогнул, пропустив тяжелое тело. Птицы на ближайших деревьях радостно запели гимн. А Хьюго, с двумя хрустящими купюрами в кармане, поехал дальше, заливаясь, как жаворонок по весне.

Сам д-р Твист одобрил бы его мысли.

Глава III ХЬЮГО ТВОРИТ ДОБРО

«Да-да-да-да!» — заверял мирозданье Хьюго Кармоди, подъезжая через сорок минут к конюшенному двору. — «Вот мой бэби. Нет, сэр, не ваш, нет, сэр, не наш, а-а-а мой бэ-би! И потому, потому, потому…»

— Ч-черт! — сказал Джон, появляясь невесть откуда. — Вылезай из машины!

— Привет, — отвечал Хьюго, — вот и ты. Посетил я, знаешь, дядю в этом «Курсе». Одного не пойму, почему туда не водят туристов. Есть на что посмотреть, ты уж поверь. Жирные такие, и все сгибаются-разгибаются. Что там, скачут через скакалку. Обхохочешься. И ни капли пошлости или там непотребства. Берите с собой детей, пакуйте сэндвичи. А самое лучшее…

— Ладно, некогда мне слушать. И так опоздал.

— Куда это?

— В Лондон.

— Смотри-ка! Я тоже туда еду. Можешь меня подвезти.

— Нет. Не могу.

— Что же мне, сзади бежать?

— Поезжай поездом.

— Деньги мне дорого достались, я их тратить не буду.

— Ну, как знаешь. Я тебя не подвезу.

— Почему?

— Потому.

— Джон, — сказал Хьюго, — не крути. Не финти. Зачем тебе ехать в Лондон?

— Я хочу видеть Пэт.

— Да она завтра приедет. Мне сам Байуотер сообщил, дело верное. Зашел я купить табаку — поистине, осенило! — а он и говорит: «Будет завтра».

— Знаю. А мне надо встретиться с ней заранее. Хьюго пытливо посмотрел на Джона.

— А-га… — сказал он. — Ты едешь Бог весь куда на старом рыдване. Покрышка совсем того… Значит, едешь на рыдване, чтобы увидеть Пэт, хотя она вот-вот здесь будет. Мало того, ты не хочешь подвезти меня. Наконец, ты краснеешь. Все ясно. Ты решил с ней объясниться. Ну, угадал я?

Джон судорожно вздохнул. Он был застенчив и скрытен. Кузен на его месте оповестил бы всех друзей, словно герой оперетты, а заодно излил душу садовнику. Но не таков Джон. Слушая подобные речи, он смущался, словно его раздели на людях.

— Ладно, — сказал Хьюго, — без меня не справишься. Так и быть, проложу путь. Замолвлю за тебя словечко.

— Если ты посмеешь подойти к ней… — начал Джон.

— Ой, брось! Сам знаешь, какой ты. Золотое сердце, это да, но языком не владеешь. Начнешь сам, непременно провалишься.

— Не лезь! — проговорил Джон низким, хриплым голосом, явно нуждаясь в леденцах, которые ценила Эмили.

Хьюго пожал плечами.

— Как хочешь. Была бы честь предложена. Я своих услуг не навязываю. А вообще-то, подумай. Пэт меня слушается, как старшего брата. Если такой гордый, разбирайся сам, только помни — когда будешь кричать и плакать, от меня жалости не жди.

Джон пошел к себе и тщательно уложил вещи в небольшой кофр. Спустившись, он с досадой заметил, что Хьюго крутится у машины. Однако выяснилось, что крутится он как ангел-хранитель.

— Просим, — сказал он. — Покрышку накачал, бензин залил, масло… ну, и так далее. Полный порядок.

Джон умилился и припомнил, что всегда любил кузена.

— Спасибо, — сказал он. — Спасибо тебе большое. Ну, пока.

— Доброго пути, — отвечал Хьюго.

Выехав с местной дороги на удобное шоссе, Джон нажал на акселератор. Он опаздывал, но надеялся, что «Уиджен» потянет пятьдесят миль в час. Природа, исключительно красивая в этих краях, его не занимала. Уворачиваясь от машин, он оказался в Глостершире почти сразу и только завидев ограду Бленхейма,[78] подумал о том, что вот-вот въедет в Оксфорд, где можно выпить чаю, времени хватит.

Миновав памятник мученикам,[79] он подкатил к дверям Кларендона[80] и позволил себе размять ноги-руки. Пока он это делал, боковое зрение подцепило что-то непонятное, а точнее — Хьюго, слезавшего с откидного сиденья.

— Хорошо проехались, — сказал он, — не опоздаем. Светясь любовью ко всему живому, он не замечал, что

Джон странно на него смотрит.

— Проветрюсь-ка я, — продолжал Хьюго. — Пыльно на этих штуках.

Кстати, я до отъезда позвонил Пэт, спешить нам незачем. Она идет в театр.

— Что? — заорал Джон.

— Ты не волнуйся. Не ори. В четверть двенадцатого она ждет нас в «Горчичнице». Я туда приду с матча. Посидим, поболтаем. Что там, если повезет, я заплачу за ужин.

— Как мило!

— Стараюсь, мой друг, стараюсь, — скромно сказал Хьюго. — Не одним же бойскаутам творить добро.

Глава IV ПЕЧАЛЬНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В НОЧНОМ КЛУБЕ

1

Тот, кого дядя изымает из Лондона, словно улитку из раковины, и держит месяцами в глубинах Вустершира, неизбежно теряет связь с быстротекущей жизнью ночных клубов. Если бы Хьюго не выбыл из золотой молодежи, он бы знал, что «Горчичница» понизила свой статус. Сливки общества перетекли в заведения поновее, оставив ее мелким актерам, а также португальцам, аргентинцам и грекам.

Однако, поджидая в вестибюле, Джон этого не заметил. Он не был в Лондоне почти год, и клуб ему понравился. Невидимый оркестр играл с завидной живостью, а время от времени мимо, в зал, проходили нарядные дамы и блистательные джентльмены. Знаток поджал бы губы и покачал головой, но Джон ощутил восторг и веселье. В конце концов, он ждал Пэт, тут уж всякий обрадуется.

Явилась она внезапно, когда он отвел взгляд от двери, пораженный видом дамы в оранжевом платье, которая (несомненно, с самыми лучшими намерениями) выкрасила волосы в огненный цвет и вставила в глаз монокль. Застыв от удивления, он совершенно отключился, пока не услышал высокий голосок, напоминавший ему пение жаворонка или ветерок на лугу даже если *она* над ним смеялась.

— Привет, Джонни, — сказала Пэт.

Пламенные волосы утратили силу, равно как и монокль. Джон повернулся на 180° и громко охнул.

Прежде всего он заметил, что она — еще прелестней, чем раньше. Если бы кто-нибудь ему сказал, что можно превзойти красотой образ, которым он услаждался эти месяцы, он бы не поверил; и ошибся бы. Как раз в эти мгновения откуда-то взялась дама с выщипанными бровями и размалеванным лицом, очень удобно сравнивать. Рядом с ней Пэт была такой свежей, такой естественной, такой загорелой и здоровой, словно в этом самом Лё Тукэ непрерывно играла в гольф.

— Пэт! — крикнул Джон, и у него перехватило горло. Перед глазами поплыл туман, сердце слишком сильно билось.

Она спокойно и мило протянула ему руку, заметив при этом:

— Ну, вот, Джонни, рада тебя видеть. Ты просто крестьянин. Загорелый такой… А где Хьюго?

Для бурной беседы нужны двое. Джон кашлянул и присмирел.

— Я думаю, скоро придет.

Пэт снисходительно засмеялась.

— Он опоздает и на свои похороны. Сам сказал, в четверть двенадцатого, а сейчас чуть не половина. Ты заказал столик?

— Нет.

— Почему?

— Я не член клуба, — отвечал он, видя в ее взгляде то презрение, какое испытывают женщины к нерасторопным мужчинам. — Понимаешь, надо быть членом…

— Ну, что ты! — сказала Пэт. — Если ты думаешь, что я буду ждать Хьюго на таком сквозняке, не думай. Найди официанта, разберись со столиком, а я пока сниму плащ.

Джон приближался к метрдотелю примерно с теми чувствами, какие когда-то, в детстве, испытал при виде быка. Помнится, в тот раз Пэт захотелось узнать, правда ли быки свирепы или их нарочно изображают так в комиксах. Метрдотель оказался крупным, гладким человеком, которому бы не помешали две недели у Твиста. Джон ему не понравился.

— Добрый вечер, — сказал сельский житель. Метрдотель с ним не согласился.

— Хм… Мистер Кармоди заказывал столик?

— Нет, месье.

— Мы договорились тут встретиться.

Не выказывая интереса, метрдотель заговорил по-французски с каким-то лакеем, а Джон, вконец смутившись, попытался вставить:

— Простите… То есть pardon… Нельзя ли, э-э, столик?

Глаза метрдотеля были почти полностью прикрыты щеками, но тем, что осталось, он посмотрел на Джона, как на червя в салате.

— Вы член клуба, месье?

— Н-нет.

— Тогда будьте любезны подождать в вестибюле.

— Да я хотел спросить…

— В ве-сти-бю-ле, — повторил метрдотель, учтиво поворачиваясь к лысому господину с бриллиантовыми запонками и властной даме в розовом. Он повел их в глубь зала, и тут появилась Пэт.

— Столик есть?

— Ты понимаешь, он сказал…

— Ах, Джонни, какая ты тюря!

Женщины несправедливы. Чего вы хотите от мужчины, когда он пришел в чужой клуб? Это не тюря, а тонкость души. Но женщины ее не видят.

Метрдотель вернулся. Он то ли что-то подсчитывал, то ли рисовал. Во всяком случае он был занят, и Джон ни за что бы его не тронул. Пэт не проявила такой деликатности.

— Мне нужен столик, — сказала она.

— Вы член клуба, мадам?

— Столик, пожалуйста. И побольше. Не люблю тесноты. Когда придет мистер Кармоди, передайте ему, что мисс Уиверн и мистер Кэррол — в зале.

— Хорошо, мадам. Спасибо, мадам. Сюда, мадам. Импозантный внешне и смятенный внутренне, Джон замыкал шествие, думая о том, как же она это делает. Казалось бы, хрупкая, трепетная, не Клеопатра какая-нибудь или, скажем, Екатерина Великая, даже нос у нее вздернут — а вот, поди ж ты! Млея от восхищения, он сел за столик. Пэт, как всегда, раскаивалась в своей резкости.

— Ты уж прости, Джонни! — сказала она. — Мне очень стыдно, ты столько проехал, и мы старые друзья. Но я видеть не могу, как ты даешь себя топтать. Вообще-то ты не виноват, — она улыбнулась. — Такой уж ты есть, большой, добрый, как собака, которая положит морду на колени и преданно сопит. Бедный ты, бедный!

Джон совсем расстроился. Ну, что же это! «Собака», «бедный»… Именно такого тона он хотел избежать. Если есть какая-нибудь логика в отношениях с женщиной, добрым псам надеяться не на что. Он собрался об этом потолковать, но Пэт переменила тему.

— Джонни, — спросила она, — что случилось у папы с твоим дядей? Папа пишет, что дядя пытался его убить. Это правда?

Джон рассказал о ссоре хорошо, хотя и не так пылко, как рассказывал полковник.

— О, Господи! — воскликнула Пэт.

— Я… я… надеюсь… — сказал Джон.

— Что?

— Ну, что это не важно.

— То есть как?

— Для нас. Для тебя и для меня.

— В каком смысле?

Вот отсюда можно танцевать. Скажем, так: «Пэт, ты не замечала, что я

тебя люблю? Собственно, я всегда тебя любил — и тогда, когда ходил в коротких штанах и синей фуфайке; и тогда, когда ты вернулась из школы, прекрасная, как принцесса, и теперь, все больше и больше. Мне нужна только ты. Пожалуйста, не смейся. Ну, хорошо, я бедный Джонни, но ты об этом забудь. Я дело говорю. Ты выйдешь за меня замуж, чем скорее — тем лучше». Он мог это сказать, но сказал иначе:

— Н-не зна-ю…

— Ты боишься, что мы с тобой тоже поссоримся?

— Да, — ответил Джон, — примерно так.

— Какая чушь! Да ни за что на свете!..

Пожалуйста, еще одна возможность. Уж ее он не упустит. Собрав все свое мужество, он вцепился в скатерть и начал:

— Пэт…

— А вот и Хьюго! ~ вскричала она. — Самое время, а то я умру с голода. Эй, а кто это? Ты их знаешь?

Джон тяжело вздохнул, обернулся и увидел, что его кузен — не один. Рядом с ним находились джентльмен средних лет и очень хорошенькая девушка.

2

Свежевыбритый и галантный Хьюго приблизился к столику, являя своим видом, что он был на матче и кое-что выиграл.

— Привет! — сказал он старой подруге. — Привет! — сказал он кузену. — Простите, что опоздал. Разрешите, как говорится, представить моих друзей, мисс и мистера… э-э…

— Моллой, — подсказал незнакомец, — Томас Дж. Моллой с дочерью.

У незнакомца оказался красивый низкий голос, прекрасно подходивший к внешности. Судите сами: американец, скорее всего — сенатор, на пятом десятке, с высоким выпуклым лбом и седеющей шевелюрой.

— Да, — подтвердил Хьюго, — Моллой. Томас Дж. с дочерью. Мисс Уиверн. Мистер Кэррол, мой кузен. А теперь, — с облегчением закончил он, — попробуем заказать ужин.

Обслуга в «Горчичнице» уже не та, но все же, схватив официанта за фалды, Хьюго своего добился. Затем, после начальных фраз, вдело вступил оркестр, окатив собравшихся чем-то вроде музыки, и Томас Дж. с дочерью

немедленно встали. Танцевал сенатор неплохо, хотя и несколько скованно, и вскоре исчез в толпе.

— А кто это? — спросила Пэт.

— Томас Дж…

— Знаю. Кто они такие?

— Н-ну, — начал Хьюго, — как тебе сказать? Сидели мы рядом, и он мне чем-то понравился. Есть в нем что-то такое… Ты подумай, решил, что Юстес Родд — хороший боксер! Поспорили три к одному, и я, конечно, выиграл. После этого, сама понимаешь, как его не угостить? Он обещал дочке повести ее куда-нибудь, я и говорю, вы ее тоже прихватите. Ты не против?

— Конечно, нет. Хотя втроем все-таки уютней.

— Не без того. Но если бы не этот Томас, мы бы не смогли особенно разгуляться. Считай, что он нас угощает. — Хьюго бросил взгляд на кузена, отрешенно глядевшего вдаль, — Джон тебе ничего не говорил?

— Джон? А что он должен сказать?

— Да так, то и се. Пойдем потанцуем. У меня к тебе серьезный разговор.

— Как загадочно!

— Еще бы! — согласился Хьюго.

Оставшись один, Джон почти сразу осознал свою ошибку. Да, «Горчичница» ему понравилась, но теперь он понял, что она — позор славного города. Вот такие клубы и внушают недоверие к прогрессу. Возьмем оркестр. Возьмем публику. Возьмем, наконец, метрдотеля. Банде музыкантов платят Бог знает сколько за те самые звуки, которые Джон в раннем детстве бескорыстно извлекал из гребенки и папиросной бумаги. Клиенты, все как один, жирные и лакированные, что ли. Метрдотель — просто паразит, давно пора им заняться.

Предаваясь этим печальным мыслям, словно Лот перед бедою, он вдруг заметил, что банда затихла, а Пэт и Хьюго идут к столику.

Как оказалось, то был обман, джаз просто набирал силы. Не надеясь его перекричать, Пэт выжидательно смотрела на Хьюго. Но он покачал головой.

— Там, на балконе, Ронни Фиш, — сообщил он. — Мне надо с ним побеседовать. Срочные дела. Садись, говори с Джоном, тем хватает. До скорого! Если что приглянется, заказывай, невзирая на цену. Спасибо Томасу Дж., сегодня я богатый.

И он исчез в толпе; Пэт села; а Джон понял, что несправедлив к «Горчичнице». Очень милое местечко. Приятная публика, любезный,

расторопный метрдотель, прекрасный оркестр. Обернувшись к Пэт, чтобы поделиться такими мыслями, он окоченел под ее взглядом. Если прибавить, что кончик носа слегка поднимался кверху, можно назвать ее вид вызывающим и брезгливым.

— Ой! — испугался он, — Что случилось?

— Ничего.

— А почему ты так смотришь?

— Как?

— Ну, так.

Джон не был мастером слова. Он не смог бы описать ни взгляд, ни общий вид, но они ему не нравились.

— Ты думал, я буду смотреть нежным смеющимся взором?

— А?

— «И, озаривши его нежным, смеющимся взором, дева робко спросила: "Ах, почему ты не смеешь сам говорить за себя?!"» Я думала, ты взял мысль из «Ухаживания Майлза Стендиша»:[81] «Ежели славный моряк хочет со мной обручиться, что ж он так странно молчит? Ведь с недостойной беседы не заключают помолвки…» Ну, и так далее. Когда-то я знала это наизусть. А сейчас хотела бы знать, ждешь ли ты ответа от меня или от поверенного?

— Не понимаю!

— Да? Странно…

— Пэт, в чем дело?

— Ах, ерунда! Когда мы с Хьюго танцевали, он сделал мне предложение.

Джон совершенно заледенел. Кузен не казался ему неотразимым, но все-таки, как он смеет…

— Предложение? — саркастически переспросил он.

— Да. От твоего имени.

— То есть как?!

— Попросил выйти за тебя замуж. Просто умолял. Те, кто слышал, были очень тронуты.

Она умолкла и, как ни странно, в зале, где джаз играл на бцс «Мою красотку», воцарилась тишина. Джон густо покраснел; воротничок его мгновенно превратился в петлю висельника. Хотелось ему одного — пойти на балкон, разорвать кузена на части и сбросить в зал.

Пэт первой обрела дар речи и быстро, сердито заговорила:

— Ничего не понимаю! Вроде бы ты не был такой медузой. Все-таки что-то соображал. Наверное, это — сельская жизнь. Совсем обмяк! А что с

тебя взять? Живешь как овощ. Ешь, спишь, да еще с грелкой…

— Нет! — возразил Джон.

— Ну, в теплых носках, — уступила Пэт. — Поистине, сыр в масле. Вот ты и размяк вчистую. Да, мой дорогой, — она посмотрела на него, грозно поводя носом, как делала и в детстве. — Да, мой дурацкий, несчастный, глупый Джонни. Ты что, действительно думаешь, что можно выйти замуж за человека, который боится сделать предложение?

— Не думаю!

— Думаешь.

— Да нет же!

— Ты не просил Хьюго со мной поговорить?

— Конечно, нет. Сам полез, идиот. Я ему шею сверну!

Он злобно посмотрел на балкон. Взглянув вниз, Хьюго приветливо помахал рукой, как бы давая понять, что духом они вместе. Стояла сравнительная тишина, если не считать утробных звуков саксофона и неприятного, хотя и негромкого пения.

— Что ж, — сказала наконец Пэт, — наша мисс Уиверн ошиблась. А Хьюго был так уверен в твоих чувствах.

Петля стала тесней, но Джон как-то выдавил:

— Он прав.

— То есть как? Ты что, действительно…

— Да.

— Как бы это сказать? Питаешь ко мне…

— Да.

— Джонни!

— Ты что, слепая! — рявкнул он, озверев от смущения, не говоря о воротничке. — Ты что, не знаешь? Да я тебя любил даже в детстве!

— Ох, Джонни, Джонни! — ее серебряный голос осел от огорчения. — Только не в детстве! Я была мерзкой девицей. Дразнила тебя с утра до ночи.

— Мне это нравилось.

— Неужели тебе подходит такая жена? Мы слишком хорошо друг друга знаем. Ты мне — вроде брата.

Есть в языке невыносимые слова, для Китса — «отчаяние», для Джона — «брат».

— Точнее, — сказал он, — вроде идиота. Так я и знал, что ты будешь смеяться.

Пэт протянула руки через стол.

— Я не смеюсь, Джонни. Что тут смешного? Скорее уж, я плачу.

Меньше всего на свете я хотела бы тебя обидеть. Ты — лучший из людей. Но, — она помолчала, — я не думаю о замужестве.

Она смотрела на него, пользуясь тем, что он, отвернувшись, смотрит на двухвостую спину дирижера. Да, лучший из людей. Чистый такой, добрый, надежный, не то что эти шустрые танцоры с усиками. И все-таки выйти за него — глупо. Брак — это, в сущности, приключение, а он такой уютный, домашний. Вот если бы он сделал что-нибудь романтическое…

— В прошлом году, — сказала она, — тут было получше. Джаз какой-то… Лица неприятные… Кстати, нравятся тебе эти Моллои?

— Вроде ничего, — отвечал Джон. — Хорошенькая девушка.

Пэт вздрогнула. Нет, что-то не так, словно появилась небольшая тучка.

— Да? — процедила она.

Именно тучка. Скажи это кто-нибудь другой, она бы поняла, что он хочет ее уколоть. Другой, но не Джонни! Он слишком честный. Честной была и она, а потому признала, что замуж — не замуж, но Джон ее собственность. Влюбляться в кого ни попадя он не вправе. В зале было жарко, и все же при одной этой мысли Пэт пробрал озноб.

— М-да-у… — сказала она.

Музыка оборвалась. Пары расселись. Мистер Моллой с дочерью вернулись к столику. Хьюго сидел на галерке, серьезно беседуя с Рональдом О. Фишем.

3

Рональд Овербери Фиш был очень румяным и очень важным. С Хьюго они учились в Итоне и Кембридже. Если Итон ими не гордился, то ему и хуже, что мы вправе сказать и о Тринити-колледже.[82] Хьюго всегда восхищался Ронни и невыносимо страдал, что должен его огорчить.

— Ты уж прости, старик, — сказал он сразу. — Уперся, и ни в какую.

— Ни в какую?

— Вот именно.

Ронни серьезно оглядел танцующие пары, вынул окурок из длинного мундштука и вставил новую сигарету.

— Ты его убеждал?

— Его убедишь!

— Я бы сумел, — сказал Ронни.

— Да, — согласился Хьюго, — но как? Я советовал тебя пригласить, а

старый хрыч не хочет.

Ронни помолчал. Глядя на него, Хьюго думал, что могучий мозг взялся за дело.

— С кем это ты пришел? — спросил наконец Р. О. Ф.

— Высокий, белобрысый — мой кузен Джон. Девица в зеленом — Пэт, наша соседка.

— А те двое? Очень солидный субъект. Так и ждешь, что обратится к собранию.

— Томас Дж. Моллой. Американец. Не матче познакомились.

— Вроде бы не из бедных.

— Сейчас бедней, чем до матча. На тридцать фунтов.

— Если не ошибаюсь, твой дядя любит богачей?

— Обожает.

— Тогда все просто. Пригласи этого типа, а заодно и меня. Дядя на радостях перетерпит, ну а уж я им займусь. Миллионером, не дядей. За полчаса обработаю.

Хьюго оторопел. Да, это — ум, это — мозг. Особенно пленила его простота замысла.

— Дядя тебя разоряет, — сказал Ронни. — Наш клуб — золотое дно. Я ему об этом напомню. Когда мне приехать?

— Ронни, — сказал Хьюго, — ты гений. Только… — он замялся, — ты согласишься выступить на сельском концерте?

— Пожалуйста.

— Мы бы сыграли нашу сцену из «Юлия Цезаря».

— Прекрасно.

— Я уступлю тебе Брута.

— Ну, зачем же!

— Уступлю-уступлю.

— Ладно. Тогда договорись с этим типом и положись на меня. Понравится мне твой дядя?

— Нет.

— Ничего, — сказал покладистый Ронни, — я ему тоже не понравлюсь.

4

Джаз ненадолго даровал отдых барабанным перепонкам. У тех, кто подхватил саксофонный вирус, редко бывает большой перерыв между

приступами. Вскоре они снова принялись за свое, и мистер Моллой галантно пригласил Пэт на танец. Дочь его, подмазывая губы, нежно засмеялась.

— Не знает, бедняжка, на что идет! — заметила она. Джон, впавший было в задумчивость, встрепенулся и обнаружил, что остался вдвоем с незнакомой девицей, которая, скорее всего, ждет занимательной беседы. Однако слов ее он не понял, а потому сказал:

— Простите?

Будь он менее отрешен, он бы не очень радовался. Мисс Моллой, зовущаяся Долли, принадлежала к тому виду девиц, с которыми застенчивому человеку нелегко. Конечно, она сверкала, но лучи были слишком острые. Желтые глаза глядели довольно грозно. В общем, скромностью она не отличалась и напоминала ему самку барса, которых он недолюбливал еще сильней, чем самцов.

— Я говорю, — объяснила она, — что ваша приятельница — храбрая девушка. Пошла танцевать с Мыльным!

— Простите, с кем?

Кажется, Долли Моллой все же смутилась.

— С моим отцом, — быстро ответила она. — Такое прозвище.

— Да? — растерялся Джон.

— Он очень интересный мужчина, но левша на обе ноги, — нежная дочь снова засмеялась. — Ну, вот, глядите!

Джон поглядел и не увидел ничего особенного. Напротив, для своих лет Моллой был очень прыток.

— Простите, — в третий раз сказал он, — я плохо разбираюсь в танцах.

— А Мыльный — еще хуже, — заверила дочь. — Дело не в том, что он наступает на ноги, это бы еще ничего, но он мечется! Вы хоть немного можете двигать ногами?

— Д-да… Кое-как… Вообще-то…

— Тогда — пошли. Мне просто не высидеть, когда они играют.

Джон нехотя встал и, уповая на Провидение, ввинтился в толпу.

Провидение не подкачало. Толпа была такая, что даже самые юркие просто топтались на месте. Это мог и он, а потому — успокоился и даже завел беседу.

— Вы часто здесь бываете? — спросил он, прижимая даму к стройной спине какого-то франта, тоже попавшего в пробку.

— Я тут в первый раз, — отвечала мисс М. — и, кстати, в последний. Ну и сброд! В жизни такого не видела. Посмотрите на эту, с моноклем.

— Да, удивительно, — согласился Джон.

— Тихий ужас. Нет, не понимаю! Дуст продают где угодно, почему же тут столько жучков?

Джону становилось все легче. Он боялся, что у них с мисс М. нет ничего общего, а какое родство душ! Именно, жучки…

Джаз умолк. Ободрившийся Джон захлопал было в ладоши, но музыканты застыли, глядя на субъекта с тяжелой челюстью и в плохо сшитом костюме, который появился на эстраде. Через секунду-другую у входа раздался зычный голос:

— Леди и джентльмены, прошу оставаться на местах!

— Вот это да! — сказала мисс М. — Застукали!

Диагноз был верен. Почти все танцоры уныло вернулись к столикам, и освободившееся пространство, словно по волшебству, заполнилось людьми в плохо сшитых костюмах. Они бегали по залу, проявляя оскорбительный интерес к бутылкам и что-то записывая в блокнотики. Время буквально летит в таких «Горчичницах». Видимо, на часы забыли посмотреть и беспечно продавали крепкие напитки после полуночи.

— Надо было знать! — сварливо заметила мисс Моллой. — В такой дыре без скандала не обойдешься.

Джон, сельский житель, уважал закон. Сам по себе он вернулся бы к столику, чтобы смущенно сообщить имя и адрес. Но он был не сам по себе. Как оказалось, бойкий вид его дамы соответствовал ее сущности.

— Сюда! — скомандовала она, таща его за руку.

Она подразумевала почти незаметную дверцу, скрывавшую глубины клуба. Здесь почему-то не было субъектов с большими ногами и всевидящим взором, а потому беглянка проникла в проход, словно кролик в норку, прихватив с собой Джона, который вдруг догадался повернуть в замке ключ.

— Блеск! — одобрила дама. — Они тут повозятся. Действительно, из-за дверцы вскоре донеслись звуки, свидетельствующие о том, что кто-то крутит ручку. Силы закона не взяли нужных орудий, и беглецы беспрепятственно достигли еще одной двери, из которой выскочили во двор, где стоял запах старой капусты и жирной воды.

Прислушавшись, они уловили визг и звон, напоминавший недавнюю музыку, хотя издавали его машины, проезжавшие по Риджент-стрит.

— На Потомаке все спокойно,[83] — с удовольствием сказала мисс Моллой. — Если вы подвинете мусорный бак к этой стенке, подсадите меня и вылезете сами, мы переправимся по крыше в соседний двор.

5

Джон сидел в вестибюле «Линкольна». Бегство, при всей своей необычности, уложилось в 20 минут, если не меньше, и, посадив сообщницу в такси, он отправился в отель. Там он узнал, что мисс Уиверн еще нету. Теперь он ее ждал.

Вскоре она пришла в сопровождении Хьюго. Ночь была теплая, тихая, но тут в вестибюль ворвался холодный ветер. Пэт была бледной и гордой; искрометный Хьюго приуныл, что и понятно, если дама много раз повторила: «Нет-как-ты-посмел-повести-меня-в-эту-дыру?»

— А, Джон! — выговорил страдалец, несколько оживляясь, как оживится всякий, видя другую мишень. — Куда ты делся?

— Понимаешь… — начал Джон, тогда как Пэт подошла к портье и спросила свой ключ. Если у христианской мученицы был случай беседовать с портье, она говорила именно так — тихо, кротко, но с тем особым призвуком, который свидетельствует о полном разочаровании в падшем мире.

— Понимаешь… — повторил Джон.

— Писем нет? — спросила страдалица.

— Нет, мэм, — отвечал портье.

Она вздохнула, удачно выражая тем самым, что ничего иного и не ждала, если одни друзья детства ведут тебя в какой-то вертеп, а другие (к тому же, претендующие на влюбленность) убегают с вульгарными девицами, оставляя других на растерзание.

— Понимаешь… — снова сказал Джон.

— Спокойной ночи, — сказала Пэт и направилась к лифту.

Хьюго отер лоб носовым платком.

— Всем бурям буря, — вымолвил он. — Шторм у берегов Шотландии.

Джон двинулся было за Снежной королевой, но кузен его удержал.

— Не стоит, — серьезно сказал он. — Нет, дорогой, не стоит. Не трать попусту время. У ада нет той ярости, которой отличается девушка, если ей пришлось дать полицейскому имя и адрес, а он ей, заметь, не поверил.

— Да я хотел объяснить…

— Объяснишь ей, как же! Поговорим о более приятных вещах. Мы тако-ое придумали! Нет, не я, Ронни. Умный человек. Какие мозги! Какая голова! Удивляюсь, что шляпы не лопаются.

— О чем ты говоришь?

— О его гениальной идее. Мы должны выжать из дяди пятьсот

фунтов. Дело верное, как биржа. Уломать его может только Ронни. Значит, Ронни едет к нам.

— Вот как? — равнодушно откликнулся Джон.

— Именно так. А чтобы дядя не взвился, приглашаем этих Моллоев. Томас Дж. купается в деньгах, и дядя, на радостях, перетерпит Ронни.

Джон всполошился.

— И девица приедет?

Нет, что же это такое? Пэт от нее не в восторге… еще подумает… Он-то знает, что чист, но мало ли что взбредет в голову?

Тут он заметил, что Хьюго спрашивает добрым, участливым тоном:

— Ну как, все в порядке?

— Ты о чем?

— О Пэт, конечно. Сказала она, что я замолвил словечко?

— Да-да… И знаешь…

— Не за что, не за что! Какие там благодарности? Ты бы сделал для меня то же самое. Ну, как все прошло? Гладко?

— Ты уж скажешь!

— Неужели отказала?

— Если хочешь, да. Хьюго вздохнул.

— Этого я и боялся. Как-то она странно выслушала. Сдержанно. Напряженно. Казалось бы, — перешел он к философским раздумьям, — трудно ли сказать: «Да»? И тем не менее в большинстве случаев они говорят: «Нет». Один американский ученый подсчитал, что кроме описательных оборотов в нашем языке — около пятидесяти способов выразить согласие, к примеру: «Да», «Ага», «Угу», «Мда-у», «Ну», «А то!», «Еще бы!», «Конечно», «Вот именно», просто «Именно»…

— Хватит! — закричал Джон. Хьюго похлопал его по плечу.

— Понимаю, старик. Прекрасно понимаю. Ты огорчен. Скажем так, опечален. Но все-таки разреши дать тебе братский совет. На твоем месте я бы это бросил. Ты же тратишь попусту время. Да, согласен, она приятная девица. Но если она тебя не любит, что поделаешь? Ни-че-го. Значит, забудь о ней и оглядись. Вот, например, мисс Моллой. Хороша? Бесспорно. Богата? Нет слов. В общем, пока она у нас, я бы ею занялся. Ты просто создан для брака. Так и вижу: стрижешь газон, а потом, в шлепанцах, сидишь у камина с супругой. Да, забыл — у каждого свои наушники, слушаете музыку. Словом, возьми себя в руки и обрати взор на мисс Моллой. Ты только представь, богатая жена!

Во время этой речи Джон неоднократно порывался что-то сказать, да и сказал бы, если бы не услышал:

— Хьюго, мне нужна сумка.

Пэт стояла почти рядом, напоминая христианскую мученицу, чьи мучители только что придумали новую казнь.

— А… о… — сказал Хьюго и дал ей сумку, которую она отрешенно взяла. Все помолчали.

— Ну, спокойной ночи, — заметил Хьюго.

— Спокойной ночи, — проговорила Пэт.

— Спокойной ночи, — сказал Джон.

— Спокойной ночи, — повторила страдалица, и лифт унес ее, издавая неприятный, скорбный скрип, который, по мнению Джона, был исключительно уместен.

6

Примерно в полумиле от Керзон-стрит, на самом краю Сохо, расположен еще один отель, поменьше и похуже, носящий название «Бельведер». Когда Пэт и Хьюго входили в холл «Линкольна», Долли Моллой сидела перед зеркалом на втором этаже и умащала кремом свое прелестное личико. От этих занятий ее оторвало появление величавого Томаса.

— Привет, лапочка, — сказала она, — Вот и ты.

— Да, — согласился Моллой. — Вот и я.

Хотя в облике его не было той душераздирающей скорби, которой отличалась недавно Пэт, веселья в нем тоже не было.

— Кого я не люблю, — сообщил он, — так это легавых.

— А что случилось?

— Дал имя и адрес. Наврал, конечно, а все равно противно. Ты подумай, столько легавых в небольшом кабачке. И еще, — продолжал он, — зачем ты сказала, что я твой папаша?

— Ну, котик, это же не в моем стиле — замужняя дама.

— Как это, не в твоем?

— Да вот так.

— А, черт! — вскричал мистер Моллой. — Это что ж получается, я совсем старый? Да мне только сорок два!

— На вид еще меньше, — заверила Долли, — если близко не разглядывать. Понимаешь, золотко, не в годах дело. Ты такой… авантажный.

Несколько смягчившись, мистер Моллой оглядел себя в зеркале.

— Да, — признал он, — у меня достойный вид.
— Ну, прямо профессор!
— А вот скажи, тут нет залысины?
— Что ты, это свет падает.
Успокоившись еще больше, мистер Моллой завершил осмотр.
— Лицо у меня подходящее, — с удовольствием признал он. — Насчет красоты не скажу, у каждого свой вкус. Но доверие оно внушает. Сколько я продал фальшивых акций! Да, кстати, лапочка, как ты думаешь?
— О чем? — осведомилась супруга, промокая крем полотенцем.
— Клюнет этот Кармоди, а? Пригласил к себе в усадьбу…
— Ты что!
— Да, пригласил.
— Он богатый?
— Дядя у него богатый, а то бы они там не жили. Такой, знаешь, старинный дом, с парком, как в книжке.
Долли мечтательно улыбнулась.
— Надо бы платьев купить… и шляпок… и туфель, и чулок…
Супруг ее всполошился, как все мужья в таких случаях.
— Лапочка, это не Бекингемский дворец!
— Не скажи. Приемы всякие, гости…
— Ничего подобного. Дядя и два племянника. Вот что, если я всучу акции «Серебряной реки», ладно уж, прибарахлись.
— Котик! А ты всучишь? Мистер Моллой фыркнул.
— Кто, я? Нет, врать не буду, Бруклинский мост или Центральный парк продавать не доводилось, но нефтяные акции? Клюнет как миленький. Эти английские землевладельцы — те же фермеры, а фермер купит что угодно, если буквы красивые.
— Знаешь что…
— Нет. А что?
— В этих усадьбах много всяких вещей. Картины там, серебро, посуда… Может, прихватим?
— А как ты их продашь?
— Да наши миллионеры что хочешь купят, только бы старинное.
Муж покачал головой.
— Нет, лапочка, опасно. И вообще, у меня другой бизнес.
— Наверное, ты прав.
— А то! Доброе дело, нефтяные акции…
— Ну а если само в руки пойдет?
— Там увидим! Главное — не рисковать. Если само пойдет, не

упустим..

И с этими мудрыми словами он направился к ложу. Потрудился, поработал, теперь можно и поспать.

Глава V ДЕНЬГИ ЗАДАРОМ

1

За несколько лет до описанных выше событий, в ту пору, когда местная знать препиралась с сословием, сушившим белье в садиках, которое, хочешь не хочешь, видно из окна; так вот, в эту самую пору преподобный Алистер Понд-Понд, викарий и златоуст, воззвал к лучшим чувствам пришедших на ежегодные празднества:

— Отринем раздоры! Сомкнем ряды! Вспомним, что мы — члены одного прихода. Поистине, Радж — дыра в небо, и *какая* дыра!

Слова эти понравились юной Пэт, приехавшей на каникулы. Гуляя чуть позже с отцом, она призналась, что родное селенье ей не по вкусу. Мало того, она в нем скучала.

Еще труднее было теперь, когда отец страдал. На пятый день она подумала, что при всей дочерней любви не возражает против новой темы. Даже если бы она сама была в парке, страшное происшествие навряд ли казалось бы ей полнее и живей.

Но и это не все. После злодеяний мистера Кармоди его угодья стали запретными, как, скажем, дом и двор Капулетти для молодого Монтекки.

Тем самым, она туда не ходила, тогда как четырнадцать лет подряд считала усадьбу своей собственностью. Мистер Кармоди ей нравился. Несмотря на всю его подлость, она по нему скучала, равно как и по Хьюго. О Джоне не будем говорить.

С самого детства он был ей опорой. Одни исчезали, другие появлялись, он оставался рядом. Мистер Кармоди — по возрасту, Хьюго — по лености не могли отдавать ей все свое время, а вот Джон мог; и, несмотря на распри, должен бы искать с ней встречи. Но проходили дни, росла досада, и Джон все больше напоминал медузу, от которой нечего и ждать. Иногда это чувство было слабее, иногда — сильнее.

На Главную улицу Пэт привела совесть. Отец так обрадовался ей, что она стыдилась своей тоски и, в припадке покаяния, пошла с ним в аптеку, хотя предпочла бы посидеть с книгой в саду.

Заметим, что бальзам Байуотера сработал на славу. Комары остались в дураках. Сколько ни кусали они полковника, он был как новенький. Естественно, они страдали, он — торжествовал и, человек справедливый,

сказал аптекарю:

— Чудо, а не средство! Жаль, раньше не знал. Дайте-ка еще бутылочку.

Ч. Байуотер обрадовался не только из корысти, но и по чистому человеколюбию.

— Так я и думал, — признался он, — Многие спрашивают. Вчера вот продал бутылку мистеру Кармоди.

Полковник угас, словно его выключили из сети. Аптекарь смутился. Тягостное молчание нарушила Пэт.

— Он вернулся? — спросила она. — Кажется, он был в лечебнице?

— Жаль, не в тюрьме, — откликнулся ее отец.

Ч. Байуотер, верный своим правилам, сохранил нейтралитет.

— Да, мисс, вернулся позавчера. Его тут же укусил комар, и куда? В нос, вы подумайте!

— Милостив Бог, — заметил полковник.

— Но я ему продал мое средство. Сразу полегчало, — прибавил аптекарь с ненавязчивой гордостью.

Полковник нахмурился, снова забрезжила опасность, но тут за дверью раздался лай. Аптекарь ласково улыбнулся.

— Собачка мистера Джона, — пояснил он, доставая с полки леденцы.

Пэт открыла дверь и убедилась в том, что он прав. Наспех фыркнув, отчасти от нетерпения, отчасти — от вожделения, Эмили вкатилась в аптеку, села у прилавка и посмотрела на Ч. Байуотера.

— Ну что, собачка? — спросил он. — Леденца хочешь?

— Странный вопрос! — отвечала она. — А вы как думали?

— Слышите? — расцвел он. — Все понимает. Истинно, человек!

Полковник не разделил его радости. Что-то проурчав, он кисло посмотрел на Эмили, и его правая нога странно дернулась.

— Нет, правда, мисс, — упорствовал аптекарь. — Все понимает!

— Так-так-так… — рассеянно согласилась Пэт, и Байуотер, удивленный нарушением авторского права, бросил собачке леденец.

Пэт рассеянно смотрела на дверь, замечая, что сердце у нее почему-то бьется чаше. Неужели ее может тронуть мысль о встрече с патентованной медузой? Чушь какая, надо держать себя в руках! Это не удалось. Сердце просто прыгало и скакало.

Послышались шаги, на плиты мостовой упала тень, и в аптеку вошла мисс Моллой.

2

Удивительно, если подумать, какие разные чувства может вызвать один и тот же человек. Дело обстояло так, словно в аптеке появились четыре Долли.

Полковник Уиверн видел прелестную женщину с той толикой чего-то этакого, которая напоминает пожилым вдовцам, что еще не все пропало. Он машинально подкрутил усы, полагая, что явилась Красота.

Ч. Байуотер, более практичный, решил, что явилось Богатство. Хотя мистер Моллой уговорил жену, что новых туалетов не надо, взор она привлекала, и аптекарь живо представил заказ на кремы, лосьоны и соль для купания.

Эмили увидела Совершенство. Вообще она смотрела на мир с прохладной скептической улыбкой, но к Долли сразу воспылала тем капризным обожанием, какое поражает порой самых стойких терьеров. Быстро проглотив леденец, она кинулась к кумиру.

Реакции эти, как мы видим — безупречно положительные. Однако, дойдя до Пэт, мы обнаружим, что свою неприятную голову подняло Осуждение. Пронзив внешние покровы, обольщающие мужчин, мисс Уиверн узнала в пришелице Грядущую Угрозу.

Конечно, думала она, эта девица приехала в Радж, чтобы подцепить несчастного Джонни. Прогулка с Эмили означает, что живет она в усадьбе. Теперь ясно, почему Джон не нашел времени для подруги детства. Нет, он — не медуза, он — предатель. Подобно собачке, раболепно льнувшей к туфлям своего кумира, он околдован дешевым блеском. Что ж, его надо спасти, как заблудшего брата.

Долли тем временем сияла любезностью.

— Здрасьте, здрасьте! — сказала она, отодвигая изящную ножку от зубок Эмили. — А я все думаю, что’ вас не видно? Вы ведь здесь живете?

— Д-да, — отвечала Пэт.

— А я живу в Холле.

— Д-да?

— Очаровательное место.

— Д-да…

— Картины, ковры, ну, в общем…

— Д-да.

— Это ваш отец?

— Д-да. Папа, это мисс Моллой. Мы встречались в Лондоне.

— Charme, charme,[84] — сказал полковник, снова подправляя усы.

Ч. Байуотер улыбался. Эмили самозабвенно грызла туфельку идола. Все это было так гнусно, что Пэт повернулась к выходу.

— Ну, папа, я пошла, — сказала она напоследок, — надо марок купить.

— Прошу, — вступил в беседу аптекарь, — у меня есть марки.

— Спасибо, мне нужны другие, — ответила Пэт.

Радж показался ей на удивление печальным. Солнце освещало и улицу, и «Герб», и «Плуг», и «Виноградную лозу», и «Привал возницы», и водокачку, словом — все, кроме сердца мисс Уиверн.

3

Как ни странно, такие чувства томили в этот миг и мистера Кармоди. Глядя в окно, он видел мир, сияющий золотом, но сердце его было свинцовым. Только что к нему приехал преподобный Понд-Понд и разорил на пять шиллингов.

Многие сочли бы, что легко отделались. Викарий собирал деньги на новый орган, на воскресные сборища молодых матерей, на помощь обитателям ветхих строений, на жалованье младшему священнику и на местный детский лагерь. Иногда, в безумии оптимизма, он надеялся, что местный сквайр даст десять фунтов; однако сейчас увозил на мотоцикле только пять шиллингов и обещание, что племянник сквайра выступит с приятелем на сельском концерте. Несмотря на это, мистер Кармоди видел в нем грабителя. Это же подумать, пять монет!

Вдобавок к этим бедам землевладельца угнетало странное поведение Александра Твиста. Когда владелец «Курса» подрядился сделать из Кармоди нового человека, деньги он взял вперед, за три недели. К концу второй из этих недель пациент узнал от племянника о приезде миллионера и, оборвав лечение, отправился домой. Естественно, он полагал, что д-р Твист вернет треть денег; но ошибся. Читая его письмо, мистер Кармоди думал, что в жизни своей не видел такой пакости.

Да, думал он, не те пошли сквайры, совсем не те! Первый из здешних Кармоди жил не тужил. В ту пору смерд был смердом, и подлый люд только радовался, работая полсуток на хозяина за кусок хлеба и снисходительный кивок. Но в этом мерзком веке английский крестьянин испортился. Так и ждет от тебя заботы. И крышу ему чини, и стены укрепляй, и почву восстанавливай, а это, надо сказать, немало стоит. Скоро будем платить за починку радиоприемника.

Так думал он, глядя из окна на залитый солнцем сад, когда внезапно увидел своего корпулентного гостя и, впервые за утро, услышал вдали, как шелестят крылья синей птицы. В мире, где есть такие люди, как Томас Дж. Моллой, еще можно жить.

Ронни Фиш оказался хорошим пророком. Мистер Кармоди и впрямь обрадовался богачу. У него были замыслы, а они требуют денег.

Сейчас он решил выйти в сад и побеседовать с гостем. Солнечным утром, когда улыбается природа, американский бизнесмен вполне может расщедриться. Июнь уже сменился июлем, и погода стояла такая, в какую поэт пишет стихи, влюбленный любит, а бизнесмен дает денег на изготовление алмазов из древесного угля. Не хочешь, думал мистер Кармоди, а все равно дашь.

4

Природа улыбалась еще три минуты с четвертью, а позже для мистера Кармоди зашло солнце. Со всей возможной сердечностью, пронзившей душу, мистер Моллой отказался поделиться хотя бы миллионом ради поля для гольфа, кинотеатра и вообще какого-либо из четырех основных замыслов.

— Нет, — сказал он. — Поверьте, мне очень жаль, но я занимаюсь только нефтью. С нее я начал, ею и кончу. Без нее мне нет жизни. Если хотите, я купаюсь в ней, как сардинка в масле.

— Вот как? — заметил мистер Кармоди, глядя на него с должной неприязнью.

— Да, — продолжал совсем уж распевшийся богач. — В нее я вложил первую тысячу, в нее вложу и последнюю. Мы с ней друзья. Нефть — это деньги.

— Кинотеатр, — возразил хозяин, — это тоже деньги.

— Но не такие, — поправил его гость.

— Вы здесь чужой, — не унялся Кармоди, — не знаете местных условий. У такого местечка, как Радж, — исключительные возможности. Люди будут сюда приезжать…

— Пусть приезжают, — разрешил великодушный Моллой. — Но лично я держусь нефти.

— Или возьмем гольф, — зашел с другого угла хозяин. — Хорошее поле есть только в Стаурбридже. Вустершир буквально задыхается. Сами знаете, как популярен…

— Куда ему до нефти! — парировал Моллой, глядя так, словно вот-вот произнесет эпиграмму. — Нефть, скажу я вам — это нефть.

Мистер Кармоди удержался и скрыл свое мнение о нефти. Чтобы облегчить душу, он ввинтил каблук в мягкий гравий дорожки, жалея о том, что внизу не оказался самый чувствительный палец гостя.

В разгар этих горестных действий он заметил, что Провидение, со времен Иова интересующееся, сколько может вынести хороший человек, прислало еще и Ронни Фиша. Он держал длиннейший мундштук, а розовое лицо выражало то самое превосходство, которое оскорбило сквайра с первой же встречи. Для леди Джулии Фиш сын был истинным сокровищем, а вот хозяину Радж-холла он не нравился. Не говоря уже о том, что розоволикий хлыщ ел по две порции любого блюда и непрестанно подливал себе портвейна, он почему-то разговаривал свысока. Ну можно ли выдержать, чтобы юнец, да еще умственно отсталый, держался с такой важностью?

— О чем спорим? — полюбопытствовал он, подходя к мистеру Кармоди.

Мистер Моллой приветливо улыбнулся.

— Какие споры? — ответил он с той сердечностью, которая особенно бесила хозяина. — Я рассказываю нашему другу, что во всем Божьем мире нет ничего лучше нефти. Самое верное дело.

— Несомненно, — согласился юный Фиш. — Мистер Моллой прав, любезный Кармоди.

— Наш друг попытался заинтересовать меня полем для гольфа…

— Вот это — ни к чему, — сказал Ронни. — Не соглашайтесь.

— Я и не буду. Нефть, нефть и только нефть. Для мира и войны, для дома и семьи, для чего хотите. Горючее будущего.

— Точно. Что говорил Гладстон[85] в 1888-м? «Можно всегда заливать немногим, можно иногда заливать многим, но нельзя заливать многим всегда». Он забыл о нефти. Что-что, а ее заливать можно всем и всегда. Наверное, имел в виду уголь.

— Уголь? — мистер Моллой саркастически засмеялся. — Не говорите мне об угле!

Мистер Кармоди снова расстроился. Именно об угле он и хотел поговорить, подозревая, что тот таится в недрах его земли.

— Слушайте этого человека! — наставительно сказал Фиш, хлопая хозяина по плечу. — Понимает что к чему. Да, нефть и только нефть. Вытряхните свой старый носок, и — вперед! Не пожалеете.

Произнеся все это с той отеческой заботливостью, от которой у

сквайра сразу подскакивала температура, юный Фиш удалился. Мистер Моллой с одобрением посмотрел ему вслед, после чего сообщил, что у молодого человека голова на месте. Энтузиазма его слова не вызвали. Мистер Кармоди не собирался обсуждать голову Ронни.

— Нефть, — продолжал гость, — дело верное. Возьмите Рокфеллера. Бегает он по друзьям, пытаясь занять денег? Нет, не бегает. А почему? Заработал кое-что на нефти, как, впрочем, и я. Вот что, Кармоди, я редко делюсь с другими, но для вас, так и быть, попробую. Все-таки вы меня поите-кормите, надо же отблагодарить. Как вам хороший толстый пакет акций «Серебряной реки»? Без наценки, заметьте, сколько отдал — столько возьму. Многие локти бы себе кусали. Да что там, захожу я» на днях к Чарли Швабу, а он мне и говорит: «Том, я держался стали и не бедствовал. Неплохая штука, но куда ей до нефти! Не поделишься акциями этой твоей «реки»? Тут же выпишу чек». Так-то, мой милый!

Ничего нет печальней человека, который хочет выжать из ближнего деньги и вдруг узнает, что ближний хочет выжать деньги из него. Мистер Кармоди только усмехнулся.

— Вы думаете, — спросил он, — у меня есть деньги на рискованные предприятия?

— Рискованные? — вскричал мистер Моллой, не веря своим ушам. — Это вы про «Серебряную реку»?

— А вы знаете, сколько сжирает усадьба? — осведомился хозяин. — Когда я оплачиваю все счета, спасибо, если сотни две остается.

Они помолчали.

— Вот как? — тонким голосом произнес гость.

Говоря строго, это было не так. Еще подвизаясь на ниве бизнеса, Лестер Кармоди вложил в ценные бумаги очень приличную сумму. Но ему льстила мысль, что он еле сводит концы с концами.

Мистер Моллой растерянно указал на улыбающийся сад, а за ним — и парк, чьи могучие деревья отражались в водах старинного рва.

— Но вот это, — предположил он, — приносит немало.

— И уносит, — отвечал Кармоди. — Расходам нет конца. Английские фермеры только о том и думают, чтобы разорить землевладельца.

Они опять помолчали.

— Ай-я-яй! — сказал мистер Моллой. — Нехорошо… Жалел он, в сущности, не столько хозяина, сколько самого себя. Он заподозрил, что зря тратит время в этом родовом гнезде. В конце концов, не ради красоты он сюда приехал. Городскому человеку все эти парки и поля только действуют на нервы. Прямо старомодная опера. Так и ждешь, что появится

хор нетрезвых селян.

— Да уж, — повторил он, — нехорошо.

— Что именно?

Вопрос этот задал не мистер Кармоди. Со стороны розария шла миссис Моллой и еще издалека, по жестам, поняла, что ее супруг ведет деловой разговор. Потом она заметила, как омрачилось его красивое лицо, а тут еще эта фраза… Словом, она ринулась на помощь, вопрошая:

— Что случилось?

Мистер Моллой ничего не скрывал от верной подруги.

— Понимаешь, я предложил нашему хозяину акции «Серебряной реки»…

— Ах, Боже мой! Ты же их так ценишь!

— И не зря. Однако…

— Ну, ясно, — улыбнулась Долли. — Для мистера Кармоди ничего не жалко.

— Вот именно, — подтвердил ее слова мистер Моллой. — Но он не может их купить.

— Как?!

— Расскажите сами, — попросил удрученный гость. Хозяин рассказал. Он любил поговорить о злоключениях землевладельцев.

— Что-то я не пойму, — Долли покачала головкой. — Вот вы говорите, нет денег. Как же это нет, когда галерея просто набита картинами?

— Это фамильное достояние.

— Что-что?

— Фамильное достояние, — горестно повторил мистер Кармоди. — Их нельзя продать.

— То есть как? Они же ваши.

— Нет, — объяснил землевладелец. — Они принадлежат усадьбе.

Пока он объяснял это, мистер Моллой страшно страдал. Нет, что же это такое? Нельзя продать картину или там ковер без разрешения попечителей! Мало того, если они разрешат, деньги должны пойти на усадьбу. При всем своем благодушии американский гость не надеялся, что каких-то надменных чинуш пленят его любимые акции.

— А, черт! — с чувством вскричал он.

Долли нежно тронула его руку.

— Бедный папочка! — сказала она. — Ах, как неудачно! Мистер Кармоди кисло посмотрел на гостя.

— А что такое? — осведомился он.

— Он хотел все это купить, — отвечала Долли. — Как раз сегодня утром так прямо и сказал — если вы не против, сразу же выпишет чек.

5

Пока мистер Кармоди рассказывал о фамильных достояниях, гость его, мрачно глядя на жену, подметил на ее лице отблески мысли. Но последняя фраза его удивила.

— Постой… — начал он.

Прелестная Долли обещала любить, почитать и слушаться супруга, но не принимать во внимание его неуместные реплики.

— Видите ли, — продолжала она, — папа собирает всякую старину. Там, у нас, знаете, собственный музей. Ты ведь завещаешь его государству?

— А то! — подтвердил Моллой. — Непременно.

— Сколько, ты говорил, он стоит?

— Ну-у… Так, миллион… Два миллиона… Нет, думаю, все три.

— Понимаете, — объяснила Долли, — там столько всего, не пересчитаешь. Пирпонт Морган предлагал миллион за одни только картины.

Моллой приободрился. Цифры он любил.

— Ты спутала, душенька, — сказал он. — Картины хотел Джек Шуберт, а старый Пирпонт — ковры. И предлагал он не миллион, а семьсот тысяч. Я просто расхохотался и спросил, что он покупает, сэндвичи с сыром? Он, конечно, обиделся, — мистер Моллой покачал головой, явственно жалея, что невинная шутка чуть не перессорила друзей, — Но все-таки! Семьсот тысяч! Это что, на проезд в автобусе?

— Сколько ты дал бы мистеру Кармоди за картины? — спросила безжалостная Долли.

— Ну, не знаю… Мы бы, я думаю, поладили… Лучше не будем это обсуждать.

— Почему?

— Это же невозможно.

— Очень даже возможно!

— То есть как?

— А так. Инсценируем кражу.

— Что?!

— Кра-жу. Со взломом. Эти картины украдут, а ты выпишешь чек.

Всем выгодно. Мало того, они ведь застрахованы? Вот вам еще деньги.

Все замолчали. Долли кончила речь, муж ее онемел. Да, он предчувствовал, что она что-нибудь надумает, а все-таки удивился. Ничего не скажешь, план — лучше некуда, он и не ждал иного от мудрейшей из женщин, но подобает ли такая практичность невинной дочери миллионера? А вдруг хозяин заподозрит…

Тревожился он зря. Хозяин молчал по другой причине.

Какой-то проницательный мыслитель заметил связь между тучностью и хитростью. Прав он или не прав, мистер Кармоди шокирован не был. Удивлен — да, потрясен — возможно, но не шокирован. Юные и не очень юные годы, проведенные на лондонской бирже, воспитали в нем исключительную терпимость. Он не осуждал сомнительных проектов, если они могли принести ему выгоду.

— Даровые деньги, — пояснила Долли, неверно расценившая его молчание. — От этих картин и ковров никакого толку. Лежат, висят — ну и что? И вообще, они ваши. Ах, бросьте, какие запреты, это же полная чушь! Хорошо, принадлежат усадьбе, а усадьба кому? Вам. Кто их унаследует?

— Э? А! Мой племянник, Хьюго.

— О нем беспокоитесь?

Мистер Кармоди беспокоился не о племяннике, а о себе. Можно ли, думал он, проделать все тихо, не угодив в тюрьму, где не место чувствительному человеку?

— Кто же их украдет? — осведомился он.

— То есть вынесет из дома?

— Да-да. Надо все сделать так, будто был взлом.

— А он и будет.

— Кому мы доверим такое дело?

— Не волнуйтесь, у папы есть надежный друг.

— Это кто? — удивился мистер Моллой.

— Шимп.

— А, Шимп! Да, он с этим справится.

— Кто такой Шимп? — спросил мистер Кармоди.

— Один мой друг. Вы его не знаете.

Землевладелец скреб ногой дорожку. Американец взглянул на супругу и дернул левым веком. Супруга дернула правым. Понимая, что в такие минуты человек беседует со своей душой, они не нарушали молчания.

— Что ж, — сказал наконец мистер Кармоди, — я подумаю.

— Молодец! — одобрил его мистер Моллой.

— Да, — посоветовала миссис Моллой, — погуляйте, а потом — хи-

хи — сделайте заявление.

— Когда хозяин удалился в глубоком раздумье, гость его спросил жену:

— Что ты Шимпа вспомнила?

— Да мы тут больше никого не знаем. Моллой вдумчиво глядел на воду.

— Я бы его не втягивал, — вымолвил он. — Он же скользкий, как угорь, да еще смазанный маслом. Того и гляди, обжулит.

— Мы его обжулим раньше.

— А как?

— Уж как-нибудь. И вообще, выбирать не из кого. Тут первый встречный не годится.

— Хорошо, лапочка. Ты у нас мозговой центр. Эй, а вот и его сиятельство!

Мистер Кармоди шел по дорожке, и вид у него был решительный. Он, несомненно, подумал, так как начал с последней своей мысли:

— Вот что, не хотел бы я привлекать этого вашего друга. Какой бы он там ни был, чем меньше народу знает, тем лучше.

Именно так думал и мистер Моллой, склонный к мирным, домашним действиям.

— Да, — согласился он, — это верно. Но как их тогда вынести из дома?

— Тут нужен домушник, — сказала миссис Моллой.

— Такое, знаете, воровское слово, — быстро нашелся ее муж. — Как говорится, слэнг. Моя дочь вечно читает детективы. Домушник, ха-ха! А вообще-то ты права, лапочка. Хорошо, но если мы не берем Шимпа, кто, так сказать, проведет операцию?

— Я, — отвечал хозяин.

— А?

— Я, — повторил мистер Кармоди. — Все обдумано. Встану пораньше, влезу на галерею по приставной лестнице, через окно. Полиция и решит, что действовал взломщик.

Мистер Моллой смотрел на него в немом восхищении.

— Вот не знал, что вы такой шустрый! — вскричал он. — Прямо подумаешь, что это — ха-ха! — вам не впервой.

— Перчатки не забудьте, — подсказала Долли.

— Моя дочь, — поспешно объяснил Моллой, — знает из книжек, что быки, то есть полицейские, первым делом ищут отпечатки пальцев. А… э-э… преступники надевают перчатки.

— Очень разумно, — одобрил мистер Кармоди. — Спасибо, что напомнили. Непременно надену.

Глава VI МИСТЕР КАРМОДИ СРЕДИ ПТИЦ

1

Картинная галерея Радж-холла была расположена на третьем этаже исторического здания. В половине шестого утра, когда мистер Кармоди приставлял к широкому подоконнику найденную в сарае стремянку, ему казалось, что фамильные ценности находятся много выше. Взглянув вверх, он ощутил то, что ощутил бы неопытный Джек перед самым длинным на свете бобовым стеблем.

Лестер Кармоди не увлекался лазаньем даже в детстве. Пока его беспечные собратья орудовали на яблонях, он мирно искал падалицу в густой траве. Высоты он боялся, этим утром — особенно. Есть что-то такое в преступлении, если он все-таки встал на нижнюю перекладину. Только мысль о страховке придавала ему смелости.

Когда дух хотя бы настолько возобладал над материей, дело пошло легче. Стараясь не смотреть вниз, Кармоди полез к подоконнику. Тишину летнего утра нарушало лишь его тяжеловатое дыхание. С точки зрения погоды день начинался хороший, но хозяин усадьбы не замечал солнечных бликов на росистой траве, а позже — щебечущих птиц. Ему было не до них; и он знал, что проведет с ними немало времени.

Лез он очень осторожно, а значит — и медленно. Уже на середине ему казалось, что лезет он всю свою жизнь. Собственно, он удивлялся, почему воздух не разрежен. Подняв наконец глаза, он увидел, что терпение вознаграждено, как ему и подобает, — подоконник был в нескольких дюймах. Это его вдохновило, и он так резво ступил на последнюю перекладину, что стремянка сложилась, словно ножницы.

Однако он уже был у самого подоконника и перелез на него раз в пятнадцать быстрей, чем намеревался. Кое-как усевшись, он вцепился в обломок водосточной трубы и затих, болтая ногами над бездной. Стремянка закачалась и легла на землю.

События эти, как ни странно, заняли секунд шесть. Мистер Кармоди очутился в прыгающем и плавающем мире, чувствуя при этом, что сердце ему заменили фейерверком, который тоже не стоит на месте. Какие-то мгновения он ощущал, что ему очень плохо. Потом, немного придя в себя, смог ознакомиться с ситуацией.

С одной стороны, конечно, спасибо, что ты жив и сравнительно цел. С другой — хорошего мало. Не так уж приятно сидеть в тридцати футах от земли, да еще ни свет ни заря. Разум заверял, что подоконник прочен, но нелегко справиться с чувством, что он вот-вот хрустнет и обвалится.

Конечно, можно бы посмотреть надело иначе. Все медики согласны в том, что свежий утренний воздух очень полезен. Кроме того, трудно найти позицию, в которой сподручнее писать очерки о сельской жизни, популярные в наши дни. Скажем, так:

> «Глядя с подоконника, я вижу, как сама Природа занимается своими делами. Мой тихий сад цветет и благоухает. Вот рубин и бирюза африканской немезии, вот пурпур и синь дельфиниума, колокольчиков, лобелий. Птицы поют свою утреннюю песнь. Я подмечаю сойку (Garrulus Glandarius Rufitergum), галку (Corvus Modedula Spermologus), воробья (Prunella Modularis Occidentalis) и многих других…»

Однако мистер Кармоди думал не об этом. Мрачно глядел он на траву и цветы, но больше всего его раздражали птицы. Их шумная прыть казалась ему неуместной и назойливой. Особенно досаждал дартфордский щегол (Melizophilus Undatus Dartfordiensis), который, чем сидеть в Дартфорде, не поленился, из чистой вредности, отправиться в Вустершир. Сверкая ярким жилетом, уместным в зимнюю пору, но совершенно безвкусным теперь, он прибыл за пять минут до шести, сел на тот же подоконник и воззрился на соседа, склонив головку набок. «Не может быть», — определил он, улетел в кусты, к насекомым, вернулся в десять минут седьмого и тихо продолжил: «Может не может, а *есть*. Что же это такое?»

Занявшись догадками и едой, он оставил сквайра в покое, но минут через 15 перепорхнул к его локтю и начал с того, чем кончил: «Нет, что же это такое?»

Самый вид сытой птицы оказался для голодного Кармоди последней соломинкой. Замахнувшись на пернатого нахала, он чуть не свалился. Щегол взвизгнул и улетел, словно провинившийся букмекер, а страдалец, дрожа, приник к окну. Время потянулось дальше. В половине восьмого он понял, что не ел с самого детства; и тут раздался свист.

Мистер Кармоди осторожно взглянул вниз, преодолевая головокружение. С тех пор, как он залез на подоконник, в свисте недостатка не было. К Garrulus Glandarius Rufitergum и Corvus Modedula Spermologus присоединились такие мастера, как Dryobates Major Anglicus, Sturnus Vulgaris, Emberiza Curlus и Muscicapa Striata. Но теперь свистел человек, и в измученной груди шевельнулась слабая надежда.

Сквайр подождал, и вскоре из-за угла показался его племянник Хьюго с полотенцем на шее. Судя по всему, он только что искупался. Как мы знаем, дядя не испытывал к нему теплых чувств, но сейчас обрадовался, словно миллионер посулил ему денег на поле для гольфа.

— Эй! — крикнул он, как кричал гарнизон в Лукноу,[86] торопя шотландских солдат. — Э-э-э-эй!

Хьюго остановился, посмотрел направо, налево, вперед и (обернувшись) назад. Чувства дяди заметно ослабели.

— Э! — заорал он. — А, чтоб тебя! Хью-го! Племянник посмотрел наверх и застыл на месте, словно позировал для статуи «Юноша, увидевший змею».

— Вот это да! — удивился он, как тот щегол. — Что ты там делаешь?

Благоразумие подсказало сквайру, что корчиться на такой высоте не стоит.

— Неважно, — отвечал он. — Помоги мне слезть.

— Как ты туда забрался?

— Не твое дело.

— Нет, все-таки, в чем тут смысл?

Все еще не корчась, дядя заскрипел зубами.

— Поставь лестницу!

— Лестницу?

— Да, лестницу.

— Какую еще лестницу?

— Такую. Вот она.

— Где?

— Там. Нет, там. Вон там, там, там. Да не там! Та-ам, тебе сказано!

— А, ясно! Действительно, лестница. А теперь что?

— Поставь ее.

— Поставил.

— И держи.

— Держу.

— Крепко?

— Как смертный грех.

— Хорошо. Не двигайся.

Дядя пошел вниз, замирая на каждой перекладине. Племянник не унимался.

— Что ты там делал?

— Неважно.

— Зачем ты там сидел?

— Лестница упала.

— А зачем ты на нее полез?

— Не Твое Дело! — заорал Кармоди, сокрушаясь о том, что его брат Юстес не умер бездетным. — Заладил, видите ли! Зачем-зачем-зачем!

— Нет, правда, зачем? — спросил Хьюго.

Снова обретя разум, мистер Кармоди догадался, что именно это захочет знать общественность. На то, что Хьюго промолчит, надежды мало. Через час-другой вся округа придет в движение.

— Понимаешь, — сказал он, — я увидел ласточку в гнезде.

— Ласточку?

— Да.

— Ты думаешь, они высиживают яйца в июле?

— А что такого?

— Не высиживают.

— Я не говорил, что высиживают. Я сказал…

— Ласточка ни за что не будет…

— Да я…

— Апрель — другое дело.

— Что?

— Апрель. Они сидят на яйцах в апреле.

— А ну их к черту!

Оба помолчали. Хьюго устремил в другом направлении свой молодой пытливый ум.

— Сколько ты там пробыл?

— Не знаю. Долго. С полшестого.

— С полшестого? Ты что, встал ни свет ни заря ради *ласточек?*

— Ничего подобного!

— А ты сказал…

— Ничего я не сказал. Мне просто померещилось, что…

— Исключено. В июле — исключено. Апрель, вот их месяц. Из-за вязов выглянуло солнце. Мистер Кармоди воздел к нему кулаки.

— Не видел я никаких гнезд! Мне по-ме-ре-щи-лось!

— И ты притащил стремянку?

— Да.
— В половине шестого?
— Сколько можно ко мне вязаться! Хьюго задумчиво его оглядел.
— Как хочешь, дядя Лестер. Нужно тебе что-нибудь? Если нет, я лучше пойду.

3

— Ронни, — сказал Хьюго часа через два, — дядю моего знаешь?
— Да. А что с ним такое?
— Спятил.
— Что-о?!
— Сбрендил. Выхожу в семь часов утра, а он сидит на окне галереи. Встал, видите ли, в полшестого, чтобы посмотреть на ласточек.
— Нехорошо, — сказал мистер Фиш, важно качая головой. — Какой этаж, третий?
— Да.
— Так начинала моя тетушка.[87] Застали на крыше конюшен, с гавайской гитарой, в голубом халате. Сказала, что она — Боадицея,[88] а это не так. Да, Хьюго, не так. Надо что-то делать, а то он тебя зарежет. Всё деревня, деревня! Здесь кто угодно спятит. Хотел посмотреть на ласточку?
— Вроде бы. Они же не сидят на яйцах в июле! Апрель, только апрель.
Мистер Фиш кивнул.
— Да, я слышал. Нехорошо, нехорошо… Надо тебе ехать в Лондон.

4

В это самое время мистер Кармоди беседовал с мистером Моллоем.
— Этот ваш знакомый, — говорил он. — Ну, который может помочь.
— Шимп?
— Да, кажется. Скоро вы можете с ним связаться?
— Хоть сейчас.
— Посылайте за ним!
— Значит, сами брать не будете?
— Ни в коем случае. Я все обдумал. Здесь нужен… специалист. Где он? В Лондоне?

— Нет. Он тут, рядом. У него лечебница.

— О, Господи! «Курс на здоровье»?

— Именно. Вы его знаете?

— Да я только что оттуда!

Мистер Моллой испытал священный ужас, словно увидел, что окружен чудесами. Все шло слишком хорошо. Он думал, что не так-то просто подсунуть хозяину Шимпа — но вот, они знакомы, путь открыт. Теперь он беспокоился лишь о том, удержится ли такое везение.

— Удивительно, — сказал он, — Вы знаете доброго старого Твиста!

— Да, — отвечал Кармоди без особого восторга, — очень хорошо знаю.

— Красота! — возликовал мистер Моллой. — А то я беспокоился. Если бы вы его не знали, вы бы ему не доверились.

Мистер Кармоди не откликнулся; он думал о том, что деньги не пропадут. Да, из Твиста их не вытянешь, но он их отработает. Сообразив все это, хозяин улыбнулся блаженной улыбкой.

— Что ж, — сказал он, — соединяю вас с лечебницей. Поговорите с доктором Твистом, пусть поскорее приезжает.

Он заколебался на секунду, но отбросил сомнения. Бензин, в конце концов, тоже окупится.

— Я пошлю за ним машину.

Говоря это, он думал: хочешь нажиться — не скупись.

Глава VII БУРНАЯ НОЧЬ

1

Странная скорбь, посетившая Пэт в аптеке, не поддавалась, как ни странно, воздействию времени. Наутро стало еще хуже, поскольку дух Уивернов, послушный зову чести, направил ее к бывшей кухарке, которая жила (если это жизнь) в одном из самых тесных домиков. Прослужив восемнадцать лет, она прочно залегла и, по непроверенной легенде, очень любила посещения молодой хозяйки.

Лежачие дамы преклонного возраста редко отличаются веселостью. Кухарка, судя по всему, заимствовала свой взгляд на жизнь у пророка Иеремии;[89] и, выйдя от нее часа через полтора, Пэт ощутила себя его младшей сестрой.

Тоска и боль, неизбежные в чужом, холодном мире, довели ее до того, что она остановилась на мосту. Это сонное тихое место с детства было ей пристанищем в скорби. Глядя на воду и ожидая, когда же та напустит чары, она услышала знакомый голос и посмотрела через плечо.

— Привет! — беспечно и приветливо сказал Хьюго. Они не виделись с той неприятной сцены, но он быстро забывал неприятное, — Что ты тут делаешь?

Пэт немного повеселела. Она хорошо относилась к Хьюго, да и легче, когда ты не одна в мрачном мире.

— Ничего. Смотрю на воду.

— На своем месте она хороша, — признал собеседник. — А я тут зашел в «Герб», потом купил сигарет. Ты слыхала, что дядя повредился в уме? Да-да. Целиком и полностью. Лазает ни свет ни заря за ласточкиными гнездами. Кроме того, я рад, что тебя встретил. Есть серьезный разговор.

— Про Джона?

— Да.

— А что с ним такое?

Именно в этот миг мимо пронесся большой красный автомобиль, в котором сидел хилый субъект с нафабренными усиками. Хьюго, не отвечая, следил за ним взглядом.

— Господи! — вскричал он.

— Что с Джонни?

— Автомобиль, — сказал Хьюго. — А в нем это чучело Твист из «Курса». Нет, ты подумай! Послали за ним машину!

— Ну и что?

— Что? — удивился Хьюго. — Ты слышала, чтобы дядя посылал за кем-нибудь машину? Да это переворот! Это… как его?., э-по-халь-но. Помнишь тот взрыв, когда дядю чуть не убило?

— Как мне о нем забыть!

— Я думаю, тогда он и клюкнулся. Известное дело, только об этом и слышишь. Ронни мне вчера говорил про одного ростовщика со стеклянным глазом. Заметь, этот глаз был приятней настоящего. Да, такой человек! Попал в катастрофу, вагон съехал с рельс, а из больницы вышел совершенно другим. Гладил детей по головке, творил добро. Вот и дядя то же самое. Эти гнезда — первый симптом. Ронни говорит, ростовщик…

Пэт ростовщики не интересовали.

— Ты скажи, что с Джоном?

— Вот что, пойду-ка я домой, а то он все разбазарит. Может, урву эти пятьсот фунтов. Когда такой сквалыга обращается…

— Что с Джоном? — спросила Пэт, стараясь от него не отстать. Ну, что он несет! Прямо пожалеешь, что выросла. В детстве, слава Богу, можно дать по голове. Правда, и теперь можно ущипнуть за руку, что она и сделала.

— Ой! — очнулся Хъюго.

— Что с Джоном?

Хьюго нежно помассировал руку. Охотничий огонь исчез из его взора.

— О, да, Джон! Спасибо, что напомнила. Ты с ним видишься?

— Нет. Папа не разрешает ходить к вам. А Джон, наверное, занят.

— Не в том дело. Он боится твоего родителя.

— Ну, если он…

— Чего ты обиделась? Я, и то его боюсь. Суровый у тебя папаша. Увижу — убегу, как заяц, пусть биографы выкручиваются. Ты к нему привыкла, и все же признаешь, что брови у него — будь здоров.

— Ах, при чем тут брови! Что с Джоном?

— Вот что, юная Пэт, — серьезно сказал Хьюго. — Насколько я понимаю, он сделал тебе предложение в этой «Горчичнице».

— Н-да…

— А ты ему отказала.

— И что с того?

— Нет, я тебя не виню, — заверил Хьюго. — Не хочешь, не выходи, твое дело. Но тогда его и не мучай. Старайся избегать. Если ты будешь

вертеться рядом, бередить его раны, он зачахнет. Не отрывай его отдела! Пока он совсем не скис, все можно уладить. Ясно?

Пэт пнула ногой безобидный камень.

— Ясно. Ты хочешь сказать, что Джонни увивается за этой девицей? Сейчас, в аптеке, она сообщила мне, что у вас гостит.

— Не то чтобы увивается, до этого еще не дошло. Но надежда есть. Понимаешь, он от природы — человек семейный. Домашний такой…

— Спасибо, я уже слышала. Там, в отеле.

— Да? — не смутился Хьюго. — Как по-твоему, прав я?

— Если хочешь женить его на девице? Нет.

— Почему?

— Она наглая.

— Я бы сказал, живая.

— А я бы не сказала.

Поскольку нельзя ударить Хьюго корзинкой, в которой недавно лежали два фунта чаю, цветы и печенье с тмином, лучше вести себя сдержанно, решила Пэт.

— И вообще, — заметила она, — что ты выдумываешь? Нет никаких признаков…

— Это как смотреть. Ты же знаешь Джона. Сильный, молчаливый мужчина, вроде набитой лягушки.[90]

— Что?!

— Прости, — твердо сказал Хьюго, — но ты их, наверное, не видела. А я видел. Она у меня в детстве была. Такая, знаешь, лягушка, набитая бобами. Один к одному! Никаких эмоций. Приходится подмечать самые мелкие знаки. Вчера, к примеру, он объяснял, как играют в крикет, и ни разу не дал ей по носу. Ну, ничего не соображала! Значит, он к ней привязан. Ронни тоже так думает. В общем, я тебя прошу…

— До свидания, — сказала Пэт. Они как раз дошли до тропинки, ведущей к ее дому.

— А, что?

— До свидания.

— Постой! — сказал Хьюго. — Да я…

Тут он оборвал фразу и быстро удалился, а Пэт поняла, в чем дело, когда увидела отца. Полковник расправлялся с улитками и, судя по бровям, легко перешел бы от них к Хьюго.

— О чем ты с ним разговаривала? — спросил он. Полковник не был строгим отцом, но все-таки есть пределы. — Где ты его встретила?

— На мосту. Мы говорили о Джоне.

— Будь любезна понять, что мне неприятна твоя дружба с этими… хм… субъектами. И с Джоном, и с его мерзким дядей, и со всей шайкой. Ясно?

Он взглянул на нее как на улитку, но ей удалось сохранить довольно кроткую сдержанность.

— Ясно.

— Очень хорошо. Они помолчали.

— Я знаю Джонни четырнадцать лет, — тонким голосом прибавила дочь.

— Вот и хватит, — ответил отец.

Пэт вошла в дом и поднялась к себе. Наступив на корзинку с такой силой, что она стала непригодной к ношению цветов и печений бывшим кухаркам, она присела на кровать и посмотрелась в зеркало.

Мысли о Долли Моллой, Хьюго и собственном отце заметно изменили ее представление о Джоне. Он больше не был «старым», «добрым» и «бедным», обретя тот блеск, которым сверкает все недостижимое. Оглянувшись на давний вечер — века два назад, не меньше, — когда он отвергла *его* любовь, Пэт содрогнулась и подумала, как глупо ведут себя некоторые девицы.

А пожаловаться — некому. Никто не пожалеет ее, разве что ростовщик с глазом. Он-то знает, что такое перерождение души!

2

Мистер Александр Твист стоял у камина в кабинете мистера Кармоди и, подкручивая усики, бесстрастно слушал отчет мистера Моллоя. Долли раскинулась в мягком кресле. Хозяин не явился, препоручив дела американскому гостю.

Звуки и запахи лета вливались в открытое окно, но вряд ли Твист замечал их. Он умел сосредоточиться, и теперь внимание его было приковано к поразительным фактам, о которых рассказывал старый партнер.

Когда тот позвонил ему два часа назад, владелец «Курса» заколебался. Старый партнер сулил выгодное дело, но нужно было узнать все досконально, чтобы определить, кому оно выгодно, Моллою или им обоим.

Завершив свой рассказ, американец ждал ответа. Медик подкрутил напоследок усики и покачал головою.

— Что-то не то, — заметил он.

Миссис Моллой резко выпрямилась. Из всех мужских недостатков она меньше всего любила тупость, а Твиста, надо прибавить, не любила вообще.

— Ну, кретин! — с чувством сказала она. — То есть как «не то»? Вроде бы проще простого.

— Тут что-то нечисто, — упорствовал врач. — Почему он не может продать их?

— Да закон такой! Мыльный же объяснил!

— А я не понял. Говорил-говорил, а толку нету. Что ж это, у них нельзя продавать свою собственность?

— Это не собственность! — заверещала Долли. — Это достояние. Фамильное. Дошло, наконец, или понадобится Дрель? В общем, так. Какой-нибудь п-р-редок в таком-то и таком-то году положил начало их поганому роду. Положил и думает: «Я не вечен. Мой сынок Фредди — хороший парень, топором владеет, то-се, но только я откину копыта, он все просадит». Что тут поделаешь? Надо провести закон. Пока Фредди в замке — фиг с ним, пускай пользуется, а помрет — это самое достояние переходит Арчибальду. И так далее, и так далее, до нашего Лестера. Что ж остается ему? Нанять взломщика. Тот все упрет, а когда возня уляжется, можно перейти к делу.

— А, ясно! — сказал Твист. — Теперь — ясно. Неужели Мыльный не мог объяснить? Ну, что делаем? Ладно, я упру, а потом что?

— Унесешь.

— Куда, в «Курс»?

— Нет! — вскричали супруги Моллой. Повисло неловкое молчание.

— Мы тебе доверяем, Шимпи, — сообщил наконец Мыльный.

— Да?

— Просто этот тип не хочет, чтобы добро уходило из дома. Его можно понять. Хозяйский глаз, знаешь ли…

— А где же оно будет?

— Сейчас скажу. После того как я тебе звонил, мы с ним все обговорили. Значит, ты прячешь вещи в сумку…

— Не влезет.

Долли схватилась за виски. Муж ее в отчаянии откинул волосы со лба.

— Тьфу! — вскричала американка. — Пошевели мозгами, если есть. Это же не дом какой-нибудь! А бриллиант, по-твоему, не достояние?

— Бриллиант? — оживился Твист. — Тут и бриллианты?

— Нет, картины там, табакерки… Объясни ему, лапочка! Мистер Моллой пригладил волосы и снова приступил к рассказу.

— В общем, так, Шимпи, — начал он — Кладешь все в сумку или в чемодан и несешь в холл. Под лестницей стоит шкаф, в таком закоулке.

— Мы покажем, — вмешалась Долли.

— Покажем, — подтвердил Мыльный. — Значит, ставишь туда сумочку. Он думает, что я дам ему чек, а потом уж ее заберу.

— Он думает, — развила его мысль Долли, — у Мыльного музей и куча денег.

— А вещички, — прибавил Моллой, — мы раньше заберем, до всякого чека.

Мистер Твист поразмыслил.

— Так, — сказал он. — А кто их купит?

— У нас там покупателей пруд пруди! — заверила Долли.

— А как вы их заберете? Ключи-то у старика.

— Я бы подождал случая, — сказал Моллой. — Но она вот спешит. Сам знаешь, женщины! Им все подай сразу.

— Какой, к собакам, случай! — вступила в беседу Долли. — Подольем ему сонных капель в портвейн, заберем ключи…

— Капель? — заволновался Твист. — А они есть?

— Конечно, — отвечала Долли. — Мы без них не ездим.

— Она их укладывает раньше, чем мои воротнички, — гордо подтвердил Моллой. — В общем, Шимпи, все в ажуре.

— Да? — спросил мистер Твист. — А я как же?

— Это в каком смысле?

— Что-то мне кажется, — сказал Твист, неприязненно глядя на партнера маленькими глазками, — слишком я должен вам доверять. Пока вы тут капаете капли, я буду за двадцать миль. Откуда мне знать, что вы не смоетесь?

Редко видим мы людей, которые не верят своим ушам, но здесь, в кабинете мистера Кармоди, эта возможность бы нам представилась. Мыльный молчал не меньше минуты, усомнившись в своих слуховых способностях.

— Шимпи! — проговорил он наконец. — Неужели мы тебя обманем?

— Нет, это черт знает что! — присоединилась Долли.

— Хорошо, не обманете, — холодно откликнулся Твист, — но все-таки я рискую. Давайте конкретней, как делимся?

— Поровну, Шимпи, как же еще?

— Половину мне, половину вам обоим?

Мистер Моллой заморгал, словно эти слова задели обнаженный нерв.

— Ну, Шимпи! Что ты говоришь! Треть — тебе, треть — мне, треть —

вот ей!

— Еще чего!

— Что-что?

— Е-ще че-го. Кто я такой, по-вашему?

— Трудно сказать, — ехидно заметила Долли. — Как говорится, единственный в своем жанре.

— Вот как?

— Да уж так.

— Ну-ну-ну! — вмешался Моллой. — Не будем переходить на личности. Что-то я не пойму. Неужели ты хочешь забрать пятьдесят процентов?

— Конечно, нет. Я хочу забрать больше.

— Что!

— То. Мне — шестьдесят, вам — сорок.

Комнату огласил пронзительный крик. Пылкая Долли подошла к пределу, за который женщину толкать нельзя.

— Нет, каждый раз одно и то же! — с гневом сказала она. — Как дойдет до дележки — норовишь нас обставить. И что это с тобой, Шимп? Почему тебе больше всех надо? Ты кто, человек или кусок зеленого сыра?

— Да уж человек!

— Вот и докажи.

— А что такое?

— Посмотри в зеркало.

Миролюбивый Моллой почувствовал, что самое время вмешаться.

— Ну-ну-ну! Так мы ничего не добьемся. Откуда ты взял, Шимпи, что тебе причитается больше?

— А вот откуда. Я красть не обязан, так? Могу сидеть-лечить, так? Хорошее, приличное дело. Значит, я оказываю услугу. Так?

Долли запыхтела. Миролюбивое вмешательство мужа не усмирило ее.

— Дело! — воскликнула она, — Не знаю, для чего ты его завел, но уж насчет приличий…

— Какое же оно еще? Умный человек всегда может устроиться честно. Зачем мне нарушать законы? Ну, захотел помочь старым друзьям…

— Кому-кому?

— Друзьям. Если вам не нравятся мои условия, только скажите. Мне это все не нужно. Вернусь в свой «Курс». Хорошее, честное и, прибавим, процветающее дело. А приметы? Гулял я утром в саду, увидел сороку. Вот как вас вижу, тут — я, тут — она.

Долли пожалела бедную птицу, но поинтересовалась; какое

отношение имеет она к их замыслу.

— Ну, как же! Сорока — не к добру. И еще я видел новый месяц.

— Ой, не пори ты чушь! — устало воскликнула Долли.

— Это не чушь. Шестьдесят процентов — или я не согласен. Могли бы обойтись без меня — не приглашали бы. Вообще-то это еще мало. Вся тяжелая работа на мне, так?

— Тяжелая? — Долли горько засмеялась. — Да что тут тяжелого? Дома никого не будет, уйдут на этот концерт, окно откроем заранее. Зашел — и сложил вещички. Тяжелая, это надо же! Даровые деньги.

— Шестьдесят, — повторил Твист. — Это мое последнее слово.

— Шимпи… — начал Мыльный.

— Шестьде-сят.

— Побойся Бога!

— Шестьдесят.

— Даты…

— Шестьдесят!

Долли отчаянным жестом вскинула руки.

— А, ладно! — сказала она. — Дай ему, сколько просит. Что с ним спорить, со шкурой? Дай, пусть подавится.

3

Предсказание мистера Моллоя исполнилось не совсем точно. На концерт ушли не все. Проходя по конюшенному двору часов в 10, мы заметили бы свет в окошке, а взобравшись на лестницу, обнаружили бы Джона, сидевшего у стола над счетами.

В наш склонный к развлечениям век редко найдешь юношу, который из чистой порядочности предпочтет работу деревенскому концерту. Джон буквально светился добродетелью, ибо он знал, что теряет. Он знал, что викарий скажет вводное слово; хор мальчиков споет старинные песни; мисс Вивиен и мисс Элис Понд-Понд исполнят негритянские мелодии в самом изысканном стиле; а в добавление к прочим номерам, слишком многочисленным и заманчивым, чтобы их перечислять, Хьюго Кармоди с другом, мистером Фишем, представят публике сцену из «Юлия Цезаря». Однако Джон сидел и работал. Видимо, будущее Англии не так печально, как мнится пессимистам.

Работа в эти дни хоть как-то утешала Джона. Должно быть, нет лучшего средства от любовных мук, чем прозаические подробности

большого хозяйства. Сердцу не так уж легко болеть, когда разум занят тем, что Терби и Гонту нужно отдать 61 фунт 8 шиллингов 5 пенсов за установку газовой плиты, а сообществу сельских хозяев — 8 фунтов 4 пенса за цветочные семена. Прибавьте сюда трубы, навоз, корм для свиней, и вы окажетесь в обстановке, которая усмирила бы самого Ромео. Словом, Джону становилось легче. Если иногда, прервав работу, он бросал взгляд на фотографию, тут уж ничего не поделаешь. Со всеми случается.

Заходили к нему редко. Собственно, он поселился над конюшней, а не в самом доме, чтобы обеспечить себе одиночество. Как же удивился он, когда, разбираясь в счете за картошку («Вандершут и Сын»), заслышал шаги на лестнице. Через секунду-другую дверь открылась, и появился Хьюго.

Как и всегда в подобных случаях, Джону захотелось сказать: «Пошел вон!» Люди, говорившие эти слова его кузену, обычно ощущали, что поступают разумно и правильно. Но сейчас тот был так жалок и растерян, что Джон произнес:

— Привет! Я думал, ты на концерте.

Хьюго коротко, горько засмеялся и, усевшись в кресло, печально уставился в стену. Веки его казались усталыми, как у Моны Лизы. Вообще же он напоминал героя русских романов, который размышляет, убить ли родича-другого, прежде чем повеситься в амбаре.

— На концерте!.. — повторил он. — Да уж, я там был!..

— Сыграл эту сцену?

— Да уж, сыграл. Они выпустили нас сразу после викария.

— Хотели скорей провернуть то, что похуже? Хьюго с бесконечной скорбью поднял руку.

— Не шути, Джон. Не глумись. Не измывайся. Я — человек конченный. Пришел за утешением. Выпить что-нибудь есть?

— Немножко виски в том шкафу.

Хьюго поднялся, совершенно уподобившись русскому герою.

— Не слишком крепко? — озабоченно спросил Джон. — Может, еще водички?

— Ну, что ты! — отвечал страдалец, выпил весь бокал махом, налил его снова и вернулся в кресло. — Какая водичка! Лучше вообще не разбавлять.

— Что случилось? — спросил Джон.

— А ничего виски! — заметил Хьюго. — Совсем даже ничего.

— Сам знаю. Что случилось? Хьюго снова помрачнел.

— Старик, — сказал он, — мы провалились.

— Да?

— При чем тут «да»? Ты что, так и думал? Я вот очень удивился. Это же верный успех! Конечно, нельзя было ставить нас в начале. Перед серьезной сценой публику надо расшевелить.

— А случилось-то что?

Хьюго опять поднялся и наполнил бокал.

— Сюда, в этот Радж, — начал он, — проникает тлетворный дух. Я бы так сказал, дух беззакония и распутства. Освистали бы меня несколько лет назад? Да ни за что на свете!

— Ты не играл здесь «Юлия Цезаря», — напомнил Джон. — У каждого есть свой предел.

Довод был убедителен, но Хьюго его не принял.

— В доброе старое время я мог бы читать им монолог Гамлета. Нет, дело в беззаконии. Я бы даже сказал, в большевизме. Сзади стояли какие-то субъекты с Бадд-стрит. Раньше бы их никто не пустил. Начали они сразу, шикали на викария. Я думал, они хотят, чтобы он закруглялся, не задерживал номеров, а только выйдем мы с Ронни, они обалдеют. Но нет. Только мы начали, слышу: «Вон!», «Долой!», «Брысь!»

— Понятно. Они не обалдели.

— В жизни так не удивлялся! Да, конечно, Ронни подкачал. Забудет текст и говорит: «Ой, простите!». Но он сегодня расстроен. Получил письмо от Бессемера, это его слуга, они много лет вместе. Ты бы видел, как этот Бессемер гладит брюки! Да, так вот, он женится. Когда на душе такое бремя, Брута играть нельзя. Сложная роль.

— Публика подумала то же самое, — предположил Джон. — А дальше что было?

— Ну, играем мы, дошли до строчек про «яд хандры», и тут эти пролетарии стали швыряться овощами.

— Овощами?

— Большей частью, репой. Понимаешь, что это значит?

— В каком смысле?

— В таком, что они подготовились. Иначе зачем брать на концерт репу?

— Ощутили, наверное, что она им понадобится.

— Нет. Это все большевики, о которых столько пишут.

— Ты думаешь, Москва им платит?

— Скорее всего. В общем, мы растерялись. Ронни стукнуло по голове, он убежал. Диалог один не сыграешь, так что я тоже смылся. Насколько помню, на сцену вылез Байуотер и стал рассказывать анекдоты про

ирландцев со шведским акцентом.

— Репу кидали?

— Нет, вот что странно. Дело ясное, большевики. Ты посуди, он порет черт-те что — и ни единой репы. А мы с Ронни… Ладно, — голос у Хьюго стал зловещим, — больше я здесь не выступлю. На будущий год придут, а я им скажу: «Как? После того, что было?!» Спасибо за виски. — Хьюго встал и отрешенно двинулся к столу, — Что ты делаешь?

— Работаю.

— Работаешь?

— Да.

— А что такое?

— Счета. Оставь ты эти бумаги!

— Это вот — что?

— Это, — ответил Джон, выхватывая бумагу и кладя ее подальше, — схема альфа-сепаратора. При помощи центробежной силы может обработать в час две тысячи семьсот двадцать четыре кварты молока. К нему присоединена маслобойка, а также кипятильник, который при 70° по Цельсию уничтожает вредоносные и нейтральные бактерии.

— Да?

— Без всяких сомнений.

— Вот как? А ну ее! — заметил Хьюго.

4

Хьюго пересек ту полосу гравия, которая лежала между двором и домом, нашарил в кармане ключи от черного хода и открыл дверь. Целью его была столовая. После виски стало настолько легче, что он решил принять новую дозу. Средство найдено, и несколько рюмочек, по всей вероятности, развеют мрак, которым он обязан местным большевикам.

Царила тьма. Даже стул, на который он наткнулся подбородком, не мог преградить дорогу к вожделенному погребу. Вскоре он нашел ручку двери, повернул ее, вошел — и тут же услышал странный звук.

Да, странен был сам звук. Так звучат шаги по гравию. Кто же, подумал Хьюго, может ходить под окном в такое время? Он собирался зажечь свет, но помедлил и подождал, напряженно вслушиваясь. Через секунду-другую в среднем из трех окон завиднелись очертания человека. Судя по всему, человек собирался войти в дом, и Хьюго подивился его наглости.

Сам он трусом не был. Мало того, он был и силен, и храбр. В

Кембридже он однажды боксировал за университет в легком весе, а в Лондоне дал на чай швейцару таблетку аспирина. И этого мало; хотя он думал, что у Джона едва утолил жажду, на самом деле он был достаточно пьян. «Иногда, — пишет один известный врач, — виски не производит явного эффекта. Однако в других случаях действие его достаточно сильно, чтобы вызвать алкогольное отравление». Хьюго был явно отравлен. Он бы пылко отверг самую мысль о том, что он напился, наклюкался, даже надрался, но что до отравления, споров быть не могло.

Именно поэтому он живо обрадовался, когда многие хозяева скорей испугались бы. Он был готов откусить голову любому вору. Лучась и сверкая алкоголем, равно как и духом приключений, он зажег свет и увидел хилого человечка с нафабренными усиками.

— Остановись! — воскликнул он, мгновенно переселяясь в сцену из «Цезаря».

Грудь непрошеного пришельца раздирали разные чувства, но радости среди них не было. Если бы Твист страдал сердечной слабостью, он бы испустил дух, а так — застыл на месте, часто моргая.

Хьюго тем временем узнал в нем своего старого знакомца.

— Вот это да! — воскликнул он. — Старый добрый Твист! Целитель страждущих!

Он резво хихикнул. Память у него была хорошая, и он, тем самым, помнил, что этот человек чуть не сорвал прекраснейшую сделку и, в довершение бед, отказал ему в ничтожнейшей сумме. От такого субъекта можно ждать чего угодно, даже того, что он сочетает врачевание с воровством.

— Ну, что ж! — сказал Хьюго. — Припомни мартовские иДы! Припомни, как великий Юлий пал за справедливость.

Кто его убил? Какой злодей посмел его коснуться, о справедливости и не помыслив? Ответь же мне, ничтожнейший из смертных!

Твист нервно облизал губы. Он не совсем понял вопрос, но любые слова дошли бы до него как в тумане.

— Я мог бы душу выплакать из глаз! — сообщил Хьюго. Мог бы это сделать и Твист. С горечью вспоминал он, что пренебрег советом умнейшей сороки Вустершира. Однако сдаваться он не хотел. Да, Мыльный справился бы лучше, но Мыльного рядом не было. Пришлось взяться за дело, не обладая вкрадчивой манерой и красноречием сообщника.

— Вы меня удивили, — сказал он, криво улыбаясь.

— Еще бы!

— А я пришел к вашему дяде.

— Что?

— Пришел к дяде.

— Неправда. Ай-я-я-яй!

— Ну-ну! — начал Твист, тщетно пытаясь выразить гнев. Хьюго остановил его мановением руки.

— Я не боюсь твоей угрозы, Кассий, поскольку защищен доспехом чести. Как легкий ветерок, твои слова меня минуют. Для меня твой гнев — безумца болботанье, и богами клянусь, ты вылакаешь яд хандры, а там — и околеешь, как велит благая справедливость, — сказал Хьюго.

Твист растерялся, но не уступил.

— Наверное, вас удивило, что я вошел в окно. Понимаете, я звонил, но никто не услышал.

— Изыди, негодяй!

— Вы хотите, чтобы я ушел? — осведомился Твист, перед которым мелькнула надежда.

— Стойте, а то я дам вам по голове графином портвейна. И не мелькайте.

— Что-что?

— Не мелькайте. Вы как-то дергаетесь, а меня это раздражает. Не только это, между прочим. Что же еще? Забыл. Но скоро вспомню.

Хьюго мрачно нахмурился, и пришелец впервые ощутил, что хозяин не совсем в себе. Какой-то дикий блеск в глазах… Нет, нехорошо.

— Вспомнил, — сообщил Хьюго. — Усики.

— Усики?

— Или что там у вас под носом. Редкостная мерзость! При Цезаре, — сварливо пояснил Хьюго, — никто бы не дозволил такого беззакония. А хуже всего, — прибавил он, — что безобидный сельский дом вы назвали «Курс на здоровье». Батюшки, как же это я? Надо было, чтобы вы сейчас делали эти упражнения!

— Вероятно, — осведомился Твист, — ваш дядя еще на концерте?

Хьюго был потрясен.

— А вы там были? — грозно спросил он.

— Я? Нет.

— Вы уверены? А ну-ка, посмотрите мне в глаза!

— Я и рядом не был!

— Что-то мне кажется, вы из этой банды. Вроде бы я вас узнаю.

— Ну, что вы!

— Вы уверены?

— Да.

— Да? Все равно, вы измываетесь над несчастными толстяками. Так что — просим!

— Что?

— Согнитесь! — сказал Хьюго. — Растянитесь!

— Что-что?

— Растянитесь. Сперва — одно, потом — другое. Хочу послушать, как пуговицы будут отлетать, когда жилет ваш лопнет.

Мистер Твист вполне убедился, что блеск в глазах его собеседника исключительно неприятен. Переведя взор на мускулистое тело, он решил, что хозяина надо успокоить, чем бы не были вызваны его требования, слабоумием или опьянением.

— Эй-эй! — напомнил о себе Хьюго, усевшись в кресло и закуривая. Манера его напоминала усталую беспечность султана, собравшегося позабавиться выходками шута.

Но беспечность — беспечностью, а блеск — блеском, и Твист уступил. Он согнулся, растянулся, какое-то время дергал руками и ногами, а Хьюго, выпуская клубы дыма, с томным одобрением смотрел на него.

— Теперь завяжитесь узлом, — сказал хозяин.

Твист скрипнул зубами. Тяжелее всего вспоминать былые услады; он же припомнил, как еще утром смеялся от всего сердца, глядя из окна на пациентов, которых дрессировал сержант Фланнери. Мог ли он помыслить, что ему придется проделывать эти упражнения? Мог ли он представить, как они мучительны для, скажем так, нетренированного человека?

— Минутку! — неожиданно сказал Хьюго.

Твист с удовольствием выпрямился, тяжело отдуваясь.

— Как насчет прекрасных мыслей? Есть они?

— Д-да.

— Спокойные, надеюсь?

— Д-д-да.

— Хорошо. Продолжайте.

Твист возобновил упражнения. Болело у него буквально все, но во тьму страданий проник слабый луч надежды. У любой ситуации есть плюсы и минусы. Минусы он уже знал, а плюсом можно считать то, что он оказался довольно близко от окна.

— Ну, как мысли? — осведомился Хьюго. — Хороши? Твист заверил, что да, и вполне искренне. Ему удалось отползти от мучителя на несколько футов, окно было почти рядом.

— Повезло вам, Твист, — рассуждал тем временем Хьюго. — День за

днем вы могли видеть, как мой дядя Лестер делает вот это самое. Смотришь на вас, и то занятно, а куда вам до него! Чистый цирк. Ах, да! — припомнил племянник. — Коснитесь-ка ножных пальцев, не сгибая колен.

Твист не поверил бы, что упражнение это может кого-то рассмешить, но Хьюго, без сомнений, счел его самым занятным. Когда лиловое лицо появилось в третий раз, он залился смехом, и сигаретный дым попал не в то горло.

Этого и ждал несчастный Твист. Как сказал бы Ронни, если бы публика разрешила доиграть до этих строк, отлив всегда сменяется приливом, который и приносит нам удачу. Медик одним прыжком вскочил на окно и, обретя особую прыть, должно быть — от гимнастики, выпрыгнул наружу.

Опустился он на Эмили. Гуляя перед сном, она задержалась немного, чтобы исследовать подозрительный запах, и еще не решила, мыши это или давно утраченная кость, когда на нее посыпались очень крупные градины.

5

Обычно она принимала все без вопросов, руководствуясь принципом «Nil admirari»,[91] но бывали и срывы. Сорвалась она и сейчас. Удивленно воскликнув: «А, черт!», она на какое-то время вышла из строя. Именно тогда Твист, тоже потрясенный, но слишком спешивший, чтобы останавливаться, скрылся в темноте.

Вскоре из окна вылез откашлявшийся Хьюго. Снова обретя голос, он громко кричал.

Эмили тоже пришла в себя. Ее охотничья душа взыграла от этих криков. Забыв о всех невзгодах, она узнала Хьюго и поняла, что им повстречался, наконец, долгожданный взломщик.

Как-то Джон повел ее в гости и, пока люди ели, она подружилась под столом с жесткошерстным терьером, который, однако, не скрывал какой-то снисходительности. Оказалось, что ночи две назад в усадьбе была кража со взломом, причем терьер играл весьма героическую роль. С подчеркнутой небрежностью поведал он о своих подвигах, давая понять, что не всякая собака справится с такой ситуацией. После этого Эмили ждала случая себя показать, и случай пришел. Громко выкликая команды, она кинулась за Твистом в кусты. Замыкал процессию Хьюго.

Твист, тем временем, сочетал быстрый бег с лихорадочными мыслями. Сперва судьба сыграла ему на руку, но, видимо, одумалась. Чего-чего, а

собак он не предвидел. От Хьюго убежать можно, от Хьюго с собакой — вряд ли. Тут уже нужна хитрость, и он искал на бегу, нельзя ли где укрыться от охотничьей пары.

Судьба, одумавшись снова, перешла на его сторону. Решив срезать дорогу, Эмили застряла в кусте, а Твист, с его быстрым разумом, сразу же нашел выход. Прямо перед ним была невысокая ограда, за которой тускло поблескивала вода.

Бывают убежища и получше, но выбирать он не мог. Твист с детства ненавидел купаться, и водоем, из которого садовники набирали воду, ему не понравился. Так и казалось, что в темной, даже маслянистой субстанции обитают лягушки, тритоны и прочая слизистая живность, которая норовит поползать у тебя по спине. Однако спрятаться там можно.

Он оглянулся. Треск ветвей сообщал, что Эмили еще не высвободилась, а Хьюго, скорее всего, оказывает ей первую помощь. Содрогнувшись, Твист шагнул в воду, зашел туда, где поглубже, и спрятался за кувшинкой.

Вытащить Эмили оказалось нелегко. Куст был из тех, что впиваются терниями в шерсть. Все больше раздражаясь, Хьюго крикнул:

— Тихо! Да не дергайся ты!

— А ты не тяни, — сказала Эмили. — *Выталкивай!* Он же уйдет.

— Чего ты извиваешься? Как я тебя вытащу, если ты мне мешаешь?

— Надо меня *приподнять.* А теперь — тяни. *Тяни,* а не толкай! Когда я скомандую: «К се-бе…»

Это сработало. Хьюго чуть не свалился на спину. Эмили выскочила из его рук. Охота началась снова.

Но прежней прыти в ней не было. За недолгие минуты добыча куда-то делась. Сидя на каменной ограде пруда, Хьюго переводил дыхание и смотрел, как Эмили обследует заросли и тростники. Он знал, что ничего не вышло. Вскоре даже Эмили бросила поиск и подошла к хозяину, вывалив язык. Они помолчали. Эмили думала, что виноват Хьюго, Хьюго — что виновата Эмили. Отношения у них испортились, и когда, после трех сигарет, Хьюго почесал ее за ухом, она холодно заметила:

— Ну и дурак!

Хьюго насторожился. Он подумал, что она отозвалась на какие-то шаги; и всмотрелся во тьму.

— Идиот, — продолжала Эмили, — Из куста вытянуть не может.

Она печально засмеялась, а Хьюго, еще сильнее утвердившийся в своих догадках, напряг зрение до предела и ступил дальше. Но не прошел и пяти футов, как сорвался вниз.

Он мог бы помнить, что именно здесь был уступ, днем — совершенно безопасный; днем — но не ночью. Тщетно хватаясь за прохладный воздух, Хьюго катился, пока не ударился о дерево. Когда искры в глазах угасли, он осторожно встал. Откуда-то сверху послышался голос:

— Эй, — спросил Рональд Овербери Фиш, — что случилось?

6

Сюда он пришел под бременем скорбей, чтобы побыть в одиночестве, и вроде бы обрел его, но вдруг, откуда ни возьмись, свалился его соученик по школе и университету. По-видимому, тот решил покончить счеты с жизнью, что все-таки странно. Никто не любит, чтобы в него швыряли репой, но это уж чересчур. Ронни так разволновался, что даже вынул мундштук изо рта.

— Что случилось? — повторил он. Хьюго вылезал из воды.

— Это был ты? — осведомился он.

— Где?

— Да здесь.

— Где, здесь?

— Ну да!

— А в каком смысле?

Хьюго подошел к делу с другого конца.

— Ты кого-нибудь видел?

— Когда?

— Сейчас. Кто-то шел по тропинке. Наверное, ты.

— Да, я. А что?

— А я думал, кто-то другой.

— Нет, не другой. Я.

— Да-да, но я-то думал…

— А кто именно?

— Такой Твист.

— Твист?

— Да.

— А что?

— Я за ним гонюсь.

— За Твистом?

— Да. Он хотел нас ограбить.

Они вышли туда, где светлее, и Ронни заметил, что Хьюго ушиб

голову.

— Ты голову ушиб, — сказал он.

— Сам знаю.

— Там кровь.

— Кровь?

— Она самая.

Рана — это вам не что-нибудь! Хьюго потрогал голову и осмотрел руку.

— А, черт! И правда, кровь.

— Я же говорю. Пойди, пусть посмотрят.

— Да, — согласился Хьюго, — покажу-ка я Джону. Он наложил корове шесть швов.

— Какой корове?

— Ну, такой. Не помню, как ее зовут.

— А где твой Джон?

— У себя, над конюшней.

— Ты идти можешь?

— Ну, конечно!

Обрадованный Ронни закурил и задал вопрос, над которым много думал:

— Ты не пил?

— В каком смысле?

— Ну, за какими-то ворами гоняешься.

— Почему «какими-то»? Это Твист.

— Откуда ты знаешь?

— Я его раньше видел.

— Твиста?

— Да.

— Где?

— В «Курсе». Это вроде лечебницы.

— В курсе?

— Ну, там гимнастика всякая. Дядя вот лечился.

— И Твист?

— Нет, он — хозяин. Владелец, что ли.

— Такой почтенный человек не будет грабить усадьбы.

— Да сказано, я его поймал!

— Твиста?

— Вот именно.

— Где же он?

— Не знаю.

— Слушай, — мягко сказал Ронни, — иди-ка полечи голову.

Он огорченно смотрел вслед другу, когда тот шел на конюшенный двор. Ему не понравилось, что Хьюго в таком состоянии, хотя чего и ждать, если он всегда в деревне. Сокрушаясь об этом, Ронни услышал сзади шаги и, обернувшись, узрел мистера Кармоди.

Если бы землевладелец был субтильней, мы бы сказали, что он порхал. Как и Джон, он не пошел на праздник, чтобы оказаться на месте к приходу взломщика. Увидев, что тот влез в окно столовой, он поспешил в холл, чтобы проследить за тем, как помещают драгоценную сумку в закуток под лестницей. Он ждал; но Твист не появлялся. Потом послышался лай, а там — и какие-то крики. Мистер Кармоди, как Отелло, был чрезвычайно удивлен.

— А, это вы! — заметил Фиш, небрежно помахав мундштуком. Хозяин посмотрел на него в большом беспокойстве. Уж не хочет ли гость сказать, что Твиста изловили и заперли? Почему-то Хьюго и этот тип ушли раньше времени с концерта; и землевладелец испугался.

— У меня плохие новости, — сообщил Фиш. — Держитесь, Кармоди.

Кармоди чуть не охнул.

— Что., что… что та-а…

— Хьюго свихнулся.

— То есть как?

— Бегал кругами и бился головой о деревья. Говорит, что ловит взломщика. Конечно, никаких взломщиков здесь нет. И вот что странно: обвиняет он весьма почтенного человека. Владельца клиники. Вы его знаете?

— Немного, — отвечал хозяин. — Так, слегка.

— Будет такая персона вламываться в дом? Нет, не будет. Чистая галлюцинация.

Хозяин перевел дух. Ему стало настолько легче, что он чуть не потерял сознание.

— Несомненно, — согласился он. — Хьюго с детства слаб разумом.

— Кстати, — продолжал Фиш, — вы не лазали вчера на крышу, чтобы проверить ласточкины гнезда? В пять часов утра.

— Ну, что вы!

— Так я и думал. Хьюго говорит, что лазали. Примерещилось. Дело в том, Кармоди, что сельская жизнь притупляет разум. Не теряйте времени! Не ждите, пока он совсем сойдет с ума. Немедленно отошлите его в Лондон.

Лестер Кармоди редко бывал благодарен за наглые советы, но сейчас это случилось. Нет, какая удача! Поистине, ничего не сделаешь, когда дом кишит любопытными юнцами. На какое-то время ему даже понравился этот Фиш.

— Хьюго говорил, — вспомнил он, — что вы с ним собираетесь стать партнерами.

— Да, — отвечал гость. — Хотим открыть ночной клуб. В двух шагах от Бондстрит, самый центр района развлечений.

— Если не ошибаюсь, он должен внести пятьсот фунтов?

— Именно, пятьсот.

— Сейчас выпишу чек. Пойду и выпишу. А завтра, прямо с утра, везите его в Лондон. Да, он — не в себе. Большое спасибо, что предупредили!

— Не за что, Кармоди, — ответил любезный Ронни. — Рад служить. Да, именно рад.

7

Джон снова углубился в работу и удивился, мало того — расстроился, завидев Хьюго.

— Господи! — вскричал он, — Что случилось?

— Ударился о дерево, — отвечал кузен с законной гордостью пострадавшего. — У тебя нет пластыря?

Тот, кто наложил шесть швов на корову, знает, что делать. Джон мгновенно предъявил воду, вату и йод, прибавив для веса сочувствия. Естественное любопытство он выразил после операции.

— Так что случилось?

— Ну, сперва я увидел, как этот Твист лезет в окно.

— Твист?

— Он самый. Из «Курса».

— Доктор Твист лез к нам в окно?

— Да. Собирался нас ограбить.

— А ты что?

— Заставил его делать гимнастику. Но он ухитрился выскочить, и мы с Эмили за ним погнались. Увидев, что он в кустах, я туда кинулся, но это был Ронни.

Джон не стал спрашивать дальше. Этот несообразный рассказ явно показывал, что Хьюго если не безумен, то близок к безумию. Сейчас ему

нужен отдых.

— Пойди-ка ты ляг, — сказал Джон. — Вроде я все хорошо заклеил, но покажись завтра врачу.

— Кому, Твисту?

— Нет, не Твисту, — мягко отвечал любящий брат. — Доктору Бей ну, тут, у нас.

— С этим Твистом надо что-то делать, — не унимался Хьюго.

— Я бы на твоем месте о нем забыл. Выбросил из головы.

— Что ж мы, будем тихо сидеть, пока нас грабят всякие гады?

— Главное, не волнуйся. Пойди поспи.

Хьюго поднял брови, но быстро опустил, это оказалось слишком больно. Он просто посмотрел на Джона с холодным удивлением.

— Да? — проверил он. — Ну, что же… Пип-пип!

— Спокойной ночи.

— Привет твоей Альфе и маленьким сепараторам.

— Спасибо.

Джон проводил кузена до ворот и глядя, как он движется к дому, был доволен, что все обошлось. Когда он стал набивать трубку, из-за угла показалась Эмили, очень возбужденная.

— Ах, красота! — сказала собачка. — Какая ночь! Воры так и шастают, люди ударяются о деревья, жизнь кипит. Однако, разреши тебе сказать, твой Хьюго никуда не годится. Надломленная трость.[92] Если б ты его видел…

— Угомонись, — сказал Джон, — и ложись в корзинку.

— Ладно, — согласилась Эмили. — Ты скоро придешь? Она побежала наверх, мечтая об удобном ложе после таких треволнений. Джон раскурил трубку и стал думать. Обычно, куря последнюю трубку, он думал о Пэт, но сейчас мысли его занимало повествование Хьюго.

Сам он Твиста не видел, но знал, что тот владеет процветающей лечебницей. Мысль о том, что такой человек придет в усадьбу, чтобы ее ограбить, была уж очень странной. И как это придет в голову? Почему именно Твист? Почему не викарий или аптекарь?

Джон услышал шаги и понял, что вернулся предмет его размышлений. Лицо у него было удивленное, в руках он держал бумажку.

— Джон, — сказал Хьюго, — посмотри, это чек или нет?

— Чек.

— Пятьсот фунтов на мое имя с дядиной подписью?

— Да.

— Есть на свете Дед Мороз! — благоговейно проговорил Хьюго. —

Нет, ты подумай, вхожу я в дом, а дядя зовет меня к себе и дает чек. Езжай, говорит, в Лондон с твоим Ронни, прямо с утра. Посмотри там насчет клуба. Помнишь, мы хотим открыть клуб, рядом с Бондстрит? Неужели я тебе не сказал? Ну, в общем, хотим открыть, и я должен внести пятьсот фунтов. Кстати, дядя просит, чтобы и ты поехал в Лондон.

— Я? Это зачем?

— Вроде бы, насчет страховки. Увеличить ее, что ли. Он объяснит. Нет, ты подумай! Дядя Лестер швыряется деньгами. Значит, я был прав, когда говорил Пэт…

— Ты ее видел?

— Да, встретил утром на мосту. И говорю ей…

— Она — э-э… про меня не спрашивала?

— Нет.

— Нет?

— Ну, не помню. Я о тебе упомянул, но вроде бы не спрашивала. — Хьюго положил руку ему на плечо. — Брось, Джонни! Забудь ее. Держись этой самой Долли. По-моему, ты ей нравишься. Что-то я такое вчера заметил, как-то она так смотрит… Застенчиво, что ли. Понимаешь, ты слишком тихий. Ты себя недооцениваешь. Помни, жениться может каждый, если приналяжет. Возьмем Бессемера. Истинный страхолюд, ноги — вот таки-ие, лицо — вроде ореха. И что же? Кто-то клюнул. Словом, не теряй надежды. Да по сравнению с ним ты вполне ничего! Одни уши…

— Спокойной ночи, — сказал Джон.

Он набил трубку и повернулся к лестнице, по мнению Хьюго — как-то резко.

8

Старший сержант браво взошел на второй этаж и постучался. За дверью кто-то чихнул, потом спросил:

— Это Фладдери?

Шимп, обложенный подушками, сидел на диване. Лицо у него горело; взгляд из-под распухших век испугал бы более тонкого человека. В конце концов, сержант был верзилой с широкой лоснящейся физиономией. Легко ли на это смотреть, когда тебе худо? Мало того, Шимп знал, что голос у него зычный и пронзительный, словно раскаленная пуля. Таких сержантов можно вынести только при хорошем здоровье.

— Что дадо? — мрачно спросил медик.

Фланнери глядел на него с той обидной снисходительностью, с какой здоровые глядят на больных. При этом он крутил ус До его появления Шимп высоко ценил свои усики, но один взгляд на соперника пришиб его начисто. Усы у сержанта были светлые, пушистые, загнутые вверх, в общем — такие, каких в миру не добьешься. Лелей свою поросль, ухаживай за ней, гордись ею, но настоящими усами, в высшем смысле слова, она не станет, если ты не в армии.

— От это да! — сказал сержант. — Простуду какую схватили!

Словно подтверждая это наблюдение, Шимп снова чихнул.

— Надо чего-нибудь сделать, — предложил сержант тем голосом, каким обычно командовал: «Справа налево — рас-считайсь!»

— Я делаю, — отвечал Шимп, дыша паром из кувшина.

— Не-ет, тут не пар нужен, — возразил ассистент. — Как говорится, смотри в корень. Все от брюха, да. Брюхо подлечите…

— Что ваб дуждо?

— Одни говорят, хинин, другие там — камфара или корица, а я вам скажу, одуванчики и хмель. Отвар. Вы пошлите их набрать…

— Что — ваб — дуждо?

— Я ж говорю, там один приехал. Такой, знаете, тип. В автомобиле. Вроде бы к вам.

— Я де придибаю.

— Зовут Моллой.

— Моллой?

— Это *он* так сказал, — осторожно добавил Фланнери.

— Да? Пусть идет.

— Значит, хмель и одуванчики.

Сержант удалился и вскоре привел Мыльного. Когда друзья остались одни, Мыльный несмело подошел к дивану.

— Вижу, ты простудился, — определил он.

Шимп дважды кивнул, сперва — сердито, потом — в кувшин.

— Тут простудишься! — вскричал он. — Да я целый час сидел в воде, а потом ехал бокрый да ботоцикле.

— Что? — переспросил потрясенный Моллой.

Шимп поведал ему свою сагу, особо подчеркнув злодеяния Хьюго и Эмили. Хорошо, что она его не слышала.

— Ду, я — пас, — завершил он.

— Нет-нет!

— Больше де богу.

— Что ты говоришь!

— Де—бо—гу.

— Шимпи! Мы же все устроили! Сегодня ночью… Шимп недоверчиво на него посмотрел.

— Сегодня? Дубаешь, я выйду с такой простудой? Да еще лазать во всякие окна… Сидеть в воде…

— Нет-нет, мы все наладили. Этот Хьюго с дружком уедет в Лондон, и Джон тоже. Ты только влезешь.

— Да?

Шимп помолчал, вдумчиво вдыхая пары. Действительно, сведения хорошие. Но он был человеком дела.

— Так, — произнес он наконец. — Если я выйду в такоб состоянии…

— Шимпи! — воззвал Моллой, предчувствуя недоброе своей тонкой душой.

— … бы делибся иначе. Бде — шестьдесят пять, ваб — остальное.

Мистер Моллой был красноречив, иначе не продашь призрачных акций, но сейчас он превзошел себя. Многие сдались бы с первых же слов. Многие — но не Шимп.

— Шестьдесят пять, — твердо повторил медик. — Я тебе дужед, а то бы де явился. Сам де божешь…

— Конечно, не могу. Мне просто нужно алиби. Мы идем сегодня в театр.

— То-то и одо. Де божешь. Значит, шестьдесят пять — бде.

— Подумай, что скажет Долли!

— Чихать я хотел! Мыльный сердито заворчал.

— Ну, если ты с нами так…

— Так-так, де собдевайся.

— Ладно, черт с тобой.

— Очень хорошо. Значит, приду часаб к одиддадцати, или попозже. Окдо божешь де открывать. Оставь на земле лесди-цу, я заберусь прябо да галерею. Труддее, да, до естестведдее. Лестдицу оставь, а уж с чеб потруднее — саби справибся.

— Потруднее!

— Вот ибеддо. Споткдуться я богу? Лестница слобаться божет? А если собачка эта явится? Оба-то в Лоддод де едет! А воспаление легких! Ду, что скажешь? Моллой молчал, тяжело вздыхая.

Глава VIII ДВОЕ В ОДНОЙ ЛОДКЕ

1

Хотя Лестер Кармоди не так уж пекся о благоденствии младших родичей, к поездке Джона в Лондон он отнесся с большой заботливостью. Ни в коем случае, настаивал он, нельзя впихнуть прямой и обратный путь в один и тот же день. Не говоря о том, что это утомительно, Джон молод, а молодых людей привлекают столичные развлечения. Непременно нужно пообедать в хорошем ресторане, сходить в театр, переночевать в первоклассном отеле, а уже утром, потихонечку — домой.

Однако уже вечером Джон возвратился в усадьбу. Нет, он не боялся, но что-то его беспокоило. Еще по пути в столицу он думал о том, как странно вел себя Хьюго прошлой ночью. Конечно, увидеть Твиста, когда тот пытался ограбить дом, он не мог, это полная чушь, но кого-то он застукал. Туманный и путанный рассказ на чем-то да основывался; и Джон вполне серьезно возражал дяде, посылавшему его в Лондон, когда вокруг кишат воры. В конце концов, насчет страховки можно договориться и по телефону.

Дядя над ним посмеялся. Он не верил, что Хьюго вообще видел кого-то. А если и видел, и спугнул, и гнал по саду, разумно ли предполагать, что грабитель вернется почти сразу? От того, что Джон спит у себя над конюшней, толку мало, тогда уж лучше сторожить всю ночь, но и без этого Радж-холл прекрасно управится. Да, дворецкий — стар, у него плоскостопие, зато в гарнизон входит Томас Дж. Моллой, опытный боец, при мысли о котором гангстеры нефтяных скважин трясутся как осина.

Так-то оно так, но, справившись с делами, Джон наспех пообедал и отправился домой. Нередко бывает, что о деле больше всех беспокоится тот, кто меньше всего в нем заинтересован. Джон всегда подозревал, что дяде безразличны судьбы Радж-холла, а уж Хьюго, только и мечтающий о Лондоне, считает обузой славную усадьбу. Тем самым, хранить и ценить ее как ценил и хранил сэр Найджел, ожидая своего короля в темные дни Республики, оставалось Джону. Одна лишь мысль о том, что священный паркет оскверняют какие-то пришельцы, приводила его в ужас. И вот, он гнал машину, а там — и въехал в Радж, когда часы били одиннадцать.

Въезжая в конюшенный двор, он сразу заметил, что дверь гаража

распахнута настежь и большой машины нет. Загоняя туда свою, небольшую, он попытался понять, в чем дело. По-видимому, дядя уехал, скорее всего — в Бирмингем. Вечерней порой из Раджа только туда и ездили.

Наверное, думал Джон, дело было так: бирмингемскую газету «Пост» в доме получали, и мисс Моллой, чей аппетит только разыгрался после концерта, прочитала, что в городе идет мюзикл ее родной земли. Прочитав, она упросила дядю отвезти их с отцом туда, и вот, пожалуйста — дом оставлен на дворецкого, который состарился еще в те дни, когда Джон был ребенком.

Ну, что же это! Поездка в два конца утомила даже его выносливое тело, но ничего не попишешь, надо нести стражу, пока они не вернутся. Ладно, разбудим Эмили.

— Да? — сонно отвечала она, заслышав его свист. — В чем дело?

— Иди-ка сюда, — позвал Джон.

Стуча коготками, она сбежала с лестницы и заметила:

— Вернулся? Это хорошо.

— И-ди сю-да!

— А что такое? Опять чего-то выдумал?

— Не шуми! — сказал Джон. — Ты знаешь, который час? Они медленно обошли дом. Ночные чары понемногу успокоили Джона. Как же он забыл, что усадьба лучше всего именно в эту пору? Повсюду витали робкие запахи, притихавшие при свете, и шелестели в тишине густые кроны.

После лондонской жары прохлада была истинным бальзамом. Эмили исчезла во тьме, а это означало, вероятно, что она вернется часа через два, извозившись в чем-нибудь, и прыгнет к нему на грудь. Однако он не огорчился. Его осенил блаженный покой. Мало того, внутренний голос нашептывал, что вот-вот случится чудо, хотя никаких чудес, кроме предстоящего купания Эмили, он вообразить не мог.

Снова, медленным шагом, он обогнул дом и перешел с травы газона на гравий двора. Ботинки его заскрипели в мирной тишине. И вдруг перед ним метнулось что-то белое, взывая при этом:

— Джонни!

Он застыл на месте, словно его чем-то стукнули. Голос был подобен лунному свету, если бы тот зачем-то превратился в звук.

— Это ты? — продолжала Пэт.

Джон ринулся вперед. Сердце у него прыгало, тихая радость взметнулась бушующим пламенем. Значит, предчувствие не обмануло,

хотя он и думать не посмел бы, что чудо так прекрасно.

2

Ночь была звездная, но под деревьями царила тьма, и Пэт едва-едва мерцала. Джон молча смотрел на нее. Что-то подобное он чувствовал один раз в жизни, серым ноябрьским днем, когда раздался свисток рефери, и он, весь избитый, в грязи, узнал, что их команда победила. Кроме этих двух случаев, он не испытывал странного, почти страшного восторга.

Пэт, со своей стороны, казалась спокойной.

— Да уж, собачка у тебя! Сторожевой пес. Сколько я бросила в окно камешков, а ей — хоть бы что.

— Эмили куда-то ушла.

— Надеюсь, ее укусит кролик. Всё, мы с ней в ссоре. Она меня чуть не загрызла там, в деревне.

— Пэт! — вскричал Джон.

— Да-да. А сейчас, думаю, пойду-ка погляжу, как ты. Ночь такая… ну, такая, никак не уснуть. Зачем ты тут рыщешь?

Джон внезапно вспомнил, что ушел с поста, но не устыдился. Если бы тысячи взломщиков проникли в дом, он бы им не мешал. Их дело.

— Так, гуляю.

— Ты удивился, что я здесь?

— Да.

— Мы мало видимся.

— Я не думал, что ты… хочешь меня видеть.

— Господи! Почему?

— Не знаю.

Они замолчали. Джон терзался тем, что недостоин дара небес. Бормочет какие-то глупости… На мгновение он увидел себя *ее* глазами. Где она только ни бывала, кого ни видела! Ловкие, любезные, галантные… А манеры, а savoir faire![93] Мучительное смирение сковало его.

Ну, хорошо, а все-таки она пришла с ним повидаться. Обретя немного уверенности, он стал лихорадочно искать слов, которые выразили бы, как он ценит благоволение небес, но тут *она* сказала:

— Джонни, пойдем к этому рву.

Сердце его запело, как утренняя звезда.[94] Ему бы это в голову не пришло, но теперь он увидел, как прекрасен такой замысел. Он попытался

выразить свою мысль, и опять не нашел слов.

— Что-то ты не рад, — сказала она. — Наверное, думаешь, мне пора спать.

— Нет.

— Или сам хочешь спать.

— Нет.

— Тогда пойдем.

И они молча пошли ко рву по тисовой аллее. Тихая прелесть ночи окутала их, как мантия. В аллее было так темно, что даже Пэт не мерцала.

— Джонни!

— Да?

Что-то мягкое и благоуханное ткнулось в него, и он обнаружил, что держит *ее* в объятиях. Конечно, он тут же ее отпустил, а она нервно засмеялась.

— Прости, — сказала Пэт. — Споткнулась обо что-то. Джон не ответил, да и не мог бы. Во внезапном озарении он понял, почему так неловок. Дело в том, что ему очень хочется обнять и поцеловать *ее*. Он резко остановился.

— Что случилось?

— Ничего, — отвечал Джон.

Мирская мудрость, бледная дева с поджатыми губами и кротким угрожающим взором, зашептала ему на ухо: «А стоит ли?» Пещерный человек, проснувшийся в нем, нырнул обратно, в темную древность. «Конечно, не стоит», — подумал современный Джон. В конце концов, тогда в Лондоне, *она* ему ясно показала, что может предложить только дружбу. Так что же, разбивать это хрупкое сокровище ради прихотей какого-то предка, которому бы не грех и устыдиться? Слава Богу, пронесло.

Ведь читал же он, как девушки восклицают: «Ах, ты все испортил!» Нет, портить нельзя. Дойдя решительным шагом до воротец, за которыми была лесенка, он браво их распахнул и предупредил:

— Осторожно!

— А что? — суховато спросила Пэт.

— Да вот, ступеньки.

— О? — откликнулась Пэт.

Он следовал за ней, думая о том, что лучшая в жизни ночь пошла как-то не так. Девушки — странные созданья, тонкие, что ли. То одно настроение, то другое. Пэт молчала, когда он выволакивал лодку; молчала и позже, когда та заскользила по воде, унося их в звездный прохладный мир, где царит тишина и темные деревья четко очерчены на фоне неба, словно вырезанные из картона.

— Тебе удобно? — наконец осведомился Джон.

— Спасибо, вполне.

Тут настроение снова сменилось, голос ее стал мягче.

— Как хорошо! — сказала Пэт, устраиваясь на подушках. — Помнишь, когда-то у вас была только плоскодонка?

— Хорошее было время! — вздохнул Джон.

— Да, — согласилась Пэт.

Очарование летней ночи снова оборвало беседу. Стояла тишина, если не считать шелеста крохотных волн и плеска весел. Вдруг над лодкой пронеслась летучая мышь, а у островка, пристанища птиц, что-то шумно подпрыгнуло.

— Щука? — предположила Пэт.

— Очень может быть.

Пэт выпрямилась, а там — наклонилась вперед.

— Отец был бы рад, — сказала она. — Он спит и видит, как бы половить тут щук. Джонни, хоть бы кто прикончил эту дурацкую ссору! Отец упираться не будет, если твой дядя что-нибудь сделает. В конце концов, он очень плохо поступил. Мог бы попросить прощения.

Джон ответил не сразу, думая о том, что каяться дядя не любит. Упрям — это еще мягко сказано. Свиньи склонялись перед ним, а мулы с большой пользой могли бы у него поучиться.

— Понимаешь, — выговорил Джон, — он такой человек…

— Тебя-то он выслушает!

— Как знать…

— Ты попробуй. Пойди и скажи, что отец ждет первого шага. Господи, это же истинный пустяк! Он его чуть не убил.

— Попробую…

— Джонни, я тебя прошу! Мне очень трудно. Отец увидел, что я стою с Хьюго, и страшно разорался. Знал бы он, что я тут с тобой! Он запретил мне разговаривать со всеми вами, даже с Эмили, хотя с ней я и сама бы… В общем, ни с ослом, ни с волом.[95] Проклял всех до единого, даже мышей на кухне. Я всегда была здесь как дома, а уж ты мне…

Джон застыл, держа весло над водой.

— … просто как брат.

Весло шумно опустилось, куда следует.

— Наверное, — продолжала Пэт, — нынешнее девушки чихали бы на отцов, а я — не могу. Дело не в том, что он рассердится. Ему будет *больно.* Вот я и пришла тайком, хотя очень не люблю врать. Поговори ты со старым боровом! Нежно так, по-матерински.

— Пэт, — сказал Джон, — я не знаю, как это сделать, но непременно сделаю.

— Молодец! Смешной ты, честное слово. Вроде — размазня размазней, а вдруг…

— Размазня? — переспросил Джон — Это в каком смысле?

— А ты сам не знаешь?

— Размазня!

— Ну, такая каша.

Звезды бодро сверкали, и все же было темно, лица ее он не видел; однако предполагал, что на нем, то есть на лице, играет насмешливая улыбка. Обычно это сражало его, но сейчас ввергло в неописуемую ярость. Лодка угрожающе накренилась.

— Какой ты прыткий! — сказала Пэт.

— Да? Я же — каша. Пэт хихикнула.

— Ты обиделся, Джонни? Прости, пожалуйста. Ты не каша. Ты просто… ну, благоразумный. Или мудрый, что ли…

Опять эта мудрость! Проплыла ондатра, оставив на воде подобный вееру след. Звезды мерцали и подмигивали. На островке вспорхнула птица. Мудрость! Может быть, Пэт имеет в виду… или намекает…

Нет, конечно! С чего он взял? Там, в аллее, он действовал точно так, как надо. Послушайся он брутального предка в какой-нибудь медвежьей шкуре, ему бы не было прощения. Да-да, «как ты все испортил!», именно так. Быть может, в свое время предок вполне преуспевал, но не в наши же дни!

Думая все это, Джон рьяно работал веслом и вызвал еще один упрек.

— Куда ты несешься? Хочешь поскорей от меня избавиться?

— Нет, — ответил он.

— А вообще-то пора спать. Знаешь что, высади меня у моста. Я не слишком много прошу? Ты ведь утомился…

Джон проехал в тот день двести миль, но совсем не устал. Плыть он мог сколько угодно.

— Хорошо, — отвечал он.

— Спасибо, — сказала она. — Только помедленней, если можно. Все-

таки, на воде так приятно… Далеко еще до Уголка Призраков?

— Вон он.

— Ну, не пугайся.

Ров, окружавший усадьбу, прорыл первый Кармоди в ту пору, когда домовладельцы создавали препятствия для посетителей. С умягчением нравов цель его была забыта, и позднейшие хозяева расширяли ров, украшали, уснащали островками, по возможности приближая к живописному озеру. Для вящего сходства посадили несколько мрачных тиссов, между которыми, однако, протекал узкий поток воды. Тот, кто не пугался зловещей кущи, вскоре выходил на простор и, миновав мост, оказывался у реки.

— Сколько тебе было, Джонни, — спросила Пэт, — когда ты решился проплыть тут ночью?

— Шестнадцать.

— Ну, больше!

— Нет. Ровно шестнадцать. Я проплыл там в день рождения.

Пэт протянула руку, и ветки коснулись ее пальцев.

— Я бы и сейчас одна не смогла. Меня бы схватила рука скелета, поросшая черной шерстью. Видишь, вот она. А почему ты так расхрабрился?

— Потому что ты сказала, что я там не проплыву.

— Правда?

— Еще бы! Дразнила, не знаю как.

— А ты и купился? Да, ты многим мне обязан. Нет, ты подумай, мы тут бывали совсем детьми, а теперь — усталые, старые, совсем другие…

— Я не другой.

— Это в чем же?

— Ах, не знаю!

Джон опустил весло. Он хотел во всем разобраться.

— Почему ты думаешь, что я другой?

— Эти белые пятна, наверное, гуси. Джон гусями не интересовался.

— Я… — начал он, — я… — он хотел сказать, что любит ее, но вовремя опомнился и завершил фразу, — совсем такой же.

— Тогда почему ты со мной не общаешься? — упорствовала Пэт. — Бог знает, когда ты приехал, а я только сейчас тебя вижу. И то пришлось швырять камешки в окно. Как по-твоему, приятно бродить в одиночестве?

Джон удивился. Получалось, что он не деликатен, а равнодушен. Казалось бы, если ты объяснился и узнал, что тебя не любят, уйди с дороги, пока не сотрется память о твоей наглости. Да половина несчастных

случаев на охоте, в Африке, обязана этой статье кодекса!

— Я не знал…

— Чего?

— Что ты хочешь меня видеть.

— Конечно, хочу. Вот что, Джонни. Ты завтра свободен?

— Да.

— Тогда сбеги из узилища, заезжай за мной и мы устроим пикник, как в старое время. Отец уйдет в гости. Приезжай к часу. Ну, как?

Джон опять ответил не сразу. Чувства его были слишком сильны для слов. Тем временем река приняла лодку с той неспешной, важной, сонной любезностью, благодаря которой разумные люди считают ее лучшей из рек.

— Согласен? — осведомилась Пэт.

— Еще бы!

— Вот и хорошо. Даже прекрасно. Значит, в час.

Река журчала, мягко посмеиваясь. Она была доброй и мудрой, а потому — посмеивалась, как старый джентльмен, которому приятно, когда молодые люди счастливы.

— Мы часто устраивали пикники, — припомнила Пэт.

— Да, — согласился Джон.

— Просто не пойму, зачем тебе общаться с ехидной, капризной, сварливой девицей!

— Что ты такое говоришь!

Показался старый мост, едва заметный во тьме. Джон подвел лодку к берегу, она зашуршала в камышах, словно феи заиграли на дудочках. Пэт вышла и повернулась к Джону.

— Теперь я не очень плохая, — тихо сказала она, — Если потерпишь, ты это увидишь. Спокойной ночи, Джонни. Значит, к часу, мой дорогой.

Она исчезла в темноте, а Джон рванулся вперед, словно его ударили током. Он дрожал. Конечно, ему померещилось, но на одну долю секунды он ощутил что-то вроде поцелуя.

— Пэт! — крикнул он, едва дыша.

Никто не ответил. Река спешила к Северну рассказать новости.

— Пэт!

Джон ударил веслом по воде. Река возмущенно заворчала. Лодка ткнулась носом в берег, лодочник выскочил на землю. Он прислушался. Звуков не было. Мир затих и опустел.

Наконец раздался хоть какой-то звук. Река опять засмеялась.

Глава IX СОННОЕ ЗЕЛЬЕ

1

Джон проснулся поздно и, просыпаясь, смутно ощутил, что очень счастлив. Мир почему-то стал лучшим из возможных миров. Тут он все вспомнил и вскочил, громко крича.

Эмили, свернувшаяся в корзинке, подняла тяжелую голову, ибо, судя по всему, вернулась под утро. Обычно она суетилась вокруг Джона, пока он мылся и одевался, но сегодня слишком устала. Решив, что скажет позже о незнакомце, которого встретила на их земле, она дважды вздохнула и погрузилась в сон.

Выйдя на воздух, Джон обнаружил, что упустил несколько волшебных часов. Двор был залит солнечным светом; легкий ветерок шелестел верхушками кедров; пушистые облака плыли в лазурном небе; от птичника доносился мирный клекот. Ощутив благоговение перед всем, что есть живого, Джон посмотрел на птиц, и они ему понравились. Насекомые, жужжавшие в солнечном тепле, были выше всех похвал, включая осу, подлетевшую совсем близко. Когда же подъехала машина и из нее вылез шофер, восторгу не было пределов.

— Доброе утро, Болт, — сердечно сказал Джон.

— Доброе утро, сэр.

— Куда вы так рано ездили?

— Мистер Кармоди послал меня в Вустер, оставить сумку в камере хранения. Если вы идете в дом, сэр, не передадите ли ему квитанцию?

Джон был рад оказать услугу и жалел лишь о том, что она столь ничтожна. Но и то хлеб в такое утро. Он положил квитанцию в карман.

— Как дела, Болт?

— Спасибо, сэр, все в порядке.

— Как жена?

— В порядке, сэр.

— А ребенок?

— И он тоже.

— А собака?

— Спасибо, не жалуется.

— Превосходно! — сказал Джон. — Просто замечательно! Большой

им привет.

И, улыбнувшись как можно сердечней, направился к дому. Как бы ни вознесся дух, низшая природа требует завтрака, и Джон, в ту пору практически бестелесный, все-таки помнил, что два яйца и кофе очень недурны. Подходя к дверям, он подумал, что надо бы спросить и о канарейке, но решил, что время ушло. Надеясь, что случай еще представится, он продвигался к столовой, где яйца просто кишат, а кофе льется рекой. Остановился он только для того, чтобы почесать кота за ухом, и открыл дверь.

В столовой никого не было. Видимо, все уже позавтракали. Джон не огорчился при всей его любви к людям. Когда тебе предстоит пикник с единственной девушкой на свете, лучше побыть одному, чем с кем-то разговаривать.

Однако ближние подкрепились уж очень основательно. Где кофе, например? Он позвонил в звонок.

— Доброе утро, Стергис, — приветливо сказал он, когда тот явился. — Вы не могли бы принести мне кофе?

Дворецкий, сухонький и седой, служил тут, сколько Джон себя помнил. Как ни странно, он не менялся, сочетая субтильность, солидность и изысканную вежливость, словно положительный отец в мелодраме.

— Мистер Джон! А я думал, вы в Лондоне.

— Вернулся ночью, и очень этому рад. Как ревматизм, не беспокоит?

— Беспокоит, мистер Джон.

— Быть не может!

— Может, мистер Джон. Почти совсем не спал.

— Какой ужас! Нет, какой ужас! Наверное, от тепла пройдет?

— Надеюсь, мистер Джон.

— И я надеюсь, и я! А где все прочие?

— Мистер Хьюго и мистер Фиш уехали в Лондон.

— Ах, да, я забыл.

— Мистер Моллой и мисс Моллой в саду.

— Поня-ятно. А дядя?

— Он в галерее, мистер Джон. С полицейским.

— С кем?

— С полицейским. Пришел из-за кражи.

— Из-за чего?

— Кражи, мистер Джон. Разве вы не знали?

Да, таков мир. Только впадешь в высокий восторг, а судьба — бамц! — и заедет тяжелым мешком по голове. Джон быстро спустился на

землю.

— Господи милостивый!

— Золотые слова, мистер Джон. Если бы вы могли уделить минутку…

Совесть грызла Джона. Он чувствовал то, что чувствует страж, уснувший на посту.

— Пойду, разберусь, — сказал он.

— Спасибо, мистер Джон. Разрешите заметить…

— Позже, Стергис, позже…

Он взбежал по лестнице на галерею. Мистер Кармоди с единственным здешним полицейским рассматривали что-то у окна, и за тот короткий промежуток, когда они его еще не увидели, Джон успел оценить ущерб. Несколько пустых рам зияли перед ним, как слепые окна. Витринка, где хранились миниатюры, была разбита. Самой солонки, подаренной Эмиасу Кармоди королевой-девственницей, и то не было.

— А, черт! — сказал Джон. Хозяин и полицейский обернулись.

— Джон! Я думал, ты в Лондоне.

— Ночью вернулся.

— Вы ничего не слышали и не видели? — осведомился полисмен.

Констебль Моулд был исключительно туп, глаза его напоминали подернутые пленкой лужи, но он старался, как мог, взглянуть на Джона острым взором.

— Нет.

— Почему?

— Меня тут не было.

— А вы сказали, что было.

— Я не подходил к дому. Сразу отправился ко рву.

— Значит, ничего не видели?

— Именно.

Констебль, уже лизавший карандаш и заготовивший блокнотик, неохотно сдался.

— Когда это случилось? — спросил Джон.

— Определить невозможно, — ответил дядя. — По несчастной случайности, дом был практически пуст. Хьюго с этим субъектом уехали после обеда. Мистер Моллой с дочерью поехали в театр, в Бирмингем. У меня болела голова, и я рано лег. После восьми часов вор мог спокойно влезть сюда в любую минуту. По-видимому, на галерею он проник незадолго до полуночи.

— А как?

— Несомненно, влез в окно, приставив к нему стремянку. Джон

заметил, что стекло вырезано.

— К несчастью, — продолжал дядя, — украденные ценности невелики. Унести их легко. Без сомнения, грабитель во многих милях отсюда, может быть — в Лондоне.

— Оно застраховано? — спросил констебль.

— Да. Как ни странно, мой племянник вчера ездил в столицу, чтобы увеличить сумму. Ты все сделал, Джон?

— О, да!.. — рассеяно ответил тот. Любой человек на месте преступления становится сыщиком. — Эй, смотрите-ка!

— Что такое?

— Вы это видели?

— Конечно, — сказал дядя.

— Я сразу заметил, — уточнил констебль.

— Наверное, порезал палец, — предположил Джон.

— Так я и подумал, — сообщил констебль.

На подоконнике и впрямь отпечатался более или менее окровавленный палец. Как многое на свете, он казался важнее, чем был. Мистер Кармоди резонно заметил, что нелегко искать по всей Англии человека с порезанным пальцем.

— Да… — признал Джон.

Констебль сообщил, что сразу это понял.

— Остается одно, — покорно сказал дядя. — Позвонить в вустерскую полицию. Вряд ли они помогут, но надо соблюсти формальности. Пойдемте вниз, Моулд.

Отметив, что дядя держится стойко и с достоинством, Джон стал искать ключи. Трудно в таких случаях то, что никогда не знаешь, ключ это или нет. Может, они разбросаны повсюду и прямо взывают к тебе — но как их узнать? Вот Шерлок Холмс видел соломинку или какой-нибудь там пепел, а доктор Уотсон потом присобачивал к ним этикетку. Джон неохотно признал, что он ближе к Уотсону.

Размышления его прервал появившийся рядом Стергис.

2

— А, Стергис… — рассеянно, если не раздраженно сказал Джон.

Когда напряженно мыслишь, дряхлые дворецкие скорее мешают.

— Можно с вами поговорить, мистер Джон?

Джон решил, что можно, хотя и не нужно. Он уважал седину старого

слуги, но очень уж это не ко времени.

— Ночью, мистер Джон, у меня был сильный приступ. Джон понял, что зря задавал заботливые вопросы. Когда ты на вершине блаженства, тебя тянет к ближним, поневоле проявишь участие. Но теперь он об этом жалел. Напрягаешь все силы, ищешь ключ, а тут слушай, как мямлят о всяких приступах!

— Я долго не мог уснуть, мистер Джон.

— Говорят, пчелы помогают.

— Пчелы, сэр?

— Ну, укусы. Кусает вас пчела, и яд или что там у них изничтожает хворь.

Стергис помолчал, и Джон подумал, что он собирается спросить, нет ли где хорошей пчелы; подумал — и ошибся Перед ним стоял не Стергис-страдалец, а Стергис-слуга, верный страж хозяйских сокровищ.

— Спасибо, мистер Джон, — сказал он, — но я веду не к этому.

Джон стал немного любопытней.

— Таинственное дело, Стергис. Влез в окно и вылез из окна.

— Нет, мистер Джон. В том-то и дело. Он спустился по главной лестнице.

— Откуда вы знаете?

— Я его видел, мистер Джон.

— Видели?

— Да, сэр. Я ведь всю ночь не спал.

Прежние угрызения бледнели перед нынешними. Только потому, что дворецкий блеет, как овца, он, то есть Джон, чуть от него не отмахнулся! А доблестный старик, нимало неповинный в том, что годы ослабили его голосовые связки, — это Deus ex machina, дар небес, нечаянная помощь. Дворецких не гладят по голове, но Джон чуть не погладил.

— Видели!

— Да, мистер Джон.

— Какой он?

— Не могу сказать, мистер Джон.

— Почему?

— Потому что я его не видел.

— Вы же видели!

— В переносном смысле, мистер Джон.

Угрызения притихли. Да, дворецкий именно мямлит, точнее — порет чушь.

— То есть как?

— Дело было…

— Вот что, расскажите мне все с начала.

Стергис пугливо оглянулся на дверь, и заговорил еле слышно, словно блеющая овца, которая держит в зубах вату.

— Значит, был у меня приступ. Терпел я терпел, и вдруг вспомнил, как мистер Хьюго советовал выпить виски без воды. Облегчает боль.

Джон кивнул. Что верно, то верно. Хьюго рекомендовал виски против всего, от ревматизма до разбитого сердца.

— Вылез я из постели, надел халат, мистер Джон, и только дошел до площадки, намереваясь заглянуть в погребец, который находится в столовой, как вдруг услышал *нечто*.

— Что именно?

— Такой звук, словно кто-то чихнул.

— Вот как?

— Да, мистер Джон. Я замер..

— Что? А, ясно. Замерли.

— Через некоторое время я прокрался…

— Что?

— Прокрался к этой двери.

— А, понятно! Зачем?

— Мне показалось, что чихают в галерее. И действительно, чихнули еще раза два или три. Потом кто-то направился к дверям.

— А вы что сделали?

— Вернулся на площадку, сэр. За полчаса до этого я бы не поверил, что обрету такую прыть. Из галереи вышел человек с саком. Держал он и фонарик, но только когда он спустился, я разглядел его лицо.

— Разглядели?

— Да, мистер Джон, на одно мгновение. И замер.

— Что? А, замерли! Почему? Вы его знаете? Стергис понизил голос.

— Я бы мог поклясться, мистер Джон, что это доктор Твист, из «Курса».

— Твист?

— Да, мистер Джон. Я никому не сказал, кроме вас, может подать за диффамацию. И потом, я толком его не видел. А главное, мистеру Кармоди навряд ли понравилось бы, что я собирался пить его виски. Так что очень вас прошу, и вы никому не говорите.

— Хорошо.

— Спасибо, сэр.

— Идите, Стергис. Я должен это обдумать.

— Сейчас-сейчас, мистер Джон.

— Я рад, что вы со мной поделились.

— Благодарю вас, мистер Джон. Завтрак доедать будете? Джон отринул все земное.

— Нет. Я буду думать.

— Бог в помощь, мистер Джон.

Оставшись один, Джон подошел к окну. Разум его работал с быстротой и четкостью, которой позавидовал бы всякий сыщик. Впервые подумал он, что в путаном рассказе Хьюго что-то есть. Вместе с сообщением Стергиса слова его немало значат.

Твист… Что о нем известно? Явился сюда невесть откуда, завел этот «Курс». А вдруг он прикрывает лечебницей темные делишки? Ученые преступники всегда заводят, как ее, ширму..

Тут взгляд его упал на Томаса Дж. Моллоя, гуляющего у рва со своей сногсшибательной дочерью. Вот уж ко времени! Сейчас нужен толковый человек, с которым можно поделиться сомнениями.

Джон быстро вышел из галереи и сбежал вниз.

3

Моллой по-прежнему гулял и встрече обрадовался. Сейчас он был примерно в том состоянии, в каком недавно был Джон.

— Привет-привет! — сказал он с грубоватой сердечностью. — Вернулись? Ну, как, развлеклись в столице?

— Спасибо. Я хотел…

— О краже слышали?

— Да-да. Так я, знаете…

— Ужас какой, а? И как на беду мы с Долли уехали в Бирмингем! Был бы я здесь, ничего бы не случилось. Слышу я хорошо, да и стреляю неплохо, мистер Кэррол, вы уж мне поверьте. Надо быть очень прытким, чтоб от меня уйти.

— Это уж точно, — подтвердила Долли. — Ах, какая жалость! И никаких следов…

— Нет, душенька, есть отпечаток большого пальца. Но что с того? Нельзя же перерыть всю Англию!

— А главное, — сокрушалась Долли, — никто его не видел!

— Вот тут вы не правы, — сказал Джон. — Об этом я и хотел потолковать. Дворецкий что-то услышал, пошел посмотреть и увидел, как

вор спускается по лестнице.

Если до сих пор он мог посетовать на невнимание, теперь все изменилось. Мисс Моллой очень широко открыла глаза, отец ее страшно обрадовался.

— Увидел! — вскричала она.

— К-к-как? — вскричал мистер Моллой.

— Так. Вы, часом, не знаете такого Твиста?

— Т-твиста? — мистер Моллой наморщил лоб. — Лапочка, знаю я Твиста?

— Что-то знакомое… — сказала Долли.

— У него неподалеку лечебница, — пояснил Джон. — Дядя пробыл там недели две. Прошел такой курс…

— Ну, конечно! Ваш дядя мне говорил. Но…

— По-видимому, — предположила Долли, — он приезжал к дяде, а дворецкий принял его за вора.

— Вот именно! — подхватил Моллой, еще не справившись с дыханием. — А как же иначе? Насколько мне известно, они — большие друзья. И потом, у него процветающее дело…

Джона не сбили с пути поверхностные доводы. Доктор Уотсон — тугодум, но если уж он что-то схватит, то схватит.

— Да, вроде бы странно, — сказал Джон. — Но если подумать, мы увидим, что вор прежде всего заведет пристойное дело, чтобы усыпить подозрения.

Мистер Моллой покачал головой.

— Мне кажется, это… э-э… притянуто за уши. Джон усомнился в его здравомыслии.

— Во всяком случае, слуга его видел. Если я к нему заеду, вреда не будет. И предлог есть, дядя не хочет платить за весь курс.

— Да, — отвечал мистер Моллой сдавленным голосом. — Но…

— Езжайте-езжайте! — воодушевилась дочь. — Молодец, что придумали. Конечно, тут нужен предлог, иначе он удивится.

Джон одобрительно на нее посмотрел.

— И еще, — продолжала она, — не забывайте, вор поранил палец. Если у Твиста он забинтован или залеплен пластырем…

Джон совсем восхитился.

— Замечательная мысль! Кроме того, я проверю, простужен ли он.

— П-п-про-с-с-тужен? — переспросил мистер Моллой.

— Да. Понимаете, этот слуга слышал, как он чихает.

— Ну, подумайте! — воскликнула Долли. — Целых два ключа. Вот

что, едем немедленно! Если мы явимся вдвоем, он ничего не заподозрит. Я скажу, что хочу посоветоваться насчет брата. Спорю на миллион, этот ваш Твист и есть преступник. Конечно, он прикрылся почтенным делом. В общем, выводите машину, я сейчас.

Джон ответил не сразу. Охота охотой, но на час дня назначено то, что намного важнее таинственного Твиста.

— Я должен вернуться без четверти час, — сказал он.

— Зачем?

— Ну, должен.

— Хорошо. Мы же не до ночи там провозимся! Посмотрим на него — и домой. Тут двадцать миль, в конце концов. Вернемся раньше двенадцати.

— Вы правы, — согласился Джон, — совершенно правы. Подождите минутку.

Мнение его о мисс Моллой резко подскочило вверх. Да, он не любил таких девиц, мало того — ей вроде не место в Радж-холле, но умна, ничего не попишешь.

Именно в этом ее свойстве усомнился мистер Моллой. Выпучив глаза, он издавал странные, натужные звуки.

— Успокойся, стариканчик, — посоветовала Долли.

— Успокоиться, вот как? Затеяла черт знает что…

— Совсем одурел! Он же все равно туда поедет. И палец он заметил бы сам. Я просто дала понять, что мы с ним заодно.

— Какой от этого толк?

— Сейчас скажу. Беги в нашу комнату и хватай эти капли. Одна нога здесь, другая — там!

Иногда в ненастный день из-за туч проглядывает солнце. Именно так изменилось лицо Моллоя при волшебном слове «капли».

— Значит, — продолжала Долли, — мы уезжаем, ты скачешь к телефону и сообщаешь Твисту, что я везу капли. Пусть заготовит какой-нибудь напиток, чтоб этот тип не почувствовал вкуса.

— Ясно, лапочка! — воскликнул Моллой с той восторженной покорностью, с какой наполеоновский солдат приветствовал замысел кампании. И все же он чуть-чуть сомневался. Да, умна, ничего не скажешь, но в молодом энтузиазме может проглядеть кое-какие мелочи. — Только, знаешь, ты не в Чикаго. Хорошо, заснет он, а что дальше? Проснется. И страшно разбушуется.

— Я все учла. Несомненно, у Шимпа есть помощники. Передай, чтобы он им сказал, что приедет молодая дама с ненормальным братом. Его надо усыпить и запереть, чтобы он никого не укокал. А мы за это время

смоемся. Раз уж Шимп засветился, надо спешить. Сегодня и уедем. Так что ты тут не гуляй по лугам, а действуй. Я скоро вернусь. Ясно?

— Солнышко, — благоговейно проговорил ее супруг, — я всегда говорил, что ты — ума палата. В жизни бы такого бы не придумал.

4

Примерно через час сержант Фланнери, мирно сидевший под тенистым вязом, оторвался от детектива, позволявшего отдохнуть его бдительному разуму, и увидел саму красоту. По газону шла девушка, которую наметанный глаз мгновенно отнес к подвиду «Истинная душка». В мягких струящихся одеждах песочного цвета, с блестящими карими глазами, она тронула в чувствительном сержантском сердце нужную струну. Он браво вскочил, отдал было честь, но вовремя подкрутил усы и проревел:

— Доброе утро, мисс!

Тут ему показалось, что прекрасная дама смотрит на него с восторгом, будто встретила свою мечту. Вряд ли она попросит совершить какой-нибудь подвиг, но если ей придет это в голову, он себя не посрамит. Словом, сержант с первой секунды стал сторонником Долли.

— Вы один из ассистентов доктора Твиста? — осведомилась она.

— Именно что один, мисс. Единственный, хо-хо! Старший сержант Фланнери.

— О! Значит вы и присматриваете за больными?

— Я, мисс.

— Тогда мой бедный брат будет под вашей опекой, — она тихо вздохнула, и карие глаза потемнели.

— Ваш брат, мисс? То есть это вы…

— Доктор Твист сказал вам?

— Да, мисс. Насчет… э-э…

Он в ужасе остановился, чуть не произнеся при ней мерзкое слово «псих».

— Я вижу, вы все знаете, — сказала Долли.

— Ну, как это, все! Доктор меня вызвал и сказал, что ждет молодую даму с… ы… больным братом. И предупредил, что могу понадобиться, потому что… ы-ы… брат иногда беспокоится.

— О, да! — сказала Долли. — Только бы он вас не ранил. Сержант сжал в кулак бананообразные пальцы, выпятил

грудь и снисходительно улыбнулся.

— Кого, меня?! Да я, мисс, этих… — он опять проглотил ненавистное слово, — нервотиков знаю как облупленных. И потом, доктор даст ему капель, а мы его пока что посадим под замок.

— Да-да. Прекрасная мысль.

— Как говорится, мисс, не лезь на рожон, — поддержал ее сержант Фланнери. — Можешь сделать тихо-мирно — вот и делай. А он давно такой, мисс?

— Много лет.

— Надо было раньше к нам привезти.

— Куда я его ни возила! Убегает. Потому я и беспокоюсь.

— От нас не убежит.

— Он очень хитрый.

Сержант чуть не сказал: «И мы не лыком шиты», но смолчал, причем — не из скромности, а потому, что проглотил какую-то мошку. Пока он откашливался, его собеседница перешла к другой стороне вопроса.

— Я его оставила с доктором. Это не опасно?

— Что вы, мисс! Видите, окно открыто, этаж — первый. Если ваш брат разбушуется, доктор мне крикнет, и я мигом туда влезу.

Прекрасная пришелица взглянула на него с робким восторгом.

— Понимаете, — призналась она, — я особенно боюсь, что будет, когда он проснется и поймет, что заперт. Он ведь очень хитрый. В последней лечебнице он их обманул. Убедил как-то, что его поместили туда по ошибке.

— Ну, *меня* он не обманет.

— Вы уверены?

— Еще бы, мисс. Они тут все хитрые. Вот вчера сэр Ригби-Радд, адмирал, между прочим, попросил капельку бренди, вроде бы — сердце заболело. Дайте, говорит, попить. А я его ка-ак окачу водой, хо-хо! Орал, не унимался. Не сомневайтесь, мисс, мы не дремлем. Эти-то сами пришли, сами от всего отказались — пить там, курить, лентяйничать — а вот поди ж ты, только и ждут, чтоб обхитрить.

— Подкупить не пытались?

— Нет, мисс. Сразу видят, я не из таковских.

— Значит, вы не возьмете денег, если брат?…

— Кто, я? Да чтобы я предал честь, если вы меня понимаете!…

— Сколько бы он ни предложил, я дам вдвое больше. Очень важно уберечь его от искушений. Надеюсь, вы не обидитесь…

— Нет-нет, мисс! — сказал сержант, хрустя соблазнительной

бумажкой. — Не надо бы.

— Я знаю. Но лучше возьмите! С моим братом столько хлопот…

— Для того и служим, мисс. За то нам и деньги платят. Да и какие хлопоты, раз уж он под замком? Не беспокойтесь, мисс. Он тут у нас другим человеком станет. Мы…

Долли вскрикнула. Из окна высунулись голова и плечи доктора Твиста, и жужжание насекомых прорезал крик:

— Фланнери!

— Здесь, сэр.

— Идите *сюда*. Вы мне нужны.

— А вы не ходите, мисс, — посоветовал заботливый сержант. — Мало ли что… Одно слово, нервотик.

5

Минут через пять Долли все-таки заглянула к Твисту и не обнаружила следов буйства. Стол был цел, ковер — не потревожен, стулья стояли на своих местах, даже стекла на картинах не были разбиты. Несомненно, все прошло по плану или, как сказал бы сержант, тихо-мирно.

— Порядок? — осведомилась Долли.

— А-га, — ответил Шимп, но голос у него слегка вздрогнул.

Только он из всех предметов выглядел неважно, позеленел И время от времени дергался. Живя вне закона, он не любил бесчинств и относился с брезгливостью к побочным продуктам своего ремесла. Усыплять приличных людей — это уж Бог знает что; только напор Мыльного подвиг его на такое дело. Словом, он позеленел и дергался при неожиданном звуке.

— Как все прошло?

— Ну, я сделал, что просил Мыльный. Поговорили о счете, я немного скостил, а там и говорю: «Не хотите ли выпить?». Накапал незаметно этих капель, когда он отвернулся, они сперва не подействовали…

— Вот-вот. Не действуют, ты пошевелишься, и тут — бенц! Как будто обухом огрели. Во всяком случае, так говорят.

— Ну, значит, он пошевелился. Упал — и лежит. — Шимп дернулся. — Ты не думаешь… То есть, ты уверена, что эти капли?..

Долли презрела мужскую трусость.

— Конечно, уверена. Я что, убийца какой-нибудь? Ничего с ним не будет.

— А вид был дохлый. Будь я страховым обществом, сразу бы выплатил деньги.

— Проснется, голова поболит, — и все, порядок. Где ты жил, что не знаешь, как эти капли действуют?

— Я такими делами не занимаюсь, — добродетельно сказал Шимп. — Видела бы ты, как он шлепнулся, тоже бы не обрадовалась. Одно лицо — труп.

— Приди-ка в себя!

— Я в себе, спасибо.

— Ну, еще в кого-нибудь. Выпей, что ли!

— Это мысль, — признал Шимп.

Дрожащей рукой он вполне успешно налил себе виски с содовой.

— Что ты сделал с останками? — спросила Долли. Доктор Твист, поднесший бокал к губам, поставил его на стол. Он не любил таких шуточек.

— Ты не могла бы выбрать другое слово? — поинтересовался он. — Хорошо тебе говорить, а я боюсь, что ему крышка.

— Да брось! Очухается, и все.

— В этом мире или в том?

— Лучше выпей и еще смешай, — посоветовала Долли. — Поменьше содовой!

Доктор Твист послушался ее, и ему полегчало.

— Чего ты разохался? — продолжала склонная к оптимизму гостья. — Я вижу, и чихать перестал.

— Да, вроде бы.

— Жаль, не вчера. Тогда обошлись бы без этих хлопот. Говорят, ты так расчихался, что весь дом смотрел, кто это идет по лестнице.

Шимп задрожал.

— Меня видели?!

— А то! Мыльный не сообщил?

— Я плохо разобрал, что он порет. Что же мы будем делать, а?

— Не трясись. Теперь пойдет легче. Останки — у нас…

— Я бы попросил!

— Ну, этот тип — у нас, опасности нет. Кстати, что вы с ним сделали?

— Фланнери отнес его наверх.

— Куда именно?

— В такую комнату. Видимо, бывшая детская. На окнах — решетки.

— А как дверь?

— Прочная, дубовая. Неплохо строили эти старинные дома. Знали

свое дело. Такую дверь слон не выбьет.

— Это хорошо. Теперь слушай, Шимп. Мы… — она встрепенулась. — Что там?

— Где? — спросил Шимп, подскочив на стуле.

— В коридоре. Пойди посмотри.

Доктор Твист с превеликой осторожностью подкрался к двери и распахнул ее. За ней никого не было. Тем временем пальчики Долли появились на миг над оставленным бокалом.

— Прости, — сказала она. — Послышалось. Шимп вернулся к столу, все еще волнуясь.

— Ах, зря я в это ввязался! — посетовал он.

— Я добром прошу, — сказала Долли, — не канючь! Что мне, погладить тебя по головке? Ввязался, потому что хотел. Получишь шестьдесят пять процентов, совсем обчистил нас с Мыльным. Так чего рыпаешься? Вроде ты в порядке пока что.

Твист собирался спросить, почему она это добавила, но у него были более насущные вопросы.

— Что теперь будете делать?

— Вернемся в Радж.

— И заберете… *это?*

— Да. А потом смоемся.

Программа ему понравилась. На радостях он схватил бокал и выпил до дна.

— Я думаю, — предположил он, — старичка Мыльный усыпил?

— Уж не иначе.

— А если случая не было? — снова занервничал Шимп.

— Случай всегда представится. Тебе ли не знать! Шимпу это польстило. Он засмеялся и кивнул.

И тут же то ли потолок, то ли железная балка, то ли что-то еще ударило его по черепу. Он стоял у стола, но вдруг упал на колени и медленно сполз на пол. Долли сразу поняла его слова насчет страховки. Об Александре Твисте, в самом лучшем случае, можно было сказать, что лежат он тихо. Все-таки охнув, Долли взяла подушку и подложила ему под голову.

Лишь после этого она подошла к телефону и нежным голосом попросила соединить ее с Радж-холлом.

— Мыльный?

Он отозвался сразу. Видимо, сидел, прильнув к аппарату.

— Слушай, лапочка!

— Да, золотко?
— Все в порядке.
— С этим типом?
— Угу. И с Шимпом.
— То есть как?
— А так. На что он нам? Шестьдесят пять процентов, это надо же! Капнула то-се, лежит себе, аки агнец. Подожди минутку! Так. Ну, все.
— В чем дело, куколка? Ты что-то услышала?
— Нет. Я увидела букет лилий и сунула одну ему в руку. Как-то естественней. Теперь слушай. Я еду в Лондон, в «Бельведер». Бери сумку и езжай туда же. Ясно?
— Но, лапочка…
— Что такое?
— Как я ее увезу?
— Ну, знаешь! Когда я уезжала, большая машина стояла в этом дворе. Наверное, и сейчас стоит. Забери сумку и скажи шоферу, что старикан его зовет. Потом садись за руль и бери курс на Бирмингем. Там машину оставь и пересядь в поезд. Вроде бы просто?
Мыльный долго молчал. Видимо восхищение лишило его дара речи.
— Лапочка, — выговорил он, — что б я без тебя делал? Скажу тебе…
— Ладно, позже, — прервала его Долли, — мне некогда.

Глава X ХЛОПОТЫ МЫЛЬНОГО МОЛЛОЯ

1

Мыльный положил трубку и вышел из кабины, готовый к подвигу. Как все хорошие мужья, он считал свою жену и образцом и, скажем так, музой. Отирая красивый лоб — в кабине было жарко, — он немного постоял, обдумывая план кампании.

Собираясь бежать, как ошпаренный кот, благоразумный человек сперва заготовит линию отступления. И мистер Моллой пошел проверить, на месте ли машина.

Она была на месте. Садись — и езжай.

Ну, хорошо. Но самое сложное не это. Капли притаились в кармане, однако проку от них нет, пока они не переместились в мистера Кармоди. А как это сделать?

Подсунуть эти капли — дело тонкое, да и сложное. Очень многое зависит от партнера. Прежде всего, он должен что-то пить. В лечебнице препятствий не было. Все шло как по маслу. А вот здесь, в Радж-холле, будет потруднее.

Нельзя же, в конце концов, насильно поить хозяина в половине двенадцатого! Может, он не пьет до ланча, а тогда дворецкий рядом крутится. И вообще, этот ланч еще часа через два, если не больше, а тут вся суть — в скорости.

Мистер Моллой, беззвучно стеная, вышел в сад, чтобы обдумать проблему, и как раз осознал, что это ему не под силу, когда увидел исключительно приятное зрелище. Мир засиял снова, птицы запели.

Увидел он ров, на нем — ялик, а в ялике — мистера Кармоди с удочкой в руке.

С эстетической точки зрения розоватая рубаха и мятая шляпа, которую давно пора отдать достойным беднякам, не так уж привлекательны, но Мыльному они представлялись несказанно прекрасными. Он рыбу не удил, но знал рыболовов. Они — маньяки. Ни землетрясения, ни мор, ни крах династии не оторвут их от любимого дела. Лестер Кармоди с удочкой практически равен Лестеру Кармоди, наполненному до краев самыми лучшими каплями. Можно сказать, что он — в ином мире.

— Клюет? — радостно спросил Мыльный.
— Ы… ы… ы… — донеслось с ялика.
— Так держать! — воскликнул благожелательный гость.
И, бодро помахав рукой, поспешил к дому. Все стало просто, и ребенок бы справился, если у этого ребенка есть чем вскрыть шкаф.
— Я птицам скажу, — пел Мыльный, входя в холл, — и пчелам скажу, и цвета-ам…
— Да, сэр? — почтительно спросил Стергис, возникая невесть откуда.
— Деревьям скажу, что я их лю-ю-блю… — продолжил было гость, но вдруг осекся. Всегда смутишься, если застанут за пением, но кроме того, как сказал бы Стергис, он замер. Судите сами, вот — никого не было, и вот, на тебе, дворецкий! Хранитель Радж-холла навряд ли пользовался люками, но иначе его появления не объяснишь.
Однако рядом с буфетом Мыльный заметил дверь, прикрытую зеленой бязью. Видимо, из-за нее Стергис и выскочил.
— Ничего-ничего, — сказал мистер Моллой.
— Я думал, вы звали, сэр.
— Нет, не звал.
— Прекрасная погода, сэр.
— Великолепная.
Мыльный тупо смотрел на дряхлого слугу. Мир снова окутала тьма, и он опять подумал, какая пропасть отделяет замысел от исполнения.
Казалось бы, взломай шкаф, пока хозяин удит этих щук или там угрей, бери сумку — и привет! Смело, красиво, в полном смысле слова — величественно. А дойдешь до мелочей — и заметишь, сколько тут препон.
Начнем с шума. Как тут управишься тихо? На первый же звук из-за зеленой двери явится этот братец Мафусаила.
— А, черт! — сказал Моллой.
— Простите, сэр?
— Нет, ничего. Я думаю.
Действительно, он думал, и кое до чего додумался. Мы знаем, что в тяжкие минуты наш разум сбрасывает куртку, засучивает рукава и обретает невиданную силу. Быть может, если бы проблема встала за столом, в беседе, мистер Моллой бы спасовал. Но сейчас он с рекордной скоростью нашел решение. Если без шума не обойдешься, надо поднять шум.
Хорошо, а какой? Треск дерева. Когда же дерево трещит? Когда столярничают. То есть как? Атак, что-нибудь мастерят. Что? Ну, домик для кроликов. Предположим, у вас есть дочь, которая в порыве чувств решила

их завести. Собственно, она могла их тут видеть. Он сам их видел где-то в парке.

Неплохо, неплохо. Теперь посмотрим, съест ли это Стергис. Мир делится на два разряда людей: когда вы говорите в одиннадцать утра, что собираетесь делать кроличью клетку, одни поверят, другие — нет. Ископаемый служитель принадлежал, скорее, к первому разряду. Судя по всему, он поверит чему угодно.

— Знаете что? — спросил Мыльный.

— Нет, сэр.

— Моя дочь хочет, чтоб я смастерил клетку для кроликов.

— Вот как, сэр?

Мыльному полегчало. Дворецкий не усомнился, скорее уж — обрадовался, словно получил из дому хорошие вести.

— Есть у вас какой-нибудь ящик и топор?

— Конечно, сэр.

— Тогда принесите их.

— Сейчас, сэр.

Дворецкий исчез за зеленой бязью, а Мыльный пока что рассмотрел шкаф. Ничего особенного, с одного разу откроешь. Это хорошо. Да, он мыслитель, но если надо, может стать и деятелем.

Послышался шум. Вернулся Стергис с ящиком и топором, словно Ной, загружающий ковчег.

— Пожалуйста, сэр.

— Спасибо.

— В детстве я тоже держал трусиков. Ой, сколько их было! Трусиков и белых мышей, я их очень любил. И головастиков, те в банке.

Он, улыбаясь, прислонился к стене, и Моллой понял, что последний из викторианцев собирается беседовать. Вероятно, ему показалось, что у Мыльного — салон.

— Не хочу вас задерживать, — заметил тот.

— Что вы, сэр! — успокоил его дворецкий. — Я не занят. Серебро почистил, очень рад теперь побеседовать. Могу кое-чем помочь, я эти клетки делал. А вы, сэр? Да, много я их сделал в свое время.

Тоска и отчаяние охватили Моллоя. Слова вылетали из дворецкого, как летучие мыши из амбара. Говорил он о кроликах своей юности — об их повадках, обычаях, вкусах. Быть может, тому, кто интересуется кроликами, но ленится открыть энциклопедию, это принесло бы пользу, Мыльный же бесился, приближаясь к кровожадным помыслам. Ему припомнилось, что топором не только рубят дерево. Словом, Англия трепетала на опасной

грани. Она могла лишиться старейшего из дворецких.

Стергис тем временем перешел к сравнительно зрелым годам. Даже если бы Моллой был повнимательней, рассказ вряд ли тронул бы его, ибо речь шла о каком-то знакомом, который держал кроликов, и ясности ее Мешало то, что дворецкий именовал их трусиками, а по странной случайности знакомый звался мистер Трусе. По-видимому, Трусе так нежно любил трусиков, что поселил их в спальне. В конце концов его жена утопила их в пруду, и он никогда ее не простил, поскольку трусики были ему дороже, чем миссис Трусе.

Тут Стергис остановился, видимо — ожидая замечаний.

— Да? — сказал Мыльный, тяжело дыша.

— Да, сэр.

— В пруду?

— В пруду, сэр.

Слово это, как «Сезам, откройся», задело какую-то струну в сознании мистера Моллоя.

— Ах, да! — сказал он. — Совсем забыл. Мистер Кармоди на пруду.

— Это ров, сэр.

— Хорошо, во рву. Как бы то ни было, он просил передать, чтобы вы принесли ему что-нибудь выпить.

Стергис-повествователь мгновенно преобразился в Стергиса-хранителя. Маниакальный блеск угас в его глазах.

— Сию минуту, сэр.

— Я бы на вашем месте поторопился. Он просто язык вывалил.

Оставшись один, Мыльный не мешкал. Со всей накопленной силой он опустил топор. Дверца треснула. Шкаф открылся.

Нажав кнопку (внутри была лампочка), мистер Моллой заглянул в него — и отшатнулся. На устах его трепетали те самые слова, которым поневоле научишься в определенных сферах Нью-Йорка, Филадельфии и Чикаго. В шкафу были: старый плащ, две шляпы, ржавая клюшка, шесть крокетных шаров, брошюра о скотоводстве, три зонтика, местный журнал за ноябрь прошлого года, мышь, башмак, запах яблок — но не сумка. Ни сумки, ни сака, ни чемодана Мыльный не обнаружил.

2

Надежде нелегко покинуть наше сердце. После первого удара почти все мы начинаем уговаривать себя, что все не так уж плохо. Вот-вот,

думаем мы, прибудет какая-то разгадка и мы увидим дело в новом свете. Так и Мыльный. Пробормотав те выражения, которые и были уместны, он немного приободрился.

В сущности, подумал он, утром они с хозяином не беседовали. Если тот решил спрятать сумку в другое место, он просто об этом не сказал. Быть может, обзывая Лестера Кармоди жирным, пучеглазым, подлым и мордатым Иудой, Мыльный ошибался. Словом, немного поутихнув, гость вышел из дома и направился к воде.

В саду ему повстречался Стергис с пустым подносом.

— Должно быть, вы не поняли мистера Кармоди, сэр, — сказал он сердечно, как говорит один любитель кроликов с другим их любителем. — Он не просил принести ему напитков, но вышел на берег и отдал им дань. Сейчас он в лодочном сарае.

Там он и был, что-то пил из стакана, развалившись на подушках своего ялика.

— А вот и вы, — заметил мистер Кармоди. Мыльный подошел поближе. То, что он собирался сказать, не кричат издалека.

— Да уж, — осторожно проговорил он, — все утро пытаюсь с вами потолковать, но рядом крутится полицейский.

— А в чем дело? — поинтересовался хозяин. — Я вот поймал двух окуней, хариуса и леща.

И он с удовольствием допил свой напиток.

Мыльный чуть не послал к черту леща, окуней и хариуса, но вовремя сдержался. Как когда, подумал он, а теперь нужна дипломатия.

— Слушайте… — начал он.

— Да?

— Вам не кажется, что этот шкаф — не очень надежное место? Еще кто-нибудь заглянет.

— Почему вы так думаете?

— Просто в голову пришло.

— А я было решил, что вы туда сами заглянули. Мыльный облизал пересохшие губы.

— Вы же его заперли!

— Запер. Но когда вы послали ко мне дворецкого, я, грешным делом, подумал, что вы хотите туда залезть.

В наступившей тишине послышались странные звуки, словно бак протекает, что ли, и Мыльный с ужасом увидел, что хозяин зашелся от хохота. Его солидное тело тряслось как желе. Глаза он закрыл и почему-то качался то вправо, то влево. С губ его срывались те же звуки.

Надежда, поддерживающая Мыльного, была не очень сильна, она и родилась еле живой, а тут испустила дух.

— А-ха-ха-ха! — завершил свои действия мистер Кармоди. — Ха-ха.

— По-вашему, это смешно? — осведомился Мыльный.

— Да, — отвечал хозяин. — Хотел бы я видеть вашу физиономию, когда вы туда заглянули!

Мыльный молчал. Он знал, что дело плохо. За стенами сарая сияло солнце, но не для него.

— Я вас сразу раскусил, мой милый, — со вкусом продолжал Кармоди. — Ну, не совсем сразу, а с тех пор, как я послал запрос в Нью-Йорк и получил ответ, что финансиста Т. Дж. Моллоя там не знают.

Мыльный горестно глядел на цветы и деревья, и они ему не нравились. Природа, видите ли, расстаралась, а какой от нее прок?

— Потом, — не унялся хозяин, — я проходил мимо окна и слышат вашу беседу с друзьями. В следующий раз, очень вам советую, закрывайте окно и говорите потише.

— Э? — сказал Мыльный и ничего лучшего придумать не мог. Он был сражен, а сраженные люди не мастера блестящих реплик.

— Конечно, — сообщил мистер Кармоди, — я огорчился, что не получу миллиона или там двух. Но! — назидательно произнес он. — Существует страховка. Для вас со Швабом или с Пирпонтом — сущие пустяки, а для меня — вполне сносная сумма.

— Да? — проговорил Моллой. — Надеетесь на страховку?

— Вот именно.

— А почему вы думаете, что я не настучу их агенту?

— Простите?

— Возьму и скажу, что это вы и украли. Мистер Кармоди спокойно улыбнулся.

— Ну, что вы! Где ваш здравый смысл? Да вы же сами вляпаетесь, дальше некуда. Словом, рассчитываю на молчание.

— Э?

— Да-да.

И Мыльный, немного подумав, с ним согласился.

— Я тут назначил вознаграждение, — рассказал ему мистер Кармоди, неспешно вытаскивая ялик. — Тысячу долларов тому, кто найдет вещи. Очень советую, попробуйте. Ну, не буду вас задерживать. У вас, несомненно, куча дел.

Ялик выполз на солнце, и стены сарая скрыли от взоров этого жирного гада без совести и чести. Вскоре раздался радостный плеск. Что бы ни

чувствовал гость, хозяин был в ударе.

Вот она, английская знать, думал раздавленный Моллой. Должны бы давать пример, а где он? Нет, Великобритании не остаться великой державой. Хорошо хоть, что американцы сбросили ее иго. С тех пор как маленький Томас спалил себе брови 4 июля, он не думал об этом событии; но сейчас, повстречай он генерала Вашингтона, непременно бы пожал ему руку.

Медленно брел он по солнечному саду. Мысли о том, что Америка порвала отношения со страной, порождающей Лестеров Кармоди, быстро теряли очарование. Нужно было что-то другое; то, что, по слухам, избавляет от слабости, усталости, тревоги, уныния, отчаяния, нервного истощения, или, если хотите, неврастении и депрессии. Всем этим он страдал, особенно нервным истощением, и появление Стергиса ему не помогло. Он не сбежал, но показал всем своим видом, что не намерен беседовать о кроликах.

Однако и Стергис вроде бы подзабыл их, тревожась о другом.

— Простите, сэр, — осведомился он, — вы не видели мистера Джона?

— Кого-кого?

— Мистера Джона, сэр. Мистера Кэррола. Племянника мистера Кармоди.

— А! Он уехал с моей дочерью.

— Надолго, сэр? Это Мыльный знал.

— Да, надолго.

— Понимаете, сэр, когда я относил напитки мистеру Кармоди, он поручил мне взять у шофера квитанцию.

— Какую квитанцию?

Стергис с удовольствием объяснил. Он уж испугался, что беседа кончится слишком скоро, но вот мистера Джона искать не надо, а гость сам задал вопрос., — На сумку, сэр, которую наш шофер отвез в камеру хранения. Утром, сэр, на станцию, в Вустер. Болт, это шофер, сообщил мне, что передал ее мистеру Джону.

— Что! — закричал Мыльный.

— По-видимому, мистер Джон не отдал ее мистеру Кармоди. Но беспокоиться не о чем. Как клетка, сэр?

— Клетка?

— Для трусиков, сэр.

— Что?

Стергис заметил, что его собеседник какой-то странный.

— Вам нехорошо, сэр?

— Э?

— Принести вам чего-нибудь выпить? Мыльный судорожно кивнул.

— Сию минуту, сэр.

Мыльный ощутил, что мозги бушуют у него в голове, словно океан. Вот что надумал старый мошенник! Камера хранения. Если бы обстоятельства допускали хоть какую-то беспристрастность, можно было бы восхититься. Да, лучшего места не придумаешь.

Мысли эти полностью сменились печальнейшим из упражнений — гаданием на тему «О, если бы!» Знай он, что квитанция у Джона…

Однако и эти мысли прервались. Он был человек практичный. Что гадать, надо действовать! Хорошо, а как? Конечно, не очень приятно лишний раз видеть Шимпа, но придется съездить в этот «Курс», все ему рассказать и с его помощью добыть у Джона квитанцию.

Мыльный приободрился. А может, подумал он, если выехать сейчас же, он застанет обоих в объятьях сна? Тогда вообще легче легкого ее вытащить.

Так, выехать сразу. Для этого нужна хозяйская машина. Она стоит у конюшенного двора. Много лет Мыльный не бегал, но тут припустил вовсю, словно ему снова двадцать с небольшим.

Когда, тяжело отдуваясь, он обогнул дом, он увидел, как она исчезла в этом самом дворе.

— Эй! — крикнул он из последних сил.

Машина скрылась, а Мыльный доплелся до ворот как раз вовремя, чтобы увидеть, как Болт запирает гараж и кладет ключ в карман.

Надо сказать, Болт был прекрасен. Он сверкал на солнце, да и кто не засверкает, если он в новой шляпе, воскресном костюме и таких ботинках, которые можно принять за осколки солнца? В петлице алела гвоздика. Поистине, он бы задал тон приему в Бекингемском дворце. На Мыльного он взглянул с интересом.

— Бегали, сэр?

— Ма-ши-на! — прохрипел Мыльный.

— Только что запер. Мистер Кармоди меня отпустил на свадьбу. Племянница, знаете, жены.

— Мне машина нужна!

— Я ее запер, сэр, — медленно и отчетливо повторил Болт. — Мистер Кармоди меня отпустил. Племянница моей жены выходит замуж в Аптон Снодсбери. Ничего денек, — прибавил он, взглянув на небо с той долей восторга, которую могут позволить себе шоферы. — Есть такая примета, хорошая погода — к счастью. Вообще-то, всё врут. Вот мы с женой

венчались, лил истинный ливень, а живем лучше некуда. Да, если рассудить, некуда. Всякое бывало, но, как говорится, в общем и целом…

Мыльный заподозрил, что слуг в английских усадьбах выбирают за говорливость. Дворецкий, если зазеваешься, будет рассказывать о кроликах; шофер, видимо, начал свое жизнеописание. А каждая секунда — на счету.

— Мне нужна машина, — сказал он. — Я должен поехать в лечебницу. Поведу сам.

Шофер мгновенно преобразился. До сих пор он вел себя так, словно встретил старого друга и решил с ним покалякать; но тут он воззрился на Мыльного с истинным ужасом.

— Поведете? — переспросил он. — *Эту* машину?

— Да. А что такого?

Болт судорожно глотнул и вроде бы пришел в себя. С непосвященными, решил он, нужно быть терпеливым. Они не ведают, что творят. Когда они спокойно предполагают повести недостойными руками такую машину, они не хотят никого оскорбить. Просто — не ведают.

— Боюсь, сэр, вы ошибаетесь, — с мягким укором сказал он.

— Вы думаете, я не умею водить машину?

— Умеете, сэр, но не *такую.* Это «Декс-Майо». Мистер Кармоди доверяет ее только мне.

— Но мне нужно к Твисту! По делу.

Шофер немного подумал. Человек он был добрый и любил помочь ближнему.

— Знаете что, сэр, там в гараже мой велик. Берите, если нужно. Заржавел немного, но до «Курса» довезет.

Мыльный заколебался, подозревая, что велосипед вышел из строя в его детстве; но что поделаешь? Если ты в отчаянии, ты обречен на отчаянные поступки.

— Тащите его сюда! — выговорил он.

Болт притащил велосипед. Мыльный снова заколебался.

— Вот это?

— Это, сэр.

Велосипед напоминал тех котов и попугаев, которые близко соприкоснулись с мирским злом. Руль его заворачивался вверх, спиц не хватало, педали были бесстыдно обнажены. Опасная штучка, еще укусит.

— Х-м… — сказал Мыльный. — М-да…

Тут он вспомнил, как важна его миссия, и проговорил, чуть дрожа:

— Ну, ладно.

Он влез на велосипед, смело выехал за ворота и исчез из вида. Болт, стоящий у ворот, только один раз услышал: «Ой!»

Шоферы не смеются, но иногда улыбаются. Болт улыбнулся. Велосипед кусал и его.

3

В двадцать минут первого дворецкий Стергис, мирно прикорнувший в своей комнате, был разбужен телефонным звонком. Он огорчился, так как хотел отдохнуть. Посудите сами — бессонная ночь, полицейский в доме, недоразумение с напитками, нет, даже два (сперва мистер Моллой сказал, что мистер Кармоди хочет пить, и ошибся, а потом сам попросил пить и исчез). Наконец, с этим шкафом. Мистер Моллой стал мастерить клетку, бросил ее и разрубил шкаф. Все это было очень странно, и Стергис, человек привычки, совсем измотался.

Подойдя к телефону, он услышал мелодичный голос.

— Это Радж-холл? Можно попросить мистера Кэррола?

— Мисс Уиверн? — догадался дворецкий.

— Да. Это вы, Стергис? Что с мистером Кэрролом? Я его жду полчаса. В чем дело?

— Я его с завтрака не видел. Насколько я понимаю, он уехал куда-то с мисс Моллой.

— Что!

— Да, мисс. Довольно давно.

— С мисс Моллой? — переспросил голос как-то глухо.

— Да, мисс. Голос помолчал.

— Он не сказал, когда вернется?

— Нет, мисс. Но насколько я понял, собирается вернуться поздно.

Голос опять отключился.

— Да?

— Да, мисс. Передать ему что-нибудь?

— Нет, спасибо… Нет… Неважно.

— Очень хорошо, мисс.

Стергис вернулся к себе. Пэт, повесив трубку, вышла в сад, плотно сжав губы.

Путь ей переползла улитка. Она на нее не наступила по доброте душевной, но посмотреть — посмотрела. Если бы этот взгляд достиг Джона, как и предполагалось, он бы прожег его насквозь.

Подойдя к калитке, Пэт оперлась на нее и стала глядеть вдаль.

Глава XI ДЖОН В НЕВОЛЕ

1

Беседуя с доктором Твистом, Долли предположила, что, очнувшись, Джон ощутит головную боль. События показали, что она наделена даром пророчества.

Как все, кто ценит физическое здоровье, Джон был воздержанным человеком, но иногда, очень редко, позволял себе расслабиться, — скажем, в день совершеннолетия, в день лодочных гонок, особенно в день университетского матча, когда он впервые сыграл в оксфордской команде и способствовал одной из ее блистательнейших побед. Всякий раз он изменял своей воздержанности, и всякий раз просыпался наутро в тоске и горе, да еще с головной болью. Однако что эта боль по сравнению с нынешней!

Он смутно осознавал, что с ним случилось что-то странное. Почему-то он очутился в незнакомой комнате, причем — в постели, но не мог толком разобраться в событиях, и тихо лежал, всеми силами стараясь, чтобы голова у него не треснула.

Когда, наконец, он поднялся со всевозможной осторожностью, он первым делом заметил, что солнце опустилось и светит прямо в зарешеченное окно. Воздух, проникавший в то же окно, был по вечернему прохладен.

Поэты сказали немало об этом времени суток, но Джон не умилялся и не восхищался, он просто был удивлен. Из Раджа он выехал вскоре после одиннадцати, а тут — скоро вечер!

Чувствуя себя как Рип ван Винкл,[96] он подошел к окну. Прохладный воздух так освежил его несчастную голову, что он смог размышлять и делать выводы. Последним, что он помнил, был стакан, который протягивал ему доктор. По-видимому, в стакане таилась причина его бед. Он, знаток детективов, дал опоить себя сонным зельем.

Горькая мысль, но он не стал на ней задерживаться, понимая, что если не утолить нестерпимой жажды, он просто сгорит изнутри. На умывальнике стоял кувшин; подойдя к нему, он обнаружил там воду. Подумав немного о том, сколько он выпьет одним махом, Джон приступил к делу. Только после этого он вернулся к размышлениям.

Потрогав ручку, он понял, что заперт. Решетки на окнах он увидел сразу. Отсюда следовало, что он просидит тут, пока его кто-нибудь не выпустит.

Сперва он расстроился. Нет, до чего же глупо! Неужели Твист полагает, что в мирном Вустершире можно запереть человека навсегда?

Потом он догадался, что глупости здесь немного. Этому гаду нужно выиграть время, пока он скроется с добычей. Чем дольше Джон тут просидит, тем Твисту выгодней.

Джон снова подошел к двери и почти сразу убедился, что от нее ничего ждать нельзя. Прочный дуб ничем не выбьешь.

Исследовал он и окно. Решетки тоже были прочные. Значит, остается кричать. И он закричал.

Шаг этот был неразумен. Голова чуть не отвалилась. Прижав виски, он удержал ее и медленно побрел К постели. Там он полежал, пока невидимая рука наотмашь била по черепу.

Наконец мучения кончились. Он опять встал и дошел до кувшина, в котором видел теперь своего лучшего друга.

Он как раз заканчивал новый, еще больший глоток, когда заметил углом глаза, что в окне появилась чья-то голова.

— Эй! — сказала она голосом, напоминающем те звуки, которые производит платформа, груженная стальными болванками, когда проезжает по булыжнику— Я вам чайку принес.

2

Голова оказалась рыжей, с большими усами, искусно загнутыми вверх. Плечи были квадратные, глаза — как у крупной креветки. Словом, всякий мог узнать в пришельце образцового сержанта. Если он не спустился с неба, что у сержантов не принято, то стоял на стремянке.

Да, славный Фланнери, рискуя жизнью, долез до окна, чтобы посмотреть, как там узник, и принести ему чашечку чаю.

— Эй, вы, берите! — сказал он.

Он опоздал. Джон уже выпил чуть ли не кувшин воды и, как ни жаль, места не осталось. Но, поскольку больше всего он нуждался в общении, он охотно подошел к окну

— Кто вы такой?

— Фланнери фамилия.

— Как я сюда попал?

— Это туда?
— Вот именно.
— Я вас притащил.
— Вот как, вы? А ну, отоприте дверь! Сержант покачал головой.
— Не орите, молодой человек, и не дурите. Выпейте лучше чайку. Пили б его раньше, не дошли бы до такой… ы… кондиции.
— Вы дверь откроете?
— Нет, не открою. Никто вас не выпустит, пока мы вас не обследуем. Мало ли что!
— Слушайте, — сказал Джон, подавляя желание ткнуть в человека чайной ложкой, — не знаю, кто вы такой…
— Фланнери фамилия. Старший сержант.
— … но не верю, что вы в это замешаны.
— А то как же! Я ас-сис-тент доктора Твиста.
— Да он же преступник.
Сержант скорей огорчился, чем рассердился.
— Ну-ну, что вы это! Вы бы… ы… повежливей. Грубость, она только вредит.
— Он обокрал наш дом! А вы меня тут держите!
— Да? Какой же это дом?
— Радж-холл.
— В жизни не слышал.
— Под Раджем. Отсюда — двадцать миль. Усадьба мистера Кармоди.
— Это который у нас лечился?
— Да. Я его племянник.
— Вон как, племянник?
— Да.
— Прям и племянник!
— Что вы имеете в виду?
— А то, — с удовольствием сказал сержант, снимая одну руку с решетки, чтобы подкрутить усы, — что я его племянника знаю. Высокий такой, тощий, очень симпатичный. Приезжал дядю навестить.
Как ни дорого это обошлось, Джон заскрежетал зубами.
— Это другой!
— Вон как, другой?
— Мой двоюродный брат.
— Вон как, брат?
— Его зовут Хьюго.
— Хьюго?

— Вы что, попугай? — закричал Джон.

— Нет, сэр, — отвечал сержант с достоинством, — я не попугай. Я ас-сис-тент доктора Твиста в лечебнице «Курс на здоровье!». Смотрю за пациентами, не даю курить, слежу, чтобы гимнастику делали. А главное, я уже барышне сказал, знаю все эти хитрости. Она мне так и говорила: «Старший сержант, этот несчастный кошкин сын будет вам заливать, что он наследник а-ри-сто-кра-тической семьи. Вы уж мне поверьте, старший сержант». А я ей и скажи: «Мисс, меня он не проведет. Эгберта Фланнери? Да ни в жизнь. Я их, слава Богу, навидался». Ну, она на это: «Старший сержант, мало на свете таких людей, а то бы он был куда лучше», — он помолчал и, почувствовав, что чего-то недостает, прибавил: — «…старший сержант».

Джон схватился за голову.

— Барышня? Какая барышня?

— Сами знаете. Которая вас привезла, вот какая.

— Привезла?

— Это уж точно. И мне оставила.

— Оставила вам?

— Ну-ну, сэр! Вы что, попугай?

Джон был слишком занят, чтобы оценить лучшую остроту, на какую только способен старший сержант регулярных войск. Если его заперли в этой жуткой комнате по наущению Долли Моллой, тогда, как ни странно, Долли Моллой связана с темными делишками Твиста. Сомнений нет.

— То есть… — начал он.

— То есть ваша сестрица. Она вас в машине привезла.

— Что? Это моя машина!

— Ну-ну, не будем! Я сам видел, как она ее вела. Помахала мне, — он подкрутил усы и голос его стал помягче. — Да, сэр! Повернулась, и так это помахала.

Джон не ответил. Он не мог говорить. Для страхового общества двухместная машина — пустяк, то ли дело сокровища Радж-холла, но для него, для Джона, это был тяжелый удар. Он ее любил. Он лелеял ее, мыл, смазывал, словно малютку-дочь. И ее угнали.

— Выпустите меня! — закричал он. — Немедленно! — Нет, сэр. Я обещал вашей сестрице…

— Какая сестрица! Да поймите вы…

— Я вас очень даже понимаю, — он секунду помолчал. — Барышня, — мечтательно продолжал он, — говорила, что вы попробуете, это… меня подкупить…

Джон не отвечал. Его машину! Угнали!

— И кого, меня! — возбудился Фланнери. — Подкупить, значит, чтоб я вас выпустил.

— Не беспокойтесь, — процедил Джон, — у меня нет денег.

Они помолчали. Потом сержант сказал: «Хо!», и они помолчали снова.

Наконец, сержант назидательно заметил:

— Я чему удивляюсь? Что молодой человек с такой сестрицей пал, это самое, ниже зверей полевых. Одно дело — пить во плепорцию, другое — вот так надраться. Видели бы вы, какая печень у пьяниц, мигом бы задумались, а не тратили зря деньги. Следили бы за собой, держались, это самое, в руках — в золоте бы купались. Трать — не хочу! — он вздохнул. — А чаек-то холодный.

— На что он мне?

— Тогда — ухожу. Если чего надо, звоните. Никто не отзовется, хо-хо!

Он осторожно слез со стремянки, укоризненно покачал головой и исчез из вида.

Джон об этом не жалел. Теперь он не нуждался в общении. Лучше посидеть одному, подумать, хотя мысли, прямо скажем, не радуют. Злодейства Моллоя с дочерью поражали его. Вот бы увидеть этого Томаса Дж…

Он его и увидел. Сквозь решетку можно было обозреть немалый кусок дороги. По этой дороге, вверх, с большими мучениями ехал мистер Моллой.

Вытянув шею, Джон смотрел пылающим взором на то, как велосипед, освободившись от страдальца, тут же укусил его педалью за ногу. Издали не был слышен крик, но было видно лицо — малиновое, припорошенное пылью, искаженное от боли.

Джон вернулся к кувшину и попил воды. Зрелище хоть ненамного, но утешило.

Глава XII НЕПРИЯТНАЯ ВСТРЕЧА ДВУХ СТАРЫХ ДРУЗЕЙ

1

Оставив Джона, старший сержант Фланнери отправился в комнату, которую именовал канцелярией, чтобы отдать рапорт. Пришел он туда через несколько минут после того, как начальник очнулся. Д-р Твист открыл глаза и встал на подкашивающиеся ноги, когда его ассистент напомнил узнику, что чай остыл.

Прежде всего, как и Джон, Шимп ощутил головную боль. Потом он попробовал выяснить, где он. Разум понемногу прояснялся. Он понял, что находится в Англии, а там, постепенно, дошел до лечебницы и до кабинета. Тут все встало на свои места. Держась одной рукой за стол и не выпуская из другой лилию, он думал о свойствах миссис Моллой.

В эту минуту и вошел сержант, предварительно постучавшись.

Шимп сильнее вцепился в стол. Чувствовал он себя так, словно видит спичку, приближавшуюся к пороху. Сержант открыл рот, и его начальник догадался, как воздействует зычный голос на людей, у которых болит голова.

— Хр-мн-хр-хр… — начал Фланнери, и Шимп с пронзительным криком хлопнулся в кресло, глядя на ассистента безумным взором.

Тот заметил эти симптомы.

— Ы! — сказал он. — Чего-то вы, как говорится, не в форме.

Шимп уронил лилию. Если прижать ладони к глазам, все-таки полегче.

— Я вам скажу, в чем дело, сэр, — продолжил сержант. — Простуда внутрь перешла. Из головы, значит, в кишки. Приняли б вы одуванчик с хмелем…

— Пошел вон! — простонал Шимп, прибавив для верности, куда именно следует отправится ассистенту. Тот посмотрел на него с незлобивым укором.

— Это вы зря, я скажу. Зачем я пришел? А затем, чтобы Доложить про нервотика. Надо б его подержать подольше. Нет, нападать — не нападал, да и как тут нападешь? Решетки. Я так полагаю, заходить к нему не стоит. Лучше через окно.

— Дело ваше, — слабо проговорил Шимп.

— Нет, сэр, не мое, — возразил добродетельный Фланнери. — Ради вас стараюсь. Исполняю, как говорится, приказ. И вот еще, сэр. Барышня уехала в машине…

— Барышня, трам-та-ра-рам! — вскинулся доктор.

— А теперь звонят, та у станции.

— Э?

— Я что хочу сказать? — пояснил Фланнери, и так зычно, что на люстре задребезжали подвески. — Я думаю, видит она поезд, и прикидывает: ехать мне долго, вести машину трудно, дай-ка пересяду. Значит, отправилась в Лондон.

Шимп тоже так думал. Он просто видел, как мерзкая чета прячет драгоценный груз в таком месте столицы, которого ему вовек не найти. Картина была настолько живой, что он застонал.

— Что беспокоит, сэр? — спросил заботливый Фланнери.

— Э?

— Где болит? Чего-то вы стонете. Я б на вашем месте лег в постель и положил грелочку на брюхо. Прям вот сюда. Всю заразу выгонит. Одна моя тетка…

— Тетка, трам-та-ра-рам!

— Хорошо, сэр. Как вам угодно. Ну, я пошел, машину приведу.

Он удалился, и Шимп, отняв от глаз ладони, предался размышлениям. После сонных капель видишь мир в темном цвете, но и без них мысли врача были бы невеселыми. Как и Джон, он мечтал о встрече с Мыльным.

Именно тут открылась дверь, и горничная доложила:

— Мистер Моллой, сэр.

— Пусть войдет! — хрипло закричал медик. Послышалось какое-то шарканье и в комнату вошел Мыльный.

2

Когда мистер Моллой переступил порог кабинета, он был разительно похож на бегуна, прорывающего ленточку. Лицо его раскраснелось от жары и посерело от пыли; волосы растрепались и слиплись; ноги обрели такую самостоятельность, словно не зависели не только от тела, но и друг от друга. Словом, объективный наблюдатель испытал бы острую жалость, увидев обломки красивого, представительного человека.

Шимп этой жалости не испытал. Судя по виду, Моллоя провернули

через сложный агрегат, а потом додавили грузовиками. Это Шимпу понравилось. Он бы с удовольствием вознаградил и механиков, и шоферов.

— А, вот и ты! — заметил он.

Моллой осторожно подковылял к креслу, судорожно схватился за ручку и с трудом сел. Коснувшись сиденья, он жалобно вскрикнул. Потом откинулся на спинку и мгновенно уснул.

Шимп смотрел на него с испепеляющей ненавистью. Мало того, думал он, что у этого гада хватило наглости приехать в «Курс», он еще принял кабинет за спальню! Ухватив бывшего друга за относительно густые волосы, медик дернул их несколько раз.

Это помогло. Мыльный выпрямился в кресле.

— А? — произнес он, моргая. — Что?

— В каком смысле?

— Где я?

— Сейчас скажу.

— О! — воскликнул Моллой, придя в сознание и снова откинулся на мягкую спинку. Разговоры разговорами, но для того, кто проехал двадцать миль на истинном рыдване, удобства важнее.

— Худо мне… — выговорил он.

Казалось бы, естественно, но бывший партнер вскипел еще больше и несколько секунд не мог найти адекватных выражений, если не учитывать бульканья.

— Да, — продолжил Моллой, — худо. Ну и велик! Особенно икры болят. И вон там, в подъеме. Хотел бы я, Шимпи, получить по доллару за каждый синяк.

— А мне что, не худо? — осведомился Твист.

— Хоть пятьдесят центов, — продолжал Моллой, — за каждый синяк, от ступней и выше.

— Если б у тебя так трещала башка…

— Трещит, — успокоил его Мыльный. — Солнце напекло. Прямо чуть все не бросил! Если б я знал, что…

— А мне-то, мне каково! — заорал Твист, трясясь от жалости к себе. — Что твоя жена натворила, а? Деловому партнеру! Накапать сонных капель… Да что же это такое?!

Моллой обдумал этот вопрос.

— Она у меня порывистая.

— И еще лилию в руку сунула!

— Такая, знаешь, забавница. Молодость, молодость…

— Я тебе покажу молодость! Да как…

Мистер Моллой решил, что пришла пора назиданий.

— Сам виноват, Шимпи. Все корысть, все жадность. Не запросил бы шестьдесят пять процентов, ничего бы не было. Может порывистая натура это стерпеть? Не может. Ты лучше послушай, зачем я приехал. Согласен поделить по совести — треть на человека — скажу хорошую вещь, плясать будешь.

— Плясать я буду только в том случае, если ты свернешь шею.

Моллой был неприятно поражен.

— Ну что это ты, Шимпи! Как можно!

Мистер Твист поинтересовался, не ждет ли мистер Моллой, что при сложившихся обстоятельствах он, то есть Твист, его поцелует. Мистер Моллой этого не ждал; не ждал он и грубости. Грубость, надо сказать, к добру не приводит, равно как и жестокость.

— Если бы у тебя, Шимпи, так болела голова, — с упреком прибавил он, — ты бы знал, как горько, когда старый друг обижает.

Твисту пришлось немного побороться с непроизвольным бульканьем.

— Голова? — переспросил он. — С чего бы это? Вот у меня и впрямь болит.

— Ну, что ты, Шимпи!

— Хочешь убедится, выпей этих капель. Мистер Моллой разумно уклонился от спора.

— Так вот, я тебе скажу, зачем приехал. Этот субъект нас обштопал.

— Какой субъект?

— Лестер Кармоди. Подозревал с самого начала.

— Что!

— Да уж то. Сам слышал. Знаешь, что он натворил? Забрал сумку из шкафа и послал шофера отвезти ее в камеру хранения.

— Что!

— То.

— М-да… — впечатлился мистер Твист. — Однако… Значит, она не у тебя?

— Нет, не у меня.

Мистер Твист не надеялся испытать радость ни в тот день, ни позже; но что-то похожее испытал. Тем самым, он засмеялся, а там — взвыл от боли.

— Вот и доигрались, — наставительно сказал он, когда перестал сжимать голову обеими руками. — Положеньице-то не лучше моего.

— Нам обоим плохо, Шимпи. Надо действовать вместе и как можно быстрее.

— Как это, действовать?

— Сейчас скажу. Этот шофер привез квитанцию…

— …и дал старикану, да?

— А вот и нет! Племянничку. Молодому Кэрролу. Потрясенный Шимп воззрился на Моллоя.

— Кэррол? Это который там, наверху?

— Он наверху?

— А то! Заперт, и окна с решетками. Ты уверен про квитанцию?

— Еще как! Идем и берем.

— И все?

— Все.

— А как, — спросил Шимп, — мы ее возьмем?

Мистер Моллой ответил не сразу. Он сам размышлял об этом, крутя педали, и в конце концов понадеялся на острый разум Шимпа.

— Я думал, — признался он, наконец, — тебе что-нибудь придет в голову.

— Да? Мне?

— Ты такой умный, — сказал Моллой. — В чем в чем, а в этом тебе никто не отказывает. Что-нибудь ты измыслишь.

— Да? А ты пока что отдохнешь? И за все, про все…

— Ну, Шимпи!

— … какую-то жалкую треть? Вот что я скажу… Мистер Моллой чуть не заплакал.

— Ох, не будем заводиться! Договорились, и ладно. Такое, знаешь, джентльменское соглашение.

— Да? Спустись с неба, птиц распугаешь. Семьдесят процентов мне, а то работать не буду.

— Семьдесят!

— Пожалуйста, дам совет. Иди туда сам, побеседуй. Если он чувствует то, что я после этих капель, он тебе очень обрадуется. Ну, оторвет голову, ну, выбросит из окна — чего там, все одно умирать.

Мистер Моллой, и раньше не слишком сообразительный, после своей поездки совсем лишился сметливости. Вот если бы тут была жена, она бы мигом подкинула идей, и самых отборных.

— Нельзя ж его вечно там держать, — печально вымолвил он.

— И не нужно, если ты согласен на тридцать процентов.

— У тебя что, есть план?

— Как не быть!

Моллой пригорюнился. Он знал: когда Шимп поделится планом, он

сразу увидит, что тот буквально лежал под рукой, бери — не хочу.

— Ну, как? — поторопил медик. — Тридцать — лучше, чем ноль. И не говори, что сам так думал!

Мистер Моллой сделал последние усилия. Он был мастером своего дела — продавал фантомные акции несуществующих нефтяных компаний — но *своего*, не чужих.

— Хорошо, Шимпи, — сказал он, покорно вздохнув.

— Значит, мне — семьдесят, вам — тридцать?

— Да. Только уж не знаю, как сообщить *ей*… Она рассердится, Шимпи. Что там, она расстроится.

— Пускай хоть треснет, — невежливо ответил Твист. — Лилию, видите ли! Ну ладно. Значит, Фланнери отнесет ему с утра кофе, а в кофе мы кое-чего добавим. Потом идем туда, берем квитанцию, и привет!

Мистер Моллой застонал. Предчувствия его оправдались.

— Да я сам мог это придумать… — сокрушался он.

— Мог бы, если бы у тебя были мозги, а не мякоть от тыквы. Бутафорские головы хороши, но только с виду. Обменял бы, а? — посоветовал Твист.

Глава XIII МИСТЕР МОЛЛОЙ БЕСЕДУЕТ ПО ТЕЛЕФОНУ

1

Над «Курсом» взошла заря, обещающая много интересного, но поначалу было довольно пасмурно. К семи часам утра солнце кое-как пробилось сквозь туманы, а к восьми один из его лучей коснулся сержанта Фланнери. Тот хрюкнул, открыл глаза и, — обнаружив, что начался новый день со всеми его трудами и заботами, встал, чтобы проделать простую солдатскую гимнастику, а там — приняться за несложный туалет. После всего этого он направился в кухню, откуда шел густой запах бекона и кофе.

Сотрапезницы, горничная Рози и кухарка миссис Ивенс, приветствовали его с той теплотой и той почтительностью, которые приличествуют человеку таких дарований. Как бы плохо ни относились к сержанту некоторые пациенты, скажем — сэр Джеймс Ригби-Радд, неоднократно делившийся желанием содрать с него шкуру, на симпатию служанок он мог положиться. Рози пленили его усы, миссис Ивенс — беседы.

Сегодня, однако, усы были, и во всей своей славе, а беседа не клеилась. Как правило, сержант начинал ее острым замечанием о погоде или захватывающим пересказом сна, но этим утром молчал или, точней, молчал в той мере, в какой мог молчать за едой.

— И о чем вы задумались, мистер Фланнери? — обиженно спросила кухарка.

Старший сержант вздрогнул, заметив, что выказал небрежение к дамам.

— Можно сказать, мэм, — отвечал он, подцепляя вилкой кусок бекона, — что я задумался о тяготах жизни.

— Да, — согласилась миссис Ивенс— Жизнь — это вам не кот начхал.

— Ах! — прибавила Рози, которую лишь из милости допускали на пиршество духа.

— Вот этот нервотик, — развил свою мысль сержант, глотая кусок и тыкая вилкой в следующий. — Простите за выражение, сердце кровью обливается. Чего у него не было? Учили, лечили, лелеяли. А пошел по дурному пути и, пожалуйста, сидит под замком.

— А выйти он не может? — спросила Рози, ибо они с кухаркой взволнованно шептались об этом весь прошлый вечер.

Фланнери удивился.

— Выйти? Ну, нет! А и вышел бы, ничего, раз уж я в доме.

— Мы так рады, что вы здесь, мистер Фланнери! — заверила кухарка.

— Вот и его сестрица сказала точно эти слова: «Старший сержант, — говорит, — я так рада, что здесь такой человек! Я уверена, что на вас можно, — говорит, — положиться», — он вздохнул. — Я и задумался. Какая барышня, а ее… это… ы… снедает тревога из-за какого-то, простите, психа.

— Не больно-то она красивая, — заметила Рози. Повисло тяжелое молчание, какое воцаряется, когда (если это бывает) младший лакей возразит дворецкому. У сержанта буквально вылезли глаза, и он сурово отхлебнул кофе.

— Не говорите чепухи, моя милая, — произнес он.

— А что, и сказать нельзя? А что, и пикнуть нельзя?

— Можно, — отвечал он, — да, можно, только, — прибавил он со спокойной строгостью, — не всякую чушь. Барышня *очень* красивая. Я таких и не видел. Глаза, — он поискал сравнение, — как звезды.

Он помолчал и закончил так:

— Пожалуйста, миссис Ивенс, когда все для него приготовите, велите отнести мне в сад. Покурю под деревом.

— Неужели уходите? Вы ж недоели!

— Сколько мог, столько съел, — отвечал сержант. — Мне не до еды.

И он удалился, хотя Рози умоляюще глядела ему вслед. Эффект, произведенный усами, он давно заметил, но полагал, что женщин надо держать в узде. Конечно, Рози — очень даже ничего, однако не ей судить о богинях.

В кухне застольная беседа сменилась монологом. Миссис Ивенс поделилась взглядами на современных девушек. Поскольку взгляды эти не отличались своеобразием, перескажем их кратко. Миссис Ивенс не понимала, куда эти девушки катятся. У них нет ни совести, ни уважения к старшим, а вот наглость есть — лезут, когда не спрашивают. Доводят мужчин до того, что те есть не могут. Если бы миссис Ивенс в юные годы так себя вела, ее матушка… Нет, нельзя и представить, что бы та сделала.

Ответила Рози теми словами, которые помешали сержанту доесть свой бекон:

— Не больно-то она красивая.

Мы не знаем, сдалась бы кухарка или снова принялась за нотации,

поскольку зазвонил звонок.

— Это *он,* — сказала миссис Ивенс— Сходи, погляди, чего он хочет. Если насчет завтрака, я через минутку.

Хозяина она всегда называла *он*, выделяя это местоимение, тогда как ее соратница предпочитала прозвище Обезьян.

Вернувшись, она сообщила, что требуется завтрак, но не хозяину, а узнику, и прибавила:

— Велел сперва занести ему.

— Кто, *он?*

— Уж известно, Обезьян.

— Какой он тебе обезьян!

— Похож очень. Что, нет?

Кухарка вместо ответа стала рассуждать о том, что сделала бы ее мать. Однако Рози это не заинтересовало.

— Значит, надо туда отнести бекон, яички, тосты и кофей. Только сперва Обезьян посмотрит. А насчет барышни, это как кому. Волосы выкрасить, глаза подвести, как эти, вампы…

— Хватит, — сказала кухарка. — Помолчи-ка.

И впрямь, воцарилось молчание, лишь бекон потрескивал на сковородке да фыркала девица, иначе понимающая красоту, чем те, кто мудрее и старше.

— Ну, вот, — сказала наконец миссис Ивенс— Бери поднос, ставь перец, соль, горчицу. Смотри, не урони!

— Когда я чего роняла?

— Ну и не роняй.

— У этой, в «Сердцах и шелках», такие самые глаза, — заметила Рози с тем холодным презрением, какое испытывает добродетель к пороку— А чего она творила! Чертежи украла, это первое…

— Ты кофе не пролей!

— Когда я чего проливала?

— Ну и не проливай.

Сержант сидел в зеленых кущах, скрывающих его от тех, кто вечно велит трудиться, и курил самую лучшую из трубок, а именно — ту, которую курят после завтрака. На Рози он слегка сердился. Долли зачаровала его, и сомнение в ее красоте представлялось ему кощунством. Но он понимал, что горничной владеет ревность. К тому же, трубка умягчает нрав, и постепенно, понемногу раздражение его сменилось чем-то вроде покровительственной нежности.

Именно в эти мгновения он услышал шаги, шорох веток — и

насторожился. Вообще-то ему не дозволялось курить на службе, чтобы не вводить в соблазн пациентов. Он выбил трубку и осторожно выглянул из-за листьев. Спиной к нему стояла Рози с подносом. Оглядевшись, она позвала:

— Мистер Фла-нне-ри-и-и!

Сержант исключительно редко позволял себе беспечные выходки, но воздействие трубки и самый ход мыслей привели его к озорству, если не к добродушной удали. Солнце сияло, птички пели, он сбросил бремя тягот и лет. Положив трубку в карман, он прокрался к тропинке и нежно прошептал:

— У-лю-лю!

Великие люди не совершенны. Что поделать, у всех свой потолок. Тем самым, мы сообщаем не в укор, а ради исторической точности, что старший сержант шептать не умел. Одно дело — замысел, другое — плоды. Звук получился примерно такой, какой издает в тумане атлантический лайнер, и на Рози он произвел то самое впечатление, которое, если помните, произвел шум у аптеки на полковника Уиверна. Ничтожные причины приводят к серьезным последствиям. Рози подскочила на три фута и уронила поднос. После чего, тяжело дыша, схватилась за сердце.

Сержант сразу понял свою ошибку. Если он хотел сообщить Рози, что все прощено и забыто, он должен был тихо-мирно выйти и прямо ей это сказать. Теперь он наделал дел. На траве валялись кофейник, молочник, сахарница, перечница, масленка, солонка, баночка с горчицей, тосты, яйца и бекон. Они валялись, а он озабоченно на них смотрел.

Рози, как ни странно, не рассердилась, но обрадовалась.

— Я думала, это ваш нервотик, — выговорила она. — Ка-ак заорет! А, значит, это вы.

— Не бойся, дурочка, — сказал сержант. — Со мной — чего бояться?

— Ой, мистер Фланнери!

— Ну-ну… — ответил он, обнимая ее могучей дланью. Кроме того, он ее поцеловал. Вообще-то он не собирался так себя связывать, но что теперь поделаешь!

Рози успокоилась и сказала:

— Поднос упал…

— Да, — согласился приметливый сержант.

— Пойду скажу Обезьяну.

— Мистеру Твисту?

— Так ведь надо же, а?

Мистер Фланнери поразмыслил. Если сказать, придется и объяснить, а тут он, сержант, предстанет в таком виде, что хозяин может и уволить.

— Слушай-ка, — начал он, — мистер Твист человек занятой, ему не до подносов. Ты лучше сбегай на кухню и скажи миссис Ивенс, чтобы еще сготовила. Чашка с блюдцем целы, и тарелки, и все эти перечницы. Я их соберу, а ты никому не говори. Что от яиц осталось, я закопаю. Ты, главное, помни, хозяин — человек нервный, его беспокоить грех.

Отнеся наверх завтрак и слезая вниз по стремянке, Фланнери встретил хозяина.

— А, Фланнери! — сказал тот.

— Да, сэр?

— Как там… э… буйнопомешанный? Позавтракал?

— Сидит, ест, сэр. Шимп немного помолчал.

— А кофе выпил? — между делом осведомился он.

— Да, сэр, — почтительно ответил Фланнер.

— Так-так… Спасибо.

— Не за что, сэр, — сказал сержант.

2

Сообщив, что Джон сидит и ест, сержант Фланнери, не такой уж мастер слова, выразился очень точно. Джон именно ел, и с большим аппетитом. Мысль о том, что его кормят сквозь решетку, как в зоологическом саду, ему не мешала. Головная боль прошла, сменившись голодом, которому позавидовали бы волки. Управившись мгновенно с одним яйцом, он уничтожил и второе, и бекон, и тосты, и масло, и кофе, и молоко. Лишь убедившись, что ни крошки не осталось, он счел завтрак оконченным.

Ему стало немного лучше. Утолив голод и жажду, вытесняющие всяческую мысль, он смог обратиться к другим предметам. Найдя под салфеткой кусок сахара, он взял его и лег. Думать лучше лежа. Итак, он лежал, сосал свой сахар и напряженно размышлял.

Тем у него хватало. Ну, хорошо, преступный Твист запер его, чтобы спокойно сбежать. Это безнравственно, однако — понятно. Но не сбежал! По словам сержанта, он здесь, как и его сообщник Моллой. Почему? Что они собираются делать? Сколько они могут держать взаперти порядочного человека? Тут уж ничего не поймешь.

Потом он стал думать о Пэт и забеспокоился. Он обещал заехать за

ней в час, и вчера, а не сегодня. Наверное, она решила, что он забыл. Наверное, она…

Он мучил бы себя такими вопросами, если бы не услышал странного звяканья. Напоминало оно звук ключа, открывающего дверь, а именно этот звук мог отвлечь его от размышлений.

Он поднял голову и взглянул. Да, дверь отворялась. Мало того, она отворялась так медленно, осторожно, подло, как отворял бы ее этот мерзкий Твист. Его мыслительные процессы были не совсем понятны. Когда его спас бы лишь побег, он не сбежал; а теперь, опоив, оглушив и заперев человека, он является к нему в гости.

Но, что бы он не замыслил, главное — не это. Главное — воспользоваться его замыслами, как бы глупы они ни были. Пришла пора хитрить. Джон снова лег, закрыл глаза и мерно задышал.

Это сработало. Вскоре дверь открылась. Потом закрылась. Потом донесся шепот, который ему что-то напомнил. А, вот! Давно, в детстве… под Рождество… папа и мама проверяют, спит ли он, чтобы подойти к постели и положить в чулок подарки.

Воспоминание его ободрило. Он ни разу не спал, всегда притворялся, а родители верили. Если мастерство не исчезло, он обманет и злодеев. Джон задышал громче, с небольшим присвистом.

— Все в порядке, — сказал голос Твиста.

— А-га, — сказал голос Моллоя.

И оба, уже не таясь, подошли к постели.

— Я думаю, выпил весь кофейник, — сказал Твист. Джон снова удивился. Он не знал, что кофе обладает снотворным действием.

— Вот что, Мыльный, — сказал Твист— Пойди-ка, постереги у двери.

— Зачем? — суховато спросил Моллой.

— Посмотреть, не идет ли кто.

— Да? А ты мне скажешь, что квитанции нет?

— Ну, если ты мне не доверяешь!..

— Шимпи, — сказал мистер Моллой, — я бы тебе не поверил, даже если бы ты сказал правду.

— Ах, вот как? — обиделся Твист.

— Да, именно так. Они помолчали.

— Ну, что ж… — произнес наконец медик.

Джон удивлялся все больше. Какая квитанция? Да, Болт дал ему талончик на сумку, что ли, в камере хранения. Но зачем им?..

Он почувствовал, что к внутреннему карману кто-то крадется. Когда пальцы коснулись его, он понял, что время действовать. Напружив спину,

он вскочил, одним прыжком достиг двери и привалился к ней плечом.

3

Пока он стоял там, опираясь на дубовую филенку и глядя на злодеев, ему подумалось, что если бы сцену пришлось украсить беседой, говорил бы только он. Посетители надолго лишились дара речи. Шимп напоминал обезьяну, раскусившую гнилой орех, Мыльный — американского сенатора, получившего телеграмму: «Все открылось. Бегите немедленно». Словом, поведение Джона поразило их так, как поразило бы хирургов, если бы их пациент, лежавший на столе, порывисто встал и начал танцевать чарльстон.

Тем самым, говорить пришлось Джону.

— М-да! — сказал он. — Ну, как?

Вопрос был риторический и ответа не требовал. Мистер Моллой издал странный, сдавленный звук, словно где-то вдалеке кот подавился рыбной костью, а у Шимпа обвисли усики. Оба они заметили, как мускулист их пленник. Кроме того, они подумали о том, что высоких, крупных мужчин зря считают незлобивыми. Джон напоминал тренированного убийцу.

— Сверну-ка я вам шеи, — заметил он.

При этих неприятных словах мистер Моллой ожил и попятился, оставив своего партнера в более опасной зоне. Собственно, так велела и деловая этика. Претендуешь на семьдесят процентов, получай больше опасности. Словом, он спрятался за Шимпа, сожалея, что тот так субтилен, и осторожно выглядывал из-за спины.

Поделившись своей мечтой, Джон понял, что на практике она проигрывает. Гораздо важнее узнать, куда они дели добычу.

— Где все это? — спросил он.

— Это? — повторил медик.

— Картины и так далее.

Шимп, обнаруживший, что стоит между Моллоем и Джоном, быстро сделал шаг назад. Моллой тоже отступил. Джон с неудовольствием глядел на эти передислокации.

— Стойте на месте! — сказал он.

Шимп повиновался. Моллой, успевший снова встать за ним, повиновался несколько охотней.

— Ну? — повторил Джон. — Где это?

Даже после самого полного поражения генерал не сразу отдает шпагу.

Сообщникам оставалось только сдаться, но они медлили. Наконец Шимп, заметивший взгляд Джона, торопливо ответил:

— Они в Вустере.

— Где именно?

— На станции.

— На какой?

— Да там всего одна.

— То есть, на станции?

— Вот-вот!

— Сумка в камере хранения на Вустерском вокзале, — объяснил Моллой. Он немного повеселел, все шло не так уж плохо. — Квитанция у вас.

Джон удивился.

— Этот талончик?

— Да-да.

— Так он же на дядины вещи!

— То-то и оно.

— Что вы имеете в виду?

— Сейчас скажу, — пообещал Моллой.

— Молодец! — слабо вымолвил Шимп, тоже заметивший выход. Он плюхнулся на постель, и усы сами собой поднялись, куда следует.

— Да уж, — продолжал Моллой, — я вам все скажу. Этот ваш дядя — мошенник, каких мало. Он работал с нами заодно. Мы договорились, что Шимпи стащит вещички, я их куплю, и еще будет страховка. Он думал, что я миллионер, у меня там музей. Потом проверил, подлец, и решил нас обойти. Взял сумку из шкафа, отослал в камеру, чтобы забрать, когда надо. Но шофер дал квитанцию вам, а вы поехали сюда, а Шимпи вас опоил и, сами видите, запер.

— Так что ничего вы не сделаете, — прибавил Твист.

— Вот именно, — согласился Моллой. — Посадят нас, посадят и вашего дядю.

— Хотел бы я посмотреть, как он дробит камень, — мечтательно вымолвил медик.

— И я бы хотел, — сердечно поддержал его Моллой. — Ух, как хотел бы! Но сам ради этого не сяду.

— То-то и оно, — согласился Твист.

— Да, — сказал Моллой, немного помолчав. — Вот какие дела, мистер Кэррол. Идите, доносите, если вам не терпится, но уж не обессудьте, если что. Какие будут статьи! «Скандал в высшем обществе».

Да, сэр, на целую полосу.

— Не меньше, — предположил Моллой.

— Уж это точно.

— Точнее некуда.

И, слившись в совершенном согласии, партнеры воззрились на Джона.

Он не обрадовался их рассказу, но и не усомнился. Да, они не очень правдивы, однако здесь чувствовалась истина. Он не усомнился, но выражение его лица напугало злоумышленников.

— Эй-эй! — крикнул Шимп. — Вы тут потише!

Джон не собирался шуметь. Ярость, которая так неприятна двум мирным людям, запертым в маленькой комнатке, обратилась на дядю. Радж-холл и его достояние были священны, и мысли о том, что их хранитель замыслил такую махинацию, Джон вынести не мог.

— Вы не на нас сердитесь, — посоветовал Моллой, — а на своего дядю.

— Да, на дядю, — сказал Шимп. Давно они не были так едины.

— Вот что, — сообщил на радостях Мыльный, — я случайно знаю, что он обещал награду, если кто их найдет. Тысячу фунтов, сам сказал. Можете потребовать, не откажет.

— Нет, — подтвердил Шимп, — куда там!

— То-то и оно, — подытожил Моллой. — Так ему и надо, мошеннику.

— Верно, — сказал Шимп.

— Еще как! — сказал Моллой.

— Вернее некуда.

— Именно.

Их благородный пыл оказал свое действие. Джон почувствовал, что ярость гаснет. Он неуверенно улыбнулся, словно его посетила приятная мысль. Мистер Моллой расслабился. Шимп поднял руку к усикам.

— Поня-атно… — протянул Джон, задумчиво гладя небритый подбородок. — У вас есть машина?

— Конечно, есть, — отвечал Шимп. — Ваша.

— Что!

— У нас стоит ваша машина.

— Так эта девица ее увела!

— И оставила на станции.

Сообщение было так приятно, что Джон посмотрел на Шимпа с нежностью. Машина цела! Его дорогой арабский скакун жив и здоров! Что тут еще скажешь? И он молча вышел из комнаты.

Мистер Моллой поглядел на Твиста, Твист — на Моллоя.

— Черт! — сказал пораженный Твист.
— Черт! — сказал Моллой.
— Это был Фланнери, — прибавил Твист.
— Именно, что *был!* — согласился Моллой.
К поискам они приступили не сразу, и, с трудом спустившись вниз, услышали какие-то стоны. Потом, отлепившись от земли, поднялся на ноги кто-то, отдаленно напоминающий старшего сержанта.
— Это вы, сэр, — горестно спросил он, — это вы, мистер Твист, его выпустили?
— Я хотел с ним потолковать, — объяснил Шимп, укоризненно глядя на ассистента.
— Имею честь сообщить, — сказал сержант, — что он смылся.
— И побил вас?
— Если хотите знать, сэр, — сказал ассистент со служебной строгостью, — да, побил.
Непредвзятый наблюдатель понял бы, что он не лжет. Как Джон успел так много за такое короткое время, не поняли ни Твист, ни Моллой. На лбу у сержанта красовалась яйцевидная шишка, глаз был мастерски подбит. Мысль о том, что только милость Господня уберегла его от того же, так потрясла владельца лечебницы, что он вцепился в перила.
По-видимому, что-то похожее испытывал и Моллой. Оказаться в запертой комнате с человеком, способным на *это*, да еще и рассерженным, и выйти невредимым — истинное чудо. Тут необходимо выпить, и как можно быстрей. Он направился к кабинету.
Когда туда же приплелся Твист, несколько ободрившийся Моллой сидел у телефона.
— Что ты делаешь? — спросил хозяин.
— Играю на флейте, — ответил гость.
— Кому звонишь?
— Долли. Надо ей сказать. Она моталась, старалась, а толку?
Шимп кисло посмотрел на партнера, думая о том, что лучше бы им вообще не встречаться, а уж тем более теперь.
— Что ж ты не поедешь в Лондон? — поинтересовался он. — Там бы и сказал.
— По телефону как-то лучше, — отвечал Моллой.

Глава XIV НОВОСТИ ДЛЯ ДЖОНА

1

Солнце, разбудившее в то утро сержанта Фланнери, не сочло нужным будить Лестера Кармоди. Он проснулся и сам, до зари, хотя уснул очень поздно. Смятенный разум — лучший будильник.

А каким еще быть разуму, если за день он получил несколько ударов? Сперва шофер сообщил, что квитанция — у Джона. Потом дворецкий поведал, что Моллой об этом знает, а Джон уехал с его дочерью. Наконец, сам Джон не вернулся ни к обеду, ни к ночи.

Перекусив, против обычая, наспех, мистер Кармоди снова пошел на конюшенный двор, в слабой надежде найти племянника, но в комнате над гаражом оказалась только Эмили. С горя он стал ходить взад-вперед по дорожке, но не смог вынести того, что садовник, преисполненный феодального Духа, подносил руку к шляпе каждый раз, когда хозяин проходил мимо него. Тогда он укрылся у себя в кабинете, где его и нашел Джон часа через полтора.

— Джон! — вскричал дядя, вскакивая с кресла.

Однако восторги его тут же угасли. А что, подумал он, если Джона просто отпустили, забрав у него квитанцию? Зачем он им, в конце концов?

— Где ты был?

Джон странно улыбнулся.

— Заночевал в этом «Курсе». А ты что, беспокоился?

— Еще бы!

— Ну, прости. Доктор Твист — такой гостеприимный… Мистер Кармоди собрался было ответить, но обуздал себя.

Если ни в чем не признаваться, Твист, Моллой и Долли для него — люди как люди, и в сообщении Джона ничего особенного нет.

— Да? — осторожно сказал он.

— Да. Гостеприимный. Хотя мне он не очень понравился.

— Да?

— Да. Может быть, потому, что позапрошлой ночью нас ограбил.

Тут надо было выразить удивление, и Кармоди его выразил, но так неубедительно, что для верности спросил:

— Что? Кто? Доктор Твист?

— Именно он.

— Как же… то есть я…

— Ты поражен? — предположил племянник, и дядя заметил в его манере что-то новое. Может быть, дело в том, что он оброс и глаза его покраснели. Да, очень может быть, но все же… все же… Глаза не только красные, они странные, для чувствительной совести — даже страшноватые. Племянник смотрит… да-да, он смотрит с угрозой.

— Кстати, — сказал Джон. — Болт дал мне эту квитанцию, просил вручить тебе.

Проблема глаз потеряла свою остроту. Мистеру Кармоди стало полегче, и он несмело протянул руку.

— Ну, конечно! — услышал он сам себя. — Квитанция! Болт оставил багаж в камере хранения.

— Это верно.

— Дай-ка мне ее.

— Позже, — отвечал племянник, кладя бумажку в карман.

Радость угасла. О глазах не могло быть двух мнений — взгляд мрачный, даже мерзкий.

— Что… что ты хочешь сказать? Джон смотрел все так же неприятно.

— Говорят, — промолвил он наконец, — ты обещал тысячу фунтов тому, кто найдет украденное.

— Э… д-да…

— Что ж, можешь дать их мне.

— П-почему?

— Понимаешь, — сказал Джон, тоже неприятно, — мы там потолковали с доктором Твистом и мистером Моллоем. Я узнал много интересного. Хватит с тебя или объяснить подробней?

Мистер Кармоди, чуть не вскипевший, как вскипает скупой человек, когда его чековой книжке грозит опасность, медленно осел в кресле, словно воздушный шар.

— Хорошо, — сказал Джон. — Выпиши чек на имя полковника Уиверна.

— Уиверна?

— Да. Мне бы хотелось положить конец этой ссоре. Он ждет от тебя первого шага. Очень удобный случай.

— А пятисот не хватит?

— Нет.

— Это же куча денег!

— Зато какая круглая сумма!

Мистер Кармоди не разделял любви к округлости сумм, но предпочел это скрыть. Глубоко вздохнув, он вынул из ящика книжку.

Просто рок какой-то, думал он. Сколько ушло на этих Моллоев, не говоря о Ронни Фише! Пять сотен пришлось выложить, чтобы уехал Хьюго. Теперь целая тысяча! Деньги так и текут. Деньги, деньги, деньги — и всё задаром!

Он выписал чек и протянул Джону.

— Нет, — сказал тот. — Сейчас мы пойдем к полковнику, ему и вручи, присовокупив несколько добрых слов.

— Какие еще слова?

— Я подскажу. После этого вы помиритесь, ясно? — он стукнул кулаком по столу. — Как голубки.

— Хорошо…

Голос у дяди был такой несчастный, что Джон смягчился. Остановившись в дверях, он спросил:

— Кстати, ты ладил с сержантом Фланнери? Кармоди заморгал.

— Перед отъездом, — продолжал Джон, — я подбил ему глаз. Кроме того, мы вместе скатились с лестницы.

— С лестницы?

— Да. Внизу он стукнулся головой о шкаф. Кармоди слабо улыбнулся.

— Я знал, что ты будешь рад, — сказал племянник.

2

Полковник Уиверн сдвинул прославленные брови и посмотрел из-под них на горничную по имени Джейн. Она только что вошла в гостиную, где он довольно пылко беседовал с дочерью, и доложила, что пришел мистер Кармоди.

— Кто? — спросил полковник.

— Простите, сэр, мистер Кармоди.

— Кармоди?

— И мистер Кэррол, сэр.

Пэт, стоявшая у французского окна, сдержанно сказала:

— Пусть войдут.

— Хорошо, мисс.

— Я его видеть не хочу, — сказал полковник.

— Пусть войдут, — твердо повторила Пэт. — Надо, оте! Быть может, он пришел попросить прощения.

— Скорей уж из-за тебя. Так вот, я ни за что на свете…

— Хорошо, поговорим позже. Если что, я в саду.

Она вышла, и почти одновременно вошли Джон с дядей. Джон остановился в дверях, глядя через комнату, в тот же сад.

— Это Патрисия? — спросил он.

— Простите? — сказал полковник.

— Это Патрисия сейчас вышла?

— Да, — холодно сообщил полковник. — Моя дочь гуляет в саду.

— Да? — заметил и Джон, устремляясь к французскому окну, но его остановил лай хозяина. Можно сравнить этот звук и с пистолетным выстрелом. Как бы то ни было, он перенес молодого гостя из страны грез в реальную жизнь, которая сурова и серьезна.[97]

— Та-ак! — произнес Джон.

— Что вы имеете в виду? — спросил полковник.

Джон бестрепетно встретил его взгляд. Неприятно, когда тебя опаивают сонным зельем, сажают под замок и кормят через решетку, но есть во всем этом и одно достоинство — робкий человек становится грозным. Недавно Джон дрожал, завидев эти брови. Теперь он на них чихал, словно вышел из горнила.

— Я думаю, — предположил он, — вас удивляет наш визит.

— Да уж, не радует, — признал полковник.

— Видите ли, дядя хочет с вами поговорить.

— Вот как? А я…

— Минутку-минутку!

— … не испытываю ни малейшего…

— Ти-хо! — рявкнул Джон.

Полковник автоматически плюхнулся в кресло. Правда, он быстро пришел в себя и собрался спросить, какого черта Джон на него орет, но не успел.

— Дядя, — продолжал младший из гостей, — очень огорчен тем, что случилось. Он буквально не находит себе места.

Полковник начал измышлять уж очень саркастический ответ, но не успел снова.

— Он признает, — сообщил Джон, — что поступил неблагородно. Да, он поддался инстинкту, но это — не оправдание. С той поры он только и думает о том, как искупить вину. Я не ошибся, дядя Лестер?

— Н-нет.

— Он говорит, что я не ошибся, — разъяснил Джон. — Вы всегда были ему самым близким другом, а друзей терять нельзя. Утром, не в

силах больше терпеть, он спросил у меня совета. Я с удовольствием его дал. Мало того, он его принял. Теперь дядя сам скажет несколько слов.

Мистер Кармоди медленно поднялся. Взор его был дик, голос — напряжен и тонок.

— Уиверн, я…

— … думал… — подсказал Джон. — Думал, что было бы…

— … лучше…

— … лучше…

Тут слова иссякли, хотя их было еще шестьдесят три штуки, и Кармоди опустился в кресло, тяжко страдая. Однако он успел уронить на стол бумажку.

— Я не совсем… — начал полковник и вдруг вся важность исчезла, словно ее срезали бритвой. — Что-что-что? — заболботал он.

— Дядя, — объяснил Джон, — хочет возместить нравственный и умственный ущерб.

Воцарилось молчание. Полковник схватил чек и стал его изучать, как изучает ботаник неведомое растение. Брови его поднялись, каждая отдельно. Он посмотрел на Кармоди и снова на чек.

— О, Господи! — выговорил он после этого, разорвал чек надвое, засмеялся квакающим смехом и протянул руку.

— О, Господи! — повторил он. — На что мне деньги? Я хотел одного — чтобы вы признали свою вину. Ну, вот, все в порядке. До чего же скучно, когда не с кем сигару выкурить!

Кармоди поднялся, словно увидел чудо. Только сейчас он понял, как великодушен его старый друг.

— Уиверн!

— Кармоди! Да, как там щука?

— Щука?

— Поймали королеву щук?

— Еще нет.

— Ну, вечером я вам помогу.

— Спасибо.

— Дядя говорит «спасибо», — перевел Джон.

— А я, — сокрушенно вскричал полковник, — я еще сердился, что дочь хочет выйти за вашего племянника!

Джон вцепился в край стола. Комната закружилась.

— Вот это да! — воскликнул мистер Кармоди.

— Как раз перед вашим приходом… — начал полковник и опять закрякал.

Джон подумал, откуда же у Пэт такой мелодичный смех. Наверное, от матери.

— …приходом, — продолжил полковник, — она сказала, что выходит замуж за Хьюго.

Глава XV СОВЕТЫ ПЕЩЕРНОГО ПРЕДКА

1

Несколько лет назад, когда Джон, состоявший во всеанглийской команде, играл в регби дождливым дублинским утром, ему пришлось упасть на мяч, по которому били пять или шесть пылких кельтов. До сих пор он думал, что то были самые тяжкие мгновения его жизни.

Сперва он поморгал так, словно его шмякнули по носу, потом помедленней, и еще сильнее вцепившись в стол, переспросил:

— Хьюго?

Испытывал он тупую боль, но знал, что придет и острая.

— Хьюго!

Сквозь шум крови он услышал дядин голос. Дядя, по его словам, был в восторге. Не в силах оставаться рядом с таким человеком, Джон, оторвавшись от стола, выскочил в сад.

Пэт гуляла по газону. При виде ее Джона охватили разные чувства, которые попылав или, если хотите, покипев, выпали кристаллом ярости. Ну, что же это такое?! Спокойна, прохладна, подтянута, словно ей и дела нет, что она подала человеку надежду и оставила его в дураках.

Когда он ступил на траву, Пэт обернулась и они какое-то время глядели друг на друга. Потом Джон сказал не своим голосом:

— Здравствуй.

— Здравствуй, — ответила Пэт и они опять замолчали. Казалось бы, смутись, но она смотрела ему в глаза, даже с каким-то вызовом, словно он — не обманутая жертва, а нежеланный гость, испортивший приятную прогулку.

Джон проглотил крупный комок. Он хотел бы что-нибудь сказать, но боялся, что станет заикаться, а это выдаст, что он не совсем беспечен и счастлив.

— Значит, выходишь за Хьюго, — осторожно начал он, стараясь разделять звуки.

— Да.

— Поздравляю.

— Поздравь лучше его, а мне пожелай счастья.

— Ж-желаю, — покорно сказал воспитанный Джон.

— Спасибо.
— Ж-желаю от всей души.
— Благодарю. Они помолчали.
— Как это вы быстро! — выговорил Джон.
— Ты думаешь?
— Д-да. Когда он вернулся?
— Рано утром. Письмо пришло с первой почтой, и тут же — он.
— Письмо?
— Он мне написал.
— Вот как?
Пэт прочертила узор на траве носком туфельки.
— Чудо, а не письмо!
— Вот как?
— Не думала, что он так пишет.
Джон поискал беспечный ответ, но не нашел.
— Он вообще чудесный.
— Да.
— Умный.
— Да.
— Красивый.
— Да.
— В общем, замечательный.
— Да.

Список достоинств был явно исчерпан, и Джон погрузился в молчание, пытаясь наступить на оскорбительно резвого червя, крутившегося под ногами. В конце концов, сам напрашивается.

Пэт подавила легкий зевок.

— А ты как? — спросила она. — Развлекся?

— Да не особенно, — ответил Джон. — Ты знаешь, что нас ограбили? Я отправился ловить воров, но они изловили меня.

— Что?!

— Я сдуру дал себя усыпить. Проснулся, можно сказать, в темнице — замок там, решетки. Часа два, как вырвался.

— Джо-о-нни!

— Все в порядке. Украденное нашли…

— Джонни! Я думала, ты поехал на пикник с этой девицей!

— Может, для нее это и пикник. Видишь ли, она — из шайки. Насколько я понимаю, духовный вождь.

Смотрел он вниз, размышляя о черве, когда услышал странные звуки.

Посмотрев на Пэт, он увидел, что она разинула рот и вытаращила глаза, отчего стала совсем уж несказанно прекрасной. Сад, окутанный какой-то дымкой, осторожно сделал несколько па, словно разучивал самый новый танец.

Когда дымка стала пореже, оказалось, что они с Пэт — не одни. Рядом стоял субъект в широковатой медвежьей шкуре. Это был дальний предок, который тогда, на дорожке, лез со своими советами. Заметим, что он напоминал сержанта Фланнери.

— Да-а… — сказал он, помахивая каменным топором. — Вот к чему привело твое упрямство или, если хочешь, самодурство. Я же тебе говорил, что делать. Способ проверенный! А что теперь? Ты потерял ее, хотя…

— Минуточку! — произнес тихий, вкрадчивый голос, и Джон заметил еще какое-то существо.

— …хотя, — продолжал предок, — может быть, еще не поздно.

— Нет-нет! — вскричало существо, в котором Джон узнал свое Высшее Я. — Решительно протестую! Где сдержанность, где самообуздание? Эти грубые методы…

— … очень эффективны, — подхватил предок. — Я ему дело советую, так что не лезь.

— Ваш совет не выносит ни малейшей критики, — возразило Высшее Я. — Истинный джентльмен принимает сложившиеся обстоятельства. Эта барышня обручена с красивым и умным человеком, который в свое время унаследует большое имущество. Исключительно удачный брак.

— Да уж, удачный! — хрипло воскликнул предок. — Вот что, друг, хватай ты ее, да побыстрее. Умный, видите ли! Хо-хо! Я в свое время не раздумывал. Слушай меня, не пожалеешь. Значит, хватаем…

— О, Джонни, Джонни, Джонни! — проговорила Пэт. Руки ее беспомощно трепетали, чего вполне достаточно, чтобы внять совету предка.

Джон больше не колебался. Какие Хьюго? Какие еще Высшие Я? Вот он, кладезь премудрости! Да, шкура — широковата, но в остальном… Глубоко вздохнув, Джон раскрыл объятия, и Пэт вплыла в них, как лодочка после бури. Уголком глаза он заметил, что Я удалилось, а предок потер руки. «Значит, вот это как бывает», — подумал Джон.

— О, Джонни! — причитала тем временем Пэт. — Что же мне теперь делать?

— Стой, как стоишь.

— Нет, с Хьюго!

Хьюго? Хью-го… Джон сосредоточился. Да, там какая-то неувязка.

Что бы это могло быть? А, вот!

— Ты меня любишь? — спросил он.

— О, да!

— Тогда зачем ты делаешь глупости?

Тон его был суров. Да, предок — молодец. Знает человек свое дело!

— Я думала, ты меня не любишь.

— Кто, я?

— Да.

— Тебя?

— Да.

— То есть я тебя не люблю?!

— Ты же обещал зайти, а потом мне сказали, что ты уехал с этой девицей! Вот я и подумала…

— Совершенно зря.

— А тут пришло письмо, и я решила: «Какой удобный случай!» Что же мне делать? Что ему сказать?

Джону не хотелось отвлекаться ради пустяков, но раз уж она беспокоится, помочь надо.

— Хьюго думает, что ты за него выйдешь?

— Да.

— А ты не выйдешь?

— Нет.

— Значит, так ему и скажем.

— Это очень трудно!

— Почему?

— Если тебе не трудно, ты и скажи!

— Конечно! — воскликнул Джон. Кому же еще? Когда сильный мужчина берет в жены робкую, слабую девушку, он избавляет ее от всех забот.

— Нет, правда?

— А то как же?

— Я не могу взглянуть ему в лицо…

— Не так уж много потеряешь. А где он?

— Кажется, в деревне.

— Значит, в «Гербе». Так. Ясно.

И Джон твердо, по-мужски, вышел из сада.

Хьюго был не в «Гербе», а на мосту, откуда смотрел на воду. Для счастливого жениха он казался мрачноватым. Когда он поднял взор, то живо напомнил рыбу с неприятностями.

— Привет, — сказал он достаточно тускло. Джон смутно ощутил, как надо действовать.

— Хороший денек! — заметил он.

— Где?

— Да здесь. Вот этот.

— Я рад, что ты так считаешь, — сказал Хьюго, хватая кузена за рукав. — Мне нужен совет. Ты, конечно, тюря и размазня, но разум у тебя есть. Понимаешь, я влип, как последний осел.

— А что ты такое сделал?

— Обручился с Пэт.

Сказав это, Хьюго привалился к перилам и посмотрел на Джона с мрачной радостью.

— Да? — проверил Джон.

— Что-то ты не удивился!

— Удивился, и еще как. А почему ты…

Хьюго, выпустивший было рукав, снова сжал его, для вдохновения.

— Помнишь, я тебе говорил, что у Ронни лакей женится? Такой Бессемер.

— Помню. У него еще уши какие-то.

— Да, как крылья у аэроплана. Но он вчера женился. Гостей принимал у Ронни.

— Вот как? Хьюго вздохнул.

— Сам знаешь, старикан, есть что-то такое в этих свадьбах. Не хочешь, а рассиропишься. Может, это от крюшона. Я предупреждал, опасный напиток. Ронни резонно ответил, что не намерен расходовать шампанское на субъекта, который тебя бросил. В общем, крюшону было — залейся, и так через час что-то на меня накатило.

— Что именно?

— Такая, знаешь, тоска. Как говорится, все скорби мира.

— Это, скорее, от крабов.

— Может быть, — согласился Хьюго, — но и крюшон помог. Сижу, горюю о роде человеческом и вдруг — бац! — все понял. Насчет Пэт.

— Ты ее пожалел?

— Естественно. Вот смотри, сколько я ни бьюсь, она на тебя — ноль внимания. И тут мне что-то подсказало: да она же *меня* любит!

— То есть как?

— Наверное, это все-таки крюшон. И вообще, сам знаешь, свадьба… В общем, подумал я так и написал ей письмо. Все-таки, жаль человека!

— Почему? Она же еще за тебя не вышла.

— Ну, чтобы все улеглось, пошел я в парк, к Серпентину.[98] Письмо оставил у Ронни, на письменном столе. На воздухе стало полегче, я немного одумался. Нет, она девушка хорошая. Если уж на ком жениться, лучше на ней. Но зачем? У меня столько дел, я не вправе себя связывать.

Хьюго снова посмотрел на воду, словно решая, не броситься ли вниз.

— Крошу я уткам пирог, и вдруг — как озарило: надо скорей порвать письмо. Прихожу — а его нет. Теша эта, толстая такая, левый глаз косит, крутилась на кухне. Подъедала за нами, что ли. Она и сказала, без зазрения совести, что дала письмо зятю, чтобы он бросил по дороге.

— Вот это да! — воскликнул Джон.

— Вот, — согласился Хьюго, — это да. Схватил я такси, помчались мы на вокзал, а поезд уже отходит. Бессемера я, правда, увидел, он высунулся из окна, чтобы отвязать от ручки белый атласный башмачок. Ну, я попятился, налетел на носильщика…

— А дальше что?

— Вернулся к Ронни, посмотреть расписание. Ты знаешь, что в этот Радж почти не ходят поезда? На 5.16 я не успевал, а следующий — 9.20. На него я тоже не попал, спутал с горя время. В общем, приехал на товарном, то есть на молочном, это 3.00 ночного времени. Мучения описывать не буду. Сразу помчался к Пэт, то есть к их дому, чтобы перехватить письмо.

— Почтальон бы его не отдал.

— Ему и не пришлось, он уже возвращался. Я стоя заснул, но вышла Пэт, мы с ней поздоровались. А потом она и скажи: «Спасибо. С удовольствием за тебя выйду».

— А ты что?

— Ну, я тоже сказал «Спасибо» или что-то в этом духе и отправился в «Герб». Там я, кажется, заснул, потому что помню одно — как старый Джадвин отчищает от джема мою голову. Пошел я сюда, чтобы все обдумать. Вот ты и скажи мне, как выкрутиться?

— Да, нелегкое дело…

— То-то и оно. Выкрутиться надо, сердце ей разбивать нельзя.

— Нужна особая осторожность.

— Вот именно.

Джон немного подумал.

— Когда вы с ней обручились? — уточнил он.

— Часов в девять.

— Ты уверен?
— Как раз после первой почты.
— Вроде бы ты стоя поспал?
— Ну, это недолго. А в чем дело?
— Сейчас узнаешь. С тех пор прошло больше десяти минут?
— Конечно!
— Тогда не беспокойся. Десять минут назад с Пэт обручился я.

3

Когда Джон вернулся, Пэт стояла у кустов лаванды. Легкий ветерок играл в волосах с солнечным лучом. — .Ну, как? — спросила она.

— Все в порядке.

— Ты ему сказал?

— Да.

Пэт откликнулась не сразу. Над лавандой летали пчелы.

— Он очень страдал?

— Ужасно! Но совладал с собой. Когда я уходил, он был вполне спокоен.

Развить эту тему не пришлось, так как что-то укололо его в правую ногу. По-видимому, пчела, которой приелась лаванда, решила попробовать что-то новое. Джон собрался ее отогнать, но Пэт проговорила:

— Джонни!

— Да?

— Нет, ничего, я просто подумала…

— О чем?

— О тебе.

— Обо мне?

— Да.

— Что именно?

— Ты — самый лучший на свете.

— Ну, что ты!

— Да-да! Почему я столько лет не догадывалась? Самый добрый, самый умный, самый красивый, в общем — ангел.

Он обнял ее и время послушно остановилось.

— Пэт!.. — тихо сказал он.

Да, конечно, пчела. Выбирает место получше. Ну и Бог с ней! В конце концов, пчелиный яд полезен при ревматизме.

Общество для Генри

Перевод с английского Е. Доброхотовой-Майковой

Глава I

1

Склонившись с вилкой в руке над кухонной плитой в своем большом и неудобном сассекском доме, Генри Параден изготовился разбить яйца на сковородку. Глаза его сузились, сжатые губы выдавали крайнее напряжение. Не хватало белой марлевой повязки и парочки медсестер за спиной, чтобы довершить сходство с Беном Кейзи[99] в телевизоре, выполняющим сложную операцию на мозге.

В щедрые времена Регентства, когда знаменитый Красавчик Параден выстроил Эшби-холл, в доме насчитывалось пятьдесят душ прислуги, включая конюхов, садовников, кучеров и псарей; нынче штат сократился до жены местного фермера, некой Макпис, да и та приходила только к двенадцати. К завтраку ожидались сам Генри и его племянница Джейн Мартин, приехавшая погостить на лето.

Как раз когда резиновое месиво особенно расскворчалось, дверь открылась, и вошла Джейн, миниатюрная белокурая девушка, похожая на хорошо одетую дриаду. Она чмокнула дядю в макушку и критически взглянула на сковородку.

— Чересчур смело, — произнесла она с осуждением.

— Э?

— Яичница. Безопаснее сварить всмятку. Она будет жесткая.

— Я люблю жесткую. Ты уезжаешь?

— Через минуту.

— В Лондоне жарко.

— Наверное. Но я обедаю с Лайонелом и хочу навестить Алджи.

Упомянутый Алджи был ее брат — из тех птичек небесных, которые не жнут, не сеют, но каким-то неведомым образом ухитряются жить припеваючи. Генри как-то высказал гипотезу, что Алджи питают вороны. Других объяснений его здоровью и благополучию сыскать не удавалось.

— Где он теперь живет?

— В предместье. Мон Репо, Берберри-род, Вэлли-Филдс. Он прислал оттуда письмо.

— Что он там делает?

— Ничего, полагаю.

— Наверное, ты права. В этом он особенно силен. Передай ему мое проклятие.

— Передам.

— Да, и найми кухарку.

— Кого?

— Кухарку. Женщину, которая умеет готовить.

— Чем тебя не устраивает мамаша Макпис?

— Не тот уровень. Для Дж. Уэнделла Стикни надо кого-то классом повыше. Вероятно, он очень привередлив.

Дядя Генри нечасто говорил загадками — обыкновенно его высказывания не требовали от собеседника умственных усилий — однако сейчас Джейн опешила.

— Кто такой Дж. Уэнделл Стикни?

— Э? — переспросил Генри, помешивая яичницу.

— Кто он?

— Кто?

— Таинственный Стикни.

— А, Стикни. Ровно этот же вопрос я задал себе сегодня утром, когда получил от него письмо. Он американец и, судя по всему, богатый, раз живет в Нью-Йорке на Парк-авеню. Как я понимаю, без кругленькой суммы на счету это непросто.

— Но кто он? И почему тебе написал? Он ведь написал о *нем-то?*

— Да, разумеется. Очень занятная история. Судя по всему, это в некотором роде член семьи. Он составил генеалогическое древо, и выяснилось, что когда-то там некая Параден вышла за некоего Стикни, а значит, мы с ним двадцатиюродные братья. Он считает, что нам, двадцатиюродным братьям, следует держаться друг за дружку.

— Все равно не понимаю, при чем здесь кухарка.

— Проще простого. Я счел, что после всех трудов, с которыми он доказывал наше родство, элементарная вежливость требует пригласить его в гости, если он когда-нибудь будет в наших краях. Я пишу об этом в письме.

Джейн тихонько ахнула. Она с трудом верила, что даже Генри, всегда отличавшийся некоторой порывистостью, зайдет так далеко в проявлении родственных чувств.

— Ты же не приглашаешь его *погостить?*

— Приглашаю, конечно.

— Генри, ты не в себе.

— С чего ты взяла?

— Ты знаешь, как у тебя туго с деньгами. Ты не можешь раскошеливаться на званые приемы.

— Один американец, даже если он толстый, — это еще не званый прием. Что до «не могу раскошеливаться», именно это я собираюсь сделать. Скажу тебе кое-что, Джейн. Если Стикни приедет и мне повезет, возможно, я уговорю его купить этот гроб.

— Какой гроб?

— Дом.

— Что?! Зачем ему твой дом?

— Надо показать тебе письмо. Ты увидишь, что он одержим предками. А это как раз дом его предков. Фамильное гнездо. Надеюсь, он увидит Эшби-холл и почувствует, что всегда хотел жить именно здесь. Не утверждаю, что дело верное, однако в такое предприятие, безусловно, не грех вложить деньги. Хлеб по водам.

Доводы показались Джейн убедительными. С ее лица исчезло выражение матери, отчитывающей слабоумного ребенка.

— Понятно. Насади мелкую рыбешку, вытянешь кита.

— Вот именно. Кто не вкладывает, тот не накопит. И, черт возьми, чуть не забыл. Будешь нанимать кухарку, подыщи заодно дворецкого и двух горничных, старшую и младшую, непременно самых лучших. Ради Стикни скупиться нельзя. Надо сразить его наповал.

Когда через некоторое время Джейн обрела дар речи, она сказала:

— Ты шутишь?

— Ничуть.

— Но где взять столько денег?

— Все предусмотрено. У меня есть небольшая заначка. Несколько месяцев я откладывал деньги для Даффа и Троттера.

— Кто такие Дафф и Троттер? Звучит как старинный комический дуэт.

— Они довольно давно поставляют к моему столу вино, виски, ликеры. Я собирался что-нибудь им заплатить в ближайшие дни, но пусть ждут дальше. Сейчас все силы надо бросить на Стикни.

— А если он не приедет?

— Это будет означать, что планы резко переменились. В таком случае я пожимаю руку дворецкому, целую кухарку, щекочу горничных и даю всем расчет. А почему ты думаешь, что он не приедет?

— Может, он из тех жутких магнатов, которые на день не могут отлучиться из конторы, потому что без их присмотра все пойдет наперекосяк.

Генри задумался.

— Такое мне в голову не приходило, — сознался он. — Не знаю, почему, но у меня сложилось впечатление, что он, скорее, этакий ценитель искусств. Стал бы магнат составлять генеалогическое древо?

— Верно. Погоди! Что-то брезжит. Стикни? Уэнделл Стикни? Мне кажется, о нем недавно писали в «Ньюсуик», — сказала Джейн, которая работала в лондонском представительстве этой газеты. — Повторяй некоторое время «Стикни».

— Стикни. Стикни.

— Сейчас вспомнится.

— Стикни. Стикни.

— Еще немного.

— Стикни. Стикни. Стик…

— Все, вспомнила. Он знаменитый коллекционер. Что-то собирает.

— Что?

— Не помню. Картины?

— Первые издания?

— Старинный фарфор?

— Марки? Очень многие собирают марки. Джейн мотнула головой.

— Нет, все не то. Что-то очень необычное, такое, до чего в жизни не додумаешься. Ну, ведь это неважно. Если он приедет, мы все узнаем. Он, наверное, ни о чем больше не говорит.

— Тропические рыбки?

— При чем тут рыбки?

— Может, он их собирает?

— Сомневаюсь. Если бы что-нибудь вроде этого, я бы вспомнила.

— Может, он собирает милостыню. Или плату за проезд в автобусе. Нет, вряд ли милостыню, раз он живет на Парк-авеню, скорее, действительно плату. Так можно заработать неплохие деньги. А может, у него такая яркая внешность, что он собирает толпу, где бы ни появился.

Джейн показалось, что пора призвать присутствующих к порядку.

— Генри, — сказала она, — собери свои мысли. Это надо прекратить, иначе у нас случится размягчение мозгов.

— Птичьи яйца? Автографы? Окурки?

— Я сказала «прекратить».

— Просто пытаюсь помочь.

— Не надо. Что-нибудь еще передать Алджи?

— Нет, только мое проклятие.

— Тогда я побежала. Ты правда собираешься есть эту яичницу?

— Конечно. А ты думаешь, я хочу вставить ее в рамку?

— Я бы не рискнула. Похоже на малоизвестную азиатскую отраву. До свидания. Вернусь поездом в три тридцать.

2

Мон Репо, Берберри-род, Вэлли Филдс, куда направлялась Джейн, — один из множества особнячков в этом чудесном предместье. Всякий, заглянувший в окно гостевой спальни, увидел бы на кровати — хотя время приближалось к одиннадцати — возлежащую фигуру ее брата, Алджернона.

Алджи был долговяз и, при всей неустроенности своих Дел, постоянно весел, что нравилось даже тем из его друзей, к чьей помощи он прибегал. Они, возможно, сожалели, что Алджи не следует поэту Лонгфелло в вопросах реальности и жизненного подвига, но никто не мог отрицать, что с ним не соскучишься.

Подобно Абу бен Адему,[100] он любил людей, за исключением одного — Лайонела Грина, с которым (не иначе как в припадке безумия, по мнению Алджи) обручилась его сестра, — и в эту самую минуту размышлял, как же любит своего старого однокашника Билла Харди. Без сомнения, Билл поступил, как настоящий друг, пустив его к себе, и со временем, как только Алджи разбогатеет (а это несомненно случится скоро), будет вознагражден сторицей. Скупердяем Алджи Мартин не был. Если он не раздавал кошельки с золотом направо и налево, то лишь по одной досадной причине — несмотря на обилие идей и планов, с кошельками у него пока было не густо.

В коридоре раздались быстрые шаги. Дверь отворилась, и вошел человек, о котором Алджи только что размышлял.

Раздавая свои дары, Природа склонна шутить, и Билл Харди пал жертвой ее извращенного юмора. Такой приятный молодой человек мог бы по праву иметь приятную внешность. Ему бы следовало быть круглым, розовощеким и сияющим. Вместо этого он настолько походил на героя гангстерского фильма, что вполне мог ввести в заблуждение матерого режиссера. Впервые видя Билла, вы не думали: «Вот идет молодой человек с золотым сердцем» — нет, вам вспоминались обрезы и гранаты. Только когда он улыбался, вы осознавали, что напрасно сочли его одним из десяти самых опасных преступников Америки.

Сейчас он улыбался. Он вообще часто улыбался в последние дни, и не без причины. Солидное наследство всегда взбадривает, а именно такое

счастье недавно свалилось на Билла, и перед ним открылись новые перспективы.

— Проснулся-таки, — сказал он.

— Только что глаза разлепил. Однако жизнь потихоньку возвращается. Ты в стольный град?

— Да.

— Не предлагаю поехать с тобой. Надо кое-что обмозговать, а мне лучше всего думается в горизонтальном положении. На работу?

— Нет, к поверенному.

— А, конечно. Насчет наследства. Сонная мгла еще не совсем рассеялась пред моими очами, не то бы я сразу вспомнил, что ты отхватил куш. Подписывать бумаги, да?

— Целую кучу.

— Смотри, чтобы этот гад чего-нибудь тебе не подсунул.

— Буду смотреть.

— За адвокатами нужен глаз да глаз. Твой, я надеюсь, более-менее честный?

— В тюрьме пока, вроде, не сидел.

— Отлично. Превосходно. Когда ты получишь денежки?

— Со дня на день.

— И сколько?

— Восемь сотен в год.

— Придумал, что с ними делать?

— Куплю дом в деревне и буду писать.

— Мм.

— Что-то не так? Алджи задумался.

— Не то чтобы совсем, — сказал он, — но лучше бы ты доверил мне свой капитал, а я бы удвоил, если бы не утроил его в несколько недель. Меня распирает от замыслов. Взять хоть Вэлли Филдс. С тех самых пор, как ты приютил меня под своим кровом, я много думаю о жизни в предместье, и набрел на то, что можно назвать аспектом садовых оград. У каждого дома — садик, у каждого садика — ограда. Рано или поздно юноша из дома *А* видит за оградой девушку из дома *Б*. Согласен?

— Такие случаи известны.

— И что потом? Он говорит: «Чудесный денек» — она отвечает: «Замечательный». Он выражает надежду, что погода подержится, она соглашается. Пока все хорошо, но дальше дело стопорится. Оба в растерянности, не знают, что говорить, и тут появляемся мы.

— Мы?

— Я предполагаю, что ты будешь финансировать начинание.

— Какое начинание?

— Очень простое. Даем объявление в местную газету, что готовы за небольшую мзду консультировать в сердечных делах, и говорим юноше, как быть дальше. Мы направляем его шаги, предупреждаем о ловушках. Девушку тоже направляем. Разрешаем все ее маленькие затруднения. Подавать ли руку или кивать при расставании с джентльменом, с которым она только что познакомилась. Может ли джентльмен подарить даме фунт шоколада, или это будет расценено как нечто большее? Должна ли присутствовать мать? Говорить «мистер Джонс — мисс Смит» или «мисс Смит — мистер Джонс», когда представляешь друзей? И должен ли мистер Джонс ответить: «Чрезвычайно рад знакомству» или «Ба! Какие девушки!» Все это удовольствие будет стоит полгинеи, без подоходного налога, потому что плату мы будем взимать через почтовые переводы. А начальные вложения — не больше сотни. Ты еще не вытащил чековую книжку и авторучку?

— Не вытащил.

— Я тебя не вдохновил?

— Нет.

Алджи вздохнул.

— Где дух предприимчивости? Тебе, мой друг, недостает умения смотреть в будущее. Какая ирония, что ты, при полном отсутствии предпринимательской жилки, получишь все эти тысячи, а я, которому для первого толчка хватило бы малой толики твоих богатств, — ничего. Видимо, такова жизнь. Ладно, Билл, не буду задерживать. Пока тебя нет, я хорошенько пораскину мозгами и к твоему возвращению придумаю, как учетверить капитал. Я слышал: один подходил на улице к хорошо одетым субъектам и шептал им на ухо: «Я знаю вашу тайну», справедливо полагая, что каждому процветающему субъекту есть что скрывать. И те, виновато вздрогнув, тут же от него откупались. Думаю, он неплохо зарабатывал. Впрочем, вероятно, строгий ревнитель нравственности найдет здесь некоторый изъян. Немного попахивает шантажом.

— Есть отчасти.

— Ладно, от этой идеи отказываемся, по крайней мере на время. Хорошо, Билл, поезжай. Когда вернешься?

— В шесть.

— Буду ждать с нетерпением. Тихонько прикрой дверь и привези мне из Лондона какой-нибудь приятный пустячок. И приглядывай за своим адвокатом. Наверняка он собирается прикарманить твое наследство.

3

В поезде Джейн думала не о брате Алджи, и не о Лайонеле Грине из фирмы «Тарви и Грин, антиквариат и внутренняя отделка помещений», с которым обручилась и вскоре собиралась пообедать. Таинственный Дж. Уэнделл Стикни из-за океана и его интригующая коллекция тоже недолго занимали ее мысли. Нет, она размышляла о крайне шаткой финансовой позиции дяди Генри.

Она всегда любила дядюшку, а в этот приезд еще и получила удручающую возможность ознакомиться с состоянием его дел. Как он сводил концы с концами, было не меньшей загадкой природы, чем жизнь Алджи. Рента от трех близлежащих ферм приносила, надо думать, некоторый доход, но, чтобы существовать на ренту, надо экономить, а жаться дядя Генри не умел. До того как стать сквайром Эшби-холла, он вел богемную жизнь среди людей, не склонных отказывать себе в желаемом потому лишь, что им это не по средствам. Джейн с тревогой думала, что вынуждена зарабатывать на жизнь и не может постоянно находиться рядом с дядюшкой, чтобы умерять его расточительность.

Поезд прибыл на вокзал Виктория, и Джейн, как девушка разумная, временно переключилась с дяди Генри на сегодняшние планы. Сперва в агентство на Кларджес-стрит договориться насчет кухарки и всех остальных. Потом в Вэлли Филдс к Алджи. Затем назад, в городскую суету, встретиться с Лайонелом. Программа насыщенная, но она предусмотрительно выехала пораньше, и было еще утро, когда Джейн сошла с поезда в Вэлли Филдс. Озираясь в поисках кого-нибудь, кто указал бы ей дорогу к Берберри-род, она вдруг обнаружила совсем близко некоторое оживление.

Вэлли Филдс — пасторальное предместье. Здесь больше сеют травы, больше тли опрыскивают раствором китового жира, больше одалживают газонокосилок, чем где-либо еще на южном берегу Темзы. Раскидистые деревья — его фирменная черта, и как раз под одним из таких деревьев стояли мальчик, собака и один из тех привычных загородных персонажей, которые иногда оказываются садовниками, но чаще, как в данном случае, просто праздными джентльменами. Мальчик держал собаку на поводке, праздный джентльмен жевал резинку, и все трое с явным интересом смотрели на верхушку дерева.

Джейн была не из тех девиц, которым воспитание не позволяет проявлять любопытство. Она любила быть в гуще событий, поэтому сразу

подошла и спросила, что происходит. Праздный джентльмен охотно объяснил.

— Кошка на дереве, — поведал он, как хороший репортер, изложив всю суть в первом абзаце. — Залезла от собаки. Боится слезть. Отвали, — сказал он, обращаясь к мальчишке, — вместе со своей поганой псиной.

Мальчик отвалил, хотя было видно, что он предпочел бы остаться, а Джейн взяла ситуацию в свои руки. Она любила кошек. В Эшби-холле их было три, и беседы с ними неизменно проходили в теплой дружественной обстановке. Было ясно, что удаление поганой псины не оказало на кошку желаемого действия, и надо предпринимать более решительные шаги. Джейн чарующе улыбнулась праздному джентльмену.

— Может быть, вы залезете и ее снимете?

Тот вытаращил глаза. Улыбка Джейн его не тронула. Ему казалось, что он в жизни не слышал ничего глупее.

— Я? — изумленно переспросил он. — Это вы мне?

— Да.

— Влезть на дерево и снять кошку?

— Да.

— Барышня, — произнес праздный джентльмен, — я вам что, акробат?

Казалось, положение безвыходное. В эту минуту Билл Харди стремительно вышел на улицу и, дойдя до дерева, резко затормозил, как если бы, подобно Лотовой жене, обратился в соляной столб. Живыми оставались только глаза. Они с нескрываемым восторгом смотрели на Джейн, явно показывая, что в жизнь их обладателя вошло нечто новое и прекрасное. Нельзя сказать, что для Джейн это явилось полной неожиданностью. Когда на ней были правильное платье, правильная шляпка, правильные туфли и чулки (вот как сейчас), мужчины восторженно замирали — все, кроме ее брата Алджернона. Братья известны своей суровостью в оценке сестер. Свое мнение Алджернон сформулировал еще в детстве и с тех пор не раз повторял, что она — козявка. Однако в глазах Билла она обладала всеми признаками ангела, ненадолго сошедшего с небес, и он рвался совершить в ее честь что-нибудь рыцарское. В теперешнем состоянии он мог бы войти во дворец короля Артура и сесть за Круглый Стол — никто бы не усомнился, что тут ему самое место.

— Что случилось? — спросил он, обретя наконец дар речи. — Могу я помочь?

Джейн с сомнением оглядела незнакомца. Не очень располагающий

молодой человек. Она видела таких на экране—в фетровой шляпе и макинтоше, цедящих лаконичные реплики. Однако она понимала, что сейчас классический профиль — не главное. Красота — ценное качество в мужчине, но она не поможет снять кошку с дерева. Требуется крепость рук и атлетическое сложение, а по этим параметрам незнакомец очень даже подходил. Казалось, природа создала его нарочно для этой цели. Конечно, он может по привычке выхватить верный кольт и проделать в кошке дыру, но на этот риск придется пойти. Джейн объяснила ситуацию. Билл просиял, как рыцарь Круглого Стола, которого прекрасная дева попросила разобраться с докучным огнедышащим драконом.

— Вы хотите, чтобы ее сняли?

— Вас это не затруднит?

— Сейчас же этим и займусь.

— Спасибо огромное.

— Не стоит благодарности.

Праздный джентльмен явно не понимал такую готовность лезть на дерево. Он проглотил жвачку и достал новую.

— Я бы не полез, — сказал он, вставляя пластинку между зубами и начиная жевать. — Только костюм испачкаете. Надо просто стоять внизу и говорить «кис-кис», — добавил он, однако Билл уже карабкался на дерево с такой скоростью, что, когда Джейн через несколько минут его окликнула, не разобрал слов и быстро спустился вниз.

— Извините?

— Я просто сказала: «Осторожнее!»

— А?

— Простите.

— Пустяки, — сказал Билл.

Он снова полез наверх. Праздный джентльмен провожал его взглядом, явно не ожидая от этой прыти ничего хорошего.

— Верно говорите: «Осторожнее!», — угрюмо сказал он. — Мой приятель вот так же сдуру сломал два ребра. Джордж Тернер его звали. Подрезал вязы у одного джентльмена в Чигуэлле. Два ребра сломал и заработал сотрясение мозгов.

Он с огорчением отметил, что Джейн слушает его скорбную повесть без должного внимания.

— Два ребра, — повторил он громче. — И еще порезы, ушибы и сотрясение мозгов. Я там не был, но, говорят, он рухнул, как мешок с углем. Очевидцы утверждают, подскочил три раза, как мячик. С этими вязами надо поосторожней. Думаешь, ветка как ветка, а она — хрясь. А это

ведь он самый вяз и есть. По-хорошему, надо было принести лестницу, одеяло, шест, расстелить одеяло, залезть на лестницу и тыкать в кошку шестом, как на пожаре, — сообщил праздный джентльмен, бросая непростительную тень на образ действий пожарной бригады.

Билл к этому времени взобрался на самый верх и дотянулся до кошки, которая тут же оцарапала ему руку, после чего, окатив его холодным презрением, спокойно спустилась с дерева. Стало ясно, что подвиг этот не составлял для нее никакого труда, и она могла слезть, когда пожелает. Кошка, как верно подмечено, навсегда останется кошкой, и тут ничего не попишешь.

— Вот, теперь начинается самое опасное, мисс, — объявил праздный джентльмен, и, повернувшись к Джейн, скорбно покачал головой с видом человека, понявшего, что пришло время сказать горькую правду. — Спускаться, то бишь. Я не говорю, что лезть на вязы — безопасное дело, но самые ужасные случаи бывают на спуске. Мой приятель как раз спускался, когда сломал два ребра и заработал все эти ушибы и сотрясения.

— Ой! — воскликнула Джейн.

— Аи! — сказал праздный субъект.

Это было произнесено не без тени самодовольства: пророчество сбылось точно по расписанию, и пророку оставалось только потирать руки. На середине дерева Билл, как и мистер Тернер, столкнулся с коварством вязов. Он наступил на ветку, которая выглядела прочной и по всем остальным признакам должна была быть прочной, а она подломилась. Казалось, сейчас он рухнет, как мешок с углем (если воспользоваться поэтической метафорой праздного джентльмена), однако он успел ухватиться за другую ветку и спрыгнуть на землю. Рекорд Джорджа Тернера остался непобитым.

Джейн встретила Билла со всей теплотой, какую заслуживала его отвага. Внезапно она вскрикнула.

— Ваши бедные руки! Какой ужас!

— Ерунда.

— Она вас поцарапала?

— Раз или два.

— Мне ужасно жаль.

— Не обращайте внимания. Пустяки.

— Это вы так думаете, — поправил его праздный джентльмен. — Не удивлюсь, если в них попадет грязь и дело кончится столбняком. Мой дядя вот так порезал руку, а через три дня мы его схоронили. Вернее, через два с половиной, потому что он помер в обед.

Никто не успел выразить соболезнования, поскольку из-за деревьев донесся паровозный свисток, и Билл вздрогнул, возвращаясь от рыцарских подвигов к серой яви. Надо спешить, иначе он опоздает на поезд.

— Господи! — воскликнул он. — Мне пора бежать. До свидания.

— До свидания, — отвечала Джейн, — и…

Однако он уже исчез за поворотом дороги. Джейн, проводив его взглядом, обратилась к праздному джентльмену, который рассуждал о необходимости ампутации.

— Простите, не скажете ли вы, как пройти на Берберри-род?

Он глубоко задумался.

— Берберри-род?

— Да.

— Берберри-род?

— Да.

— Берберри-род? Барышня, вы на ней.

— На ней?

— Вот послушайте меня внимательно, — сказал праздный джентльмен. — Если вам нужна Берберри-род, то это она самая и есть.

— Спасибо большое, — ответила Джейн и через некоторое время уже звонила в парадную дверь особнячка, который строитель, большой знаток французского языка, назвал Мон Репо.

4

Дверь открыл прилично одетый господин довольно приятной наружности, хотя и несколько потрепанный жизнью. Он держался как камердинер или дворецкий — во всяком случае, какой-то домашний служитель. На какие средства ее хронически безденежный брат нанял домашнего служителя, пусть даже не первой свежести, Джейн понять не могла. Это оставалось такой же неразрешимой загадкой, как и то, что Алджи обретается в особняке, пусть маленьком, но явно требующем от обитателя некоторых трат. В наше суровое время даже Мон Репо даром не достается. За него надо платить кровными, как и за «Элизиум», «Отдохновение», «Дубки» и прочие дома с не менее поэтическими именами.

— Доброе утро, — сказала она, превозмогая изумление.

— Доброе утро, мисс.

— Мистер Мартин дома?

— Да, мисс, но он еще в постели.

Джейн была потрясена. Алджи с детства не стремился уподобиться жаворонку, который уже на крыле, когда часы бьют семь и склон в росе жемчужной,[101] однако ее возмутило, что он дрыхнет в такой час, особенно летом, когда солнце сияет и вся природа зовет жить и наслаждаться юностью.

— Вы хотите сказать, он до сих пор валяется?

Дворецкий взвесил вопрос и, видимо, счел, что формулировка, пусть менее изящная, чем у него, вполне отвечает истине.

— Да, мисс. Однако я сообщу ему о вашем приходе. Как прикажете доложить?

— Скажите, что это его сестра. Мисс Мартин.

— Очень хорошо, мисс. Сюда, пожалуйста.

Вскоре в гостиной появился Алджи в халате поверх пижамы.

— Здорово, шпингалет, — ласково поздоровался он, привольно раскидываясь на диване. — Я надеялся, что ты заглянешь, — и, увидев ее большие глаза, добавил: — Чего таращишься, как перепуганная плотва?

— Потому что на тебя противно смотреть, — отвечала Джейн с сестринской искренностью. — Ты знаешь, который час?

— Я сегодня не при часах.

— Заложил?

— Поместил на временное хранение.

— Двенадцатый час, а ты не одет.

— Скоро приступлю. Это дело не терпит спешки

— И не брит.

— Собираюсь отпустить бороду.

— Через мой труп.

— Полагаю, это можно устроить. Не понимаю общего предубеждения против бород. Такого рода маскировка просто необходима людям, которые, подобно мне, постоянно рискуют встретить заимодавцев. Будь у меня борода, я нырял бы в нее при виде кредитора и сидел бы, пока тот не пройдет. Уолт Уитмен всегда так поступал. Сигарету?

— Нет, спасибо.

— Боишься не вырасти еще больше, чем уже не выросла? Что ж, разумно. Но ты по-прежнему таращишься, — продолжал он, пристально разглядывая сестру. — Поразительно, что у такой пигалицы глаза — как у девицы в два раза выше ростом. Они вылезли из орбит. Что такое?

— Думаю, на кого ты похож.

— На что-то такое, что принесла кошка?

— Точно. Да. Возможно, та самая кошка, которую я встретила по пути со станции.

— По утрам я не в ударе. Погоди, пока я закончу туалет и засияю над Вэлли Филдс, как прекрасная бабочка, вылетевшая из кокона. Девушки будут перешептываться с замиранием сердца: «Кто он?». Так ты встретилась с кошкой?

— Не совсем, потому что она сидела на дереве. Молодой человек за ней полез.

— С какой стати?

— Потому что я его попросила.

— Слабоумный, — заключил Алджи. — Рисковать шеей *i* угоду незнакомой девице! Или он твой приятель?

— Нет, нас не представили. Он просто шел мимо. Я спросила: «Вас не затруднит?» А он ответил: «С превеликим удовольствием» или что-то в таком роде — и полез наверх.

— Вот уж чего бы я не стал делать! Помнишь, в нашем детстве я залез на дерево и ветка подо мной подломилась? Это могло кончиться несчастьем и, как ты собираешься сказать, кончилось, потому что я выжил

— Ничего подобного я говорить не собиралась. Ты же знаешь, как я тебя люблю. И все же я любила бы тебя еще больше, если бы ты перестал валять дурака.

— Валять дурака?

— А ты как это называешь?

— Я называю это терпеливо ждать, пока подвернется стоящая возможность, чтобы встретить ее во всеоружии. Так делаются великие состояния. Кстати, о состояниях. Помнишь, я просил выяснить у Генри, не одолжит ли он мне пять фунтов? И как?

— Дал. Просил передать, что посылает с ними свое родственное проклятие. Спрашивает, какого черта ты не работаешь.

Алджи покачал головой.

— Я не могу размениваться на работу. У меня полно великих замыслов, и все они требуют безраздельного внимания. Все, что мне нужно, — начальный капитал. Будь у меня тысяча фунтов, я бы покорил любые высоты. Ты бы ахнуть не успела, как я бы раскатывал в шубах и «роллс-ройсах».

— А где ты возьмешь тысячу фунтов?

— Это все спрашивают.

— Не могу понять, как ты вообще существуешь. Почему ты живешь в этом дворце? Здесь что, не берут арендной платы?

— Полагаю, какая-то символическая сумма время от времени переходит из рук в руки. Этим занимается Билл.

— Билл?

— Хозяин дома. Мой однокашник.

— Это он открыл дверь?

— Нет, пристав.

— Что?!

— Действующий от имени Даффа и Троттера, которым я немного задолжал. Не знаю, знакома ли ты с такими вещами, но они сперва посылают тебе серию писем с просьбой уладить затруднения, и если затруднения не улаживаются, отправляют пристава.

— Ты хочешь сказать, он все время при тебе?

— Да.

Джейн, хоть и не одобряла брата за денежную необязательность, тут же его пожалела.

— Бедненький! Какой ужас!

— Нет, я не в обиде. Скорее, наоборот. Кларенс — очень приличный малый. Кларенс Бинстед. Раньше играл на сцене, потом бросил, потому что это не совмещалось с его пьянством.

— Так он не только приставляется, но и прикладывается? Ты открываешь мне поразительные тайны из жизни бедняков.

— Суровая явь. Но если ты собираешься убиваться по моему поводу, то не стоит труда. Он сегодня уезжает. Билл за все расплатился.

— Очень мило с его стороны.

— Да, Билл такой. Щедрый. Добросердечный.

— Чувствуется. Хотела бы я с ним познакомиться. Где он?

— Поехал в Лондон к адвокату. Насчет наследства.

— Он получил наследство? Большое?

— По моим меркам — нет. Говорит, что-то около восьмисот фунтов в год.

— По-моему, неплохо.

— Да, кое-как перебиться можно. И, конечно, я отдам ему пять фунтов от Генри. Это что, ехидный смешок?

— Самый ехидный, на какой я способна.

— Ладно, оставайся и сама увидишь. Он приедет часов в шесть.

— Не могу. Мне надо обратно к цивилизации. Я обедаю с Лайонелом.

Как она и ожидала, при этом имени Алджи осуждающе фыркнул. Он не одобрял ее планов на семейную жизнь и редко удерживался, чтобы этого не сказать.

— Этот гнус! Я думал, он в Америке. Разве ты не говорила несколько месяцев назад, что он поехал туда поганить дом какому-то миллионеру?

— Он вернулся.

— Готов поспорить, еще гнуснее прежнего. Мог ли я вообразить, что моя единственная сестра вздумает выйти за интерьерщика?

— Он еще торгует антикварной мебелью.

— Тем хуже. Не могу понять хода твоих рассуждений. Что ты рассчитываешь получить? Уж, несомненно, целая жизнь с Л.П. Грином — слишком большая цена за бесплатно отделанную гостиную. Говоришь, вы вместе обедаете? Подсыпь ему яда в суп.

— Вряд ли мы будем есть суп.

— Тогда будь начеку. Смотри, чтобы в конце обеда он не отошел к телефону, оставив тебя платить по счету. Самое разумное, конечно, разорвать отношения за послеобеденным кофе. Да, именно так. Скажи, что много думала в его отсутствие и теперь между вами все кончено.

— Он не обидится?

— Напротив, восхитится твоим здравым смыслом. Ему прекрасно известно, какая он сволочь. Столько лет все ему об этом говорят. Я учился с Л.П. Грином, и у меня целая копилка историй, показывающих его полную негодность к употреблению. Как биологическая особь, он плох решительно всем. Помню как-то…

— До свидания, — сказала Джейн.

Она взяла сумочку и вышла. Кларенс Бинстед, пристав, стоял в прихожей, облокотясь на подставку для зонтиков. Они вежливо попрощались.

Глава II

1

На встречу Джейн шла не без некоторого трепета. Они с Лайонелом не виделись полгода, а первое свидание после долгой разлуки — это всегда нервно. Она чувствовала, что почти робеет.

Неуютное ощущение еще усиливалось тем, что обедать должны были у Лайонела в клубе — древнем и важном заведении, куда он вступил, потому что там собирались богатые люди, владельцы сельских усадеб, которым в любую минуту может потребоваться художник по интерьерам или торговец антикварной мебелью. Только год назад учредители со скрипом согласились выделить помещение, куда члены клуба могли бы приглашать дам. Меньше всего Джейн хотелось встречаться в таком месте. Здесь царила мрачная респектабельность, на окнах висели плотные шторы, мебель была тяжеловесная, дряхлые официанты с трудом переставляли ноги.

Все в Лайонеловом клубе угнетало Джейн, и особенно — испытание, которому посетители подвергались при входе. Они оказывались в просторном вестибюле, уставленном отвратительными статуями, в обществе швейцара, с которого эти статуи, возможно, лепили. Ему надо было сообщить свою фамилию и фамилию пригласившего лица. Швейцар, явно не веря ни единому слову, но, видимо, забавляясь тем, что самозванец сейчас окончательно себя разоблачит, отряжал мальчикам указанному лицу, предвкушая, как тот вернется и скажет, что лицо впервые о таком слышит. Это, словно говорил швейцар, навсегда отучит вас приходить сюда и просить в долг.

Сегодня ритуал, по счастью, сократился до минимума. Лайонел стоял в вестибюле, глядя на часы. При виде Джейн он шагнул вперед; она увидела, что шесть месяцев в Америке ничуть не повредили его картинной внешности.

Те, кто распоряжается человеческой жизнью, постановили — не без серьезной причины, надо полагать, — что художники по интерьерам в массе своей должны быть безобразны. Возможно, за этим кроется мысль, что слишком жирно совмещать красоту и талант в одном человеке. У художников по интерьеру куда чаще, чем у представителей иных

профессий, встречаются впалая грудь, срезанный подбородок и бакенбарды, похожие на древесные грибы. К примеру, Орло Тарвин, партнер Лайонела, так очевидно не дотягивал до человека, что при виде его даже сильные мужчины не могли сдержать дрожь.

Однако изредка встречаются отклонения, и самым заметным был Л.П. Грин, которого так не любил Алджи. При своих чарующих карих глазах, безупречном носе и шелковистых усиках он вполне мог быть знаменитым киноактером, благодаря которому куплены и съедены тысячи пакетиков с попкорном.

Ослепительная улыбка, правда, отсутствовала. Он выглядел сосредоточенным, даже обеспокоенным.

— А, вот и ты, — сказал он.

Джейн, и без того несколько сникшая после общения ср. швейцаром, совсем опешила. После шестимесячной разлуки она ожидала более бурного проявления чувств. Тут она сообразила, что он не может вести себя пылко при чужих, так что все претензии — к учредителям.

— Здравствуй, Лайонел, — сказала она. — Я не опоздала?

— На несколько минут.

— Прости. Мне пришлось съездить в Вэлли Филдс, повидать Алджи.

— Н-да? — сказал Лайонел, явно возмущенный тем, что она вращается в таком обществе. Недостаток любви между ним и Алджи всегда был взаимным.

— Он живет там v друга.

— Н-да?

— Я вырвалась, как только смогла.

— Хорошо, что ты успела вовремя, — сказал Лайонел, — потому что я пригласил друга пообедать с нами.

Джейн вытаращила глаза. Она подумала, что ослышалась

— Ты…

— Моего партнера, Орло Тарвина. Он тебе понравится.

— Ты уверен?

— Совершенно уверен. Интереснейший человек. А вот и он, — сказал Лайонел, и Джейн увидела, что к ним приближается нечто жуткое и худосочное. На нем были пестрые очки, галстук с широкими концами, непременные бачки и борода. Не очень большая борода — Уолт Уитмен бы в ней не спрятался, — тем не менее Джейн передернуло. Ей подумалось, наверное, что Лайонелу приятно с этим человеком, потому что тот оттеняет его красоту. — так некоторые хорошенькие девушки любят таскать за собой уродливых подруг.

Она вышла из недолгой комы и обнаружила, что Орло Тарвин завладел обеими ее руками и умильно заглядывает в глаза.

— Моя дорогая! — восклицал он. — Я безумно рад! Лайонел столько о вас говорил. Вам не кажется, что после Америки он выглядит просто замечательно? Он должен за обедом вам все-все рассказать.

— Да, идемте, — сказал Лайонел.

И они направились в потайной каземат, куда заключают посетительниц клуба. Джейн поймала себя на странном и неприятном чувстве. Проанализировав его, она пришла к выводу, что это ярость, крайнее возмущение, негодование, досада, бешенство и прочие эмоции, которые в «Словаре синонимов и сходных по смыслу выражений» следуют за словом «гнев». Когда она думала, что Лайонел, после шести месяцев разлуки, превратил долгожданное свидание в светское мероприятие с участием бородатого Тарвина, злоба, исступленность и остервенение вскипали и скворчали в ее груди, словно яичница на сковородке у дяди Генри.

2

День шел своим чередом. Джейн пообедала с Л.П. Грином и его другом Орло Тарвином. Билл пообедал со своим адвокатом. Алджи, по-прежнему в халате поверх пижамы, пообедал в Мон Репо сардинами с пивом. Кларенс Бинстед, надо думать, где-нибудь пообедал. В 3.30 Джейн села на поезд до Эшби Параден. В пять часов Генри Параден сел в шезлонг на лужайке Эшби-холла, чтобы сочинить приглашение Дж. Уэнделлу Стикни. Глаза он закрыл, чтобы лучше думалось. Задача была не из легких.

Открыв глаза, он снова принялся сочинять, но вдохновение все не приходило. Генри никогда не блистал в эпистолярном жанре. Он встал с шезлонга и заходил по лужайке, и весьма неосторожно, потому что отсюда он видел Эшби-холл — зрелище, от которого у него всегда портилось настроение. Иногда он гадал, за какой неведомый проступок вынужден нести такую суровую кару.

Одни рождаются обладателями усадеб, другие приобретают усадьбы, на третьих усадьбы сваливаются.[102] Генри принадлежал к последним. До того как стать единственным наследником Эшби-холла, он подвизался в оперетте, и лишь по смерти нескольких родственников, о чьем существовании почти не подозревал, оказался владельцем усадьбы в которой Парадены жили более четырех столетий.

В свое время это могло показаться завидным, но та счастливая пора давно миновала. Нынче Эшби-холл был не тот, что прежде, — он требовал денег, а с деньгами семье Параденов не везло вот уже несколько поколений.

Начало положил вышеупомянутый Красавчик Параден. Он практично рассудил, что, раз все равно не сохранишь, лучше тратить, пока есть, и редкий вечер не спускал за рулеткой по тысяче гиней. Кроме того, он немало потратился, спалив как-то в подпитии первоначальную елизаветинскую усадьбу и воздвигнув на ее месте нечто, напоминающее отчасти дворец принца-регента в Брайтоне, отчасти — средневековую крепость. Местные острословы называли это сооружение не иначе, как «Замок». Сам Генри люто ненавидел дом и часто с ностальгией вспоминал меблированные квартиры для артистов в Миддлсборо и Хардерсфилде.

Некоторое время он с тоской созерцал уродливую постройку, потом, философски рассудив, что ее не исправить, снова сел и начал письмо. «Дорогой мистер Стикни»

Начало было многообещающее, но дальше дело почему-то не клеилось. Знай он, что собирает дальний родственник, все было бы очень просто. Как поживают первые издания, спросил бы он. Купили ли вы в последнее время какие-нибудь интересные марки? Или, дорогой мистер Стикни, как бы я хотел взглянуть на ваших тропических рыбок. Однако все эти пути были закрыты. Генри мог только жевать авторучку — занятие, редко приносящее удовольствие, ибо ручки делаются из твердого материала и плохо пригодны для жевания.

Он все еще размышлял и нисколько не продвинулся, когда на страницу легла тень, и, подняв глаза, он увидел свою племянницу Джейн.

Она смотрела на дядю с ласковым одобрением, думая, как всегда при встрече, какой же он красивый и необычный. Генри хоть и разменял шестой десяток, был так же строен, что и в ту пору, когда каждое утро и каждый вечер исполнял по три танцевальных номера с субреткой. Это всегда была субретка, потому что он так и не поднялся выше второго актера на роль молодых людей. Последнее обстоятельство ничуть его не угнетало. Было бы здоровье и зарплата по пятницам, и что еще человеку нужно?

— Здравствуй, юная Джейн, — сказал он. — Я чуть не встретил тебя на станции, но мне надо написать это чертово письмо. Кухарку нашла?

— Да.

— А остальных?

— До последней горничной.

— Молодчина. Великий организатор, наша Джейн. Алджи видела?

— Видела. Страшное зрелище.

— Как он поживает?

— Превосходно. Беспечен и весел. Живет у друга по имени Билл. Я отдала ему твою пятерку.

— С моим проклятием?

— Да.

— Если бы он пошел работать!

— Так я и сказала, а он ответил, что нет времени. Слишком много великих замыслов.

— Чтоб ему пусто было. Я очень люблю Алджи, но повторяю — чтоб ему пусто было. Что больше всего бесит — вполне может быть, что он однажды и впрямь сделает состояние, хороши же мы тогда будем. От этих Алджи всего можно ждать. Он напоминает мне одного малого, про которого я читал. Он назанимал денег и все до цента вложил в резину. Друзья пытались его урезонить. Ты что-нибудь знаешь о резине? Да, в детстве я как-то купил резинку, чтобы стирать карандаш. Ты изучала рынок резины? Никогда не думал, что существует отдельный рынок, свою я купил в писчебумажной лавке. Он вложил все деньги и через неделю получил прибыль в пять тысяч фунтов. Алджи такой. Потрясающий малый. Полагаю, ты с трудом отговорила его пойти с тобой на обед.

— Нет, он не набивался.

— Удивительно. Бесплатный обед, а он не набивается. Кстати, как встреча?

Джейн поморщилась.

— Не очень.

— Что такое?

— Я тебе скажу, что! — вскричала Джейн, радуясь возможности облегчить душу. Уж если и рассказывать про свои горести, то именно Генри. — Ты не поверишь. Знаешь, сколько я не виделась с Лайонелом?

— Шесть месяцев, да?

— Примерно. И вот, я прихожу в его отвратительный клуб, думая, что мы уютненько посидим и уютненько побеседуем вдвоем, и первым делом слышу, что он пригласил друга.

— Что?!

— Своего партнера, мистера Тарвина.

— Шутишь!

— Ничуть.

— Удивительно.

— Мне тоже это показалось странноватым. И сам он как-то переменился.

— В каком смысле? — спросил Генри, думая про себя, что любая перемена в Лайонеле Грине может быть только к лучшему.

— Он был какой-то встревоженный. Как будто ему не. по себе. Почти ни слова не проронил. Ладно, хватит об этом. Кухарка приедет завтра, остальные — дня через два.

— Какая она?

— Много рекомендаций, мало обаяния. Вряд ли, когда она идет по улице, встречные мужчины восторженно замирают. Где у Диккенса была женщина, похожая на тетку Гамлета? Такая же угрюмая. Это про миссис Симмонс.

— Ну, нам не нужна развеселая кухарка.

— Нам вообще не понадобится кухарка, если твой Стикни не материализуется. Письмо закончил?

— Не совсем.

— Много написал?

— «Дорогой мистер Стикни».

— Что ж, это начало, и довольно удачное. Я помогу тебе сочинить остальное.

3

После ухода сестры день Алджи и дальше проходил в покое и довольстве. В шесть часов, когда вернулся Билл, его друг вновь возлежал на диване, и не встал, а только благожелательно помахал рукой.

— Ах, Билл, — сказал он. — Ты чуть-чуть разминулся с моей сестрой. Часов на семь. Она ушла примерно в половине двенадцатого.

— Не знал, что у тебя есть сестра.

— Уже давно. Ну, какие новости? Как твой адвокат?

— Почти как всегда, только сегодня он пригласил меня пообедать.

Алджи покачал головой.

— Не нравится мне это. Сдается мне, он тебя обрабатывает. Не давай ему ни пенни. Держись за свои деньги, как приклеенный. И вот, кстати, добавь к ним.

— Что это?

— Казначейский билет на пять фунтов, пожертвованный моим дядюшкой.

— Оставь себе.

— Нет уж, возьми. Я не буду себя уважать, если не разделю с тобой бремя домашних расходов.

— Ну, хорошо, раз так, — нехотя отвечал Билл.

Он протянул руку, и Алджи испытующе на нее уставился.

— Ага! — сказал он.

— А, царапины, — сказал Билл. — Это меня… Алджи остановил его жестом.

— Можешь не рассказывать. Я всегда боялся, что это случится. Ах уж эти порывистые натуры! Когда вы встречаете девушку, которая вам нравится, вы без лишних слов хватаете ее в охапку и начинаете целовать. И что дальше? Она, как честная девушка, царапает вас до кости. И поделом. Будем надеяться, что это послужит тебе уроком.

— Между прочим, то была кошка.

— Увиливаешь? Мог бы придумать что-нибудь пооригинальнее.

— Она залезла на дерево…

— Еще чего!

— И девушка попросила ее снять. Суровость Алджи мигом растаяла.

— Билл, — сказал он, — я был не прав. Приношу всяческие извинения и беру назад свои упреки. Так это ты идиот, который залез на дерево? Сестра мне все рассказала.

Билл заметно вздрогнул.

— Ты хочешь сказать, что это твоя сестра?

— Полагаю, она очень гордится нашим родством. Оно поднимает ее в глазах друзей.

— Она не очень на тебя похожа.

— Да, бедняжка, это тайно ее гнетет. Хотел бы я получать по пять фунтов всякий раз, как она глядит на меня своими голубыми глазами и говорит: «Ах, если бы я была большой, сильной и красивой, как ты!» Очень жаль, что она такая мелкая инфузория.

Билл снова заметно вздрогнул и сказал сухо:

— Мне она не показалась мелкой инфузорией.

— Но все-таки вроде пигалицы, да? Однако, учти, она очень славная. Лучше не бывает. Да, Джейн — девушка, что надо.

— Ее так зовут?

— Да.

— Джейн, — благоговейно повторил Билл, смакуя имя на языке, как выдержанный портвейн. — Она часто бывает в этих краях?

— Вряд ли еще приедет. Она живет в загородном доме с моим дядей

Генри, первоначальным владельцем этих пяти фунтов.

— Где дом?

— Эшби-холл, Эшби Параден, Сассекс.

— Эшби-холл, Эшби Параден, Сассекс, — медленно повторил Билл. Ему не нужно было записывать адрес в книжку — слова огненными буквами впечатались в его память.

Ибо в этот день Билла Харди настигла любовь. Для точности повествования заметим, что в прошлые годы подобное уже случалось с ним раза два-три. Однако теперь он сам видел, что то были мальчишеские фантазии.

Глава III

1

А теперь менестрель, настроив арфу, готов воспеть Дж. Уэнделла Стикни.

Единственный сын покойного Дж. Дж. Стикни из «Молочных продуктов Стикни», он жил со своей теткой Келли и английским камердинером Кларксоном в квартире на Парк-авеню, которую вполне мог себе позволить. Его отец был как раз таким магнатом, какого описала Джейн, и оставил наследство, удовлетворившее бы даже взыскательного Алджи. И Генри правильно угадал в нем ценителя искусств. Кроме стрижки купонов, он не имел к финансам никакого касательства. Коммерция его не привлекала.

В тот миг, когда он появляется в нашем повествовании, Дж. Уэнделл Стикни сидел у себя в кабинете, переваривая обед, который приготовила Аллилуйя Джонсон, приходящая кухарка, и в ожидании кофе читал тощую брошюру, озаглавленную «Международный рынок предметов искусства». Если верить издателям, здесь ежемесячно публиковались цены на живописные произведения, старинную мебель и objects d'art. Внимание его привлекло объявление господ Сотби из Лондона, которые собирались выставить на торги французское пресс-папье восемнадцатого века, описанное следующим образом:

«109. Пресс-папье. Клиши, двойная позолота, бирюза, с изящным грибком, снаружи в лиловую и белую полоску, три концентрических ряда розовых, синих и зеленых стеклянных палочек в технике миллефьоре, в центре — алая роза в кольце белых палочек авантюринового стекла, сбоку прорезано пять круглых окошек, одно большое окошко вверху, основание — звездчатой огранки».

Нормального человека, читающего главным образом с целью узнать, что убийца — дворецкий, вряд ли тронула бы эта жемчужина английской прозы. Иное дело мистер Стикни. Описание задело глубинные струны его сердца. Глаза за очками в черепаховой оправе вспыхнули, дыхание участилось, в душе созрела решимость немедленно связаться со своим лондонским агентом.

Генри и Джейн, пытаясь угадать, что он собирает, блуждали во тьме.

Не фарфор и не первые издания, не марки, не картины и не тропические рыбки. Уэнделл Стикни собирал французские пресс-папье восемнадцатого века.

Когда человек тратит уйму времени и денег на то, что большинство его друзей и знакомых отказалось бы принять в дар, невольно задаешься вопросом: как он до этого дошел? Хотелось бы знать подробнее, откуда у мистера Стикни пагубное пристрастие к пресс-папье, изготовленным во Франции в восемнадцатом столетии. Известно, что первые экземпляры достались ему в наследство от крестного (который собирал также ручки от зонтиков работы Карла Фаберже). Надо думать, что после этого он время от времени бессистемно покупал новые, полагая, как и многие коллекционеры, что еще от одного вреда не будет, и он может бросить, когда угодно.

Старая, старая история. Человек говорит себе, что французские пресс-папье — всего лишь баловство, он всегда сможет без них прожить, а сам уже на крючке. В жизни Уэнделла этот момент остался далеко позади. Он уже не пытался противостоять своей страсти. Французские пресс-папье восемнадцатого века вошли в его кровь. Он не мог смотреть на них или читать про них без алчного трепета.

Он перечитывал описание грибка, круглых окошек и звездчатой огранки, замирая на каждом слове, когда его вывел из задумчивости взрыв веселья в коридоре. Уэнделл различал серебристый смех тетушки Келли и басовитые раскаты миссис Аллилуйи Джонсон. Потом хлопнула входная дверь, возвестив, что кухарка ушла в родной Гаарлем, а тетушка, пережиток покойного Теодора Стикни, вошла в кабинет.

Келли дышала здоровьем и жизнерадостностью. В свои почти пятьдесят она сохранила немало былой красоты, однако из-за нежелания считать калории утратила юную стройность. Сегодня она напоминала хористку из «Зигфилд Фолли», которую забыли под дождем и она немножко разбухла. У нее были большие глаза, которые в данную минуту весело сверкали. Аллилуйя, сообщила Келли, только что Рассказала преуморительную историю. Мистер Стикни затрепетал. Его постоянно приводила в ужас привычка фамильярничать с низшими сословиями. Мистер Стикни первый превозносил стряпню миссис Джонсон, особенно жареную курицу по-плантаторски, однако считал ее неподходящей приятельницей для женщины, которая, пусть и не по рождению, носит гордую фамилию Стикни. Если миссис Джонсон хочет рассказывать смешные истории, пусть рассказывает их в своем кругу.

— Это про ее деверя Эфраима…

— Не желаю слушать, — сказал Уэнделл.

Наступила недолгая тишина. Мистер Стикни думал о тетке и мечтал, чтобы она лучше следовала кодексу семейства, известного своей правильностью. Да, она добрая, веселая и отзывчивая, но ей не хватает лоска, к тому же она совсем не осознает своего общественного положения. Уэнделл был согласен со своей сестрой, миссис Лореттой Стикни-Паунд, известной публицисткой, что, женившись на танцовщице, дядя Теодор совершил главную ошибку в жизни, и без того вызывавшей множество нареканий.

Более того, Уэнделл жил в постоянной тревоге, как бы ее пылкая натура ни привела к поступкам, из-за которых гордое имя Стикни станут трепать на каждом углу. Этот же страх преследовал его сестру Лоретту. Попомни мои слова, Уэнделл, частенько говорила она, рано или поздно эта женщина попадет в прессу. И всякий раз, как она это говорила, под ложечкой у ее брата возникало такое чувство, будто кто-то шурует у него в желудке венчиком для сбивания яиц.

Жизнерадостную Келли было нелегко смутить каким-то упреком. Ее всегда интересовало, что делают другие. Она спросила, что он читает. Уэнделл показал каталог.

— Про пресс-папье?

— Про французские пресс-папье восемнадцатого века.

— Интересно?

— Очень.

— Отлично. Ничего если я выйду, прошвырнусь?

— Конечно-конечно.

— Жарища адская, так что я, наверное, возьму такси и покатаюсь по парку.

— Прекрасная мысль, — сказал мистер Стикни. Он всегда немного нервничал, когда она выходила гулять одна — *не* улице так легко завести нежелательное знакомство, — однако вряд ли можно попасть в нехорошую историю, катаясь в такси.

2

Друзей немало озадачивало, почему такой человек, как Уэнделл, поселил у себя вдову покойного дяди, тем более такую, как Келли, однако все объяснялось донельзя просто. Она занимала свободную спальню. Если бы Стикни не подсуетился и не пригласил тетку, туда въехала бы Лоретта,

а при одной этой мысли кровь стыла у него в жилах. Лоретта несколько раз говорила, что глупо платить за две квартиры, когда гораздо экономнее жить в одной, и Уэнделл ухватился за тетку, как утопающий — за спасательный круг. У Келли есть свои недостатки — он и сейчас хмурился, вспоминая недолжные беседы с Аллилуей Джонсон, — но все же она — не миссис Лоретта Стикни-Паунд.

Вошел Кларксон с кофе. Примерно час Уэнделл наслаждался покоем. Одиночество всегда его успокаивало. Он еще почитал «Международный рынок предметов искусства», решил отправить агенту телеграмму, чтобы тот попытался купить на аукционе означенное пресс-папье, минут двадцать подремал. Проснулся он от того, что Кларксон пришел забрать чашку, и тут зазвонил телефон. Мистер Стикни указал на аппарат пальцем. Он не любил говорить по телефону.

— Если это меня, то я вышел.

Кларксон снял трубку и заворковал в своей учтивой манере:

— Квартира мистера Стикни… А, добрый вечер, мадам… Да, мадам?.. Очень прискорбно, мадам… Да, мадам… Конечно, мадам… Сейчас сообщу мистеру Стикни, мадам… Это мадам, сэр, — сказал Кларксон, устраняя последнюю тень сомнения, которая еще могла оставаться у хозяина. — Она просит одолжить ей десять долларов.

— Десять долларов?

— В качестве залога, сэр.

— В качестве залога?

Если Кларксону и показалось, что его господин уж слишком сильно подражает эху в швейцарских горах, вслух он этого не сказал. Вышколенный камердинер умеет держать язык за зубами. Он сказал лишь «Да, сэр», и наступила гнетущая тишина, которую нарушил животный вой мистера Стикни — до него наконец дошел смысл разговора.

— Вы хотите сказать?..

— Да, сэр. Мадам взяли под стражу.

У мистера Стикни забулькало в горле. Он сказал себе, что всегда ждал чего-то подобного. На свою беду, он недооценил опасности такси. Судя по всему услышанному, они занимают одну из первых строк в списке криминальных мест города.

Хриплым голосом он спросил:

— Она сказала?..

— Сэр?

— Она сказала, за что?

— Нет, сэр. Только то, что она в полицейском участке и просит

одолжить ей десять долларов в качестве залога. Хотите ли вы, чтобы я отвез мадам деньги?

— Конечно-конечно.

— Очень хорошо, сэр.

— Возьмите такси.

— Да, сэр.

— Она сказала, где?..

— Да, я запомнил адрес, сэр.

— Тогда поторопитесь.

— Да, сэр.

Кларксон вышел с достоинством, как это умеют английские дворецкие, а мистер Стикни рухнул обратно в кресло и предался мрачным раздумьям. Ему виделись аршинные заголовки в желтых газетах, треплющие гордое имя его семьи.

Он все еще трепетал, когда дверь распахнулась, словно налетел ураган из тех, что так разнообразят жизнь Америки в сентябре, и вошла Келли. Глаза ее метали молнии, она раскраснелась и вообще выглядела так, будто чудом выбралась из смятого в лепешку поезда.

3

— Все отлично, все отлично, все отлично! — объявила она с порога, явно предупреждая возможную критику. — Вы скажете, что потрясены, изумлены и шокированы, но сейчас я объясню, что случилось, и вы согласитесь, что я невинна, как новорожденный младенец. Кстати, спасибо за десятку.

— Не за что, — слабо отвечал Уэнделл. Он был несколько ошарашен. Обычно тетушка держалась вполне спокойно, и он никогда не видел ее во власти столь бурных чувств.

— Да, сэр, невинна, как новорожденный младенец.

— Вы хотели рассказать мне, что произошло.

— Вернее, как нерожденный младенец. Дело яйца выеденного не стоит.

— Тетя Келли!

— Да?

— *Что произошло?*

— Вот спросите, спросите.

Уэнделл напомнил, что именно об этом и спрашивает. Келли,

подумавши, согласилась.

— Ну, — сказала она, немного успокаиваясь, — все началось с того, что я не стала брать такси. Вечерок был отличный, и я решила махнуть на Кони-Айленд.

— На Кони-Айленд! — почти беззвучно повторил Уэнделл. Он знал, что люди туда ездят, но только пролетарии. Ни один Стикни не опускался до подобной вульгарности, разве что, может быть, дядя Теодор в юные лета. Дядя Теодор много такого выкидывал, из-за чего родственники качали головами. Известно, например, что он любил смотреть бейсбол с самых дешевых мест и как-то запустил в судью бутылкой из-под шипучки.

— Я туда не добралась из-за того, что случилось в поезде.

— Что-то случилось в поезде?

— Не то слово! И не по моей вине. Спросите кого угодно, вам скажут, что это не я начала. Я сидела, никуда не лезла, невинная, как нерожденный…

— Тетя Келли!

— А?

— *Что* случилось в поезде?

— Я рассказываю, вы просто не слушаете. Значит, как дело было. Через проход от меня сидели муж и жена. Они начали выяснять отношения, но я не слушала. Он на нее орет, она — на него, все нормально. И вдруг он как врежет ей по физиономии!

— Боже! — с содроганием выговорил Уэнделл. Если кто-то из его предков и врезал кому-нибудь по физиономии, в семейных анналах это не сохранилось.

— Естественно, я поняла, что кому-то пора вмешаться. Нельзя лупить жен даже в поезде на Кони-Айленд, где вообще-то нравы свободные. Я встала и сказала, что ему должно быть стыдно, а он ответил таким словом, какого я не слышала с тех пор, как танцевала в варьете.

— Продолжайте, — слабо произнес Уэнделл.

— Ну, я огрела его сумочкой, и доложу вам, — сказала Келли, верно истолковав тихий стон своего родственника, — будь на моем месте королева Виктория, и услышь она, как этот тип меня обозвал, она бы поступила точно так же.

У Стикни судорожно заходил кадык.

— Продолжайте, — шепнул он.

— Не поверите, что было дальше. Что-то шмяк меня по голове! Оказывается, стерва, за которую я заступилась, заехала мне сумочкой. Ну есть в мире благодарность?

— И потом?

— Ну, тут пошло-поехало. Мы сцепились, зрители приняли кто мою, кто их сторону, и началась потасовка. К несчастью, с нами ехали два фараона, и не успела я оглянуться, как оказалась в кутузке. Забыла сказать, что по ходу дела сумочка раскрылась и все высыпалось на пол, поэтому мне пришлось просить у вас десятку.

Впервые за время рассказа Уэнделл немного просветлел. Нельзя сказать, чтобы он успокоился, но во всей этой мрачной истории проглянуло что-то обнадеживающее.

— Так они не заглянули в сумочку и не установили вашу личность?

— Нет, все разлетелось по полу.

— А там не было адресованных вам писем?

— Я ж говорю, даже если бы фараоны облазили весь вагон на карачках и все собрали, они бы не поняли, что чье.

— Ах! — облегченно вздохнул Уэнделл. Все-таки есть такая вещь, как семейное везение.

— И вообще у меня в сумочке не было писем, только губная помада, пудра, портсигар и все такое. Кстати, о письмах. Одно из ваших попало сегодня утром в мои, и я забыла его отдать. Оно у меня в комнате. Кто такой Генри Параден? Живет в Англии в каком-то Эшби-холле.

В голосе Уэнделла прорезались почтительные нотки.

— Генри Параден — глава нашего рода.

— Тогда почему его фамилия не Стикни?

— Он принадлежит к одной из боковых ветвей.

— Это еще что значит?

— В начале девятнадцатого века Стикни и Парадены связали себя узами брака. Я сейчас не могу объяснить подробнее. Что он пишет?

— Зовет вас в гости.

— Это замечательно!

— Вы поедете?

— Конечно.

— Тогда я с вами.

— Невозможно!

— Почему? Будь вы женаты, вам бы полагалось ехать с женой. Вы холосты, поэтому берете с собой тетку. Когда едем?

Уэнделл задумался. Страшно подумать о том, чтобы ввести Келли в рафинированную атмосферу Эшби-холла, но еще страшнее — оставить ее в Нью-Йорке, где она того гляди угодит в кутузку, на этот раз — с документами. Какие фортели она бы ни выкидывала в Англии, как бы

часто английская полиция ни забирала ее под стражу, пресса островного королевства вряд ли отведет ей больше абзаца на одной из последних полос. Он ответил, что намерен выехать как можно скорее.

— Вы правда хотите поехать?

— Меня домкратом не остановишь.

— Хорошо, но будьте осторожны.

— Что значит, осторожны?

— Я думал об этих ваших историях. Пожалуйста, не рассказывайте их в Эшби-холле. Английские семьи очень разборчивы.

— Даже про Аллилуйиного деверя Эфраима? Ладно, как хотите. А жалко, они бы здорово поржали.

Глава IV

1

Часы над конюшней Эшби-холла пробили пять, и в тот же миг Джейн, сидевшая в шезлонге на лужайке, увидела в воротах такси. Дядя Генри вернулся из Лондона, где обедал с мистером Стикни. Миллионер предложил познакомиться, прежде чем он переедет в Эшби-холл.

Как всегда, когда надо было одеваться и ехать в Лондон, дядя Генри разнылся, что лучше вообще оставить эту затею, однако Джейн была непреклонна. Генри уехал, пожаловавшись, что чувствует себя как в старые времена, когда его вызывали к директору театра. Теперь он снова был бодр и весел. Обед пришелся ему по душе.

— Банкет, — сказал он. — Стикни оказал нам честь.

— Нам? — сказала Джейн, удивляясь, что он говорит о себе во множественном числе, как монарх или главный редактор в передовице.

— Он привез с собой тетку.

— Только не это!

— Откуда такой испуг?

— Это крах. Мы не сможем как следует принять богатую американку. Они привыкли к роскоши.

— Ну, у нас есть дворецкий, кухарка, старшая и младшая горничные. Не думаю, что в Бекингемском дворце лучше. И потом, мне не показалось, что она богатая. Скорее, бедная родственница. Но она не станет смотреть на нас свысока, даже если купается в деньгах. Она для этого слишком славная. Ты читала «Кентерберийские рассказы»?

— Ну, знаешь, то одно, то другое, все как-то недосуг… А что?

— Она напомнила мне Батскую ткачиху. Веселая и раскованная. Танцевала на сцене.

— Это обнадеживает.

— В варьете. Очень занятная женщина. У меня создалось впечатление, что она знает все анекдоты на свете. Вот одна история, про деверя их кухарки Эфраима…

Он не успел договорить, потому что в доме зазвонил телефон. Минуты через две вышел Феррис, дворецкий.

Феррис был представительный, чопорный и мрачный. Казалось, он

постоянно о чем-то размышляет, вероятно, о космосе, и мысли эти неутешительны. Генри уже несколько раз говорил, что истинное духовное обиталище Ферриса — что-нибудь вроде дома Эшеров Эдгара Аллана По, куда тот вписался бы без малейшего труда. Сейчас он заговорил загробным голосом дворецкого, на которого меланхолия раз и навсегда наложила свою печать.

— Мистер Тарвин, мисс, спрашивает вас.

— Скажите, что не сумели меня найти.

— Очень хорошо, мисс, — сказал Феррис и удалился с нахмуренным челом.

— Тарвин? — сказал Генри. — Почему эта фамилия кажется мне знакомой?

— Я тебе про него рассказывала. Лайонел притащил его на обед.

— А, вспомнил. С бородой.

— Да. И бакенбардами.

— Зачем он тебе звонил?

— Этого мы никогда не узнаем, если, разумеется, он не попросит что-нибудь передать.

Вновь появился Феррис. Генри изучающе смотрел, как тот подходит.

— Интересно, — сказал он.

— Что интересно?

— Почему, когда я отправил тебя за дворецким, ты не выбрала кого-нибудь пожизнерадостней.

— На меня произвела впечатление его важность. Я подумала, на мистера Стикни она тоже произведет впечатление. Ты предпочел бы веселого, искрометного дворецкого?

— Такого, который съезжает по перилам — нет, — признался Генри. — Да, Феррис?

— Мистер Тарвин выражает свое сожаление, мисс, что не смог поговорить с вами, и просит передать, что он выслал вам хорошие книги.

— Спасибо, Феррис.

— Спасибо, мисс, — сказал Феррис, и удалился торжественной походкой человека, следующего за гробом старого и любимого друга.

— Зачем Тарвин посылает тебе хорошие книги? — спросил Генри, и Джейн рассмеялась.

— Чтобы развить мой ум. Я чего-то в этом роде ждала. За обедом мы заговорили о книгах, он спросил, какие я люблю больше всего. Я сказала: «Детективы». Помнишь, я тебе давала на днях «Кровавого Бредли»? Какая-то женщина написала, не помню фамилии. Я просто оторваться не могла.

— Я тоже. Кстати, хорошо, что напомнила. Я обещал ее викарию.

— Викарий читает детективы?

— Запоем.

— И это серьезный ученый, который пишет умные книги про ранних Отцов Церкви! Жалко, я не знала этого, когда говорила с Тарвином. Понимаешь, когда я посоветовала ему прочесть «Кровавого Бредли», он сразу меня запрезирал.

— Как это выглядело?

— Он вытаращил глаза и спросил: «Дорогая моя, неужели можно читать книгу, которая называется "Кровавый Бредли"?» Когда я ответила, что да, можно, и привела себя в качестве примера, он покровительственно вздохнул и сказал, что у меня, кажется, плохой вкус. Жалко, что я не смогла сунуть ему в нос викария. Интересно, что он прислал. Наверное, что-нибудь познавательное. Знаешь что, Генри? Я вдруг поняла. Он пытается изменить меня к лучшему.

— Чепуха. Ты и так хороша.

— Я тоже так думаю. Но он точно пытается меня изменить. Все признаки налицо.

— Очень глупо. Меня пытались изменить к лучшему сперва в школе, потом в Кембридже. А когда я бросил Кембридж и пошел на сцену, сдохнуть мне, если это все не началось по новой с режиссерами и хореографами. Как ты думаешь, мистер Стикни не попытается изменить меня к лучшему?

— Я бы не удивилась. Какой он?

— Да, в общем, ничего. Немного надутый. Мне показалось, он не вполне одобряет рассказчицкий дар своей тетки. Как-то сразу сник, когда она начала сыпать смешными историями. Я тактично разрядил ситуацию, сказав, что слышал, будто он коллекционер. После этого он не умолкал. Мы ошиблись насчет его коллекции, Джейн. Не поверишь, он собирает пресс-папье. Французские пресс-папье восемнадцатого века, если быть совсем точным.

— А, их.

— Ты говоришь так, будто они тебе хорошо знакомы.

— Конечно. У тебя одно есть.

— У меня?

— Ну да. Красавчик купил его во Франции в тысяча восемьсот каком-то. Я его большая обожательница. Стоит в картинной галерее вместе с другими фамильными ценностями.

Генри поморщился. Она коснулась обнаженного нерва.

— Не говори мне про фамильные ценности. Я их ненавижу. Как подумаю, сколько они стоят и вспомню, что закон не позволяет мне их продать, сердце кровью обливается. Сколько, по-твоему, может стоить французское пресс-папье восемнадцатого века? Не трудись отвечать, я и так знаю, что ты не имеешь ни малейшего представления.

— А вот как раз имею. Прочла недавно в газете. Недавно одно ушло на «Кристи» за тысячу фунтов.

Генри сдавленно вскрикнул.

— Тысячу? Господи! Ну вот, теперь ты испортила мне день. Мое пресс-папье сидит себе сиднем в картинной галерее, а я не имею права обратить его в наличность. Только потому, что какой-то осел придумал закон, запрещающий продавать фамильные ценности. Просто зло берет. Будь у меня тысяча фунтов.

— Ты в точности, как Алджи.

— Когда говоришь это, улыбайся. И, пожалуйста, не надо про Алджи. У меня от его упоминания давление подскакивает.

— Ладно, расскажи про мистера Стикни.

— Рассказывать, собственно, нечего. Он бросил курить, любит хорошее вино, которого, слава Богу, у меня достаточно, спасибо господам Даффу и Троттеру. Поэтому… Что с тобой?

Джейн тоненько вскрикнула.

— Ой, Генри, я начисто забыла!

— Про что?

— Про Алджи и пристава.

— Господи! Неужели у Алджи пристав?

— Да, и знаешь, от кого? От Даффа и Троттера, которым ты столько задолжал. Ты не боишься, что и тебе такого пришлют? Ужасно, если толпа приставов нахлынет в то самое время, когда ты будешь продавать дом мистеру Стикни. Это его спугнет.

Генри, с обычной своей беспечностью, только отмахнулся. Он не умел мрачно смотреть на мир. К будущему он относился со старым театральным оптимизмом — на премьере все будет отлично.

— Не тревожься, моя девочка. И не равняй меня с Алджи. Приличный торговый дом, как Дафф и Троттер, так со мной не поступит. Я — важная шишка, мне отведена четверть страницы в «Справочнике поместного дворянства». Они задрожат, стоит мне легонько нахмуриться. Телефон звонит.

Джейн встала.

— Наверное, опять Тарвин.

Она ушла довольно надолго и вернулась, весело улыбаясь.
— Угадай, кто, — сказала она.
— Тарвин?
— Нет. Алджи.
— Чего ему надо?
— Спросил, не знаю ли я, кто бы одолжил ему пятьсот фунтов. У него очередной великий замысел. Нужен капитал.
— Дай ему Бог. Он не собирается просить у меня?
— Нет, даже Алджи не такой оптимист, — сказала Джейн.

2

Нахмурив брови, Уэнделл Стикни сидел на низком парапете террасы напротив парадной двери Эшби-холла; однако хмурился он не потому, что этот странный памятник эпохи Регентства оскорблял его эстетическое чувство. Мысли его витали в другом месте. Он думал о французских пресс-папье восемнадцатого века, в частности — о том, которое хозяйская племянница показала ему после обеда, когда водила по дому.
Уэнделл хотел это пресс-папье. Уэнделл стремился к нему всей душой и готов был заплатить высокую цену, если хозяин согласится расстаться со своим сокровищем..
Но вот согласится ли? Этот вопрос Уэнделл и задавал себе, сидя на парапете. Английские аристократы могут оскорбиться, если завести с ними разговор о деньгах. Одно неверное слово, и скажите «спасибо», если не получите в ответ холодное: «Неужели?» или еще более холодное: «Удивительно» вкупе с ледяным британским взглядом из-под вскинутых британских бровей.
Он, наверное, размышлял бы на эту тему бесконечно, если бы не услышал бодрый голос и, подняв глаза, не увидел свою тетю Келли.
— Привет, Уэнделл, — сказала она. — Что вы тут сидите, как канюк на камне?
Сравнение не очень понравилось Уэнделлу, но он довольно вежливо ответил, что думает, и спросил, чем она занималась.
— Хэнк показывал мне здешние места. Вам надо на них взглянуть. Вон за теми деревьями — озеро, большое, как в Центральном парке. Кто-то из предков вырыл. Наверное, стоило уйму денег.
— Скорее всего, это был знаменитый Красавчик Параден, — отвечал эрудированный Уэнделл. — Он прославился своей расточительностью.

— Вот и Хэнк так говорит.

Второй раз услышав это имя, Уэнделл вздрогнул.

— Вы не о мистере Парадене?

— О ком еще?

— Вы же не зовете его Хэнк?

— Зову. Я спросила разрешения. Мы оба согласились, что так приятнее, чем Генри.

— Вы хотите сказать, что настолько близко с ним сошлись?

— Не разлей вода.

— В таком случае, — сказал Уэнделл, — вы кое-что можете для меня сделать. Вчера вечером, когда мисс Мартин показывала мне дом…

Фраза осталась неоконченной. На террасу вышла Джейн.

3

Джейн была в отличном настроении. Ее страхи касательно американок рассеялись в первые пять минут после приезда Келли. Вдова покойного Теодора Стикли быстро сходилась с людьми.

— Всем привет, — сказала Джейн. — Я в деревню за табаком для Генри. Вам купить, мистер Стикни?

— Спасибо, я не курю. Раньше курил, но теперь бросил.

— Уэнделл ест сладости, — сказала Келли. — Он любит такие мягкие шоколадки.

— Хорошо, куплю. Хотите сходить в деревню, миссис Стикни?

— Зовите меня Келли.

— А можно?

— Иначе я обижусь. Далеко это?

— С милю.

— И с милю обратно. Ясно. Дойду с вами до дороги. Скажите, — спросила Келли, когда они отошли от дома, — вам нравится все время жить за городом? Я не ругаю деревню, здесь классно. Просто я подумала, вы здесь скучаете.

— Я тут в отпуске. А вообще я работаю в Лондоне. Секретаршей.

— Надо же! Я тоже работала секретаршей, прежде чем стать танцовщицей. И потом, когда растолстела и режиссеры меня больше не приглашали. Так я и познакомилась с Теодором.

— С Теодором?

— С моим покойным мужем. Контора, в которой я работала,

отправила меня к нему писать под диктовку. Он был в свое время жутко известный и теперь писал воспоминания. И пороха в нем было еще ого-го. Знаете рисунки Питера Арно[103] в «Ньюйоркере»?

— Конечно.

— Вот и он такой был. Седые усы и уйма энергии. Я пришла к нему домой, и все завертелось. Недели не прошло, он уже предложил мне руку и сердце. Как сейчас помню тот день. У него как раз случилось несварение желудка. У него, у бедняжки, это часто бывало, и он лечился бренди. Говорил, друг присоветовал, как единственное средство. Уже умер. Друг то есть. Цирроз печени. Да, всякая плоть — трава, как кто-то сказал. А в тот вечер он, надо думать, хватил лишнюю рюмку, потому что посреди воспоминаний о старом Хеймаркете вдруг стал гоняться за мной вокруг стола. Короче, не успела я опомниться, как он сгреб меня в охапку и принялся целовать, так что за ушами трещало.

Она умолкла, вспоминая золотое прошлое.

— Расскажите еще, — попросила Джейн.

— Ясное дело, я ему врезала.

— Ясное дело.

— Пресс-папье. Странное совпадение, если вспомнить, что Уэнделл их собирает. Чудно, мне всегда казалось, хотя я знала одного, он собирал спичечные коробки. У него их были сотни, все разные. Бегал по городу, искал ресторанчики, в которых свои, фирменные. Я часто говорю, чего только на свете не бывает. Где я?

— Врезали мистеру Теодору Стикни пресс-папье.

— Ага. Говорят, Небеса хранят работающих девушек, и оно, наверное, так, но лучше и самой не плошать. Нельзя все заботы перекладывать на тех, кто наверху. Я засветила ему как следует, и он, потирая голову, объяснил, что я неправильно его поняла. Он ничего такого не хотел, а хотел, чтобы я вышла за него замуж и заботилась о нем на склоне лет. Сказал, что сразу угадал во мне отзывчивое женское сердце. Видите ли, в промежутках между диктовками я растирала ему животик, когда его особенно мучило пищеварение, и это склонило чашу весов, если вы меня понимаете.

— Отлично себе представляю.

— Мы обручились. Конечно, родственники, когда узнали, ходили на ушах, и я их не виню, потому что с их точки зрения я была не подарок, и они считали, что Теодор портит семейное… что там портят?

— Реноме?

— Да? Мне казалась, что реноме — это какая-то французская еда. В

любом случае, они сказали, что он его ужасно портит. Ему, понятно, было хоть бы хны. Мы поженились через неделю в Маленькой Церковке За Углом, и жили очень счастливо, пока его не хватил удар. Бедный птенчик не мог отказать себе в икре и лобстерах, ну, и бренди подсобило. Однако до тех пор все было отлично. Некоторые хают семейную жизнь, а по мне так она в самый раз. Собираетесь замуж?

— Я помолвлена.

— С соседом?

— Нет, он живет в Лондоне.

— И чем занимается?

— Художник по интерьерам.

— Шутите!

— Нет, правда!

— Пошлите его к чертям.

— Что?!

— Пошлите его к чертям. Я однажды чуть не выскочила замуж за интерьерщика и знаю, о чем говорю. Последние люди.

Джейн рассмеялась.

— Мой брат тоже так говорит. Мне кажется, и Генри так думает, только не говорит из вежливости.

При упоминании Генри на лице Келли проступила задумчивость.

— Насчет Хэнка, — сказала она. — Не понимаю.

— Что вас удивляет?

— Да все. Он сказал, что работал в театре. С чего бы он вдруг из актера заделался поместным лордом, или как там у вас это называется?

— Очень просто. Умерли два или три родственника, которые шли перед ним в списке, и он оказался следующим. Просто получил наследство.

— Как принц, когда король сыграет в ящик?

— В точности. Келли задумалась.

— Ну, тогда, думаю, ничего, если ему нравится, — сказала она наконец. — Только, наверное, ему скучно жить тут одному круглый год.

Джейн поспешила ее разуверить.

— Все не так плохо. У него здесь куча друзей. Его все очень любят.

— Неудивительно, — с теплотой отозвалась Келли. — Хэнки — блеск. Таких теперь не делают.

— Кстати, сегодня он у кого-то обедает и просит прощения, что исчезает на целый вечер. Сказал, что не смог отвертеться.

— Я не в обиде.

— Это у мистера Уэйд-Пиготта, большой дом в той стороне. Он

обожает анекдоты. У него день рождения или что-то в таком роде.

— Вы тоже пойдете?

— Боже упаси. Меня никто не звал. Там соберется чисто мужская компания. Будут сидеть и травить анекдоты.

— Пусть как-нибудь меня пригласят. У меня их навалом. Ну ладно, дальше я не пойду, — сказала Келли. Они дошли до больших чугунных ворот и домика, называвшегося привратницкой в то счастливое время, когда владельцу Эшби-холла было по средствам держать привратника. — Не забудьте шоколад для Уэнделла.

Она пошла назад к террасе. Уэнделл сидел на прежнем месте и выглядел надутым.

— Я просил бы вас не исчезать вот так, когда я собираюсь с вами поговорить, — сказал он.

— В чем дело?

— Я начал говорить, что вы могли бы мне помочь. Когда мисс Мартин водила меня по дому, она показала чудеснейшее французское пресс-папье восемнадцатого века, какое я когда-либо видел. Я должен его заполучить. Сколько бы Параден ни запросил, я заплачу.

— Так скажите ему.

— Мне бы не хотелось. Он может обидеться.

— Хэнк? Никогда.

— Возможно, вы правы. Но мне бы не хотелось рисковать. Однако, если вы так сдружились…

— Усвоила. Вы хотите, чтобы я стала посредницей?

— Да.

— Заметано, — сказала Келли. Семейство Стикни могло считать ее пятном на фамильном реноме, однако никто не отрицал, что она всегда готова прийти на выручку.

Глава V

1

Когда нормальный молодой человек узнает, что девушка, которую он полюбил с первого взгляда, живет в Эшби-холле, Эшби Параден, Сассекс, он не сидит на Берберри-род, Вэлли Филдс, Лондон, размышляя о ней издалека. Он как можно быстрее перебирается поближе к Эшби-холлу, чтобы ее увидеть. Так Билл и сделал — снял номер в гостинице «Жук и клен» на главной улице Эшби Параден.

За прошедшие с первой встречи дни уверенность, что в сестре Алджи он встретил девушку своей мечты, нимало не уменьшилась, а, напротив, только укрепилась.

Некоторые считают, что любовь должна быть рассудочной. Жениться, утверждают они, следует по здравом размышлении. Во-первых, молодой человек должен прийти к взвешенному выводу, что достиг того возраста, когда лучше всего вступать в брак. Затем он должен перебрать список своих знакомых девушек и выбрать ту, с которой у него совпадают взгляды и вкусы. Пусть длительное время понаблюдает за ней и убедится, что в ослеплении страсти не проглядел каких-нибудь недостатков. Затем — если, разумеется, не встретит по ходу дела более подходящую кандидатку — он может подойти к девушке и в простых словах предложить ей руку и сердце. При этом он должен указать, что достаточно обеспечен, наделен хорошим характером и не имеет вредных привычек. После этого они создают Здоровую Семью.

Прекрасные советы, но доброжелатель, вздумавший преподать их Биллу, вряд ли обрел бы в нем единомышленника. Билл хотел действовать быстро. Знакомство на Берберри-род было непродолжительным, однако Билл успел разобраться, что Джейн Мартин не только похожа на греческую терракотовую статуэтку, но и обладает всеми качествами, которые он ценит в женщинах. Когда он вспоминал, что Алджи назвал ее мелкой инфузорией, кровь закипала в жилах, а в чувствах к другу наступало временное затмение. Разумеется, убеждал он себя, братья всегда легкомысленно отзываются о сестрах, но всему должен быть предел.

В этот миг его раздумья нарушила мысль, не связанная с Джейн. Хотя под влиянием великой любви он превратился практически в чистый дух, но

временами земные дела все-таки напоминали о себе, как, например, сейчас, когда он курил в гостиной «Жука и клена». Билл внезапно сообразил, что у него кончается табак. Это открытие он сделал через двадцать минут после того, как Джейн рассталась с Келли у ворот Эшби-холла.

В Эшби Параден только одна табачная лавка, и так получилось, что в тот самый миг, когда Билл расплатился за полфунта «Медовой росы Бриггса», Джейн вошла в магазинчик с намерением прикупить такое же количество «Уотсоновского Флотского» для дяди Генри. Они встретились у прилавка.

Оба выразили изумление, хотя почувствовала его только Джейн. Оптимист по натуре, Билл был уверен, что Провидение рано или поздно устроит им встречу. Единственное, в чем он мог упрекнуть Провидение — лучше было бы устроить эту встречу на лесной лужайке, а не в душной табачной лавке. В Эшби Параден не считали, что помещения надо проветривать.

— Ой! — удивленно сказала Джейн.

— Господи! — воскликнул Билл в изумлении.

— Какая неожиданность, — сказала Джейн.

— Да, — сказал Билл.

— Никак не думала снова вас встретить.

— Да.

— Как вы здесь оказались?

— Приехал в отпуск.

— Я тоже. Живу у дяди в усадьбе, которая называется Эшби-холл.

— Да?

— Пришла купить ему табака. Полфунта «Уотсоновского флотского», пожалуйста, мистер Джеллико. Вы надолго?

— Пока не знаю.

— Очень приятное место.

— Да.

— Вы в «Жуке и клене»?

— Да.

— Все говорят, там очень уютно.

— О, да.

Наступила пауза. Билл испугался, что беседа сейчас увянет. Надо было ее оживить, пока она не засохла на корню.

— Встречали в последнее время интересных кошек? — спросил он.

Говоря, Билл улыбнулся. Джейн, думавшая, как и при первой встрече, до чего же он похож на персонажа из гангстерского фильма, внезапно

увидела, что это добрый и приятный молодой человек, явно расположенный ко всем и каждому.

— На деревьях — нет, — сказала она. — Только старых знакомых дома, с которыми мы обычно раскланиваемся. Их у дяди три. Вернее, две с половиной, потому что одна — котенок. Как ваши царапины? Заживают, надеюсь?

— Да, спасибо.

— Столбняка нет?

— Пока нет. Забавно, что когда Алджи их увидел…

— Алджи?

— Ваш брат.

Джейн изумленно вскрикнула. Очень музыкально, подумал Билл. Она недоверчиво уставилась на него.

— Вы знаете Алджи?

— Вместе учились в школе. Он сейчас у меня живет.

— Господи! Вы не тот Билл, о котором он рассказывал?

— Тот.

— Ну-ну! Легендарная фигура. Можно я буду называть вас Билл?

— Буду очень рад. Э… можно называть вас Джейн?

— Иначе я обижусь, как сказала бы Келли.

— Келли?

— Дядина гостья. Американка. Очень славная. Кстати, Алджи отдал вам пять фунтов?

— Да. Я не хотел брать, но он настоял.

— Он с вами?

— Нет, я оставил его дома. Удивительно, что вы оказались его сестрой.

— Да, вообще все очень удивительно.

Наступила тишина. Оба размышляли, как это удивительно. Молчание нарушила Джейн.

— Он так и не побрился? Сказал, что хочет отпускать бороду.

— Неужели? Мне казалось, даже Алджи…

— Не знаю. Он может. Спасибо, — сказала Джейн, забирая полфунта «Флотского». Мистер Джеллико, на которого она произвела очень сильное впечатление, благоговейно уложил табак в пакет. — А теперь шоколад для мистера Стикни. Это американский миллионер, который гостит в Эшби-холле. Племянник Келли. Ест шоколадки, чтобы не курить.

Купив шоколад, они вышли на улицу.

— Ну, — сказала Джейн и так явственно собралась сказать «До

свидания», что Билл поторопился вмешаться. Разговор окончательно укрепил его во мнении, что даже одна минута без Джейн потеряна безвозвратно.

— Вы домой? — спросил он.

— Мне пора возвращаться. Мистер Стикни, наверное, считает минуты. Знаете, эти шоколадоманы…

— Можно с вами пройтись?

— А разве у вас нет тысячи важных дел?

— В Эшби Параден?

— Понимаю. Да, конечно. Кстати, я хотела серьезно с вами поговорить. Насчет Алджи. Он сказал, вы получили наследство. Это правда?

— Истинная правда.

— Тогда ради Бога не давайте ему в долг на великие замыслы. Он не пробовал у вас просить?

— Как-то завел разговор, о том чтобы создать бюро «Советы Влюбленным».

— Надеюсь, вы были тверды.

— Как камень.

— Он так убедительно говорит. Как-то уломал дядю вложить деньги в постановку его пьесы.

— Я не знал, что Алджи написал пьесу.

— Она так и не дошла до Лондона. Умерла где-то в Саутси или вроде того, вместе с несколькими сотнями фунтов, которые вложил в нее дядя Генри. Теперь он содрогается при имени Алджи и не пускает его на порог.

— Алджи мне не рассказывал.

— Ну, он ведь рассчитывал взять у вас в долг, так зачем ему было рассказывать? Я люблю его, как брата, тем более что он мне и есть брат, но…

— Я понимаю, что значит это «но».

— Если он попытается залезть в ваши миллионы, не позволяйте, как бы красиво он ни говорил. Будьте непреклонны.

— Буду.

— Как вы намерены распорядиться своим богатством?

— Я уже рассказывал Алджи. Поселюсь где-нибудь в деревне.

— А чем будете зарабатывать? Заведете кур, будете торговать яйцами?

— Пером.

— Да? Мне казалось, это скорее побочный продукт, — с сомнением произнесла Джейн. — Впрочем, вам, конечно, виднее.

Билл понял, что ввел ее в заблуждение.

— Я сказал «зарабатывать пером» в смысле «писать», — пояснил он.

— А, писать. Как хорошо, что вы объяснили, а то я уже испугалась. Что же вы будете писать?

— Что в голову придет. Я не привередлив.

— Вы уже что-нибудь написали?

— Несколько статей и книгу.

— Роман?

— Триллер.

— Здорово. Обожаю триллеры. Читаю все, которые удается раздобыть. Как называется?

— «Кровавый Бредли».

— Что?!

— Бредли в одно слово, — сказал Билл, дивясь, как многие писатели до него, почему название книги, произнесенное вслух, звучит так глупо и неправильно. — Так зовут главного злодея.

— Можете не рассказывать. Он заморозил все красные кровяные шарики в моих жилах. Билл изумился.

— Не может быть, чтобы вы прочли!

— За один присест. Стыдно сказать, но я ее не покупала. Я работаю в газете, и наш книжный обозреватель дал мне экземпляр, который ему Прислали на рецензию. Я была в полном восторге. И дядя тоже. Нам особенно понравилась ваша строгость.

— Строгость?

— Или сдержанность, если так вам больше по душе. Никаких вторых трупов.

— Я думал выложить второй труп, а потом решил, что обману читателя и не выложу.

— И правильно сделали. Ненавижу вторые трупы. Еще напишете?

— Целую кучу, ведь теперь у меня будет много времени.

— А раньше не было?

— Я работал в Сити и мог писать только по ночам. Очень трудно писать по ночам после целого дня в конторе.

— Воображаю.

Некоторые время они шли в молчании — в спокойном, дружественном молчании. Билл не мог поверить, что встретил, вероятно, единственную девушку в мире, которая выглядит, как ангел во плоти, и в то же время — приятная собеседница. До сих пор ему казалось законом природы, что фотогеничные особы противоположного пола не способны

связать двух слов, а те, с которыми можно обмениваться мыслями, — толстые и в очках.

— Эта ваша книга, — задумчиво произнесла Джейн. Она явно размышляла. — Насколько я помню, на ней стояло женское имя. Анжела Какая-то.

— Адела Бристоу.

— Почему?

— Мне неудобно подписываться своим именем.

— Почему? Какое у вас имя?

— Томас Харди.

— Да?

— Могла возникнуть путаница.

— Теперь понимаю. А почему Алджи зовет вас Билл?

— Все меня так зовут, не знаю, почему. Это еще со школы.

— Все равно не понимаю про Аделу Бристоу. Если «Томас Харди» кто-то уже использовал, то почему не Джордж Харди, не Герберт Харди или не Алджернон Харди?

— О, здесь был тонкий расчет. Я представил себе, как покупатель с легким дефектом речи приходит в книжный магазин и говорит: «Дайте мне Агату Кристи». Продавец, немного тугой на ухо, снимает с полки Аделу Бристоу, заворачивает в бумагу, покупатель берет сверток и обнаруживает ошибку только дома, когда уже поздно. Если это будет повторяться достаточно часто, гонорары заметно вырастут. Однако мои так и остались скромными, и, кажется, я знаю, почему. Беда современной Англии, что в ее книжных магазинах очень мало глухих продавцов, и редкие книголюбы говорят неразборчиво. Надеюсь, в Америке дела обстоят лучше.

— Вы продали ее в Америку?

— Пока нет. Однако тамошний агент написал мне, что прочел книгу, и попробует ее пристроить. Велел мне стучать по деревяшке. Это было две-три недели назад, так что, наверное, все скоро выяснится.

— Ну, здорово.

— Многообещающе, по крайней мере. Господи, — сказал Билл, увидев чугунные ворота. — Только не говорите, что мы у цели. Мне кажется, мы только вышли.

Джейн тоже обнаружила, что время пронеслось с приятной быстротой. Она ответила с легким сожалением:

— Да, мы у черты. Остановитесь здесь, иначе вы увидите дом.

— А вы не советуете?

— Без подготовки — нет, — сказала Джейн, — особенно нервным или

больным людям.

Направляясь по аллее к дому, она спрашивала себя, не надо ли было пригласить этого замечательного молодого человека в Эшби-холл на ланч, потом решила сначала посоветоваться с Генри. Она отыскала дядю на террасе — он грелся на солнышке — и изложила ему свои светские затруднения.

— Вот твой табак, Генри, — сказала она. — Знаешь, кого я встретила в магазине? Человека, о котором тебе рассказывала, — он полез на дерево за кошкой. Еще он написал книгу про Кровавого Бредли и дружит с Алджи. Тебе не кажется, что мы должны пригласить его на ланч? Внушительный список рекомендаций.

Генри помотал головой. У него были строгие правила, которым он неукоснительно следовал.

— Друга Алджи — нет, — твердо сказал он.

— Но этот очень приличный.

— Внешне — возможно, но я не могу рисковать. Пусти его друга в дом, а следом заявится сам Алджи, выяснить, как тот поживает, и начнет выманивать у Стикни деньги на свою новую пьесу.

— Может, он больше не написал.

— Не следует обольщаться. Если не на пьесу, то на добычу золота из морской воды. Если твой знакомый голоден, пусть поест в ресторане.

— Ладно, я просто предложила, — ответила Джейн, и тут на террасу вышла Келли.

— Хэнк, — сказала она, — можно вас на два слова?

— С удовольствием.

— Это личное. Исчезни, крошка Джейн, — сказала она, и Джейн послушно исчезла, гадая, из-за чего эта таинственность.

2

Тем временем в комнате для слуг камердинер мистера Стикни Кларксон беседовал за стаканчиком портвейна от Даффа и Троттера с Феррисом, дворецким. Выяснилось, что они одновременно служили в Нью-Йорке всего в нескольких кварталах друг от друга, и это положило начало узам, которые быстро скрепил портвейн.

Однако если духовно они были близки, то внешне разительно отличались. Если бы Феррис когда-нибудь сподобился упоминания в «Тайме», его бы описали как полного, румяного, лысеющего Эндрю

Ферриса (54). Кларксон, напротив, был маленький, бледный, худощавый (36), со светлой шевелюрой, которой по праву гордился.

Они выпили и замолчали. Феррис, по обыкновению, перенесся мыслями в Бренгмарли-манор, Шропшир, где совсем еще зеленым дворецким провел светлые незабываемые деньки. Кларксон первым возобновил разговор:

— Как вам понравилось в Америке, мистер Феррис?

— Я не одобряю Америку.

— Слишком много шума и суеты?

— Именно. Я служил у мистера Уодингтона, и вы не поверите, чего я там насмотрелся. Драгоценности пропадают, девицы посреди свадебной церемонии закатывают скандал и обвиняют женихов в неверности, шагу ни ступить, чтобы не наткнуться на полицейского. Дошло до того, что я стал помощником шерифа.

— Как это получилось?

— Долгая история.

— Как-нибудь расскажете.

— Если хотите, сейчас.

— Нет, если долгая, то не сейчас. Мне скоро идти в деревню — отправлять телеграмму. Это все было в Нью-Йорке?

— Нет, в нашем загородном доме в Старом Вестбери. Я так устал, что подал в отставку. Без всякого сожаления, потому что коллеги у меня там были самые неподобающие.

— В каком смысле?

— Некоторые — шведы, остальные — ирландцы.

— Вы не любите шведов?

— Я их не одобряю.

— За что?

— Слишком похожи на немцев.

— Ирландцев вы тоже не одобряете?

— Именно.

— За что?

— За то, что они — ирландцы.

У Кларксона несколько лучших друзей были ирландцы и шведы. Ему подумалось, что его товарищ, быть может, очень талантливый дворецкий, но человек явно неуживчивый.

— Они в этом не виноваты, — сказал он.

Феррис закусил губу, словно говоря: «Что значит, не виноваты? Захотели бы, исправились». Он помолчал. Кларенс тактично сменил тему.

— Вы наблюдательны, мистер Феррис?
— Почему вы спросили?
— Не приметили ли вы, что здесь начинает раскручиваться кое-что любопытное?
— Не понимаю вас.
— Параден и наша Келли.
— По-прежнему не улавливаю ход вашей мысли.
— Мне кажется, они друг другу нравятся.
— Н-да? Почему вы так подумали?
— По тому, как они друг на друга смотрят. Киньте на них взгляд, когда будете следующий раз подавать напитки.
— Я очень редко кидаю взгляд на своих хозяев.
— Тогда поверьте мне на слово. Я в таком не ошибаюсь. И дай им Бог удачи! Он вроде ничего, а она — просто класс, и я бы хотел, чтобы она счастливо вышла замуж.
— Если существует такая вещь, как счастливый брак. Эти слова неприятно задели романтичного Кларксона.
Ему подумалось, что даже портвейн от Даффа и Троттера — не в кайф, если за рюмкой приходится выслушивать подобные гадости.
— Неужели вы не одобряете брак, мистер Феррис?
— Не одобряю.
— Вы женаты?
— Вдовец.
— Ну, разве вы не были счастливы в браке?
— Нет.
— А миссис Феррис?
— Сама церемония доставила ей некоторую детскую радость, но это быстро прошло.
— И чем вы это объясняете?
— Не знаю, мистер Кларксон.
— Мне казалось, что когда люди любят друг друга и хотят пожениться…
— Брак — не способ продлить любви жизнь. Он просто мумифицирует труп.
— Однако, мистер Феррис, если люди не будут жениться, что станет с потомством?
— Я не вижу необходимости в потомстве, мистер Кларксон.
— Вы его не одобряете?
— Да.

Кларксон встал — довольно резко, как поступил бы на его месте любой тонко чувствующий человек. Его возмутили взгляды дворецкого на любовь, о которой он с самой ранней юности немало размышлял. Если и дурно с его стороны было мысленно обозвать Ферриса старой пузатой треской, то его надо простить. Он был возмущен до глубины души.

— Ладно, мне пора в деревню, — сказал Кларксон. — И, наверное, стоит сперва спросить разрешение. Это не совсем обязательно, но все-таки приличнее.

3

Как только Джейн ушла, Келли взяла быка за рога. Она не любила ходить вокруг да около, поэтому без предисловий спросила:

— Хэнк, у вас есть капота?

— Вы хотите сделать салат?

Келли нетерпеливо прищелкнула языком. Как верно заметил Кларксон, она начинала испытывать к Генри нечто более теплое и глубокое, чем обычная дружба, но временами ее удивляла его несообразительность.

— Тити-мити. Хруст. Презренный металл. Деньги.

— А, деньги? Я сперва не понял. Сколько вам надо?

— Нисколько. Я не собиралась просить взаймы.

— Это хорошо, потому что с деньгами у меня сейчас не очень.

— Вот это я и хотела выяснить. Теперь можно продолжать. Если бы кто-то предложил вам тысячу фунтов, уж сколько это будет в долларах, что бы вы сделали?

— Упал бы в обморок, а когда пришел бы в себя, наверное, расцеловал бы его. Здорово, если бы были такие сумасшедшие.

— Они есть. Уэнделл, например.

— Я бы не сказал, что он психически неуравновешен.

— У него есть пунктик. Вспомните обед, на котором мы познакомились. Когда он сперва молчал, как рыба, а потом вы спросили, что он собирает, и из него полило, как из гейзера?

— Помню.

— Он всегда такой, когда говорит про пресс-папье. Французские, восемнадцатого века. Что он в них нашел, ума не приложу, но он без них жить не может. Вот и на ваше положил глаз.

— На мое? Какое мое? С гордостью могу сказать, что у меня нет

французского пресс-папье восемнадцатого века.

— Есть. Крошка Джейн показывала его Уэнделлу.

— Черт, верно. Я забыл.

— Уэнделл только что распинался передо мной, какое оно красивое. Самое лучшее из всех, сколько он видел. Не знаю, чем одно пресс-папье лучше другого, но так он говорит, и просил меня прощупать, не согласитесь ли вы его продать. Думаю, его можно растрясти на тысячу фунтов. Ну как, идет?

Генри изменился в лице. Челюсть его отвисла, глаза стали грустные, как у медведя в зоологическом саду, которого ребенок подразнил булочкой.

— Черт! — вскричал он, обретя дар речи. — Дьявол! — добавил он и заключил: — Тьфу!

Келли удивленно взглянула на Генри.

— В чем дело? — спросила она в некотором недоумении. Не этой реакции она ожидала.

В это время вошел Уэнделл. Он устал слоняться по дому, ожидая, пока его посредница завершит переговоры, и наконец счел, что у нее было уже достаточно времени.

— А, тетя Келли, — сказал он. — Вы говорили Парадену про… м-м… про это?

Профана такой вопрос мог бы поставить в тупик, но Келли поняла без труда.

— Спросила минуту назад, и он только-только перестал чертыхаться.

Лишь сейчас Уэнделл заметил перекошенное лицо Генри и тяжело вздохнул. Этого он и боялся. Прозвучала фальшивая меркантильная нота, гордый английский аристократ оскорбился. Уэнделл уже формулировал извинения, собираясь сказать, что больше это не повторится, когда Генри заговорил связно.

— Простите, — сказал он. — Я страшно виноват. Я чертыхался потому, что очень хотел бы продать эту штуку, но не могу.

— Не можете? — изумилась Келли.

— Не могу.

— Почему? Она не ваша?

— Не моя.

— Не *ваша!* — Келли была потрясена. — Только не говорите, что держите у себя краденое пресс-папье!

— Это фамильная ценность.

— Что это значит?

— Вы никогда не слышали о фамильных ценностях?

— Нет.

— И о майорате?

— Нет. Никто мне ничего не рассказывает.

Более подкованный Уэнделл объяснил ей горькую правду севшим от разочарования голосом. Слова Генри убили в нем всякую радость жизни. Пресс-папье Красавчика его обворожило.

— Боюсь, что понимаю, о чем говорит Параден, — сказал он. — В старых английских семьях некоторые ценные предметы переходят от главы рода к наследнику, от того — к следующему и так далее. Если майорат не отменят, ни один временный владелец не вправе ими распоряжаться. Они называются фамильными ценностями. Понятно?

— Нет, — ответила Келли.

На подмогу Уэнделлу пришел Генри.

— Все на самом деле очень просто. Раз майорат, значит, эта штуковина должна оставаться на месте. *Теперь* понятно?

— Не то что б очень, — ответила Келли. — По мне — это бред сивой кобылы.

Генри продолжал спокойно, как терпеливый учитель, втолковывающий урок тупому ученику:

— Ну, возьмите, например, меня. Когда я унаследовал дом, то получил и пресс-папье. Прежний владелец не мог его продать. Я не могу его продать. Тот, кто получит наследство, не сможет его продать. Оно должно быть в Эшби-холле, покуда есть семья Параден. Пусть мы разоримся, пусть наши дети будут умирать с голода, загнать пресс-папье мы не вправе. Теперь ясно?

Перед Келли смутно забрезжило понимание. Она по-прежнему не видела в этом бреде никакой логики, но чего хотеть от англичан, которые ездят по левой стороне улицы и называют газировку шипучкой?

— Что будет, если вы его продадите?

— Меня упекут в кутузку. Продавать фамильные ценности — незаконно.

— А если кто-нибудь его свистнет?

— Это другое дело.

— И вас не упекут?

— Конечно, нет.

— Так чего бы Уэнделлу его не свистнуть? — сказала Келли. — Тогда он получит свое пресс-папье, вы — свою тысячу монет, и все будут счастливы.

Слушатели разом ахнули и замолчали от избытка чувств. Уэнделл в который раз корил себя за то, что ввел тетку в рафинированную атмосферу английской аристократической семьи. Генри молчал, восхищенный ее умом. Келли, с ее живой сообразительностью, нашла выход из неразрешимого затруднения.

— Это мысль, — начал Генри, и тут же его одолели сомнения. — Одна беда: когда увидят, что эта штука пропала, трудно будет объяснить, почему ее нет на месте.

— Кто увидит?

— Попечители.

— Это еще кто такие?

— Не помню. Какая-то адвокатская контора.

— И они могут сунуть сюда свой нос?

— Думаю, они посылают время от времени человека убедиться, что все честь по чести. Я не так давно влип в эту историю с наследством, поэтому точно сказать не могу. Однако мой друг, Уэйд-Пиготт — у его знакомого этой дряни целая куча — рассказал мне о проверках. Звучит правдоподобно. Понятно, они хотят убедиться, что вещички не сплыли.

— Через определенные промежутки времени?

— Простите, я не совсем понял.

— Присылают письмо, что их представитель навестит вас в четырнадцать тридцать пять ровно через неделю после следующей среды, или он просто приходит, когда вздумается?

— Думаю, скорее второе.

— Значит, он может заявиться только через месяц или два?

— Наверное.

— Тогда дело в шляпе. Он приходит, видит, что штука пропала, поднимает бучу, а вы хлопаете себя по лбу и говорите: «Господи! Это, наверное, Стикни!» «Стикни?» — переспрашивает он. «Да гостил тут у меня пару месяцев назад, — говорите вы. — Наверняка он и спер. Помню, он говорил, что собирает пресс-папье. Ну и ну, — продолжаете вы. — Никогда бы не подумал. А с виду такой честный! Ладно, теперь ничего не попишешь». И действительно, ничего не попишешь, потому что Уэнделл давно в Америке, вне юрисдикции, или как там это называется. Не удивлюсь, если в Англии такое случается сплошь и рядом. Вопросы есть?

У Генри вопросов не было. Он безгранично восхищался логичностью ее доводов. Уэнделл, вероятно, нашел бы, что возразить, но у него временно парализовало голосовые связки. Он пребывал во власти смешанных чувств. С одной стороны, врожденная порядочность

противилась бесчестному плану. С другой стороны, замысел открывал дорогу к вожделенному пресс-папье.

— Сработает, — убежденно сказал Генри.

— Конечно, — подхватила Келли. — История — комар носа не подточит. Одно дело, если бы вы разыграли ограбление, вызвали фараонов, и они вас влет раскололи. Атак эта штука лежала в картинной галерее, в стеклянной витрине, которая даже не запирается. Уэнделл мог ее свистнуть в любой момент. Я прямо сейчас за ней и схожу. Не откладывай на завтра, и так далее.

Она с девичьей резвостью выбежала из комнаты, и Уэнделл наконец обрел дар речи. Все это время его мысли двигались в одном направлении.

— Параден, — сказал он.

— Да?

Уэнделл издал странный горловой звук — что-то среднее между блеянием и бульканьем.

— Люди, которые покупают фамильные ценности… их сажают в тюрьму?

— Конечно, — бодро отозвался Генри. — В Дартмуте их пруд пруди.

— Н-да? — проговорил Уэнделл.

Наступило молчание, со стороны Уэнделла — мрачное. Нарушила его Келли. Она была даже веселее, чем Генри.

— Готово, — объявила она. — Лежит у вас в спальне, Уэнделл, в комоде, под носками и носовыми платками.

— Его могут найти!

— Разумеется, я об этом подумала. Нельзя его там долго держать. Советую упаковать пресс-папьишко в бумагу, отнести на почту и отправить в ваш лондонский банк. Уэнделл открыл счет в Лондоне, — объяснила она Генри, — чтобы сразу выписать чек, если подвернется что-нибудь стоящее.

— Отличная мысль, — сказал Генри. — Правда, Стикни?

— Превосходная, — ответил заметно оживший Уэнделл. Он по-прежнему осуждал махинации своей тетки, но не мог отрицать их действенность.

— Я так и думала, что вам понравится, — сказала Келли. — Вот сейчас и отправьте, чтобы потом голова не болела.

За спиной у них кто-то кашлянул — негромко, словно страдающая астмой овца, но все трое заговорщиков вздрогнули, как будто услышали львиный рык. Генри затрепетал от макушки до пяток, Уэнделл подпрыгнул на два дюйма в воздух, и даже Келли немного смутилась. Все мигом

обернулись. В дверях почтительно стоял Кларксон.

— Простите, сэр, — адресовался он к Уэнделлу, который вновь спустился на твердую землю. — Вы позволите мне сходить в деревню?

Уэнделл, судя по выражению лица, проглотил что-то жесткое и колючее. Слова дались ему с явным трудом.

— Да. Да. Конечно. Разумеется.

— Спасибо, сэр, — сказал Кларксон и пошел за котелком, без которого ни один английский камердинер не смеет показаться на улице. Устав гильдии строг.

Он оставил по себе тишину, которую одни назвали бы тягостной, другие — гнетущей. Будь Кларксон гонцом в греческой трагедии и принеси он весть о разгроме войска, вряд ли ему удалось бы вызвать большее оцепенение. Уэнделла по-прежнему била сильная дрожь.

— Думаете, слышал? — спросил он севшим от волнения голосом.

— Нет, — отвечал Генри, всегда веривший в лучшее.

— Вдруг он стоял здесь все время, пока мы разговаривали?

— Ерунда, — сказала Келли. — Бросьте трепыхаться. Все в ажуре. Пойдемте лучше, найдем коробку, бумагу и бечевку, а я быстренько все упакую.

4

Келли и Генри совершенно правильно отмели мысль о том, что Кларксон подслушал их деловую беседу. Он кашлянул, как только вошел, и слышал лишь последние слова Келли: «Я так и думала, что вам понравится». Что им понравится, или, наоборот, вызовет их неудовольствие, он не знал и нисколько не тяготился своим неведением. У Кларксона и без того было о чем подумать.

С самого дня несложившейся поездки Келли на Кони-Айленд, Кларксон всерьез размышлял о том, не следует ли ему предпринять шаги, и если да, то какие. Может ли он дальше служить Уэнделлу, или обязан подать в отставку? Решение было не из простых, ибо сама по себе работа его устраивала: Стикни платил много и почти ничего не требовал взамен. Однако может ли человек, не поступаясь принципами, чистить ботинки и гладить брюки хозяину, чья тетка так хорошо знакома с полицией?

Возвращение в Англию склонило чашу весов в пользу увольнения. Кларксон ясно увидел свой путь. В Нью-Йорке было совсем неплохо, но сейчас он осознал, что не сумел до конца приспособиться к жизни в стране,

где котлету зовут бургером, а чай заваривают в пакетиках. За несколько дней в родной среде он окончательно дозрел и написал в свое агентство по найму, что готов рассмотреть новые предложения. Утром пришло письмо с подробным описанием места, которое ему могут предоставить при условии немедленного согласия. Не будете ли вы так любезны телеграфировать, говорилось в письме; с намерением любезно телеграфировать Кларксон и направлялся сейчас в деревню.

Почта в Эшби Параден, как и другие подобные учреждения в сельской местности, не только принимает и отправляет письма. Еще здесь торгуют открытками, ядовитого цвета леденцами, комиксами для детей и тому подобным. Заправляет этим мрачного вида пожилая дама, склонная рычать на клиентов при обострении ревматизма; к несчастью для Кларксона, именно в этот день ее сильно донимала поясница. Дама холодно засопела в ответ на вежливое приветствие Кларксона и в полном молчании приняла у него телеграмму. Заговорила она, только сосчитав слова, и то лишь для того, чтобы назвать незначительную сумму, которую следует заплатить. Однако даже эта жалкая сумма оказалась для Кларксона неподъемной: сунув руку в карман, он вспомнил, что оставил бумажник на столе в спальне. Досадное недоразумение. Однако Кларксон рассмеялся, как человек, над которым дружески пошутили, объяснил положение и добавил, что живет поблизости, в Эшби-холле. Не возражает ли дама, если деньги он занесет позже? Ответ последовал незамедлительно. Дама возражала.

Это был удар. Кларксону предстояло идти в Эшби-холл, снова в деревню и снова в Эшби-холл — тяжелое испытание для человека, не питающего особой любви к спорту. Он принялся слезно объяснять, что телеграмма срочная и отправить ее надо немедленно и, не увидев отклика на каменном лице дамы, уже готов был со вздохом отвернуться, когда сзади кто-то спросил: «Не могу ли я вас выручить?». Кларксон повернул голову и увидел молодого человека с открыткой в руке. А именно — Билла Харди.

Билл зашел на почту, потому что, вернувшись в «Жука и Клен» нашел телеграмму от Алджи, гласившую:

Возвращайся немедленно. Жизненно необходимо сообщить грандиознейший замысел. Бросай все, садись на первый же поезд. Телеграфируй время приезда.

— и собирался потратить несколько шиллингов на телеграмму Алджи с советом не быть ослом. Удивительную глупость предложил друг:

покинуть место, где в любой момент можно встретить его сестру Джейн и насладиться ее дивной беседой.

Придя на почту и обнаружив, что телеграфное окошко занял мужчина в котелке, Билл, чтобы скоротать время, принялся рассматривать открытки на противоположной стене и обнаружил среди них цветное изображение Эшби-холла. Поначалу он содрогнулся, как всякий, впервые увидевший это здание. Хотя Джейн и предупреждала его, Билл не думал узреть нечто настолько чудовищное. Очевидно, зодчий возводил Эшби-холл в состоянии сильного опьянения, что нередко случалось с зодчими в веселые дни Регентства.

Однако, при всем своем уродстве, это был дом, в котором живет любимая девушка, и чувства понуждали купить открытку. Стоила она дешево и как раз влезала в карман пиджака у сердца. Билл взял ее и стал искать, кому бы заплатить, когда понял, что у телеграфного окошка происходит какая-то заминка. Он прислушался и вскоре разгадал причину затруднений.

Как правило, влюбившись, человек первым делом ищет, кого бы облагодетельствовать, и Билл не стал исключением. После встречи с Джейн его разобрала бойскаутская любовь к ближним. Случись рядом дитя, Билл погладил бы его по головке и угостил ядовитыми леденцами, вероятно, присовокупив к ним пару комиксов. Подойди к нему попрошайка и пожалуйся на нехватку средств, Билл бы раскошелился, не задумываясь. Однако ни детей, ни попрошаек рядом не было, поэтому человек в котелке пришелся как нельзя кстати. Ему, насколько можно было судить, не хватало денег на телеграмму, а Билл ничего так не хотел, как поддержать и утешить.

Поэтому он спросил: «Не могу ли я выручить?» — и тут же получил от Кларксона заверения, что да, может. Деньги перешли из рук в руки, пожилая дама нехотя их приняла, телеграмма отправилась по назначению, Билл отдал свою, заплатил за открытку, и Кларксон наконец получил возможность выразить ему благодарность. Благодарил он долго, потому что растрогался до глубины души. И вот, когда они стояли рядом, а Кларксон с жаром изливал признательность в левое ухо Билла, вошел Уэнделл Стикни со своим свертком.

Быть может, коллекционирование французских пресс-папье как-то влияет на нервную систему, отнимая столь необходимое преступнику хладнокровие. Так это или нет, но Уэнделл был начисто лишен качеств, отличающих хорошего жулика. Если Генри нимало не смутил предложенный черный замысел, если Келли оставалась спокойна и весела,

то мистер Стикни с самого начала чувствовал себя так, будто десятки пауков бегают туда-сюда по его спинному хребту. Единственно, что поддерживало Уэнделла, — мысль о том, каким украшением коллекции станет это сокровище, если удастся переправить его в Нью-Йорк.

Если! Вот оно, ключевое слово! Генри сказал, что платные агенты попечителей — надо полагать, частные сыщики — через неопределенные промежутки времени наведываются посмотреть, на месте ли фамильные ценности. Мысль эта по-прежнему наполняла Уэнделла трепетом. Что если один из попечительских наймитов где-то поблизости, притаился в засаде? Да еще Кларксон — при воспоминании о нем пауки на чувствительной коже Уэнделла принимались быстрее сучить ножками и пускались в лихой пляс.

Генри легко отмахнулся от мысли, что Кларксон подслушал их разговор. Келли заверила, что все в ажуре. Однако Уэнделл не разделял их оптимизма.

Ему никак не удавалось отделаться от леденящего подозрения, что Кларксон в курсе заговора и в эту самую минуту излагает страшные факты попечительскому наемнику. От страха руки и ноги у него так ослабели, что он с трудом открыл дверь почты, и первым делом увидел Кларксона, увлеченно беседующего с молодым человеком в твидовом пиджаке и серых фланелевых брюках, который, казалось, с жадностью ловит каждое слово.

Ранее уже сообщалось, что при первой встрече Билл изумлял своим сходством с киношным гангстером. В глазах Уэнделла он обладал всеми отличительными чертами частного сыщика — как раз такого выбрали бы разборчивые попечители из длинной очереди кандидатов. Кларксон явно докладывал соглядатаю о положении в Эшби-холле. Как иначе объяснить его словоохотливость? Еще мгновение, и он, Уэнделл, вошел бы на почту с изобличающей посылкой в руке.

Сильнейшая дрожь сотрясла его от редеющей макушки до пяток. Пауки теперь исполняли большой эстрадный номер, из тех, в которых участвует весь творческий коллектив. Что-то подобное Уэнделл испытывал, когда ему снилось, что он падает в черную пропасть.

Пятясь, на негнущихся ногах он вышел на улицу, прямо к «Жуку и Клену», кое-как доплелся до стойки и хриплым голосом заказал двойную порцию бренди. Вообще-то он не привык пить так рано, тем более — двойное бренди, но сейчас был явно особый случай.

Не успел он сделать глотка, как вошел детектив в серых фланелевых брюках, заказал кружку пива и оглядел Уэнделла с таким нескрываемым

подозрением, что тот взвился вспугнутым фазаном и вылетел в дверь раньше, чем Билл, собиравшийся сказать: «Отличный денек», продвинулся дальше первого «о» в слове «отличный».

Глава VI

1

Обед, как все обеды, которые давал Уэйд-Пиготт, затянулся допоздна. Генри шел домой веселый, сытый и сполна наслаждался красотами природы. Воздух пронизывали летние ароматы, под луной на террасе протянулись черные тени. Он дошел до ступенек, думая, что лет двадцать назад остался бы в такую теплынь ночевать в саду, и тут из темноты раздалось резкое: «Эй!». Генри подпрыгнул, как барашек по весне, и потерял нить своих размышлений.

Он без труда определил говорящего. Только один человек в Эшби-холле мог начать разговор таким односложным восклицанием.

— Привет, Келли, — проговорил Генри немного невнятно, потому что прикусил язык. — Что вы здесь делаете в такой час?

Она вышла на ступени, и у него екнуло сердце. Лунный свет всегда подчеркивает красоту интересной женщины; Келли еще никогда не выглядела такой привлекательной. Со всей внезапностью озарения Генри понял, что смутное беспокойство, которое он последние дни испытывал в ее присутствии, — это любовь. В молодости ему пришлось раз или два пережить подобное, но тогда он предпочитал глупых блондинок. Теперь, постарев и научившись лучше разбираться в жизни, он понял, насколько лучше умные брюнетки, а уж ум-то она с избытком продемонстрировала, вдохновенно предложив, что делать с фамильными ценностями.

Да, думал он, быстро ставя диагноз, это несомненно любовь. По горькой иронии судьбы, которую так часто описывал Томас — не Билл — Харди, он не мог излить Келли свои чувства. Человек с принципами и практически без средств к существованию должен быть осторожен в словах и сдержан в поступках. Надо, чего бы это ни стоило, вести разговор в спокойном дружески-деловом тоне.

— Я вас ждала, Хэнк, — сказала Келли. — Надо посовещаться.

— Что-то случилось?

— События развиваются не совсем по плану. Как обед?

— Отлично.

— Анекдоты свежие слышали?

— Для меня они все свежие.

— Потом обязательно расскажете. Всегда неплохо пополнить репертуар.

— Непременно. Но вы сказали, события развиваются не совсем по плану. Что стряслось?

— Уэнделл в истерике. Из-за пресс-папье.

— А что? Он ведь его отправил?

— В том-то и дело, что нет.

— Мне казалось, он пошел на почту.

— Да. И первым делом увидел, как Кларксон треплется с жутким типом, похожим на частного сыщика. Уэнделл решил, что Кларксон нас продал, сбежал в гостиницу и только собрался хватить рюмашку, как вошел этот самый шпик и посмотрел злорадно, словно говоря: «Я все про вас знаю, шеф». Эти ваши попечители нанимают частных сыщиков следить за фамильными ценностями?

— Конечно, нет.

— Откуда вы знаете?

— Не то чтобы знаю. Просто это как-то неправдоподобно.

— Тогда с кем трепался Кларксон?

— Просто разговорился с кем-то на почте. А что такого? Со мной это часто бывает. Я бы не переживал из-за Кларксона. По-моему, он ничего не слышал.

— По-моему, тоже. Но попробуйте убедить Уэнделла. Дохлый номер.

— Он удручен?

— В прострации. Уволил Кларксона.

— Не может быть!

— Вышвырнул на улицу вместе с вещами и котелком, как только тот вернулся.

— Радикально.

— Могу поспорить, он уже раскаивается. Ему без Кларксона конец.

Генри удивился. Он питал к мистеру Стикни искреннюю приязнь и уважение, но решительно не представлял его щеголем, который без камердинера, как без рук. Ему казалось, что в одежде гость руководствуется соображениями удобства, а не показного блеска. Его любимые костюмы явно кроились не для того, чтобы подчеркнуть фигуру, скорее — чтобы не резало под мышками. То же и рубашки. Единственным ярким пятном был галстук, создававший ложное впечатление, будто Стикни служил в гвардии. Генри вообще не понимал, зачем ему камердинер.

Келли смогла пролить свет на эту загадку.

— Понимаете, Уэнделлу нелегко. Вы ведь не знаете его сестру, миссис Лоретту Стикни-Паунд? Ну да, откуда вам. Редкая гадюка, — со свойственной ей выразительностью описала Келли племянницу покойного мужа. — Когда мы с Теодором решили пожениться, она вопила громче всех, и остальных завела. Жутко настойчивая баба. Уэнделл перед ней трепещет. Это у него еще с детства. Она на три года старше, а вы знаете, как это много в таком возрасте. Она его шпыняла, и он до сих пор не оправился. Теперь она ему приказывает, а он, вместо того, чтобы сказать: «Отвали», безропотно отвечает: «Да, мэм», как новорожденная медуза, и делает, что велено. Усекли?

Генри усек.

— Когда она сказала, что человеку его уровня положено иметь камердинера, он не ответил: «Чего-чего?», а позволил ей выбрать слугу, и в доме появился Кларксон.

Генри сочувственно прищелкнул языком. Так вот почему Уэнделл Стикни все время печален. Генри предполагал, что ему недостает пресс-папье, а выходит, его просто угнетает присутствие слуги. Сам Генри одевался без посторонней помощи, если не считать костюмеров в далеком прошлом, но мог себе представить, как это утомительно — иметь камердинера.

— Для него это, наверно, мучение? — спросил он, но Келли объяснила, что все не так.

— Они отлично поладили. Вы, быть может, не заметили, Уэнделл обладает одной чертой. Он может быть бесхребетным червем, когда надо сказать Лоретте, чтобы не лезла в чужие дела, но у него есть этакая звериная хитрость, и в трудные минуты это выручает. Он сказал Кларксону, что удвоит жалованье, если тот не станет одолевать его своими заботами. Может чистить ботинки, и даже иногда гладить брюки, но дальше — ни на шаг. Понимаете, он боялся, что Кларксон, воспитанный на графах и герцогах, потребует заказать кучу новых костюмов, а Уэнделл любит носить костюм, пока не рассыплется. А что теперь? Лоретта наймет ему нового камердинера, возможно, не такого сговорчивого. Так что мы должны отыскать кого-то на место Кларксона, пока Лоретта в отъезде.

— Где она сейчас?

— Путешествует вокруг света.

— Значит, пока она не опасна.

— Да.

— И можно некоторое время не тревожиться.

— Тоже верно.

— Тем более, когда у нас хватает других забот.

— Золотые слова. В первую очередь — пресс-папье. Как быть с ним?

Генри задумался.

— Ну, на мой взгляд, лучше всего положить его в витрину, пока сыщик, если это действительно сыщик, не уберется, прочь.

— То же самое я посоветовала Уэнделлу, но он боится выпускать пресс-папье из рук. Говорит, если положить его обратно, вы передумаете.

— И упущу тысячу фунтов? Он — чокнутый.

— Это само собой. Чего ждать от человека, который коллекционирует пресс-папье? Ровно то же я ему и сказала, но он уперся. На почту идти отказывается, боится, что сыщик поймает его с поличным. И вам этого доверить не хочет, а то вы возьмете пресс-папье в руки и больше не захотите выпускать. Что нам теперь делать?

— Идти спать, полагаю, а там что-нибудь придумается.

— Наверное. Жарковато, что-то, идти в дом. Может, махнем на озеро, искупаемся?

— Не сегодня. Может быть, завтра.

— Ладно, в дом, так в дом.

2

У себя в спальне Келли закурила последнюю в этот день сигарету и задумалась. Думала она о том, как сильно любит Генри и как было бы здорово (поскольку женский инстинкт подсказывал ей, что чувство это взаимно), если бы он отыскал в себе решимость действовать с решительностью покойного Теодора Стикни. Теодор, как поведала она Джейн, сгреб ее в охапку и стал целовать так, что за ушами хрустело. Именно этого она хотела от Генри. Беда, полагала Келли, в том, что он — англичанин. Англичанин, горько думала она, не смеет поцеловать даму, не заручившись ее письменным согласием.

Она потушила окурок и легла в постель. В это самое время Билл, который последние двадцать минут стоял под деревом, решил, что пришло время вернуться в «Жука и Клен» и двинулся по лужайке. Он пришел к Эшби-холлу, как паломник — к святилищу. Здесь жила Джейн, а для влюбленного прийти и смотреть на дом, где живет обожаемый предмет, — естественная часть дневного распорядка. Однако даже влюбленные должны спать, и, помедлив, чтобы бросить прощальный взгляд на дом, он с сожалением побрел прочь.

Почти сразу после этого в дверь Келли робко постучали, и вошел Уэнделл — в лиловом халате поверх полосатой пижамы и страшно взволнованный.

— Разбудил? — произнес он.

— Нет, я не спала. Вам что, аспирину или чего-то такого? Судя по виду, аспирин бы Уэнделлу не помешал.

— Тетя Келли, — сказал он. — Он здесь!

— Кто?

— Человек, с которым Кларксон говорил на почте. Крадется по газону. Я видел его из окна.

— Вам, наверное, почудилось. Что ему здесь делать? Скорее всего, это сова.

Если Уэнделл не приплясывал от досады, то явно потому, что не мог вспомнить ни одного па.

— Какая там сова! Я отчетливо видел лицо в лунном свете.

— Не шутите?

— Разумеется, нет.

— Это точно он?

— Я не мог ошибиться. Он стоял на лужайке, и… Куда вы?

— На улицу, — коротко ответила Келли. — Пора разобраться с этим типом. Нехорошо смотреть на вас в баре — да сколько влезет, никто ему запретить не может, но если он думает, что можно разгуливать по частным газонам, как у себя дома, то я ему сейчас живо мозги вправлю. Можно подумать, тут табличка: «Место для пикников». Дайте кочергу.

— Умоляю, осторожнее.

— Обо мне не беспокойтесь. Это у него сейчас ухо будет, как цветная капуста.

3

Десятый час утра застал Генри за завтраком, в размышлении над письмами, пришедшими с утренней почтой. Размышленья его были нерадостны. Особенно удручало одно письмо. Дафф и Троттер уведомляли, что не получили ответа на просьбу урегулировать задолженность, и с большим сожалением вынуждены предпринять шаги. Генри мрачно раздумывал, какой смысл поставщики деликатесов и вин вкладывают в слово «шаги» — не поступят же они с ним, как с Алджи, — когда вошла Келли.

— Доброе утро, Хэнк.
— Доброе утро, Келли.
— У вас невеселый вид. Что-то стряслось?
Есть вещи, о которых положено молчать. Генри любил эту женщину, но даже ей не готов был явить коршунов, терзавших его грудь.
— Так, кой-какие досадные письма, — сказал он. — Да и вы что-то не блещете весельем.
— Просто тоже беспокоюсь. У вас тут привидение в хозяйстве есть?
— Не встречал. А что?
— Вчера, после того как мы расстались, ко мне пришел Уэнделл, весь трясется. Говорит, что видел человека на лужайке. И не просто человека, а того самого, который нехорошо смотрел на него в баре. Я вышла с кочергой и, конечно, никого там не обнаружила. Я подумала было, что это фамильное привидение, но, раз вы говорите, что тут таких не водится, значит, ему от напряжения начало мерещиться всякое-разное.
— Плохо дело.
— Хуже некуда. Теодору тоже, бывало, мерещилось невесть что, а такие вещи бывают в роду. Знаете, отчего это у него, я думаю?
— Отчего?
— Он выгнал Кларенса и мучается, что теперь Лоретта ему кого-нибудь подсунет. Сегодня же поеду в Лондон и найду Уэнделлу нового камердинера. Сяду на вечерний поезд и остановлюсь в отеле, чтобы вечером пойти на шоу. Хотите со мной?
— Охотно бы, да я обещал встретиться с викарием насчет школьного пикника.
— Отложите на потом.
— Уже два раза откладывал. Больше нельзя.
— Жалко. Здорово было бы поехать вместе. Ладно, такова жизнь. Насчет Уэнделла. Обидно до слез, что это портит ему визит. Ему так здесь нравится. Он просто бредит вашим домом.
Генри вздрогнул.
— Эшби-холлом?
— Ага. Так мне и сказал. Только подумать, говорит, что все его предки жили здесь сотни лет. По виду не скажешь, но вообще-то он жуткий романтик.
Генри не верил своему счастью.
— Ему правда нравится это архитектурное чудовище?
— Дом его мечты.
— Вот и купил бы его.

Келли изумилась.

— Но вы же не продадите?

— Еще как продам!

— Мне казалось, что вы, поместные землевладельцы, или как это называется, скорее умрете, чем расстанетесь со старым домом.

— *Я* — нет. Мне нужны деньги.

— Всем нужны.

— И я объясню, почему. Будь у меня хорошенькая кругленькая сумма, я попросил бы вас выйти за меня замуж.

— Что?!

— Я сказал.

— Ну, Хэнк Параден, вы меня просто убили! Вы правда хотите на мне жениться?

— Больше всего на свете.

— Удивительное совпадение. Только вчера, когда мы болтали под луной, я подумала, как здорово было бы выйти за вас замуж.

Человеку, сидящему за столом, трудно стремительно вскочить, но Генри, опрокинув стул, справился с этой задачей.

— Келли!

— У меня это с самого первого дня, как мы познакомились.

— Не верю!

— Что вас удивляет?

— Вы такая замечательная!

— Вы — тоже.

— Я? Я — пустое место. Стареющий Алджи.

— Кто такой Алджи?

— Мой племянник. Лодырь и дармоед. Как и я. Я недостоин поцеловать, как это называется, вашего платья.

— Если это все, что вы хотите поцеловать… — сказала Келли. — А вот это вы должны будете делать каждую минуту, если не чаще, — добавила она по прошествии некоторого времени.

Генри по-прежнему сомневался.

— Ты уверена, что не совершаешь ошибку?

— Еще как уверена.

— Если Стикни не купит дом, нам придется худо.

— Ну и что?

— Тебя это не заботит?

— Я только рада. По-моему, люди, которые женятся практически без денег, самые счастливые. Когда бедному человеку удается выкроить хоть

немного, он веселится от души. Богатым все скоро приедается, и любовь угасает.

Этого Генри вынести не смог. Он не хотел бы противоречить ей даже в такой мелочи, но тут она перегнула палку.

— Нет, — твердо сказал он. — Моя любовь к тебе не угасла бы, даже будь у меня миллион.

— Могла бы угаснуть.

— Нет.

— Я просто сказала, что могла бы.

— Не могла бы.

— Ладно, — уступила Келли, — я просто говорю, что куда приятнее считать каждый цент, и ездить в Лондон на ланч и утренний спектакль в твой или мой день рождения, а мне самой шить себе платья, чем… чем…

— Наоборот.

— Да, чем наоборот. Было бы совсем не то, если бы Теодор оставил мне миллион, а не умер бы по уши в долгах.

— Ты совершенно права. Мы бы не пережили всего того, что нам предстоит, и не чувствовали бы себя такими близкими.

— Я знала в Нью-Йорке одного бедолагу, который унаследовал от отца двадцать миллионов и женился на девушке, у которой было в два раза больше.

— Что с ним стало? — в ужасе спросил Генри.

— Не знаю. Наши пути разошлись. Но только вообрази этих двоих!

— Кошмар!

— Что их ждало?

— Страшно подумать. Как его фамилия?

— Кадуоллодер. А ее — Алленби.

Несколько мгновений Генри стоял в молчании, потрясенный трагедией этих несчастных. Он готов был разрыдаться и видел, что Келли тоже с трудом сдерживает слезы. Она заговорила первой.

— Что там под крышкой? — спросила она.

— Копченая селедка, — ответил Генри.

— Вперед! — воскликнула Келли. — Я могу съесть дюжину.

Глава VII

1

Лондонский поезд остановился в Эшби Параден, чтобы высадить пассажиров: двух мальчиков, двух девочек, одного младшего священника, трех фермеров, отставного полковника и Алджернона Мартина. Он предпринял это дорогостоящее путешествие — пришлось заложить запонки, чтобы купить билет, — с единственной целью укорить Билла Харди. Алджи смертельно обиделся на друга и не собирался выбирать выражения.

В Эшби Параден все близко, и лишь несколько шагов отделяют вокзал от «Жука и Клена». Алджи быстро преодолел это расстояние и уже через несколько минут стоял в вестибюле гостиницы, строго глядя на Билла.

— Я получил твою телеграмму, — сказал он.

— Не удивляюсь, — ответил Билл. — Я готов был поспорить, что получишь.

— И не стану скрывать, что неприятно удивлен. Человек кует железный план и нуждается в дружеском участии, чтобы его завершить, а ему советуют не быть ослом. Как бы, по-твоему, почувствовал себя Джон Д. Рокфеллер, если бы собирал деньги на «Стандард Ойл», а ему сказали не быть ослом?

Билл указал, что всего этого можно было бы избежать, если бы Алджи постарался не быть ослом, но, как человек справедливый, тут же добавил, что, вероятно, требует невозможного.

— Ты и твои железные планы!

— Хочешь выслушать?

— Нет.

— Значит, так. Ты случаем не знаешь придорожный кабачок на Розендейл-род в Вэлли Филдс? «Зеленый человек» называется.

— Не знаю.

— Отличное место, — одобрительно сказал Алджи. — И, что существенно, наливают в долг. Я там был вчера и встретил одного человека, у которого дом на Кроксли-род. Я вступил с ним в разговор — честно признаюсь, в надежде, что он меня угостит. Рад сказать, что так оно и произошло, хотя и не без нескольких намеков с моей стороны. Ты

наверняка думаешь, что ничего скучнее в жизни не слышал, но погоди, сейчас начнется интрига. Разговорился я, значит, с этим типом, и вижу, что он расстроен. Оказывается, он тамошний старожил и считает, что все это строительство превращает Вэлли Филдс из тихого сельского уголка в своего рода загородный Манчестер. Говорит, рад, что сматывается. «Да? — говорю я. — Сматываетесь, значит?». Он говорит, что контора, в которой он работает, отправляет его в Рио-де-Жанейро, причем отплывать надо чуть ли не завтра. Хорошо, говорит он, хоть дом удастся продать. Какой-то синдикат, или ассоциация, или как там зовутся эти концерны, хочет построить на Кроксли-род многоэтажное жилое здание, а его дом — ровно посередине намеченного участка. Он сказал, что ему пообещали восемь тысяч. Я с ходу предложил десять.

Как ни старался Билл пропустить мимо ушей это невыносимо скучное повествования, некоторые фразы поневоле цепляли слух. Последние слова сразили его наповал.

— Что-что?!

— Я сказал, что дам ему десять тысяч. Вот так и делаются состояния, Билл, — надо соображать на ходу и распахивать дверь, как только в нее постучится случай. Ты, разумеется, уже понял, что было у меня на уме. Этим застройщикам необходимо купить дом, иначе их проект не двинется с места, так что владелец может заломить цену. Человек с Кроксли-род уезжает в Перу или где там Рио-де-Жанейро, он не может сидеть насмерть и торговаться. Я могу и прикинул, что надо будет запросить тысяч двадцать. Короче, чтобы не утомлять тебя длинным рассказом, мы обо всем договорились и составили договор на обороте старого конверта, который был у меня с собой. Хозяин паба и подавальщик — отличный малый, Эрберт его зовут, надо будет вас как-нибудь познакомить, — подписались как свидетели. Я должен через неделю заплатить домовладельцу пятьсот фунтов, дать расписку на остальное, и дом мой! Продав его за двадцать тысяч, я получу десять тысяч чистой прибыли, а дальше меня уже ничто не остановит! Это та сумма в банке, с которой можно начинать, была бы смекалка. Вот мой железный план. Видишь какие-нибудь изъяны?

Билл смог наконец заговорить, хотя и не без труда.

— Только один.

— Какой?

— Где ты возьмешь пятьсот фунтов?

Алджи в изумлении поднял брови. Он ждал от старого друга большей сообразительности.

— Конечно, у тебя, Билл, старина. Естественно, под хорошие проценты.

— Тебе не придется платить проценты.

Алджи был явно тронут. Он сказал, что узнает Билла с его безграничной щедростью, и добавил, что такие люди, как Билл, помогают сохранить веру в человечество.

— Однако я настаиваю, чтобы все было по-деловому. Если ты даешь мне в долг пятьсот фунтов, то тебе причитается пять процентов, и я не полезу в драку, если ты скажешь десять.

— Я не дам тебе в долг пятьсот фунтов. Алджи оторопел.

— Ты мне отказываешь? Значит, ты забыл, что мы вместе учились в школе, и я частенько делил с тобой последнюю банку клубничного варенья? Что я угощал тебя шпротным паштетом, которого мне самому не хватало? Я думал, что элементарная благодарность…

— Дело не в том. У меня нет таких денег.

— Да ладно тебе, Билл. Ты сам сказал, что будешь получать восемьсот фунтов в год. Это значит, что основной капитал у тебя — примерно двадцать тысяч.

— Да, но я не могу их трогать.

Челюсть у Алджи отвисла, как поникшая лилия.

— Почему?

— Они в доверительном управлении. Я получаю проценты, но не могу трогать капитал.

— Кто это сказал?

— Так говорится в завещании.

— Ты уверен?

— Вполне.

— Н-да, это совершенно новый поворот, — сказал Алджи. Он выглядел таким убитым, что добросердечный Билл не выдержал.

— Ладно, если хочешь, я сделаю вот что. Поеду в Лондон и поговорю с адвокатом, вдруг я что-то не так понял. Поезд через час.

Алджи мигом встрепенулся.

— Уж пожалуйста, Билл. Уверен, ты все перепутал, потому что плохо слушал своего адвоката. Я знаю, как это бывает: он бубнит про нижеследующее и вышеисходящее, ты отвлекаешься и перестаешь следить за сутью. Наверняка ты все неправильно понял. Верх глупости — оставить человеку деньги, которые нельзя взять. Завещатели, может, и дураки, — подытожил Алджи, — но все-таки не круглые.

2

Как раз когда в «Жуке и Клене» разворачивалась деловая беседа, Джейн закончила говорить с кухаркой про обед, вышла на террасу, села и задумалась. Она думала, как быть с Лайонелом Грином.

За несколько дней, прошедших со встречи в клубе, она заметно остыла, и больше не мечтала огреть его по голове кирпичом. Тем не менее, она все чаще думала, не будет ли противоположной крайностью выйти за него замуж.

Разговор с миссис Симмонс ничуть не развеял ее беспокойства. Джейн заскочила на кухню поговорить о говяжьих отбивных, и как это толкнуло кухарку на монолог о непостоянстве красивых мужчин, припомнить уже не могла.

Большинство людей при взгляде на миссис Симмонс ни за что бы не подумали, что эту женщину может пленить какой-нибудь Аполлон, ибо внешность среди ее достоинств не числилась. Не миловидность была сильной стороной миссис Симмонс, а умение готовить. Однако и в ее жизни была любовь, закончившаяся исчезновением ухажера. Он, как выразилась кухарка, слинял однажды утром, не попрощавшись.

Джейн должным образом посочувствовала, однако, сидя на террасе, она размышляла не о кухаркиной трагедии, а о собственной дилемме. Она вспоминала, что сказал Алджернон, узнав о ее помолвке. Предварив свои слова замечанием, что учился с Лайонелом Грином в школе и знает, о чем говорит, он с братской прямотой сообщил, что мозгов у Джейн — как у недоразвитого кролика, и ей в голову бы не пришло выйти за Лайонела Грина, если бы не его смазливая физиономия. Теперь она спрашивала себя: что, если Алджи, несмотря на всю свою грубость, по существу прав?

Она чувствовала, что нуждается в мудрой советчице. Идеально подошли бы Дороти Дикс[104] и «дорогая Эбби»,[105] но ни той, ни другой, к сожалению, поблизости не было. К кому обратиться? И тут, словно угадав ее мысли, из дома вышел Генри. Джейн удивилась, как сразу о нем не вспомнила. Немолодой, отзывчивый, с большим жизненным опытом — именно такой человек ей сейчас нужен.

Будь она меньше занята своими переживаниями, она бы заметила, что с их последней встречи в Генри произошла определенная перемена. Обычно спокойный, сейчас он, казалось, бурлил чувствами, и, еще чуть-чуть, запрыгал бы, как холмы.[106] Его счастье было почти осязаемо.

Лишь одно омрачало радость. Келли, справедливо опасаясь, что

лишнее волнение окончательно выбьет Уэнделла из душевного равновесия, попросила пока молчать о помолвке. Как ни хотелось ему открыться Джейн, приходилось держать язык за зубами. Впрочем, никто не мешал улыбнуться племяннице, что он незамедлительно и сделал.

— Привет, Джейн, — сказал он. — Какой замечательный денек, Джейн. Ты осознаешь, Джейн, что уже неделю не было ни капли дождя? Не помню, чтобы в Англии такое случалось. Газеты ноют, что посевам нужен дождь, но я скажу, к черту посевы, пусть едят пирожные. Мне нравится, когда сухо.

— Генри, — сказала Джейн, — я беспокоюсь.

Генри ужаснулся, что кто-то беспокоится в такой распрекрасный день. Он сел рядом с Джейн и взял ее за руки, весь — участие и забота. Дороти Дикс не могла бы быть такой чуткой. И даже «дорогая Эбби».

— Господи! — сказал он. — Что стряслось?

— Может, и ничего, но я бы хотела с тобой посоветоваться. Насчет Лайонела.

— Ты про ланч?

— Да.

Сегодня Генри все видел в розовом свете. Он согласился, что Лайонел вел себя предосудительно, но выразил уверенность, что все объясняется как-нибудь очень просто.

— Тарвин ведь у них главный?

— Да. Лайонел всего лишь младший партнер.

— И если бы Тарвин очень настаивал, Лайонел не мог бы ему отказать?

— Тогда почему он этого не сказал? У него было достаточно времени, чтобы объясниться, пока мы стояли в холле.

— Достаточно времени, по-твоему? По мне, это требовало более долгих объяснений. Я бы на его месте постарался сначала собраться с мыслями. Знаешь что, — внезапно сообразил Генри, — позвони ему и скажи, чтобы пригласил тебя на ланч. Спокойно все обсудите. Если выйдешь минут через двадцать, успеешь на поезд в одиннадцать пятнадцать.

Джейн захлестнула волна благодарности.

— Генри, ты ангел, — сказала она. — Прямо сейчас и позвоню.

Поездом в одиннадцать пятнадцать ехал Билл. Они встретились на платформе.

Пока они усаживались и поезд набирал скорость, Билл думал: вот она, живая иллюстрация того, что Провидение не оставляет добрые дела без награды. У него не было ни малейшего желания ехать в Лондон жарким и душным утром, обещавшим перейти в жаркий и душный день. Он поехал, чтобы сделать приятное Алджи, точно зная, что напрасно теряет время. Адвокат растолковал этот пункт завещания так, что понял бы и тупица, и бессмысленно ехать в Лондон, чтобы услышать все по второму разу. Билл предпринял утомительное путешествие ради проблеска радости на лице друга, и наверху должным образом оценили его самоотверженность. Вот он в уютном купе, на противоположном сиденье — Джейн, и впереди у них — по меньшей мере час с четвертью. Когда надо вознаградить достойного, те, от кого это зависит, не скупятся.

Джейн тоже не обижалась на такой поворот судьбы. Если она и не ликовала, как Билл, то, всяком случае, радовалась попутчику и с удовольствием предвкушала долгую интересную беседу. С прошлых встреч у нее осталось самое приятное впечатление об этом милом молодом человеке. С ним было хорошо и легко. Удивительно, думала Джейн, что они с самого начала почувствовали родство душ, хотя вообще-то она всегда тяжело сходилась с незнакомыми. И странно, что ей так хочется больше про него узнать, так хочется рассказывать ему о себе. Молодые люди ее круга, дай им малейший повод, принимались излагать подробную историю своей жизни, так что первым порывом Джейн при встрече с представителями противоположного пола было ограничить их автобиографическое рвение. Однако поезд не проехал и полумили, как она попросила: «Расскажите мне…». В то же мгновение Билл сказал: «Алджи…», и наступила пауза.

— Простите, — сказал Билл, — Вы говорили…

— Нет, продолжайте. Что Алджи?

— Да, собственно, ничего. Я просто хотел сказать, что он объявился сегодня утром.

— Как, здесь?

— Приехал ко мне в гостиницу.

— И поселился там за ваш счет?

— Ну, наверное.

— Каркнул ворон![107]

— Простите?

— Домашняя шутка. Мой дядя убежден, что Алджи питают вороны,

как кого-то там в Ветхом Завете. Вы, я вижу, ворон с хорошим стажем.

— Не могу же я бросить его на произвол судьбы.

— А что? Ему бы это было только на пользу. Конечно, для Алджи единственное спасение — жениться. На славной девушке с независимым доходом и железной волей, которая ходила бы с палкой и заставляла его работать.

— Вроде леди Макбет?

— Леди Макбет пришлась бы в самый раз.

— Посоветую ему, когда вернусь. Вы что-то начали говорить?

— Когда?

— Перед тем, как речь зашла об Алджи, вы начали: «Расскажите мне…»

— Ах, да. Я просто хотела попросить, чтобы вы рассказали о себе.

— Лучше вы о себе. Пока мне известно только, что вы — сестра Алджи.

— А больше и рассказывать почти нечего. Я — самая обыкновенная.

— Обыкновенная! — ужаснулся Билл, словно викарий, услышавший от мальчика-хориста непечатное словцо.

— Не знаю, как еще меня назвать. Я — просто одна из тех работающих девушек, которых, по словам моей приятельницы, хранят небеса. Родилась в Лондоне, училась в Челтенхеме, работаю в еженедельной газете. В свободное время играю в гольф и в теннис, если могу себе позволить, и пытаюсь сподвигнуть Алджи на честный труд. А вы? Пока я знаю только, что вы прекрасно лазаете за кошками, но ведь это наверняка не все. Школа? Я знаю, что вы учились в школе, потому что вы были там вместе с Алджи. А потом? Оксфорд? Кембридж?

— Увы, ни то, ни другое. Мой дядя был против университетов. Сам в шестнадцать лет занялся бизнесом и считал все остальное пустой тратой времени.

— А почему это он решал?

— Он был моим опекуном. Родители умерли, когда мне было лет восемь.

— И он хотел, чтобы вы занялись бизнесом?

— Да. Экспортно-импортными операциями, если вам это что-нибудь говорит.

— Ничего.

— Мне тоже ничего не говорило, а узнавать больше я не хотел. Только, наверное, вам скучно про это слушать.

— Напротив, — сказала Джейн, сама удивляясь, насколько ей

интересно, — Я ловлю каждое слово. Так что вы?

— Отказался.

— Здорово. Но ему это, наверное, не понравилось?

— Не очень.

— И он от вас отрекся?

— Вроде того.

— И вы убежали в море?

— Звучит банально, но именно так я и поступил.

— Простым матросом?

— Так высоко я не продвинулся. Работал на камбузе, помогал коку.

— А потом?

— Занимался чем придется.

— Чем именно?

— Ну, я много чего перепробовал. Лимоны собирал, например.

— Я так и знала! В первый миг, когда я вас увидела, я сказала себе: «Этот человек собирал лимоны». А где?

— В Чула-Виста, Калифорния.

— Там есть лимоны?

— Встречаются.

— И вы карабкались за ними на деревья? Тогда понятно, где вы так натренировались лазить за кошками. Вам нравилось?

— Не очень.

— Все равно, наверное, лучше, чем заниматься экспортно-импортными операциями.

— О да! Очень здоровая жизнь. Но я расстался с ней без сожаления.

— На что же вы ее променяли?

— На разные работы.

Джейн пришла в голову внезапная мысль.

— А вы никогда не рассказывали Алджи свою сагу?

— Было однажды.

— Он устыдился?

— Ничуть. Он сказал, что ему тошно при одной мысли о такой работе, и мой рассказ лишь укрепил его всегдашнюю убежденность, что мне не следовало давать волю.

— Кто-нибудь должен что-нибудь сделать с моим братом, — возмутилась Джейн. — Все эти ваши работы были в Калифорнии?

— Все, кроме последней. Я скопил на билет до Нью-Йорка и там мне наконец повезло. Человек, который руководил «Малдуном» на Лонг-Айленде взял меня к себе в помощники.

— «Малдун» — это что?

— Санаторий для усталых бизнесменов. Первый основал человек по фамилии Малдун, теперь их в Америке множество. Простая жизнь, свежий воздух, занятия спортом. Моей обязанностью было боксировать с отдыхающими, ездить с ними на конные прогулки и т. п. Мне нравилось.

— Вы умеете боксировать?

— Немного. Вообще-то я считаю себя профессионалом, потому что выиграл двадцать пять долларов в поединке со сборщиком лимонов из конкурирующей фирмы в Чула-Виста. Эта деньги стали для меня трамплином. На них я купил билет до Нью-Йорка, где и попал в «Малдун».

Джейн взглянула на него с уважением. Ей нравились деятельные мужчины, но ее немногочисленные знакомые отличались скорее умением строить планы. Она внезапно рассмеялась.

— Воображаю, как бы Алджи боксировал в Чула-Виста за двадцать пять долларов, — ответила Джейн на удивленный взгляд Билла, а про себя подумала мстительно: «Или Лайонел Грин».

— А почему вы не остались в «Малдуне»? — спросила она.

— У хозяина начались семейные неурядицы. Вообще-то он мне не говорил, но, думаю, у него несколько бывших жен, и все требовали денег. Он решил, что дешевле будет перебраться в Англию и основать здесь нечто подобное. Так он и сделал, с большим успехом. Меня он взял с собой, и я проработал у него года два. В Хемпшире, под Портсмутом.

— И вам по-прежнему нравилось?

— Да. Замечательная была жизнь. А потом дядя все-таки уговорил меня пойти в бизнес.

— Я думала, вы рассорились навсегда.

— Я тоже так думал, а потом как-то приехал в Лондон на выходные, мы случайно встретились и помирились. Я рассказал, чем занимаюсь, а он заявил, справедливо, наверное, что это бесперспективно, и так уговаривал, что у меня не хватило духу отказать. Вот я и застрял в ненавистной конторе. Это продолжалось года два, потом дядя умер и оставил мне свои деньги.

— А теперь вы будете жить в деревне и писать триллеры. Замыслы есть?

— Целая куча.

— Значит, у вас все в порядке.

— Пока да.

— Работать на себя, самому сбывать продукцию — чп может быть лучше?

— Ну, во всяком случае, я буду жить за городом.

— Да. Завидую. Хотела бы я жить за городом, но вряд *т* удастся. Человек, за которого я выхожу замуж, совладелец антикварного магазина и накрепко привязан к Лондону. Ужасно обидно.

4

Уже вечерело, когда Билл вернулся из Лондона. Историк, глядя на его поникшие плечи, непременно вспомнил бы отступление Наполеона из-под Москвы. Билл нередко встречал пращи и стрелы яростной судьбы[108] и, как правило, переносил их стоически, но ужасные слова Джейн на подъезде к вокзалу Виктория пробили его доспех. В «Жука и Клен» он вступил в самом мрачном расположении духа, которое ничуть не улучшилось при виде Алджи, подкреплявшего себя виски с содовой. Бывают минуты, когда даже встреча со старым школьным приятелем не столько взбадривает, сколько наводит тошноту.

Алджи, напротив, заметно повеселел с их последнего разговора. Ему пришла в голову мысль, от которой печать заботы почти исчезла с его чела. Он понял, что даже если адвокат Билла откажется пролить бальзам на душу, не все потеряно. Алджи приветствовал друга веселым взмахом руки и спросил, каков приговор.

У Билла не было ни сил, ни настроения смягчать удар. Он сказал все напрямую.

Алджи кивнул. Он предвидел такой исход.

— Никак не обойти параграф восемнадцатый пункта десятого? Жаль. Я очень тронут, что ты так переживаешь и ценю твое молчаливое сочувствие. Однако я тебя обрадую: удар, пусть и сокрушительный, не сбил меня с ног, отчасти потому, что я его ожидал, отчасти потому, что я много думал и понял, как довести дело до счастливой развязки. То, что представлялось тупиком, по здравом размышлении оказалось лишь небольшой заминкой. Собственно, мне нужен богатый человек с хорошей деловой хваткой, который охотно ссудит деньги на предприятие, обещающее большую и быструю прибыль. Найти такого — пара пустяков. Ты долго работал в Сити. У тебя десятки знакомых бизнесменов. Назови мне несколько фамилий.

Вся эта болтовня крайне раздражала человека, мечтавшего об одном: остаться наедине со своими мрачными мыслями, однако Билл не мог бросить друга в нужде. Он сказал, что не знает никого из лондонских

воротил, и посоветовал Алджи обратиться к своему дяде. В следующие несколько минут слышался только кашель Алджи, который, рассмеявшись в неподходящий момент, подавился виски с содовой.

— К Генри? — выговорил он, оправившись. — Да он почти такой же нищий, как я. Придумай кого-нибудь еще.

Билл задумался. Как всякий влюбленный, он бережно хранил в памяти каждое слово своей милой. Ему вспомнилось, что сказала Джейн, когда покупала шоколад.

— У твоего дяди гостит американский миллионер. Алджи встрепенулся. Библейский конь, который при трубном звуке издает голос «гу! гу!»,[109] и тот не проявил бы подобной прыти.

— Правда?

— Некий Стикни.

— Кто тебе сказал?

— Твоя сестра.

— Так ты видел пигалицу? — с любопытством спросил Алджи. — Я хочу сказать, здесь.

— Да, я ее видел.

— И она сообщила тебе — официально — что есть готовый к употреблению миллионер? Отлично. Буду окучивать его, пока не принесет плоды. Дай Бог, чтобы Генри еще не выдоил из него все свободные средства. Однако неожиданное препятствие поднимает свою уродливую голову. По каким-то извращенным мотивам Генри не пускает меня в дом, значит, там должен поселиться ты. Итак, решено. Я звоню Джейн и говорю, чтобы она пригласила тебя погостить у Генри. Ты завязываешь дружбу со Стикни и зовешь его в гостиницу пропустить по кружечке пива. Я жду, изготовившись к прыжку. Ты нас знакомишь, дальше дело за мной. Промашки быть не может. Иду звонить Джейн.

— Нет!

— Ты сказал: «Нет»?

— Да!

— Надо же. Мне показалось, что ты сказал: «Нет».

— Сказал. Я на выстрел не подойду к Эшби-холлу.

— Почему?

— Потому что не хочу.

— Почему не хочешь?

Билл, припертый к стенке, не мог больше молчать.

— Потому что не могу быть рядом с Джейн… слышать ее голос…

Алджи удивился. С раннего детства он, как всякий брат, следил, чтобы

Джейн знала свое место и не задирала нос, однако отталкивающей ее никогда не считал. Да, он называл сестру кнопкой и пигалицей, но всегда воспринимал ее как миловидную кнопку и очень симпатичную пигалицу.

— Не понимаю, — сказал он, — чем тебе не угодил ее голос. По мне, так вполне ничего. Она тебе не нравится?

— Конечно, она мне нравится!

— И все же ты не желаешь ее видеть. Не понимаю. Твой мыслительный процесс… Чтоб мне треснуть! — воскликнул Алджи, осененный внезапной догадкой. — Ты что, в нее влюбился?

— Да, — отвечал Билл, — и она обручена с другим. Теперь ты понимаешь, почему я не хочу подходить к Эшби-холлу.

Алджи задумчиво нахмурился. Он видел, что пришло время призвать на помощь все свое красноречие и первым делом убедить раскисшего друга, что в несчастной помолвке нет ничего окончательного или непоправимого.

— Обручена с другим, да, — признал он, — но всего лишь с Лайонелом Грином.

Билл ответил, что ему неважно, как зовут человека, за которого выходит Джейн, важен сам факт, что она выходит замуж. Алджи возразил, что, напротив, в этом самая суть, потому что ни одна девушка не может всерьез помышлять о браке с Лайонелом Грином, даже если обручилась с ним в минуту умственного помрачения. Безумие схлынет, и девушка будет свободна рассматривать новые кандидатуры. Господи, сказал Алджи, неужели Билл никогда не слышал о разорванных помолвках?

Билл явно не разделял его оптимизма.

— Почему ты думаешь, что она захочет разорвать помолвку? — спросил он.

Алджи в нетерпении прищелкнул языком. Ничто так не раздражает, как необходимость повторять свои доводы тугодуму.

— Я же сказал. Она обручена с Лайонелом Грином. Билл тоже начал терять терпение.

— Кто такой Лайонел Грин? Ты так говоришь, будто я его знаю.

— А ты не знаешь?

— Впервые о нем слышу. В чем дело? Он прокаженный?

— Хуже. Он художник по интерьерам и торгует антикварной мебелью. И ведь мы всегда знали, что он чем-нибудь таким кончит. На нем с самого начала было это клеймо. А! — вскричал Алджи, Прозревая. — Я понял, в чем промашка. Я называю его Лайонел Грин, и у тебя в памяти ничего не всплывает. Мне надо было сказать: «Л.П. Грин». Не мог же ты забыть Л.П.

Грина? Напряги мозги. Школа. Л.П. Грин.

Билл ойкнул. Он вспомнил, и это стало последней каплей. Его мысленному взору предстал Л.П. Грин, юноша, чье стройное сложение и точеное (хоть и в прыщах) лицо заранее говорили: это будет мужчина, перед которым не устоит ни одна женщина. Допуская, разумеется, что прыщи он вывел. О каком разрыве болтает Алджи? Девушка, обрученная с Л.П. Грином (который вывел прыщи), ни за что не расстанется с таким сокровищем. Пусть нравственно он далек от идеала, если не сильно изменился со школы, но что это значит в сравнении с внешней привлекательностью?

Билл резко встал.

— Пойду приму ванну, — сказал он к разочарованию Алджи, предвкушавшего долгую и плодотворную беседу об Л.П. Грине.

Глава VII

1

Джейн повезло. Вернее, ей повезло дважды — по крупному и по мелочи. Мелким везением было то, что ее подбросили на машине, избавив от необходимости трястись в душном вагоне. Крупное везение было связано с Лайонелом Грином. В итоге она вернулась в Эшби-холл с чувством, что все повернулось как нельзя лучше.

Подвез ее коллега, тот самый книжный обозреватель, который снабжал ее триллерами. Джейн встретила его по дороге на вокзал. Узнав, что она едет в Эшби Параден, обозреватель предложил ей прыгнуть в машину, потому что едет в Брайтон, а Эшби Параден — по дороге. Он довез ее до ворот, и Джейн двинулась по аллее в крепнущем убеждении, что мир прекрасен. Она одобряла все, что этот мир ей предлагал. Солнце сияло, и Джейн нравилось, как оно сияет. Небо голубело, и Джейн не желала ему другого оттенка. Лупоглазый кролик выглянул из куста и уставился на нее с тем же завороженным выражением, что и любой кролик в мире, и Джейн подумала, что еще никогда не видела такого симпатичного кролика. Эшби-холл, представший ее взгляду, утратил восемьдесят пять процентов своего безобразия и даже обрел некую странноватую красу. Еще немного, и Джейн бы запела.

Генри сидел на лужайке в любимом шезлонге, и она устремилась к нему, как на крыльях. Вот кому надо сообщить новости!

— Генри, — сказала Джейн, — хочешь длинный и очень смешной анекдот?

Генри спросонок задумался над вопросом. Его разморило на солнышке, и он задремал.

— Если это не надолго. Я жду викария.

— Ладно, постараюсь покороче, но жалко выпускать лучшие места. Полный восторг от начала и до конца.

— Если это про жену священника и пьяного матроса, то Уэйд-Пиготт мне вчера уже рассказал.

— Нет. Его еще пока не рассказывают. Он про Лайонела. Если ты помнишь, я позвонила ему и попросила пригласить меня на ланч.

— Моя память еще не настолько ослабла от старости. И как?

— Ланч? Ланча мне не досталось. Я съела булочку в чайной.

— Размолвка влюбленных?

— Не совсем.

— А что же?

— Сейчас начнется смешное. Я пришла в этот мерзкий клуб, но Лайонела там не было.

Генри заморгал, окончательно просыпаясь. Рассказ его захватил.

— Он не пришел?

— Да.

— Хотя договорился с тобой о встрече?

— Да, хотя договорился о встрече.

— Он рехнулся?

— Ничуть, как ты скоро узнаешь, если перестанешь меня перебивать. Он не пришел, но выставил вместо себя запасного игрока, Орло Тарвина. Помнишь? С бородой.

— Он заболел?

— Тарвин?

— Лайонел.

— А, Лайонел… Не думаю. Насколько я знаю, здоровехонек.

— Тогда почему он не пришел?

— В этом вся соль анекдота, и я вижу, что он получится не таким уж длинным. Ты знаешь, что Лайонел ездил в Америку украшать дом какому-то миллионеру. Так вот, по ходу дела он обручился с миллионерской дочкой, а Тарвина отправил сообщить мне роковую новость. Вероятно, Лайонел счел, что сам с этим не справится.

Многие люди, помимо Алджи, в разное время нелестно высказывались об Л.П. Грине, но мало кто достигал такой выразительности. Генри говорил секунд тридцать, прежде чем Джейн смогла продолжить рассказ.

— Тарвин был ужасно добр. Он бесконечно долго меня утешал, и мне не хватило духу сказать, как я рада.

Генри вытаращил глаза.

— Рада?

— Вне себя от радости и облегчения. Я собиралась, по совету Алджи, разорвать помолвку за кофе, и немножко побаивалась, как это пройдет.

Генри совсем оторопел. Он не одобрял планы Джейн, поскольку, как многие другие, считал, что Лайонел Грин — первостатейная гнида, однако всегда полагал, что ее эти планы устраивают.

— Ну, это, конечно… неожиданно.

— Я так и думала, что ты подпрыгнешь.

— Утром ты мне ничего не говорила.

— Утром я сама не знала. Мысль пришла мне в поезде. Бывают такие озарения. Передо мной забрезжило, что в Лайонеле нет ничего, кроме профиля и знойных глаз. Видимо, они и вскружили мне голову. Перед тобой одна из тех, кто сходит с ума по актерам, и будь я акробаткой, я бы себя лягнула. Ах, Генри, как жаль, что ты такой красавец! Это единственный твой изъян. Толпились ли девушки у задних дверей, когда ты выходил после спектакля?

— Не помню ни одной, но, может быть, я плохо смотрел. Значит, все хорошо.

— Лучше не бывает. Только я не понимаю, что было у меня с головой, когда я вообразила, будто его люблю. Я страшно рада, что вовремя разобралась в себе. Теперь буду присматривать человека неказистого, но честного. Наверное, страсть к профилям и знойным глазам — что-то вроде скарлатины, которой мы, бедные дурочки, должны переболеть, и чем скорее это кончится, тем лучше. Ну вот, Генри, ты услышал анекдот про Джейн Мартин, и я закончила как раз вовремя, потому что, если ты поглядишь влево, то увидишь приближающегося викария. Развлекай его сам.

— Постараюсь отделаться от него как можно скорее. Ой, совсем забыл. Я же обещал ему книгу.

— «Кровавый Бредли» Томаса Харди, он же Билл Харди, он же Адела Бристоу. Очень интересный человек. В ранней юности собирал лимоны. Где его книга?

— В картинной галерее.

— Я принесу.

Беседа Генри с викарием была непродолжительной. Последний хотел узнать, согласен ли Генри, как теннисоновский сэр Уолтер Вивиан, порою летней на целый день до самого заката в свои луга пустить народ окрестный.[110] Окрестный народ в данном случае означал школьников и мальчиков из Церковной Бригады. Генри выразил согласие, на чем эта часть разговора закончилась. Когда вернулась Джейн, они уже весело обсуждали шансы сассекской команды на победу в чемпионате графства по крикету. Викарий ушел с «Бредли» под мышкой, и Генри, подняв глаза на Джейн, с удивлением увидел, что веселье ее куда-то улетучилось, сменившись мрачной озабоченностью. Казалось, за это короткое время она пережила какое-то потрясение.

Генри не пришлось дол го томиться в неведении. Подобно Келли, Джейн предпочитала действовать напрямик.

— Генри, — сказала она, — этот твой Стикни украл пресс-папье Красавчика.

2

Если Джейн полагала, что известие ошеломит аудиторию, то она не обманулась в своих ожиданиях. Она думала, что Генри вздрогнет, и, разумеется, он вздрогнул так, будто шило, проткнув шезлонг, вошло в его мягкие ткани на дюйм с четвертью.

Генри с горечью думал, как странно, что три вполне разумных человека — он, Уэнделл и Келли — составили план, который (пользуясь терминологией Алджи) считали совершенно железным, и не заметили изъяна, который должен был бросаться в глаза, как костюм-тройка на матче Итон-Хэрроу.

Теперь он видел, какое безумие запускать операцию, пока в доме Джейн. Надо было подождать, пока закончится ее отпуск. Она не страдала чрезмерным любопытством, но в галерею заходила часто — Генри с болью вспомнил, что сам ее туда и отправил. Любой букмекер принимал бы ставки на то, что рано или поздно она обнаружит исчезновение пресс-папье, в соотношении десять к одному.

Теперь надо было придумывать, как выкрутиться. Разумеется, он предпочел бы сказать правду — это всегда приятно, если уверен, что не будешь потом жалеть — но все же сдержался. До сих пор Джейн обнаруживала похвальную широту взглядов, но вполне вероятно, что легкий душок бесчестности в деле Стикни—Параден вызовет ее возмущение. Короче, она может наложить вето на всю сделку, а уж если Джейн наложила вето, его не отменишь — она существо упрямое и давно усвоила, что женщина, которая не умолкает, всегда добьется своего.

Если же возобладает широта взглядов, и Джейн скрепит предприятие своим одобрением, опасно сообщать ей факты. Даже самые лучшие девушки при всем желании сохранить тайну не выдерживают, и сведения, не подлежащие разглашению, по секрету выбалтываются лучшей подруге. А всем известно, что такое лучшие подруги. Сказать им что-нибудь по секрету — все равно что сразу объявить это в дневной программе Би-Би-Си.

Итак, Генри пребывал в раздвоенье острого ума.[111] Решив наконец, что предпочтительно утаить тайну, он довольно правдоподобно ахнул, и Джейн продолжила рассказ:

— Я зашла в галерею за книгой и случайно взглянула на витрину с фамильными ценностями. Пресс-папье там нет. И не спрашивай, уверена ли я, потому что уверена на все сто.

Здесь, конечно, Генри мог бы сказать, что отправил пресс-папье в химчистку, но такая простая уловка не пришла ему в голову, и Джейн продолжала:

— И очевидно, украсть его мог только мистер Стикни.

— Да ладно тебе! — слабым голосом выговорил Генри. Как он ни старался, вышло неубедительно. Джейн только отмахнулась от его жалкого блеянья.

— А кто еще? Если в доме одновременно находятся ценное французское пресс-папье восемнадцатого века и страстный собиратель таких пресс-папье, и в один прекрасный день оно исчезает, на кого первым делом падет подозрение? И не говори мне, что Стикни — порядочный американский джентльмен, воспитанный в уважении к чужой собственности. Он — коллекционер, а всем известно, что одержимость коллекционеров не знает границ. Единственный способ уберечь приглянувшуюся им вещь — приколотить ее гвоздями, хотя и это не дает стопроцентной гарантии.

Генри ничего не мог противопоставить этой безжалостной логике. Перри Мэйсон,[112] без сомнения, нашел бы аргументы защиты, но Генри принадлежал, скорее, к типу Гамильтона Бергера.[113] Он признал, что улики и впрямь указывают на Стикни.

— Удивительно, — сказал он, утирая выступивший на лбу пот.

— Что удивительно?

— Что Стикни мог такое сделать.

— Ничего удивительного, — отвечала жестокая племянница. — Готова поклясться, это не первая его кража. Может, он все свои пресс-папье попер из домов, в которых гостил. Вот почему он может жить на Парк-авеню — коллекция не стоит ему ни цента. Ну, какие шаги ты намерен предпринять?

Генри сморгнул. Слова Джейн напомнили ему про Даффа и Троттера. Он ответил, что не видит никаких возможных шагов. Не будь Джейн такой хорошенькой, можно было бы сказать, что она фыркнула.

— Неужели ты спустишь этому жулику?

— Пожалуйста, не называй его жуликом.

— А как прикажешь его величать? Ворюгой? Домушником? Крысой преступного мира? Надо немедленно вывести его на чистую воду. Эркюль

Пуаро раскусил бы его с первого взгляда. И знаешь, как бы он поступил, узнав об исчезновении пресс-папье? Пошел бы к Стикни и сказал: «У вас есть две минуты, чтобы вернуть похищенное, иначе я вызову полицию». Так мы и должны сделать.

— Я не могу. Господи, нет, я не могу.

— Тогда скажу я.

Эти ужасные слова подействовали на Генри, как новый укол шилом. Мысль, что племянница заговорит с несчастным, измученным совестью Стикни об украденном пресс-папье, парализовала его. Товарищ по заговору и без того настолько издерган, что ему за каждым кустом мерещатся частные сыщики. Слова Джейн его доконают. Генри явственно представил, как мистер Стикни в приступе истерии хватается за горло и сдавленно хрипит. Разыгравшееся воображение уже рисовало, как поспешно вызванный доктор убирает стетоскоп и с трагическим выражением констатирует смерть.

— Нет, нет, НЕТ! — закричал он. — Не смей этого делать!

— Почему?

На Генри снизошло озарение. Наконец-то он вспомнил решающий аргумент, который должен был предъявить в самом начале. Его голос, звучавший в продолжение разговора как блеянье особо робкой овцы, внезапно окреп и стал звонким, как горн.

— Потому что он собирается купить дом, вот почему. Я сказал, что приглашаю его сюда в надежде сбыть с рук этого мерзкого белого слона. Все висит на волоске. Разумеется, меньше всего на свете я хочу с ним ссориться, и если ты думаешь, что я позволю обвинять его в краже всяких там пресс-папье, ты глубоко заблуждаешься. Он в две минуты соберет вещи, и поминай, как звали. Так что, сама видишь, ни о каких разоблачениях не может быть и речи. Мне все равно, как поступил бы Эркюль Пуаро, я так поступать не собираюсь, а если ты это сделаешь, юная Джейн, я освежую тебя тупым ножом и окуну в кипящее масло. Пусть оставит себе это чертово пресс-папье, мы его спишем на деловые издержки. А теперь мне пора. Надо написать письма, кучу деловых писем. Я уже и так с ними запоздал.

После его ухода Джейн несколько минут сидела неподвижно, злясь, как может злиться только упрямая девушка, получив внезапный отпор. Потом она встала. Было ясно, что в одиночку тут не справиться и нужно искать советчика. Быть может, новый человек придумает что-нибудь ценное. Первым делом она вспомнила про Билла Харди. Они были знакомы совсем недолго, но Джейн успела составить о нем самое

благоприятное мнение. Билл представлялся ей разумным, рассудительным и практичным.

Она подумала, что, наверное, он уже вернулся, и, в таком случае, искать его надо в «Жуке и Клене». Туда она и направилась без промедления.

3

Генри почти дошел до дома, когда с террасы донеслось мелодичное: «Эй», и через минуту на дорожку спустилась Келли.

Он смотрел на нее и дивился. Неужели в такое время, когда тревоги и неурядицы порскают со всех сторон, как вспугнутые фазаны, кто-то может быть спокоен и безмятежен? Казалось, она убеждена, что в мире вообще нет тревог и неурядиц. Первые же ее слова объяснили, откуда такой оптимизм.

— У меня для тебя хорошие вести, Хэнк, — сказала она, и в его нервной системе произошел стремительный поворот к лучшему. — Причем хорошие — не то слово. Сейчас ты запляшешь на цыпочках, роняя розы со шляпы. Уэнделл покупает дом.

У Генри ослабели колени. Эшби-холл замелькал перед глазами, как в старом немом кино. Это было в точности, как если бы Келли, прибегнув к тактике, оказавшейся столь действенной в отношении первого мужа, огрела его по голове пресс-папье.

— Повтори!

— Ты что, оглох?

— Нет, но мне так приятно слышать. Келли, это потрясающе. Подумай, что это значит. Мы сможем до конца своих дней жить на Майорке или на Нормандских островах, или в любом другом месте, где жизнь практически ничего не стоит.

— Я тоже так подумала.

— Он твердо решил?

— Твердо.

— Что-нибудь о цене говорилось?

— Нет, так далеко мы не продвинулись. Кстати, Хэнк, держи ухо востро. Ты мало знаешь Уэнделла и, вероятно, воображаешь его этаким мечтателем, которому дела нет до денег. Только это не так. В делах он — кремень, весь в отца. Стоит дать малейшую слабину, и он тебя облапошит.

Генри пообещал не давать слабины.

— Уж постарайся.

— Не могу дождаться, пока начнутся переговоры за круглым столом. Трудно было его убедить?

— После того, как я упомянула Лоретту, — нет.

— Она-то тут при чем?

— Я завела разговор о его сестре Лоретте. Сказала, что он не будет в безопасности, пока остается в сфере ее влияния, так что надо покупать дом и переезжать в Англию. Здесь он тоже может собирать пресс-папье, а по эту сторону океана она до него не доберется. Лоретта не ездит в Англию, потому что души не чает в своем шпице, а его пришлось бы либо оставить в Америке, либо поместить в карантин. На это она никогда не пойдет. Покупайте Эшби-холл, говорю я, и дело в шляпе. Это его доконало. Лишнее подтверждение, что все в этом мире зачем-то нужно, даже Лореттин шпиц.

— Да, верно, — сказал Генри.

Они погрузились в задумчивое молчание, размышляя о неисповедимых путях Господних.

Глава IX

1

Алджи сидел в «Жуке и Клене», глядя на Хай-стрит и прихлебывая виски с содовой. Нельзя сказать, чтобы цвет его решимости совсем уж захирел под бледным налетом мысли,[114] однако и обычное веселье несколько поумерилось. Резкий уход Билла заметно его обескуражил, показав, что самые красноречивые доводы не заставят друга приблизиться к Эшби-холлу. Человек, внявший красноречивым доводам, не идет наверх принимать ванну, он остается внизу, чтобы побеседовать о деле. Стало ясно, что остроумный план поселить Билла в Эшби-холле, дабы тот сошелся накоротке с толстосумом Стикни, осуществиться не может.

После школы Алджи уделял мало времени Святому Писанию, и большинство ветхозаветных историй выветрились из его памяти, не то бы он задумался о том, как напоминает сейчас Моисея на горе Фасга. Моисей с тоской смотрел на землю обетованную, на которую ему не суждено было ступить. Алджи с такой же тоской смотрел мысленным взором на миллионера, к которому не мог подступиться. Неудивительно, что виски и содовая обращались золой у него во рту.

Алджи с горечью думал о Генри — главном препятствии на пути к богатству. По отношению к нему владетель Эшби-холла вел себя как человек, неоднократно обжигавшийся на молоке. От прошлых встреч у Генри Парадена остался вполне обоснованный страх, что Алджи, оказавшись поблизости, немедленно выманит у него деньги. Он любил племянника и не прочь был время от времени посылать ему пять фунтов, но в решении не пускать его на порог оставался тверд, как скала.

А достичь богатства Алджи мог не иначе, как попав в дом. Он не был пессимистом, но уже чувствовал, что вожделенное богатство уплывает из рук. Невозможно одолжить денег у миллионера, к которому нельзя подойти.

Он сидел и печально сопел, как, наверное, в свое время Моисей на Фасге, и тут в гостиницу вошла Джейн.

Хотя Алджи был настолько озабочен, что предпочел бы остаться один со своими мыслями, появление сестры его скорее обрадовало. Как многие братья и сестры, верящие во взаимную искренность, они были по-

настоящему привязаны друг к другу, и никакая прямота не могла этого испортить. Да, он называл Джейн микробом и шпингалетом, но ценил ее по достоинству, когда же Джейн говорила, что он напоминает ей лодыря из комиксов про морячка Попая,[115] то произносилось это по-доброму.

Поэтому Алджи тепло ее приветствовал и, хотя приподниматься не стал — всему есть мера, — но сердечно помахал рукой, приглашая сесть рядом.

— Привет, бацилла, — сказал он. — Откуда взялась? Джейн ответила, что недавно вернулась из короткой поездки в Лондон.

— Я ищу Билла Харди. Ты его видел?

— Мы болтали минуту назад. Он ушел принимать ванну. Зачем он тебе?

— Хочу посоветоваться.

— О чем?

— Так, одна история.

— Неприятности?

— Да.

— Тогда лучше выложи их мне. Выкручиваться из неприятностей — это по моей части. Тут я Биллу дам сто очков вперед.

Джейн задумалась. Она чувствовала, что в словах Алджи есть определенный резон. Да, у него много недостатков, но чего-чего, а изобретательности ему хватает, пусть даже проявляется она в способности увиливать от работы. Сам Генри вынужден был признать, что у этого молодого человека на все есть ответ. Джейн решила, что не вредно, а может быть, даже полезно посвятить его в суть произошедшего.

— Значит, так, — сказала она.

Алджи внимательно слушал ее рассказ. Ему пришлось довольно долго объяснять, чем отличается пресс-папье Красавчика от дешевых магазинных штамповок, но, разобравшись с этим, он легко схватил главное.

— И ты думаешь, его украл Стикни?

— А кто еще? Он собирает пресс-папье.

— Не хотел бы я, чтобы на моем надгробье написали: «Здесь лежит Алджернон Мартин в надежде на славное воскресение. Он собирал пресс-папье». Посетители кладбища решат, что я — псих. Ладно, к делу. Значит, Стикни — главный подозреваемый. При этом, будь он наполеоном преступного мира, Генри не может его разоблачить, потому что хочет продать ему Эшби-холл. Верно?

— Совершенно верно.

— Ну, тогда понятно, что делать.

— Мне — нет.

— Милый мой шпингалет, это ж ясно, как Божий день. Выкрасть эту штуку обратно.

— Выкрасть обратно?

— Верно.

— Втайне от него?

— Вот именно.

— Как? — сказала Джейн, и Алджи согласился, что это и впрямь вопрос.

— Разумеется, тут нужна крайняя деликатность. Для успеха необходим человек моего калибра, но как я могу выкрасть пресс-папье, если Генри из какого-то нелепого упрямства не пускает меня в дом? Может быть, если ты объяснишь, что я предлагаю помощь, он уступит. Мое присутствие могло бы его растрогать.

— Этого-то он и боится.

Не успел Алджи ответить, как за окном, у которого они сидели, послышалось дребезжание консервных банок. Это было такси, подъезжавшее к каждому поезду. Сейчас оно явно опаздывало, потому что поезд уже стоял на платформе и по всем признакам готовился отойти.

— Ой, это Келли, — сказала Джейн. — Опоздала на поезд.

— Келли?

— Тетушка мистера Стикни. Собиралась в Лондон нанимать ему камердинера. Я говорила, что надо выезжать заранее, потому что на станционное такси нельзя полагаться. Это один из тех лихачей… Не делай так больше, — с раздражением сказала она, потому что Алджи со всей силы грохнул кулаком об стол, а не всякие нервы такое выдержат. — В чем дело?

— Ты сказала, камердинера?

— Да. Старого он уволил.

— И она собиралась в Лондон, чтобы нанять нового?

— Да.

— Насколько хорошо вы с этой Келли знакомы? Если ты ей что-нибудь посоветуешь, она послушается?

— Возможно.

— Тогда догони ее на станции, посочувствуй, что поезд ушел, и скажи, что вообще-то оно к лучшему, потому что ты можешь избавить ее от утомительной поездки в Лондон. Если ей нужен камердинер, нечего и трудиться — по удивительному совпадению ты только что встретила камердинера своего покойного дяди Седрика…

— *Какого* дяди?

— Седрика. Который был епископом Освальдтвистла. Епископ будет в самый раз. Его камердинер как раз приехал сюда на лов креветок или чем тут занимаются в этих местах, и зашел в «Жука и Клен» выпить джина с тоником. А поскольку милый старичок отошел к утренним звездам, он сейчас без работы и готов пособить на то время, пока Стикни найдет постоянного…

— Алджи!

— А?

— Что за чушь ты несешь?

— Ты хочешь сказать, до тебя еще не дошло? — изумился Алджи. — Я думал, твои шарики с роликами крутятся быстрее. Я говорю, чтобы ты посоветовала Келли взять меня на свободное место камердинером к Стикни.

— Что?!

— К Стикни. Камердинером. На свободное место. Тогда Генри не сможет выставить меня из дома, и я смогу собирать пресс-папье, сколько душе угодно.

— Но…

Джейн замолчала. Ее первое впечатление, что брат не выдержал интеллектуального натиска современной жизни, быстро рассеивалось, уступая место растущему убеждению, что он нашел гениальный выход. Без сомнения, Стикни хранит злополучную добычу у себя в комнате, а кто как не камердинер имеет неограниченный доступ к вещам своего хозяина?

Только одно омрачало ее пыл.

— А ты сможешь притвориться камердинером?

— Конечно. В Кембриджских студенческих спектаклях я всегда "играл слуг и дворецких.

— И хорошо получалось?

— Колоссально. За мои актерские способности не тревожься.

— И потом, это только на день или на два.

— Меньше. Ты помнишь, как быстро я отыскивал спрятанный шлепанец, когда мы играли в детстве? Думаю, минут за десять справлюсь. Из-за чего этот серебристый смех?

— Представляю лицо Генри, когда он тебя увидит.

— Ах, да. Сперва оно немного перекосится, но скоро вновь округлится, поскольку Генри, в сущности, славный малый. Однако нам некогда обсуждать его лицо, каким бы замечательным оно ни было. Иди догоняй Мерфи.

— Келли.

— Мерфи или Келли, сейчас не до буквоедства. Скажи, пусть едет в Эшби-холл, объяснит Стикни, что к чему, и пришлет такси обратно за нами. Она поймет, что тебе и камердинеру твоего дяди Седрика захочется немного поболтать о былом, прежде чем возвращаться к людям.

Скоро Джейн появилась снова с вестью, что все прошло, как по-писаному.

— Келли страшно рада. Говорит: «Приезжайте прямо сейчас».

— Отлично. Тогда мне нужно знать только… Да, мелкий вопрос. Как женщину могут звать Келли?

— Это девичья фамилия ее матери. Она была мисс Келли.

— Надо же, как просто, когда все объяснят! Ладно, я говорил, что не знаю, какого рода тип этот Стикни. В смысле, он из тех безжалостных магнатов, которые давят людей, как мух, или он мирный недавленец? Это существенно. В первом случае я должен быть раболепным, во втором — надменным и властным, чтобы он ходил у меня по струнке. Надо заранее войти в роль.

— Ну, я мало его знаю, но мне он показался скорее мирным. Единственное, что может быть для тебя важным, мне рассказала Келли: он не выносит, когда камердинер слишком много хлопочет. Он договорился с Кларксоном — это тот камердинер, которого уволили — что удвоит жалованье, лишь бы его оставили в покое. Не учили, какой костюм надевать, и все такое.

— Тогда зачем ему камердинер?

— Келли объяснила. У него властная сестра, и это ее требование.

Алджи выдохнул.

— Хорошо, что ты сказала. Я собирался объявить, что намерен полностью взять на себя костюмно-рубашечно-брючный вопрос вплоть до пижамного. Спасибо, кнопка, за бесценные сведения. Теперь я вижу свой путь и готов поспорить на что хочешь, что в самом скором времени я буду вить из него веревки, а он — смотреть на меня с собачьим обожанием

2

.

Первые несколько минут в такси Алджи задумчиво молчал, мысленно

выстраивая тактику и стратегию. Времени на раздумья было предостаточно, поскольку шофер (он же хозяин) такси, отходил после бешеной гонки к поезду. Он не мог требовать от своего арабского скакуна второго рывка за день. Чуть раньше, когда Келли в четвертый раз спросила, не может ли эта чертова драндулетина ехать быстрее трех миль в час, шофер все-таки прибавил скорость, но сделал это, скрепя сердце. Он по горькому опыту знал, что чрезмерные нагрузки чреваты выпадением жизненно важных органов.

Мысли Алджи были приятны. Он не очень задумывался, как выкрасть пресс-папье. Это можно будет сделать в любой свободный момент. Умение отыскивать шлепанец не ржавеет. Главное, он все время будет рядом с миллионером, для которого деньги — тьфу, и если не сумеет вытянуть из него жалкие пятьсот фунтов под солидное коммерческое начинание, значит, он не тот, кем себя считает.

Если у него и были сомнения, рассказ Джейн окончательно их развеял. Теперь ясно, что Стикни — отпетый мошенник, а некая мошенническая жилка как раз и нужна, чтобы одобрить проект, который строгому ревнителю нравственности мог бы показаться сомнительным. Совесть самого Алджи была чиста. Самое благородное дело — проучить воротил с Кроксли-род. Кто дал им право уродовать прелестный зеленый оазис гнусными многоквартирными домами? Однако он не мог скрыть от себя, что задуманный план не лишен некоторого душка, и был рад, что придется иметь дело с человеком широких взглядов. Тот, кто крадет чужие пресс-папье, не вправе строго судить других.

В таком-то приподнятом расположении духа он повернулся к Джейн, рассчитывая скоротать время за приятной беседой. Припомнив, что она, по собственным словам, недавно вернулась из столицы, он решил использовать это как затравку для разговора.

— Чего тебя понесло в Лондон в такую жарищу? — спросил он, и, когда Джейн ответила, что попросила Лайонела Грина пригласить ее на ланч, бурно возмутился.

— Тебе надо проверить голову, — сказал он, далеко не первый раз. Это было лейтмотивом их бесед в последние годы. — Тоже мне способ проводить летние дни! Не понимаю, чем тебя привлекло это пятно на лондонском пейзаже? Что в нем может нравиться?

— Огромное обаяние…

— Да что ты!

— Он невероятно хорош собой.

— Тьфу!

— И голос красивый.

— Меня тошнит от твоих слов.

— И все в нем — лучше некуда, если бы не самая нижняя оконечность. Ты когда-нибудь обращал внимание на его ноги?

— Я человек занятый, мне некогда разглядывать его ноги. С ними что-то не так?

— Они из глины. Я обнаружила это совсем недавно и, обнаружив, решила не выходить за него замуж.

Во второй раз за этот вечер Алджи, подавившись, утратил дар речи, тем самым подтвердив, что нельзя на вдохе давать выход сильному чувству. В первый раз причиной был смех, сейчас — изумление. Отдышавшись, он ошалело вылупился на сестру.

— Ты не выйдешь за него замуж?

— Не выйду.

— Точно?

— Да. Колокола отменяются. Свадебный пирог не прозвенит. Тебе больше не из-за чего тревожиться.

Не часто Алджи целовал сестру — такие вещи кружат девушкам голову и заставляют их задирать нос — но на этот раз поцеловал, и вполне искренно. Она этого заслужила.

— Воистину радостная весть.

— Я рада, что ты доволен.

— Но откуда такой запоздалый проблеск рассудка?

— Неважно.

— Да, неважно, почему туман рассеялся, и ты увидела Л.П. Грина в его подлинном обличье. Главное, что увидела. Это должно было рано или поздно случиться, и хорошо, что случилось не на выходе с венчания. То-то Билл обрадуется.

— Билл?

— Он будет порхать по «Жуку и Клену», распевая, как херувимы и серафимы.

— Почему?

— Почему, ты спрашиваешь? Потому что он любит тебя, дитя мое, любит с такой страстью, что, того гляди, повредится в рассудке. Он…

— Алджи!

— А?

— Ты повредился в рассудке?

— Никогда не был разумнее.

— Тогда почему ты несешь околесицу?

— Околесицу?

— Всю эту чушь, будто Билл меня любит.

— Чушь? Ты думаешь, это чушь? Тогда позволь сказать, что я получил информацию из первых уст.

Глаза у Джейн, как всегда, когда перед ней открывалось нечто совершенно новое, стали большие и круглые.

— Да мы встречались всего раза два.

— Хватило и одного. Лишь раз он на тебя взглянул, и сердце замерло в груди. По-моему, так часто бывает. Странно, что ты не заметила. Я думал, девушкам положено сразу видеть, когда в них влюбляются. Да, Билл втюрился в тебя по уши с первого взгляда, и каково же ему было услышать, что ты обручена с Л.П. Грином! Ты бы видела его сегодня после возвращения. Ни дать ни взять утопленник, который пробыл под водой несколько дней. Не мог говорить, не мог улыбаться, просто пошел наверх принимать ванну. Не удивлюсь, если в ванне ему пришла мысль сунуть голову под воду и разом покончить с мучениями. Да, вот оно как с Биллом. Подумай о нем хорошенько и не упускай из виду, что я от всей души одобрил бы этот союз. Не забывай, что человек, за которого ты выйдешь замуж, станет моим шурином, а я в этом вопросе разборчив, даже привередлив. Билл меня вполне устраивает. Хватайся за него, такой случай может не повториться. Ах, — сказал Алджи, когда такси с лязгом остановилось у парадной двери, — вот и старая хижина, где ждет меня Стикни! Давайте его сюда. Я собран, уверен в себе. Чутье подсказывает, что это мой звездный час.

3

Дальше в программе произошла небольшая заминка. Джейн, отряженная на поиски Келли, чтобы та представила Стикни нового камердинера, вернулась с вестью, что означенный господин ушел в деревню покупать шоколад — роскошь, которую, как горько заметила Джейн, он в силах себе позволить, потому что все время крадет пресс-папье, а не покупает за свои деньги.

Алджи сказал, что, на его взгляд, это звучит обнадеживающе. Придает Стикни некую человечность, показывает его с приятной стороны.

— Даже лучше, чем твои слова о том, что он мирный. Если он ест шоколад, значит, он точно не будет жевать стекло, глотать гвозди и тиранить слуг. Молочный шоколад?

— Я покупала ему молочный.

— Значит, он будет пропитан молочным шоколадом незлобливости.[116] Ладно, что нам теперь делать?

— Ждать, наверное. По крайней мере, тебе. Я пойду на озеро, искупаюсь.

— Хотел бы я пойти с тобой, но вряд ли это сейчас уместно. Нельзя выходить из роли. Где, по-твоему, может быть Генри в настоящий момент? Мне не терпится его увидеть.

— Тоже, наверное, купается, в такую жару-то.

— Моется и прихорашивается для гостей? Хвалю, — сказал Алджи. — Коли так, погуляю по лужайке. Наверняка мы здесь и встретимся.

— Хотела бы я это видеть!

— Ты обо всем услышишь во благовремении.

Джейн не ошиблась. У самого озера она встретила Генри, который возвращался домой. Они обменялись несколькими словами, после чего он двинулся к дому, распевая песню, которую пел на каждом вечернем и утреннем спектакле, когда еще играл в мюзиклах. Мысль о Келли и грядущей продаже дома наполняла его ликованием. Ласточка не могла бы заливаться беспечнее, и он, без сомнения, заливался бы еще долго, если бы некое зрелище не заставило его умолкнуть посреди арии. По лужайке гулял с сигаретой высокий молодой человек, как две капли воды похожий на его племянника Алджи.

Со второго и более пристального взгляда Генри уяснил причину этого сходства, а именно, что по лужайке действительно разгуливает его племянник, и в праведном гневе устремился вперед с видом дядюшки, который намерен потребовать объяснений.

— Алджи! Какого черта ты здесь делаешь?

Алджи обернулся с радушной улыбкой. Он любил главу семейства и сожалел, что практически лишен удовольствия его видеть.

— Ах, Генри, я все гадал, когда ты выйдешь из-за левой кулисы, или как там это называлось в твои театральные дни. Ты прекрасно выглядишь.

— Плевать, как я выгляжу.

— Мне — не плевать, — с мягкой укоризной отвечал Алджи. — Я день и ночь тревожусь о твоем здоровье. Я только что говорил себе: «Интересно, как там Генри. Надеюсь, здоров. Ни головокружений, ни потливости, ни икоты или тошноты». Рад видеть, что ты цветешь. У меня камень с души свалился.

— Сколько раз я говорил, чтобы ты не смел сюда соваться?

— Прости, не помню, Однако, боюсь, тебе придется меня пустить —

по крайней мере, на то время, пока здесь гостит мистер Стикни.

— Что?!

— Как только он вернется с шоколадом, он возьмет меня к себе камердинером.

— Что?!

— Ты всегда твердил, чтобы я шел работать, вот я и пошел. Однако на самом деле все глубже. Ты видел Джейн?

— Минуту назад.

— Она тебе объяснила?

— Что?

— Наши планы, как тебе помочь. Она пришла ко мне в гостиницу и рассказала про пресс-папье.

— Что?!

— Ты все время говоришь «что». Искренне советую тебе избавиться от этой привычки. Да, насчет Стикни и украденного пресс-папье. Я выкраду его обратно, мне, как камердинеру, это раз плюнуть. Наверняка он спрятал его где-то в комнате, я буду постоянно туда заходить. Думаю вернуть Твое пресс-папье в рекордное время. Учти, для кого попало я бы это делать не стал, потому что всегда есть шанс, роясь в вещах, обнаружить его за спиной, а это, согласись, более чем неприятно, но, несмотря на твою странную привычку бегать от меня и не пускать меня в дом, я всегда был к тебе расположен и готов рискнуть.

— О, Господи! — сказал Генри. Он напряженно думал.

Меньше всего он хотел делиться тайнами с Алджи, чьей сдержанности не очень-то доверял, однако порой обстоятельства бывают сильнее нас, и сейчас был именно такой случай.

Уэнделл Стикни решительно отказывается нести пресс-папье на почту и не доверяет эту задачу Генри. Однако он наверняка согласится, чтобы посылку отнес камердинер. Лучшего выхода не придумать.

Решать надо было быстро, и Генри больше не колебался.

— Алджи! — воскликнул он. Алджи поднял руку.

— Я знаю, что ты скажешь, Генри. Хорошо бы в мире было больше таких племянников, ибо именно в них он нуждается. Так?

— Нет.

— Нет? — уязвленно ответил Алджи. — Конечно, мне благодарности не нужно, однако немного признательности не помешало бы.

— Ты можешь сохранить тайну?

— Не помню, чтобы такое случалось, но попробую.

— Тогда слушай, — сказал Генри и, предварив свои слова строгим

наказом ничего не говорить Джейн, не то она на корню зарубит всю эту затею, выложил племяннику факты.

Алджи слушал дядю с новым уважением. Он никогда бы не подумал, что у Генри достанет хладнокровия и дальновидности, чтобы задумать такой план, а уж тем более — чтобы провести операцию, в которой малейший неверный шаг чреват сроком в кутузке. Его энтузиазм рос с каждым словом. Когда Генри закончил рассказ, Алджи объявил, что с искренним удовольствием поможет в столь благородном деле.

— Давай повторим основное. Слабость духа мешает Стикни самому отнести посылку.

— Да.

— И он не позволяет сделать это тебе.

— Да.

— И ты хочешь, чтобы он поручил это мне.

— В точности.

— Считай, что уже поручил. Быть может, в чем-то я не силен, но уж пакет донести до почты способен. Однако мне пришла в голову мысль, — сказал он. — Раз не надо выкрадывать пресс-папье, зачем мне идти в камердинеры? Меня совсем не увлекала эта перспектива, я согласился только ради тебя. Правда, Джейн говорила, что обязанности человека, служащего под знаменами Стикни, довольно легки, но я спрашиваю себя, *достаточно* ли они легки? Даже в самых благоприятных условиях работа камердинера — это труд. Чистить ботинки, гладить брюки. Лучше представь меня племянником, который приехал на несколько недель погостить за городом.

При словах «на несколько недель» у Генри по спине пробежал холодок, но поскольку он был, как сказал Алджи сестре, в сущности славный малый, испуг быстро прошел. Если повезет, подумал он, удастся избавиться от племянника задолго до названного срока. Он уже выставлял Алджи за дверь, сумеет выставить снова. Тут главное — настойчивость и воля к победе.

— Хорошо, — сказал он, — но послушай, Алджи. Как только пресс-папье будет у Стикни в банке, я получу чек на тысячу фунтов…

— Это замечательно.

— И любая попытка с твоей стороны запустить в них лапу…

— Мой дорогой Генри!

— …будет пресечена на корню. Я хочу, чтобы ты это усвоил. Тебе ничего не светит..

Алджи успокоил его взмахом мундштука.

— Конечно, конечно, конечно. У тебя нет ни малейшего повода для беспокойства. У меня в мыслях не было откусывать от твоей доли. Вполне достаточно, если ты позволишь погостить у тебя неделю или чуть больше.

— Зачем?

— Я надеюсь заинтересовать Стикни деловым предложением.

— Н-да. Ну, в таком случае…

— Вот и хорошо. Генри задумался.

— А камердинер?

— Что, камердинер?

— Стикни ждет камердинера. Как мы объясним…

— Куда он делся? Очень просто. Скажи, что он приехал, взглянул на дом и умчался, как нимфа, вспугнутая во время купания. Любой тонко чувствующий камердинер при взгляде на Эшби-холл почувствует, что ему будет лучше в другом месте.

Генри с минуту молча смотрел на родовое гнездо, потом согласился, что причина вполне убедительная.

— Ладно, только я должен буду объяснить все Келли.

— А я — Джейн. Скажу, что сдрейфил и пошел на попятную. Она поверит. Кто это там?

— Где?

— В аллее.

— А, это Стикни.

— Ну-ну. Значит, тот самый Стикни, о котором я столько наслышан. Окликни его и, как только представишь меня, оставь нас вдвоем, — сказал Алджи. Генри, выполнив инструкцию, оставил его наедине с Уэнделлом, и Алджи пустил в ход все то обаяние, которое безденежный молодой человек может найти для сертифицированного миллионера. Вид Стикни его ободрил — сразу было видно, что это не бесчеловечный магнат; если он и раздавил кого-нибудь, как муху, по внешности этого не скажешь. Напротив, он производил благоприятное впечатление человека, который легко поддастся на уговоры дать в долг.

Мистер Стикни, со своей стороны, тоже повел себя очень душевно. Как уже сообщалось, погода стояла жаркая, и по дороге из Эшби-холла в деревню у него совсем пересохло в горле. Уэнделл поправил беду, пропустив несколько кружек в «Жуке и Клене», а хозяин «Жука и Клена» варит очень крепкое пиво, почти как знаменитое «ревизорское» в Оксфорде — говорят, две кружки гарантированно отправляют под стол самого стойкого посетителя. Уэнделл был весел, беспечен и не понимал, с какой стати испугался частного сыщика, который, вероятно, не в силах

сыскать барабан в телефонной будке. Он не смутился, даже когда Алджи, исчерпав тему погоды, упомянул, что дядя ввел его в узкий круг заговорщиков.

— А, так вы в курсе? — весело спросил Уэнделл.

— И от всей души одобряю, — заверил Алджи. — По-моему, страшная глупость, что людям не разрешают продавать фамильные ценности. Я часто это говорю.

— Кому? — спросил мистер Стикни, поднося спичку к авторучке, которую вынул из нагрудного кармана, ошибочно приняв за сигару. (Он решил, что снова начнет курить.) Те, кто позволяет себе слишком много домашнего пива в «Жуке и Клене» все время делают такие ошибки.

— Разным своим друзьям.

— Так у вас есть друзья?

— Куча.

— У меня тоже, главным образом в Клубе Коллекционеров. Это такой клуб в Нью-Йорке, называется Клуб Коллекционеров, потому что его члены — коллекционеры. Чтобы туда вступить, надо быть коллекционером, а под коллекционером я разумею человека, который что-нибудь коллекционирует.

— Абсолютно.

— Я не знаю, что значит ваше «абсолютно», но таков порядок. Если вы коллекционер, вы вступаете в Клуб Коллекционеров и получаете возможность общаться с другими коллекционерами.

— Очень разумно, — сердечно заметил Алджи.

— И я так думаю, но моя сестра Лоретта говорит, что это расточительство и лучше бы я из него вышел. Знаете мою сестру Лоретту?

Алджи выразил сожаление, что не имеет такого удовольствия.

— Странно, — сказал мистер Стикни. — Она везде бывает. Тяжелая женщина.

— Характер?

— Вес. Не может удержаться от мучного. Эта чертова сигара не тянется.

— Мне кажется, это авторучка.

— Тогда понятно. А я все удивлялся. О чем я?

— Вы рассказывали о своей тяжелой сестре. Мистер Стикни задумался.

— Беру назад слово «тяжелая» и заменяю его прилагательным «грузная». Она вышла замуж за человека по фамилии Паунд, который занимается страхованием. Вы его, наверное, знаете?

— Боюсь, что нет.

— Что-то вы никого не знаете, — проворчал мистер Стикни. По всем признакам он приближался к агрессивной фазе.

— Но я очень хорошо умею отправлять пресс-папье по почте, — сказал Алджи, чувствуя, что пора вернуться к делу, — и завтра с утра первым делом отправлю ваше.

— Нет, — сказал Стикни. — И я объясню, почему. Знаете такое место, Олдвич? Это где-то в Лондоне.

— Да, Олдвич знаю.

— Я держу там деньги.

— Ясно.

— Я решил сам отвести пресс-папье в Лондон и положить в банк. Тогда оно точно не затеряется на почте.

— А как насчет сыщика?

— Что насчет сыщика?

— Мне казалось, вы его боитесь. Мистер Стикни презрительно гоготнул.

— Этого хорька? Мне он не помеха. Пусть держится от меня подальше, если хочет остаться цел. Да, так я и поступлю, а сейчас мне надо пойти полежать. Что-то меня разморило. От жары, наверное.

Он, слегка покачиваясь, двинулся к дому. Алджи провожал его взглядом, чувствуя растущее беспокойство. Это неожиданное решение подрывало его позиции в доме у дяди Генри. Дядя скрепя сердце разрешил ему остаться исключительно для доставки посылок, а теперь выходило, что доставлять ничего не придется. В таком случае, скоро он окажется перед закрытыми дверьми Эшби-холла, как пери в стихотворении мистера Мура, [117] с которой это приключилось в раю.

Шерлок Холмс, без сомнения, сказал бы, что проблема не лишена определенной занимательности. Первая встреча со Стикни настолько окрылила Алджи, что он не сомневался — еще несколько таких, и он прикует миллионера к своей душе стальными обручами.[118] Горько было бы вылететь из дома прежде, чем это случится. Он с нахмуренным челом расхаживал по лужайке, когда из дома появился Генри, на сей раз — в традиционном костюме английского сельского джентльмена.

Генри был весел, как человек, у которого камень упал с души.

— Я видел Стикни, — сказал он. — Столкнулись в прихожей.

— Да?

— Он решил завтра отвезти пресс-папье в Лондон.

— Он мне говорил.

— Значит, ничто тебя здесь не удерживает, и ты скоро уедешь.

— Ты меня выгоняешь?

— Верно. Прости, но тебе известны мои взгляды.

Алджи внезапно просветлел. На него снизошло вдохновение. На разных людей оно действует по-разному. Математик Архимед в сходном случае выскочил из ванны с криком «Эврика!» Алджи только закурил новую сигарету.

— Ты не забыл, что я знаю твою страшную тайну? — сказал он, — Что, если я проболтаюсь?

Генри пошатнулся. Он не верил своим ушам.

— Ты же не станешь этого делать!

— Конечно, не стану. Пока трезв. Мне это и в голову бы не пришло. Однако представь, что я напьюсь в стельку и начну трепать языком. Разве не разумнее держать меня здесь и приглядывать, чтобы я не хватил лишку? Только тогда твое сердце будет спокойно. Ну как? Я остаюсь?

Веселость исчезла с лица Генри.

— Хорошо, — тихо сказал он. В который раз он вынужден был признать, что у племянника на все найдется ответ.

4

Время уже шло к обеду, когда Билл вновь объявился в кругу постояльцев «Жука и Клена». В ванне он пробыл не дольше обычного, но, одевшись, еще часа два лежал на кровати, погруженный в свои мысли.

Мысли эти относились главным образом к Л.П. Грину и не оказали терапевтического воздействия на страдальца. Чем больше Билл думал, тем меньше ему верилось, что девушка, обрученная с Л.П. Грином, придет к разумному решению с ним расстаться. Да, верно, что из шестисот сорока трех учеников старинного образовательного заведения, в котором он провел свои юные дни, не было ни одного гаже, чем Л.П. Грин, но девушки, увы, редко обращают внимание на моральные изъяны. Внешняя оболочка для них всегда важнее душевных качеств, а внешняя оболочка у Л.П. Грина, как ни крути, выше всяких похвал. Что может противопоставить этому Билл Харди? Только честное сердце и некоторые грубые навыки, скажем, умение лазить по деревьям.

Со вздохом он заставил себя наконец подняться с постели, причесаться и сойти вниз. При всей привязанности к другу, его ничуть не

увлекала перспектива беседовать с Алджи во время и после обеда. Он стремился к одиночеству, однако очень удивился, когда желание исполнилось. Алджи нигде не было. Он то ли вознесся на небо в огненной колеснице, то ли встретил своего дядю Генри и получил приглашение на обед в Эшби-холл. И то, и другое представлялось маловероятным, но иное объяснение предложить было трудно. Билл прождал полчаса и пошел обедать в одиночестве. Усаживаясь за стол, он заметил рядом с салфеткой, любовно сложенной в форме лотоса, письмо.

Билл рассчитывал надолго задержаться в Эшби Параден, поэтому, уезжая из Вэлли Филдс, договорился на почте, чтобы всю корреспонденцию пересылали сюда — вдруг придет весточка из Нью-Йорка, от литературного агента, которому он послал книгу. Сейчас Билл с трепетом обнаружил, что так оно и есть. Дрожащими пальцами он вскрыл конверт и начал читать.

Содержимое конверта не обмануло его надежд. Послания литературных агентов — всегда шедевр отточенной прозы, но это выделялось даже на общем фоне. Биллу казалось, что он не читал ничего настолько увлекательного и стилистически безупречного.

Подошла официантка и предложила на выбор вареную говядину и куриный рулет, но любезно предупредила, что от рулета разборчивому едоку лучше воздержаться. Билл сказал: «Да, вареную говядину, пожалуйста», — хотя хотел бы поведать целую историю.

«Мейбл, — хотелось ему сказать, — знаете, что? Я отправил свою книгу некоему Бринсли Меривезеру в Америку, не думая, что от этого будет какой-то прок, и вы изумитесь, услышав, что он не только отнес ее в крупное издательство, но и продал в журнал за астрономическую сумму в четыре тысячи долларов. Думаю, это самая большая сенсация в истории английской литературы, так что, если вы хотите новую шляпку, норковый палантин или что-нибудь в таком роде — покупайте, а расходы черкните на мой счет».

Только разделавшись с говядиной и последовавшим за ней неаппетитного вида бланманже, он метеором пал с розового облака и вспомнил, что жизнь беспросветна. Как бы ни старались Бринсли Меривезер и крупное издательство поднять его дух, они были не в силах изменить того факта, что Джейн Мартин скоро будет зваться миссис Л.П. Грин.

Билл мрачно отказался от сыра и пошел в бар предаваться отчаянию.

В первый раз он так увлекся письмом, что только сейчас, перечитывая его по-новой, увидел внизу пометку «см. на обороте» и, перевернув листок,

обнаружил, что Бринсли Меривезер приписал постскриптум.

В нем литературный агент советовал Биллу, не теряя времени, ехать в Америку, чтобы изучить американский рынок, познакомиться с издателями и вообще подкрепить первый успех. Только так, писал Бринсли, можно раскрутить стоящую вещь.

Предложение потрясло Билла своей своевременностью. За годы в Америке он полюбил эту страну. Если ехать в нее, то, конечно, именно сейчас. Обычно отвергнутые влюбленные из Англии отправляются в Скалистые Горы стрелять гризли, но встречи с издателями — вполне адекватная замена.

Правда, денег на билет у него не хватало, но, если показать письмо, банк в Олдвиче наверняка согласится на превышение кредита.

Билл решил, что займется этим завтра с утра.

Глава X

1

Обычно, если человек собирается проехать на поезде тридцать пять миль и вернуться к обеду, друзья и родственники не провожают его на вокзал, приберегая этот трогательный знак заботы для более долгих расставаний. Однако необходимость выйти из дома, имея при себе пресс-папье Красавчика, повергла Уэнделла в такое смятение, что Генри и Келли сочли своим долгом морально его поддержать. Они опасались, что в противном случае он дрогнет и вернется с полдороги.

Его речи на платформе только подтвердили их опасения. Он говорил почти исключительно о вездесущем сыщике, чья черная тень преследовала его повсюду. Как знать, говорил Уэнделл, что сыщик не бродит поблизости? Вдруг некое дьявольское чутье подсказало ему, что он, Уэнделл, вместе с пресс-папье направляется сейчас в Лондон?

Напрасно Келли уверяла, что, будь на платформе сыщик, она бы его увидела. Напрасно Генри говорил, что сыщика не существует в природе. Ничто не могло вернуть Уэнделлу утраченное спокойствие. Только мысль, что сокровище окажется в банке, кое-как поддерживало в нем силы. Больше всего он напоминал нервного лазутчика, которому поручили пронести сверхсекретные документы через расположение вражеских частей.

Это может показаться странным, если вспомнить, как беспечно Уэнделл назвал сыщика «хорьком» и как решительно был настроен вчера в разговоре с Алджи. Однако все объясняется просто. Тогда он был под завязку нагружен домашним пивом из «Жука и Клена», под воздействием которого тишайшие обитатели Эшби Параден, бывало, лезли в драку со всеми подряд. К утру действие возбуждающего напитка выветрилось, и Уэнделл вновь стал робкой ланью, как в свои допивные дни.

По названным причинам разговор не очень клеился. Легко понять облегчение Генри, когда сзади раздался зычный окрик, и, обернувшись, он увидел своего друга Уэйд-Пиготта.

Клод Уэйд-Пиготт из фирмы «Бейтс, Уэйд-Пиготт и Поллард» был дородный, краснолицый мужчина среднего роста, чье неизменное добродушие выливалось главным образом в поток анекдотов. Он всегда

напоминал Генри третьеразрядных комиков его театральной поры, которые просили остановить их, если ты уже слышал эту историю, отлично зная, что еще никому на человеческой памяти не удавалось остановить их посреди анекдота.

— В Лондон, Генри? — спросил Клод Уэйд-Пиготт.

— Нет, провожаю своего друга Стикни. Мистер Стикни, мистер Уэйд-Пиготт.

— Очень приятно.

— Миссис Стикни. Мистер Уэйд-Пиготт.

— Очень приятно.

— На службу, Клод?

— Нет, сегодня я лодырничаю. Веду племянников в зоопарк. Встречаемся в «Савое». Вы не в те края, мистер Стикни?

— Я в свой банк в Олдвиче, — сказал мистер Стикни, непроизвольно озираясь — не долетело ли это опасное признание до ушей, приученных различать самый тихий шепот.

— Отлично. Замечательно. Превосходно, — сказал Клод. — Значит, нам по дороге.

Подошел поезд, отзвучали последние прощания, пассажиры заняли свои места. Мистер Стикни судорожно сжимал пакет, его попутчик мысленно репетировал анекдот про епископа и заклинательницу змей.

С того самого обеда, на котором присутствовал Генри, Клод Уэйд-Пиготт искал, кому бы порассказывать анекдоты, и Уэнделл как нельзя лучше подходил под определение идеального слушателя. Что бы вы ни говорили про руководство английских железных дорог, обыкновение делить вагоны на маленькие купе — несомненный подарок для рассказчика. Скрыться от Ниагары анекдотов Уэнделл мог бы, только выскочив в дверь. Он натянуто улыбался всякий раз, как Уэйд-Пиготт, дойдя до финальной фразы, хлопал его по коленке. Поезд не проехал и двенадцати миль, а Уэнделл, как ему казалось, уже услышал все анекдоты мира, за исключением одного — про деверя миссис Аллилуйи Джонсон Эфраима, который рассказывала Келли.

Хотя Клод Уэйд-Пиготт специализировался на рискованных анекдотах, он мог при случае поговорить и о более серьезных материях. Он немало тревожился о финансах своего друга Генри и рад был побеседовать на эту тему с общим знакомым, который и поймет, и посочувствует.

— Вы хорошо знаете Парадена? — спросил он, меняя тему после того, как посвятил Уэнделла в историю про епископа и заклинательницу змей.

Уэнделл, любящий точность, сказал, что он, хоть и не вправе

претендовать на близкое знакомство, за время пребывания в Эшби-холле успел проникнуться к хозяину самой искренней приязнью.

— Милейший человек, — сказал он.

— Один из лучших, — подтвердил Клод.

— Он очень нравится моей тетке, — сказал Уэнделл.

— Он чьей угодно тетке понравится, — согласился Клод. Тут из коридора вошел Билл, сел в противоположном углу и снова закурил трубку.

2

Мы сказали «снова», потому что он уже закурил несколькими минутами раньше в другой части поезда, но услышал от человека, похожего на похоронного агента, что это купе для некурящих. Билл поднялся и пошел искать более подходящее купе. В первом же, на которое он наткнулся, сидели Уэнделл и Клод Уэйд-Пиготт.

Усаживаясь, Билл все еще тяжело дышал, потому что проспал и вынужден был бежать до станции. Когда он заскочил в вагон, дверь за Клодом и Уэнделлом уже закрылась.

Клод, как истый британец, неприязненно оглядел непрошеного попутчика, и тут же перестал его замечать. Однако Уэнделл застыл на месте. Он загипнотизированно смотрел на Билла, как кролик — на змею, и отвел взгляд только тогда, когда Уэйд-Пиготт возобновил монолог.

— Таких, как Генри, поискать, — объявил он, и Уэнделл с усилием поддакнул. Мысли его были в смятении, сердце грозило выскочить из груди. Никогда он не был так близок к припадку истерии, которыми, по уверению Келли, страдал. Сквозь мерцающий туман он видел двух Клодов Уэйд-Пиготтов, хотя и одного было более чем достаточно.

— Мне жаль Генри, — сказал Клод.

— Неужели? — сказал Уэнделл.

— Да, Стикни, мне его жаль.

— Неужели?

— Вы, наверное, заметили по состоянию его дома, — продолжал Клод, набирая обороты, — что он крепко сидит на мели. Началось с одного его предка в девятнадцатом веке, который швырялся деньгами, как пьяный матрос — напомните, чтобы я рассказал про жену викария и пьяного матроса, — потом другие пускались в неудачные биржевые спекуляции. Короче, Генри унаследовал только этот кошмарный дом и кучу фамильных

ценностей. Я все время говорю: «Да продай ты их».

Уэнделл тяжело сглотнул.

— Я думал, это незаконно.

— Но провернуть можно.

— Однако за это сажают в тюрьму.

— Не сажают, если все правильно обстряпать. Я знаю одного человека, которому это удалось. Само собой, я не буду называть имен, но у этого типа — назовем его Смит — старый дом в Шропшире, который ломится от фамильных ценностей. Историческое место. Люди со всего мира съезжаются на него посмотреть, особенно американцы. Так вот, один американец, миллионер, приехал погостить на выходные, а после его отъезда Смита осенило. Он продал эти ценности за приличную сумму надежному посреднику, который точно не проболтается, а когда попечители обнаружили пропажу, сказал: «Да, я сам заметил, что их нет. Куда же они могли подеваться? Не иначе, как их свистнул тот американский миллионер». Разумеется, он доподлинно знал, что американец уже в Штатах и ему ничего не грозит. Не думаю, что попечители ему поверили, но поделать они ничего не могли. Теперь Смит живет и радуется. Резкую перемену в своих финансах он объяснил тем, что в последнее время несколько раз выигрывал на бегах. Отлично придумано, а?

Уэнделл не отвечал. Он поглядел в противоположный угол и с интересом заметил, что сыщик, вытащив записную книжку, принялся в ней строчить. Писатель остается писателем, даже если жизнь беспросветна. Билл торопился записать на табличках многообещающий сюжет, пока услышанное еще свежо в памяти. Он не сомневался, что из этого можно состряпать книгу, которую Бринсли Меривезер без труда сумеет продать кому-нибудь из своих дружков в американском издательском мире.

— Но я обещал про жену викария и пьяного матроса, — сказал Клод Уэйд-Пиготт, возвращаясь к более важной теме.

3

Пока на линии фронта происходили все эти волнующие события, в тылу царило умиротворение. Генри и Келли, хоть и были без сил после всех попыток унять страхи Уэнделла и вдохнуть в него боевой дух, чувствовали теперь то блаженное облегчение, которое испытывает большое начальство, без накладок спустив на воду линкор. Или, возможно,

правильнее сравнить их с родителями, которые, подавив все попытки чада вырваться на волю, благополучно доставили его на эстраду сельского праздника — продекламировать «Сегодня вечернего звона не будет».[119] На перроне им по временам казалось, что Уэнделл вот-вот на крыльях голубки умчится в «Жука и Клен» за новой порцией подкрепляющего пива. Теперь, думали они, все хорошо. Уэнделл в поезде. Самое трудное — взять первый барьер.

Только Алджи вносил диссонанс в общую радость. Не желая огорчать Келли выпадами в адрес ее родственника по мужу, он излил свои сомнения Генри. Алджи сказал, что совсем недолго знаком с Уэнделлом Стикни, но уже успел составить о нем определенное мнение. Нелепо ждать, что человек в таком состоянии рассудка сумеет довезти до банка французское пресс-папье восемнадцатого века. Генри, который не любил, когда развенчивают его мечты, велел Алджи не болтать чепухи. В ответ Алджи посоветовал ему подождать. Вот подожди, сказал он, и в подтверждение своих слов привел историю про Уэнделла и авторучку. На человека, который не в силах отличить авторучку от сигары, заметил Алджи, нельзя полагаться безоговорочно.

Долго ждать Генри не пришлось. День еще не начал клониться к вечеру, когда к дверям Эшби-холла подъехало такси, и вышел Уэнделл Стикни в более плачевном состоянии, чем несколько часов назад. Глаза у него были стеклянные, дыхание — затрудненное, и выглядел он так, будто его пропустили через какую-то машину. Так, верно, именно пришел гонец,[120] сказать Приаму о пожаре Трои, так бледен был, растерян и убит, думал, надо полагать, таксист.

— Алджи, — сказал Генри чуть позже, подходя к гамаку, в котором лежал племянник, и тычком в бок пробуждая его от целебного сна. — Ты был прав.

Алджи сел, протер глаза и собрался слушать.

— Прав, говоришь? В каком смысле прав? Насчет Стикни?

— Да. Он вернулся. Не справился.

Алджи открыл рот, но тут же захлопнул его, не сказав: «Я же говорил». Он видел, что Генри по-настоящему расстроен, и не хотел сыпать соль на свежую рану.

— Провалил операцию?

— Полностью.

— Расскажи мне все своими словами, не пропуская ни одной подробности, даже самой мелкой, — потребовал Алджи.

Генри на мгновение мрачно задумался.

— Ну, ты видел, как мы выходили сегодня утром. Он был в панике.

— Дрожал, как осиновый лист, если я правильно помню.

— На вокзале стало еще хуже. Он все ныл, что сыщик следит за каждым его шагом. Я уж думал, мы не сможем посадить его в поезд. По счастью, подвернулся мой друг, и они поехали вместе. Заметь, Алджи, они сели в купе вдвоем. Больше никого там не было. Мы это видели отчетливо. И все же Стикни торжественно клянется, что почти в самом начале пути поднял глаза и увидел в противоположном углу своего сыщика.

Алджи покусал губы.

— Мне это не нравится.

— Стикни тоже не понравилось.

— Мне кажется, у врачей это как-то зовется. Интересно было бы заглянуть в историю его болезни.

— Маниакальный бред, конечно.

— Без сомнения. Иногда они слышат голоса.

— Когда рядом Уэйд-Пиготт, ничьих голосов не слышно.

— Это друг, о котором ты говорил?

— Да. Любитель анекдотов. Живет по ту сторону долины.

— Он тоже наблюдал фантом?

— Не знаю.

— Вероятно, галлюцинация была незрима для всех, кроме Стикни. И что потом?

— Уэйд-Пиготт начал рассказывать о своем знакомом, который продал фамильные ценности, а попечителям объявил, будто их украл гостивший у него американский миллионер.

— Неудачная тема для. разговора. И как бесплотный дух это воспринял?

— Вот тут-то Стикни едва не отдал концы. Он говорит, что сыщик вынул блокнот и записал весь рассказ, чтобы предъявить потом в качестве улики. Говорит, его прямо-таки сковал мороз.

— Неудивительно, когда у человека совесть горит, как солнечный ожог, и от этого всякие нехорошие раздумья. Что Шекспир сказал про раздумья?[121] Чего-то они там делают, Шекспир сказал, только у меня сейчас из головы вылетело.

— В конце концов они приехали на вокзал Виктория.

— Фантазм по-прежнему был с ними?

— Так говорит Стикни. Он говорит, что сыщик сидел в купе до самого Лондона, курил трубку и смотрел в окно. На вокзале Виктория их пути

вроде бы разошлись. Стикни надо было в Олдвич, где у него банк, Уэйд-Пиготту — в «Савой», и они решили поехать на метро. Стикни говорит, что внимательно приглядывался, но не видел никаких признаков сыщика. В «Савое» они с Уэйд-Пиготтом выпили по рюмке, и Стикни пошел в банк. И вот тут-то, по его словам, вновь появился Призрак.

— В банке?

— В банке. Стикни сказал, что хотел бы поговорить с управляющим, и его попросили подождать. Он сел ждать, и тут из кабинета управляющего вышел Призрак.

— Наверняка просил деньги вперед.

— Это доконало Стикни. Он пулей вылетел за дверь, прихватив с собой пресс-папье, и бежал до самой стоянки такси. Теперь лежит в темной спальне с холодным компрессом на лбу. Что ты об этом думаешь? Должен сказать, что это происходит не в первый раз. Только вчера ночью он клялся и божился, что видел сыщика на лужайке. Келли вышла проверить и, разумеется, никого не обнаружила. Мне кажется, он не в себе.

Алджи кивнул.

— Разумеется, не в себе. Судя по тому, что ты рассказал, он может войти в любую психушку страны, и ему отведут королевскую палату. Что ж, это показывает, как глупо было отступать от первоначального плана, чтобы я отнес пресс-папье на почту. Если ты сумеешь изъять его у Стикни, я прямо сейчас и схожу. Жара изнуряющая, и я надеялся еще подремать, но, когда надо постоять за команду, Алджернон Мартин не считается с собой.

Глава XI

1

Когда молодой человек, решивший отправиться из Англии в Америку, приезжает в Лондон, чтобы совершить первые необходимые приготовления, и все, с кем он сталкивается, ведут себя в высшей степени предупредительно, ему положено быть спокойным и счастливым. Историк вынужден с сожалением отметить, что Билл Харди, возвращаясь на поезде в Эшби-холл, был далек от этой блаженной нирваны. Состояние его духа было значительно ниже нормы и продолжало падать с каждой секундой.

Управляющий банком, не моргнув глазом, разрешил превысить кредит. Представитель пароходства был сама любезность. А тот дядька в утреннем поезде подкинул чертовски отличный сюжет. Короче, у Билла имелись все предпосылки для того, что французы называют bien etre,[122] но их полностью перечеркивала мысль о грядущем бракосочетании Л.П. Грина. В поезде Биллу вдруг пришло в голову, что Джейн может пригласить его на свадьбу, и он вынужден будет подарить Л.П. Грину пару подсвечников или лопатку для рыбы.

Его по-прежнему кренило от этой мысли, насколько можно крениться в купе, когда внезапно он обратил внимание на соседа напротив.

Это был средних лет господин, приятной наружности, хотя и несколько потрепанный жизнью. До этого момента он читал газету и по всем признакам намеревался вести себя, как положено приличному британскому попутчику. Однако сейчас Билл с ужасом обнаружил, что пассажир украдкой поглядывает на него и явно собирается завести разговор. Страх оказался не беспочвенным, потому что в следующую минуту попутчик подался вперед и прочистил горло.

— Мистер Харди? — спросил он.

Билл ужаснулся. Мало радости, когда тебя выводит из задумчивости незнакомый человек, однако в худшем случае это чревато нудным разговором о погоде или политике. Здесь же, судя по всему, был если не друг, то во всяком случае знакомый, рассчитывающий, что его узнают, а Билл решительно не припоминал, чтобы они встречались.

— Бинстед, — сказал пассажир, хлопая себя по груди.

Билл окончательно смешался. Фамилия явно должна была освежить

его память, но ничего подобного не произошло. С одним Бинстедом он учился в школе, но тот Бинстед был лет на двадцать пять младше этого и к тому же огненно-рыжий. Этот Бинстед — назовем его Бинстед-два — был седоватый шатен. Билл смущенно заерзал. На лбу у него выступил пот.

— Странно, что мы вот так встретились, — сказал Бинстед-два. — Как поживает мистер Мартин?

Билл вздрогнул. На этот раз фамилия принесла озарение.

— Господи! — воскликнул он. — Вы — пристав!

— Верно, — сказал Бинстед-два. — Хотя сейчас чаще принято говорить «судебный исполнитель». Да, я имел удовольствие бывать у вас в доме. Я работаю у Даффа и Троттера.

Билл почувствовал такое облегчение, что начисто забыл про мысль подавить разговор в зародыше. Теперь, когда не надо было судорожно угадывать, кто это такой, он готов был беседовать с попутчиком хоть до самого Эшби Параден.

— Хорошая работа? — спросил он.

Бинстед — Билл вспомнил теперь, что Алджи обращался к нему «Кларенс» — покусал губы, думая, вероятно, что «хороший» — не тот эпитет, который употребил бы мастер точных выражений Постав Флобер.

— Ну, какой-никакой заработок. Знаете, что в нашем деле самое плохое? Кухарки.

— Кухарки?

— Есть опасность завязать чересчур теплые отношения. Никогда не знаешь, о чем говорить с кухаркой, когда о еде уже все сказано. Наступает неловкая пауза, и как-то само собой выходит, что ты делаешь ей предложение. Если бы вы знали, сколько раз я обручался с кухарками и принужден был спасаться бегством, у вас бы волосы встали дыбом. Я постоянно живу в страхе с кем-нибудь из них встретиться. Просыпаюсь по ночам с криком. И все же, как я сказал, это какой-никакой заработок.

— А как вы этим занялись?

— Ах, обстоятельства, обстоятельства! Я раньше играл на сцене. В мюзиклах. Мелкие роли, подмена. По большей части сидел без дела. Меня неохотно брали. Пьянство, — с сожалением произнес Бинстед. — Так и не сумел бросить. Кстати, у вас нет с собой фляжки?

— Боюсь, что нет.

— Сейчас мало кто их с собой возит. Раньше все было иначе. Никто не страдал от жажды во время гастролей. Как раз тогда я был дублером Гарри.

— Гарри?

— Гарри Парадена. Он был вторым актером на роли молодых людей.

— Странно.
— Почему?
— Я живу в месте, которое называется Эшби Параден.
— Поэтому я туда и еду. Гарри унаследовал там дом. Эшби-холл называется. Везу ему роковые бумаги. От Даффа и Троттера. И это еще один минус моей работы. Неприятно везти черную метку старому другу. Впрочем, надеюсь, мы хорошо проведем время, поболтаем о старых деньках, — философски предположил Кларенс Бинстед, — а учитывая, что Дафф и Троттер выставили ему счет за ликеры и вина примерно на сто пятьдесят фунтов, напитков там будет вдоволь.
Он облизал губы, предвкушая угощение. Билл, молчал. Он думал о Джейн. Бедняжка! Обручена с Л.П. Грином и вынуждена постоянно проводить время в обществе приставов. Даже если называть их судебными исполнителями, непонятно, что это меняет.
Он очнулся от раздумий и увидел, что поезд уже остановился в Эшби Параден.
— Вы случаем не знаете, где живет Гарри? — спросил Кларенс Бинстед, когда они вышли на перрон.
— Прямо по дороге до больших чугунных ворот. Не промахнетесь.
— Далеко?
— С милю.
— В такую жару! И с моей-то мозолью. Что ж, ладно, — вздохнул Кларенс Бинстед и пустился в утомительный путь.
Билл пошел в «Жука и Клен» и сел в баре. Он окончательно пал духом. Бринсли Меривезер сумел на время его взбодрить, но теперь он вновь погрузился в пучину меланхолии. При определенных условиях даже гонорар приносит лишь временное облегчение.
Он довольно долго сидел, глядя в никуда, прежде чем отворилась дверь и вошел Алджи.

2

Билл мрачно воззрился на друга. Не требовалось большой наблюдательности, чтобы понять: Алджи достиг того самого bien etre, в котором Фортуна отказала более достойным, и восседает на вершине мира с радугой на плече. Он излучал веселье, а человеку, который, как Билл, пребывает в плачевном состоянии лягушки под бороной,[123] претит чужая жизнерадостность.

— Явился, — сказал Билл.

Тут как раз в дверях кухни появилась официантка Мейбл, и Алджи послал ей воздушный поцелуй.

— Да, Билл, явился и рад снова видеть твое милое лицо.

— Где ты пропадал?

— О, я обосновался в Эшби-холле, и дела мои стремительно идут в гору. Я оказал Стикни существенную услугу, и мы теперь с ним — лучшие друзья. Он не мог бы обожать меня больше, будь я отличнейшим пресс-папье.

Билл изумился.

— Мне казалось, дядя не пускает тебя в дом.

— Было такое. Мне пришлось употребить все свое красноречие, но в конце концов он узрел свет.

— Очень скоро ему еще кое-что предстоит узреть.

— Ты хочешь сказать, Кларенса Бинстеда?

— Ты-то откуда знаешь?

— Мы столкнулись по дороге, и он рассказал мне о своей цели. Бедный Генри! Сердце кровью обливается, когда я о нем думаю. Если б он только раньше пустил меня в дом! Уж я бы предупредил его, что с Даффом и Троттером шутки плохи. Впрочем, испытания закаляют, так что в конечном счете это ему даже полезно. А ты как узнал про Кларенса?

— Мы вместе ехали в поезде.

— Ты был в Лондоне?

— Да.

— Что-то ты все время курсируешь туда-обратно. Чего тебя понесло в Лондон?

— Покупал билет на корабль.

— То есть как, на корабль? На какой корабль?

— До Нью-Йорка. Он отходит в следующую среду. Я уезжаю в Америку.

Алджи ахнул.

— Что-что? Я не ослышался? Уезжаешь в Америку?

— Здесь меня ничто не удерживает.

— Как это не удерживает?! И думать не смей уезжать в Америку! Что за блажь! О, Господи, ты же не знаешь. Никто не поставил тебя в известность.

— Что такое?

— Шпингалет. Микроб. Не выходит за Грина.

Биллу показалось, что бар «Жука и Клена», хоть и прочно

выстроенный, пустился в пляс. Противоположную стену украшала реклама виски, и Билл явственно видел, что легко одетая девица на плакате исполнила несколько раскованных движений. Даже снова вошедшая официантка Мейбл слегка пританцовывала.

— Что?

— Никаких свадебных колоколов. Она дала ему отставку. Что ж, лучше поздно, чем никогда. Не удивляюсь, что ты растроган, но прежде, чем размахивать шляпой и исполнять танец семи покрывал, учти, что ты никуда не продвинешься, если будешь вздыхать в сторонке. Ты должен постоянно ее видеть. Постоянно быть рядом. Позаимствуй тактику у липкого пластыря. Я всячески стараюсь настроить бациллу на нужный лад. Рассказал, как ты ее любишь…

— Что?!

— В здешних краях у всех дурная привычка говорить «что?!». Я только сегодня указывал на это Генри. Да, рассказал, что ты любишь ее до потери рассудка. Это поможет, но этого мало. Нужно, чтобы ты сам приложил руку. Мы должны вместе крепко подумать, как ввести тебя в дом, чтобы ты ухаживал вблизи, а не на расстоянии. Генри и так не оправился от потрясения, что пустил меня. Шансы, что он пригласит кого-то из моих друзей, практически нулевые. У него странное отношение к моим знакомым. Невротическое, можно сказать. Его бросает в дрожь при одном их упоминании. Несколько раз я предлагал привезти на выходные приятелей, чтобы скрасить его одиночество, — безрезультатно. Ты скорее попадешь в дом, если наклеишь фальшивые усы и скажешь, что пришел проверять канализацию. Собственно, я прикидывал такую возможность, но подумал…

Он смолк. В бар, пошатываясь от усталости, вошел Кларенс Бинстед.

3

Взглянув на Кларенса Бинстеда, всякий первым делом заметил бы, что жара и непривычная физическая нагрузка доставляют ему телесный дискомфорт. Он был потный, пыльный, его явно терзала мозоль. Однако более внимательный наблюдатель различил бы в то же время признаки душевного смятения. Казалось, Бинстед только что пережил удар судьбы, от которого еще не успел оправиться. Опытный диагност Келли узнала бы все симптомы близящегося приступа истерии.

Появление Бинстеда порядком изумило обоих друзей. Приставу,

взявшему след, так же не свойственно возвращаться с полпути, как учуявшей зверя гончей. Общеизвестно, что приставы, как и канадская конная полиция, всегда добиваются своего, а для этого не вваливаются на трясущихся ногах в сельские гостиницы и не умоляют слабым голосом, чтобы им ради Бога налили рюмку.

Пока Алджи еще задавал вопросы, предупредительный Билл уже бросился исполнять просьбу. Наконец Кларенс, напившись, как олень ввечеру,[124] обрел дар речи настолько, чтобы выговорить: «Уф!»

— Надо было выпить, — сказал он. — Знаете, что?

Оба слушателя ответили, что не знают, но горят желанием узнать.

— Мы думали, — сказал Алджи, — что вы уже, ко всеобщему удовлетворению, водворились в Эшби-холле. Не добрались, что ли, дотуда?

Кларенс поежился и коротко сообщил, что добрался.

— Уф! — повторил он.

— Неужели Генри вас выгнал? Мне казалось, вся штука в том, что закон не позволяет выгонять пристава.

— Я его не видел.

— Он должен быть дома.

— Наверное, но я не стал проверять.

Алджи нетерпеливо прищелкнул языком. Его раздражало, что пристав говорит загадками. Никто не любит, когда приставы говорят загадками.

— Я нахожу ваши слова темными, Кларенс Бинстед, — укоризненно сказал он. — Давайте к сути, и да будет слово ваше «да-да»; «нет-нет».[125] Вы дошли до Эшби-холла? Да или нет?

— Да.

— Хорошо. Мы немного продвинулись. Вы вошли в дом?

— Нет.

Алджи нахмурился, словно прокурор, допрашивающий несговорчивого свидетеля.

— Почему?

— Потому что услышал, как она поет «Утес веков».[126] Алджи взглянул на Билла, словно прокурор, желающий

привлечь внимание судьи к явной неувязке в свидетельских показаниях.

— Кто?

— А?

— Кто пел «Утес веков»?

— Кухарка.

— Откуда вы знаете, что это была кухарка?

— Я ее видел. Послушайте, — сказал Кларенс Бинстед. — Я все расскажу. Я подошел к дому и подумал, что, наверное, не стоит входить в парадную дверь, потому что я не обычный посетитель…

— Очень тактично.

— И пошел к черному ходу. Там я и услышал «Утес веков».

— Расступись, утес веков. Что-то там чего-то мне.

— Да. Ну, я остановился и прислушался. «Вроде бы знакомый голос», — сказал я себе. «Где-то я его слышал», — сказал я себе. Рядом с дверью — окно. Я заглянул в него, и все почернело.

— Почему?

— Потому что это была она.

— Кто?

— Кухарка. Накладывала кошкам еду из банки.

— Вы против того, чтобы кухарки накладывали кошкам еду из банки?

— Пусть накладывают, пока глаза не лопнут, мне без разницы. Только это была миссис Симмонс.

— Да, кажется так зовут дядину кухарку. Вы с ней знакомы?

— Я с ней обручился год назад, когда по роду деятельности жил в одном доме. Я в поезде рассказывал этому джентльмену, что еле унес ноги.

— Ну, мне это представляется несколько странным, — сказал Алджи. — Сегодня днем я заходил на кухню выпить воды и познакомился с миссис Симмонс. Она произвела на меня впечатление женщины достойной, пусть и немногословной, однако мне трудно поверить, чтобы она пробудила искру страсти в мужской груди, хотя обстоятельства заставляют предположить, что с покойным мистером Симмонсом это случилось. Что побудило вас сделать ей предложение?

— Бинстед мне объяснил, — вмешался Билл. — Он всегда делает предложение, когда не видит другого способа поддержать разговор.

Алджи кивнул.

— Ясно-ясно. Как я понимаю, это ставит вас перед непростым выбором. Если вы войдете в дом и вручите Генри бумаги, вам не избежать роковой встречи с La Симмонс. Однако в противном случае вы теряете работу, потому что вряд ли Дафф и Троттер сумеют взглянуть на эти события вашими глазами. Затруднительное положение.

— Вот и я так думаю. Просто не знаю, что делать.

— Я вам скажу. Надо передать эстафету.

— А?

— Передать эстафету мистеру Харди. По счастливейшему стечению обстоятельств он ничего так не хочет, как проникнуть в Эшби-холл, и вы в силах подарить ему эту возможность. Он доставит ваши бумаги.

— Эй!

Это заговорил Билл. Он подпрыгнул на стуле, как от удара током.

— Ты что-то сказал, Билл? — вежливо поинтересовался Алджи.

— Ты рехнулся.

— Тебя что-то не устраивает в моем замысле?

— Как я могу стать приставом?

— Нужны только решимость и упорство.

— Я не похож на пристава!

— Они бывают самые разные.

— Я не знаю, что говорить.

— А ничего особенно говорить не надо. Действия красноречивее слов. Просто вручишь Генри бумаги. Зато ты попадешь в Эшби-холл. Подумай, какие перспективы перед тобой открываются.

— Но…

Билл замолк. Потрясение, вызванное гениальной находкой Алджи, постепенно улеглось. Вероятно, он предпочел бы другой способ, чтобы приблизиться к любимой девушке, но выбирать не приходилось.

— Знаешь, — сказал он, — мне кажется, ты разрешил проблему.

— Всякая проблема разрешима, — сказал Алджи. — Разумеется, если у вас есть Алджернон Мартин.

Глава XII

1

Эшби-холл дремал на солнце; Алджи, более предусмотрительно, в тени. Он проводил сиесту в гамаке, подвешенном на лужайке под большим кедром, и собирался, проснувшись освеженным, искупаться в озере — прекрасный способ скоротать время в летний зной.

Перед тем как заснуть и огласить окрестности храпом, напоминающим звук пилы с далекой лесопилки, он предавался раздумьям, которые как нельзя лучше способствуют мирной дреме. Все шло просто идеально. Мистер Стикни, услышав, что пресс-папье Красавчика ушло по почте, отреагировал должным образом: он, правда, не вскричал: «Мой спаситель!» — но не оставил сомнения в своей глубочайшей признательности и умчался на аукцион «Сотби» бодренький, как тот персонаж в «Кубла Хане» Кольдриджа, который воскормлен медом и млеком рая напоен.[127]

Возьмем теперь Генри. В скором времени ему предстоит удар, который его, глаза, как звезды, вырвет из орбит,[128] но, опять-таки, в духовном плане такое испытание будет ему на пользу. Он станет серьезней, глубже, проникнется решимостью впредь быть осторожнее в расчетах за вина и ликеры с такими бандитами, как Дафф и Троттер. Не можешь заплатить за вина и ликеры — обходись без них; если Генри усвоит этот суровый урок, он сделает первый шаг на пути к процветанию.

Однако особенно согревали Алджи мысли о Билле. Теперь, когда черная тень Л.П. Грина рассеялась, он видел впереди у друга только восторги и розы. Если они с Биллом, работая сообща, не сумеют уломать бациллу и вправить ей на место мозги, он будет очень удивлен, чтобы не сказать изумлен. Несколько правильно подобранных слов непременно убедят юную инфузорию, что Билл — ценная находка, а уж правильно подобранные слова — это по его части.

С этими мыслями Алджи погрузился в объятия Морфея.

Казалось бы, он должен был спать мирно и безмятежно, однако сон его тревожило что-то вроде кошмара. Судите сами. Алджи сидит с мистером Стикни в баре «Жука и Клена» и только что попросил пятьсот фунтов в долг, совершенно уверенный, что не встретит отказа. Внезапно

мистер Стикни, вместо того чтобы выписать чек, поднимает невесть откуда взявшуюся золотую клюшку для гольфа и тычет Алджи под ребра, сопровождая свои действия загадочным восклицанием: «Смерть Кларенсу Бинстеду!» От неожиданности Алджи проснулся и, открыв глаза, увидел подле себя дядю Генри. Видимо, под ребра его тыкали не клюшкой, а указательным пальцем. Алджи припомнил, что дядя и прежде прибегал к этому грубому методу, чтобы нарушить его сон.

Генри был настроен неласково.

— Господи! — сказал он. — Ты что-нибудь еще умеешь, кроме как спать?

Алджи с достоинством отвел этот упрек. Он объяснил, что его просто немного разморило от жары. Генри сам виноват, что не обеспечил в Эшби-холле должную прохладу.

— И вообще, — продолжал он, — если человек иногда спит, ты всегда следишь, чтобы он не спал долго. Не хочу порочить твое поистине княжеское гостеприимство, Генри, я отдыхаю у тебя душой, но мой тебе совет: оставь привычку тыкать гостей пальцем под ребра, чуть они немного задремлют. Нехорошо, пойдут пересуды. Впрочем, возможно, я ошибаюсь, и ты сделал это не для того, чтобы дать выход животным чувствам. Да, кажется, я вижу, как под твоей непроницаемой маской вскипает речь. Можешь говорить, не таясь. Что тебя гнетет?

— Где Стикни?

— Вот это я как раз могу тебе сказать. За новостями о Стикни ты обратился точно по адресу. Он уехал в Лондон сразу после ланча. Цели у него две — во-первых, положить пресс-папье в надежный банковский сейф, во-вторых, посетить аукцион «Сотби», где он, без сомнения, приобретет еще пресс-папье. Непонятная страсть, ты согласен? Если бы тебе или мне предложили пресс-папье, мы бы вежливо хихикнули, сказали: «Спасибо, как кстати, и как вы догадались?», но по дороге домой поспешили бы выбросить его в помойку. Стикни же, напротив…

Если у Генри и не выступила пена на губах, он был весьма к этому близок. Когда он наконец обрел дар речи, его манеру можно было назвать не иначе как лихорадочной.

— Перестань *говорить!*

— Конечно, если ты хочешь.

— Стикни должен мне тысячу фунтов.

— Ты получишь их сразу по его возвращении. Уверен, он вернется, как только в полях забелеют маргаритки.[129]

— Они нужны мне сейчас. Я идиот. Надо было забрать деньги вчера

вечером.

— Из-за чего такая спешка?

— Из-за того, что, вернувшись, он застанет в доме пристава.

Алджи должным образом изумился.

— Пристава? Судебного исполнителя?

— Да. По поводу денег, которые я должен Даффу и Троттеру.

Алджи нахмурился.

— Это очень плохо, Генри.

— Хуже некуда. Стикни обещал купить дом…

— Да неужели? От всей души поздравляю!

— …но мы еще не обсуждали условий. Когда он увидит пристава, то собьет цену на десять тысяч фунтов.

— А зачем ему дом?

— Это обитель его предков. Он — вроде как дальний родственник. Некий Стикни женился на некой Параден. Он прислал мне генеалогическое древо, которое сам составил. Поэтому я его и пригласил.

— Тогда ты можешь торговаться.

— Мог бы; если бы не этот чертов пристав. Возможно, Стикни все равно решит купить дом, но что мне за радость, если я отдам его почти даром? Келли говорит, когда надо торговаться, Уэнделл прижимист, как черт, и эта история с приставом ему как раз на руку. Алджи, что мне *делать?*

В начале разговора Алджи вылез из гамака, решив, что так будет вежливее. Теперь он в задумчивости ходил взад-вперед.

— Что за человек этот твой пристав? Приличный?

— Что значит «приличный»?

— Может сойти за гостя? Генри вздрогнул

— Мне это в голову не пришло! Да, с лица он страшноват, но речь грамотная.

— Тогда все просто. Представишь его как моего друга.

— С ума сойти!

— Полагаю, ты все больше и больше радуешься, что уговорил меня пожить в Эшби-холле.

— А он согласится?

— Конечно.

— Наверное, надо предложить ему десятку.

— Предложи.

— У меня нет десятки.

— Ладно, я поговорю с ним и, если потребуется, пообещаю чаевые

чуть позже. Не тревожься. Я сумею его обработать.

Генри от полноты чувств похлопал племянника по спине — заметный прогресс, если вспомнить, что прежде он тыкал его под ребра.

— Алджи, беру назад все свои прежние слова, что ты паразит, чума и наказание Господне.

— И зараза?

— И зараза. Я по-прежнему думаю, что ты должен найти работу и сам заботиться о пропитании, однако сейчас ты по-настоящему меня выручил. Только одно, — сказал Генри, когда они входили в дом, — мне придется посвятить Келли в наш план. Она видела, как пристав вручил мне бумаги. Ты со мной?

— Нет, пойду искупаюсь.

— Иди, купайся, — сказал Генри. — Самое милое дело в такую жару.

Келли в гостиной ставила пластинку. Генри, не теряя времени, ввел ее в курс дела.

— Келли!

— Да, милый?

— Пристав.

— Я сама из-за него извелась.

— Не волнуйся, все уладилось.

— Ты убил его и спрятал тело в западном флигеле?

— Ничуть не хуже. Вот сценарий. Уэнделл уехал в Лондон на аукцион «Сотби».

— То-то я его нигде не вижу.

— Когда он вернется, я представлю пристава как друга Алджи. Это все Алджи придумал. Обещал уговорить пристава, и я не сомневаюсь, уговорит. Он как-то уговорил меня вложить триста фунтов в его пьесу. Ну, нравится тебе этот план? — обеспокоено спросил он, не видя на ее лице ожидаемого проблеска радости. Лицо оставалось мрачным и напряженным. В юности на утренних спектаклях Генри видел такое выражение у целого зрительного зала, и сейчас расстроился.

Келли заметила его тревогу и поспешила бы ее развеять, не будь ситуация настолько серьезна.

— Нет, милый, не нравится, — сказала она. — По-моему, полная чушь. У нас на обед утка.

Генри нашел ее слова загадочными.

— Утка?

— С горохом. Вдруг он вздумает резать ее ножом? Кто после этого поверит, что он — друг Алджи? Уэнделл наверняка заподозрит неладное.

Нет, уж если выдавать его за кого-нибудь, то разве что за вице-президента по чистке ножей и ботинок.

— На это он не пойдет.

— Может быть, спрятать его до утра, а там ты получишь от Уэнделла чек и сможешь расплатиться… Где он?

— На кухне.

— Вот и скажи ему, чтобы сидел там до отбоя тревоги. Я сама пойду и скажу.

Она вышла из комнаты и в скором времени возвратилась.

— Его там нет. Дворецкий сказал, он вышел в заднюю дверь. Наверняка бродит где-нибудь поблизости. Пойду поищу. Да, милый, как нехорошо, что ты задолжал такую огромную сумму Даффу и Тротгеру. Мне надо было тебя остановить, но ведь тогда я еще не встретила моего ангелочка.

Ангелочек возвысил голос:.

— Черт возьми, я не сказал бы, что сто пятьдесят фунтов — огромная сумма. Существенная, да, но не огромная.

Келли вытаращила глаза.

— Сто пятьдесят фунтов?

— Примерно столько.

— Тогда какого дьявола ты раньше молчал? Я бегаю кругами и рву на себе волосы, хотя давно могла бы дать тебе денег и успокоить твое бедное сердечко.

Теперь глаза вытаращил Генри.

— Ты хочешь сказать, что у тебя есть сто пятьдесят фунтов?

— Больше. В дорожных чеках, но, насколько я понимаю, они ничем не хуже наличных. Сейчас же возьму их, найду этого типа, расплачусь с ним и скажу, пусть проваливает, пока я не спустила на него кошек.

Она двинулась к дверям, но Генри остановил ее хриплым криком:

— Келли!

— Да, милый?

— Не уходи.

— Я спешу.

— Повремени самую малость.

— Зачем?

— Я хочу тебя обнять так, чтобы ребра хрустнули.

— В таком случае, — сказала Келли, — милости прошу.

2

Алджи вышел из дома в купальных плавках и халате, предвкушая, как нырнет в прохладную воду, и был немало раздосадован, увидев, что Билл стоит на лужайке неподвижно, словно позируя скульптору для своей статуи. Просто стоит, горько подумал Алджи. Он чувствовал себя, как генерал, который составил план кампании, требующий общего наступления, и, войдя в лагерь, обнаружил, что его бойцы сидят, покуривают, играют на губных гармошках и менее всего намерены двигаться вперед.

— Что это значит, Билл? — вскричал Алджи. — Стоило затаскивать тебя в Эшби-холл, чтобы ты загорал на лужайке? К этому времени ты уже должен был заметно продвинуться в своих ухаживаниях. Свадебные колокола не прозвонят, если ты будешь стоять, как пень. И не говори мне, что не знаешь, где Джейн. Она где-то здесь, и твое дело — ее разыскать.

— Послушай, — сказал Билл. Только сейчас Алджи заметил, что у друга растерянный вид человека, который проглотил устрицу и с опозданием понял, что она не так свежа, как ему казалось. — Все кончено.

— Что кончено?

— Все. Мне надо уходить.

— Уходить?

— Да. Мне заплатили, и она очень четко сказала, чтобы я выметался отсюда и не смел казать им свою мерзкую рожу.

Алджи почувствовал, что интеллектуальный напор беседы превосходит его умственные возможности.

— Она? Кто?

— Не знаю, кто она такая. Высокая красивая женщина. Алджи проделал быстрые умозаключения. Это было легко, потому что миссис Симмонс явно не подходила под описание.

— Келли! — воскликнул он. — Должно быть, это тетка Стикни, Келли. Почему она платит по счетам Генри? Гром и молния!

— Что?

— Просто возглас. Не обращай внимания. Как по-твоему, она любит Генри?

— Не могу сказать.

— Наверное, любит, потому что они собираются пожениться.

— Надеюсь, они будут счастливы, но это не меняет того факта, что я должен убраться отсюда, так и не повидавшись с Джейн.

Алджи вполне сознавал серьезность положения.

— Надо хорошенько подумать, Билл. Подожди минутку. Я раскину мозгами. Наверное, мне стоит походить взад-вперед.

— Валяй.

— Остается одно, — сказал Алджи, походив взад-вперед. — Я пойду к Генри и объясню ему все — то есть, что ты очень славный малый, пусть и в шкуре пристава, а сюда проник, чтобы увидеть Джейн. Я попрошу, чтобы он, как порядочный человек, разрешил тебе остаться. Может, сработает, может, нет, но попытаться стоит. Иди к озеру и жди меня там. Оно за деревьями.

3

Алджи потребовалось минут пять-семь, чтобы обрисовать Генри положение дел. Все это время Билл стоял на прежнем месте, погруженный в свои мысли. Из задумчивости его вывело тарахтенье приближающегося такси. Он очнулся и, как велел Алджи, двинулся к озеру.

Ответ Генри был суров и краток. В нескольких словах дядюшка наотрез отказался пускать под свой кров кого-либо из племянниковых друзей. Это дело принципа, объяснил он, и менее всего он склонен изменять своим правилам сейчас, поскольку одна мысль о браке Джейн с кем-нибудь из беспутных приятелей Алджи наполняет его ужасом и отвращением. Может быть, этот Билл, как уверяет племянник, и впрямь превосходит средний уровень человеческих отбросов, с которым тот якшается, но Алджи согласится, что это немного стоит. Нет, сказал Генри с твердостью советского представителя в ООН, накладывающего сто одиннадцатое вето, тысячу раз нет; и Алджи, сказав, что считает Генри заносчивым, тупоголовым и лишенным элементарной человечности, удалился.

Он прошел в парадную дверь и уже спускался по ступеням террасы, когда подъехало такси и вышел Уэнделл Стикни.

В нашей хронике достаточно говорилось об Уэнделле Стикни, чтобы представить его как человека, подверженного быстрой смене настроений. То вверх, то вниз, сказали бы вы. Например, под действием домашнего пива из «Жука и Клена» он практически излучал веселье, хотя и выражал его заплетающимся языком. На следующее утро на него, если верить Генри, напали разом родимчик и колотун. Никогда не знаешь, чего ждать. То он весел и безмятежен, то весьма реалистично исполняет пляску святого Витта. Такая непредсказуемость безусловно занятна, хотя и смущает

окружающих.

Сейчас Уэнделл выглядел совершенно спокойным. Бестрепетной рукой он расплатился с владельцем такси и без всякой дрожи указал пальцем на Билла, который в задумчивости шел к озеру.

— Видите этого типа? — сказал он. — Давно он здесь?

— С обеда.

— Знаете, кто это? Тот самый сыщик, о котором я рассказывал.

Его невозмутимость изумила Алджи. С таким выражением обычно указывают на что-нибудь умеренно любопытное, скажем, корову или кролика.

— Вы очень спокойны, — вот все, что он смог выговорить.

— А я вам объясню, почему спокоен, — сказал Уэнделл. — Я знаю, как вырвать у него жало. Спасибо Отису Дж. Пибоди. Вы, наверное, знаете Отиса? Очень большой человек в мире нефти.

Алджи ответил, что не имеет удовольствие знать нефтяного исполина.

— Мы оба принадлежим к нью-йоркскому Клубу Коллекционеров. Мне кажется, я вам рассказывал про Клуб Коллекционеров.

— Да, помню. Вы собираете всякое-разное.

— Верно. Отис собирает английские грелки. Я встретил его сегодня на «Сотби», и не знаю, почему рассказал ему про историю с пресс-папье — наверное, почувствовал, что он даст дельный совет. И слава Богу, что я завел этот разговор, потому что он тут же развеял все мои опасения. Я сказал, что частный сыщик преследует меня и доводит до нервного срыва. И знаете, что он ответил?

Алджи сказал, что не знает.

— Он посоветовал мне не изводиться по пустякам. Каждый частный сыщик, сказал он, имеет свою цену. Подмажь его, вот что он сказал. Подмажь его.

— Неплохая мысль.

— Мысль — просто отличная. Все разом разрешается. Я подумал, может быть, вы согласитесь выступить моим представителем.

— С радостью. Это избавит вас от неприятного разговора.

— Очень неприятного. Куда он шел?

— Наверное, взглянуть на озеро?

— Идите за ним.

— Хорошо. Сколько ему предложить?

— Ну, сто долларов.

Алджи нахмурился, ясно показывая, что думает об этой ничтожной сумме, и для вящей выразительности еще и помотал головой. Уэнделл

сразу все понял.

— Думаете, мало?

— Просто несерьезно.

— Сколько вы бы посоветовали?

— Пятьсот фунтов, — ответил Алджи, которого вновь посетило вдохновение. Он чувствовал, что в делах людей прилив есть и отлив, с приливом достигаем мы успеха.[130]

Уэнделл скривился, как будто его укусили за ногу. Челюсть его немного отвисла. Он был богат, но именно богатым людям свойственно скупердяйство.

— Это огромные деньги.

— Чтобы от него избавиться — не жалко. Я должен рассказать вам об этом типе. Мы остановились в одной гостинце и как-то вечером разговорились. Он рассказал о себе. Получается, что… вы ведь не знаете Вэлли Филдс?

— Никогда не слышал.

— Это одно из лондонских предместий, там сейчас идет большое строительство. Некий концерн хочет построить многоквартирный дом на улице под названием Крокcли-род.

— И что?

— Сейчас объясню. Точно посередине намеченного под строительство участка стоит дом, не помню, как зовут владельца. Суть в том, что концерн не может начать работу, пока не приобретет дом. Пока ясно?

— Нет.

— Ну, естественно, если бы у владельца было время торговаться, он мог бы взвинтить цену.

— Разумеется.

— Но у него нет этого времени. Он в самом скором времени отчаливает в Рио или куда там еще. И вот тут появляется ваш частный сыщик. Хозяин согласился продать ему дом, если к концу недели он внесет пятьсот фунтов. Все остальное — после продажи. Кажется, хозяин запросил восемь тысяч, и сыщик элементарно взвинтит цену до двадцати, при условии — учтите, при условии — что сумеет собрать начальные пятьсот фунтов. Теперь вы понимаете, как легко он клюнет на эти деньги.

Уэнделл пришел в неописуемый восторг.

— Он схватит их и уберется отсюда. И следа не останется.

— Вот именно. Так что, хотя вы правильно сказали, что пятьсот фунтов — большая сумма, она будет потрачена с умом.

— Абсолютно согласен. Сейчас же выпишу чек. Идемте со мной в

кабинет к Парадену.

— Лучше выпишите его на мое имя.

— Вы считаете, так будет лучше?

— Я получу наличные и отдам их сыщику.

— Конечно. Так проще всего. Вы с ним поговорите?

— Прямо сейчас.

— Вам не удастся немного сбить цену?

— Ему нужны ровно пятьсот фунтов.

— Но у него наверняка есть сбережения.

— Сомневаюсь.

— И все же не будет беды, если вы с ним поговорите.

— Разумеется, я попытаюсь, но не думаю, что он уступит. Вы же знаете частных сыщиков, — сказал Алджи. — Они такие прижимистые.

4

Билл, тем временем, прошел между деревьями и оказался у озера. Оно поражало своими размерами. Среди прочего, на чем Красавчик Параден решил не экономить при строительстве Эшби-холла, был и декоративный водоем, без которого в начале девятнадцатого века не мыслили приличную сельскую усадьбу. Для его сооружения потребовалась целая армия землекопов, да и камень, которым выложили дно, обошелся недешево, однако Красавчик не опускался до низменной скаредности и не считался с затратами. Итог вполне его удовлетворил, особенно после того, как на берегах поставили несколько статуй и воздвигли мраморный павильон, без которого ни один декоративный водоем в сельской усадьбе не мог считаться законченным.

Биллу казалось, что он попал в сказку. На его взгляд, не хватало лишь одного — присутствия любимой девушки. Однако это упущение было скоро исправлено; пока он стоял, любуясь павильоном по другую сторону водной глади, за спиной у него раздался голос, от которого Билл вздрогнул, как тройка конспираторов при памятном появлении Кларксона.

— Доктор Ливингстон, если не ошибаюсь?[131] — сказала Джейн.

Билл в ошеломлении уставился на нее — в пушистом халате, с непокрытой головой, в сандалиях на босу ногу. Первой его связной мыслью было, что Джейн приходит от силы в силу;[132] она показалась ему еще великолепней, чем в прежних, более обычных нарядах. Сглотнув,

чтобы сердце, готовое выскочить из груди, вернулось на свое место, он выговорил:

— Вы меня напугали!

— Да, я вроде бы видела, как вы подпрыгнули. Вот что значит нечистая совесть. Вы вторглись в частные владения.

— Наверное.

— Не бойтесь, я не выдам вас полиции.

— Алджи велел ждать его здесь.

— Ну что ж, пока вы его ждете, мы можем поболтать, и вы расскажете мне все, что произошло с нашей последней встречи.

Она опустилась на траву, как белый мотылек — на былинку. Легкий порыв ветра пронесся над водой, морща озерную гладь и мелодично перебирая стебли камыша. Потом он умчался, и снова в мире стало совсем тихо.

— Из того, что вы здесь, — сказала Джейн, — я заключаю, что вы видели дом. Как он вам?

— Странный.

— Такого вердикта я от вас и ждала. Зато здесь мило, правда?

— Восхитительно.

— Ничего странного. Красавчик издержал на озеро целое состояние.

— Красавчик?

— Модный франт времен Регентства. Процветал в конце восемнадцатого — начале девятнадцатого века. Его называли Красавчик Параден, и я часто гадаю, почему. Видимо, требования к мужской красоте были в те времена достаточно скромными, потому что в галерее есть портрет, и он похож на Ниро Вульфа.

— Полный?

— В три обхвата. Удивляюсь, что какая-то девушка согласилась выйти за него замуж.

Билл почувствовал, что разговор принимает нужное направление.

— Он был женат?

— Да, и, насколько я знаю, обходился с ней по-свински. Играл в карты ночи напролет, почти не бывал дома, а если и бывал, то мертвецки пьяный. И вдобавок он всю жизнь свято соблюдал супружескую неверность.

Билл ужаснулся. Джейн затронула вопрос, на который он смотрел очень строго.

— Людей, которые так обходятся с женами, надо стрелять.

— Думаю, в него стреляли, и не раз. На дуэлях.

— В голове не укладывается, что можно так обходиться с женой.

— Вы бы не стали?

— Ни за что!

— Да, наверное, не стали бы.

— Я бы считал главным долгом своей жизни сделать жену счастливой.

— Приносили бы ей завтрак в постель?

— Конечно.

— Вытирали посуду?

— Да.

— И ходили бы на цыпочках, когда у нее болит голова? Думаю, вы будете идеальным мужем, когда решите жениться.

Внезапная сухость парализовала голосовые связки Билла. Он, как и Уэнделл Стикни в памятной ситуации, чувствовал, что его хребет выбрали в качестве спортивной площадки десятка два пауков. Он был человек смиренный, и сама идея сделать предложение казалось ему дикой и несусветной.

Внезапно его посетила целительная мысль. Сумел же Л.П. Грин. Сумели же хозяин санатория «Маддун» и Кларенс Бинстед, причем последние двое — не по одному разу. Значит, это в принципе возможно. Однако он по-прежнему медлил. Легко было Джеймсу Грэхему, маркизу Монтрозу,[133] презрительно отзываться о человеке, который судьбою слишком устрашен иль доблестию беден, коли не ставит все на кон в стремлении к победе, но именно в таком положении находился сейчас Билл. Доблестию он был именно что беден, а сказать, что он страшился судьбы, значит не сказать и половины. Что, если он поставит все на кон, а Джейн ответит «нет» или даже просто скажет, что он далеко не первый в длинной очереди соискателей?

Джейн смотрела на Билла с нежностью. По опыту она примерно угадывала, что творится в его голове. За последние годы ей несколько раз предлагали руку и сердце, Лайонел Грин — покровительственно, словно делая одолжение, другие — с одним и тем же взволнованным пылом. Этим последним Джейн без труда сумела выразить сожаление, что не разделяет их чувств. Однако сейчас все было иначе. После слов Алджи в такси Джейн внезапно поняла, что нашла в Билле человека, которого искала. Все вдруг встало на свои места. Билл любит ее, она любит Билла. Чего проще.

Билл, в молчаливом борении с собой, победил малодушный страх. Джеймс Грэхем, маркиз Монтроз, мог бы им гордиться. Напрягши мышцы и разжегши кровь, как советует Шекспир,[134] он хрипло выдавил:

— Джейн.

— Да?
— Джейн.
— Да.
— Джейн.
Она, как полагается женщине, пришла на выручку.
— Может быть, я помогу? Вы пытаетесь сказать, что любите меня?
Билл сглотнул.
— И хотите, чтобы я вышла за вас замуж?
— Да. Я знаю, что вы ответите: мы практически незнакомы, и я наглый осел, если полагаю, будто вы можете хоть на минуту всерьез задуматься об уроде, которого видели всего раза два.
— Четыре.
— Э?
— Считая сегодняшний. Но продолжайте.
— Во мне нет ничего хорошего.
— Правда?
— Кроме того, что я полюбил вас с первого взгляда.
— Я ничего не имею против любви с первого взгляда.
— И еще одно. Два дня назад мне не хватило бы пороху сделать вам предложение. У меня ничего не было за душой. Однако я только что получил письмо от нью-йоркского агента, о котором вам рассказывал. Он нашел издателей для «Кровавого Бредли».
— Как замечательно!
— И, кроме того, пристроил журнальный вариант за четыре тысячи долларов.
— Потрясающе.
— И он говорит, если я поеду в Нью-Йорк, изучу американский рынок и познакомлюсь с нужными людьми, он гарантирует мне успех.
— Ой, Билл, это колоссально!
— Я должен ехать как можно скорее, поэтому Джейн, Джейн, милая…
— Выйду ли я за вас замуж? Польщусь ли на ваше золото? Что ж, это неплохая мысль. Давайте ее обсудим.

5

Когда Алджи подошел к озеру, то первым делом увидел, что его сестра Джейн плещется в воде. Ему тут же пришло в голову, что сейчас самое время употребить на пользу другу свое знаменитое красноречие. Он

чувствовал, что это необходимо, потому что заметил отсутствие Билла и пришел к неутешительным выводам. Обстановка, чтобы сделать предложение — лучше не придумаешь; раз Билла нет, значит, пигалица дала ему от ворот поворот, и он удалился понурый, с ноющим сердцем. Такого положения дел брат допустить не мог. Мы не можем позволить, чтобы это продолжалось, думал он, подплывая к Джейн на середине озера. Как честный человек, он обязан сказать кнопке, что думает о ее поведении.

— Где Билл? — спросил он, рассекая воду.

— Ушел, — ответила Джейн, тоже рассекая воду.

— Ты его прогнала?

— Нет, он сам ушел.

— Он сделал тебе предложение?

— Да, что-то припоминаю…

Алджи горестно фыркнул. Все, как он думал.

— Тогда я вижу, что произошло. Вижу ясно. Он положил свое сердце к твоим стопам, а ты его пнула. Тебе пришло в голову спросить, что он здесь делает? Ручаюсь, что нет, и сейчас я тебе расскажу. Он явился сюда из любви к тебе, хотя для этого ему пришлось выдать себя за пристава.

— Что?

— Однако он не колебался. Он вошел в дом как представитель Даффа и Троттера, ликеры и вина, и вручил Генри бумаги.

— Бедный Генри!

— Не такой он и бедный. Речь о бедном Билле. Да, он пришел в обличье грубого пристава, чтобы быть рядом с тобой. И что? Ты растрогалась? Твое сердце растаяло? Да ни вот на столечко! Ты турнула его, как собаку. Такого славного малого, как Билл! Человека, который однажды спас мне жизнь!

— Правда? Ты мне не рассказывал. Когда это было?

— В школе. Кончался семестр, деньги были на исходе. Я сидел без гроша, и не мог позволить себе жалкий сандвич с джемом в школьной лавчонке. И вот, когда я уже падал в обморок, добрый старый Билл внезапно достает банку превосходнейшего печения, которую прислала ему тетка. Мы разъели ее напополам, как раз когда муки голода стали невыносимы. Вот так он и спас мне жизнь. Джейн сразу поняла, в чем здесь мораль.

— Большинство мальчиков оставили бы печенье себе, но не Билл. Очень на него похоже — разделить с тобой последнее. Отталкивающая внешность и золотое сердце.

Алджи не смягчился.

— Отталкивающая внешность? Сама-то ты больно хороша, юная Джейн. Если ты говоришь, что у него золотое сердце, почему ты отбросила беднягу, как…

— Старую перчатку?

— Я собирался сказать, как тюбик из-под зубной пасты. Вот послушай: живи мы во Франции, никто не дал бы тебе разбрасываться женихами. Вопросом о твоем муже занимался бы глава семейства, и, если бы ты вздумала воротить нос, отправил бы тебя спать без ужина. Такой порядок надо завести и здесь. Я — глава нашей ветви семейства, и, будь мы французами, я бы сказал: «Выходи за Билла, тупоголовая шпингалетина» — и ты бы послушалась, как миленькая. Какого черта ты не выходишь за него замуж?

— Дай нам время, глава семейства, дай нам время. Мы над этим последовательно работаем. Например, перед самым твоим приходом мы сделали шаг вперед, обменявшись клятвами верности. Большего за один день требовать нельзя.

Алджи задохнулся.

— Вы с Биллом обручились?

— Да.

— Ты не отфутболила его?

— Нет.

— Ты приняла его предложение?

— Я бы даже сказала, с жаром. Алджи справедливо возмутился.

— И, обладая этой жизненно важной информацией, ты держишь ее при себе, вынуждая меня даром тратить запас своего красноречия? Что, если бы я сорвал голос?

— А все-таки это было очень весело, правда? — сказала Джейн и, протянув руку, с силой окунула его под воду.

Алджи с шумом вынырнул и некоторое время отплевывался, с негодованием глядя, как сестра плывет прочь.

— Женщины! — сказал он. Даже сам Шопенгауэр не мог бы с большей горечью произнести это слово.

Однако благодушие возобладало. Мир, чувствовал Алджи, не так и плох. Да, в нем есть пигалицы, которые возмутительно обходятся с братьями, но есть и замечательные люди, быстрые на выписку чеков, такие как Уэнделл Стикни. Одно другое уравновешивает, подумал Алджи, одно другое уравновешивает.

Он вытащил из волос водомерку и поплыл к берегу.

Примечания

В КАЖДОЙ ИЗБУШКЕ — СВОИ ПОГРЕМУШКИ

Фредди Виджен — один из второстепенных героев Вудхауза, похожий на знакомых нам Берти Вустера или Ронни Фиша. Это какие-то ангельские подобия тех самых молодых людей, которых изображал Ивлин Во; но именно Во сказал о Вудхаузе, что в его мире нет первородного греха. Мы не знаем, возможно ли, чтобы человек, который делает все, что вздумается, оставался таким рыцарственным и простодушным. Заметим, что у Вудхауза совершенно нет распутства, а брак, непременная цель влюбленности, описан в традиции, которая идет от Эдмунда Спенсера (XVI век) через многих поэтов, а с XIX века — и прозаиков; похож он больше всего на тот беззаботный райский союз, который представляют себе дети. Однако он бывает; именно такой была семейная жизнь и у Честертона, и у Вудхауза. Удивительно, что оба бездетны, но очень любили детей. Правда, у Вудхауза была падчерица.

Я помню ту культуру и то время, когда молодые богемные люди 20 — начала 30-х годов пытались стать такими же; на старых фотографиях они даже напоминают героев Вудхауза. Из этого ничего не вышло, и не только потому, что вскоре они оказались в страшных советских ловушках. Не вышло даже раньше, у их западных собратьев, те большей частью спились. Но ведь у самого Вудхауза— вышло! Это бывает, просто цена очень велика. Самоутверждение, распутство, властность, злость мгновенно это разрушат. Разрушает это даже такой нестрашный порок, как расхлябанность. Вудхауз работал почти все время, его герои — нет, поэтому их в определенном смысле можно считать сказочными персонажами. Что поделаешь, он и писал современные идиллии.

Роман написан и издан в 1961 году.

Н.Т.

ДАРОВЫЕ ДЕНЬГИ (1928)

Вудхауз, как обычно, снимал на лето усадьбу Ханстентон-холл в Норфолке. Там он катался на плоскодонке по рву, держал на коленях

пишущую машинку и писал «Даровые деньги». В этой книге впервые появляются Ронни Фиш и Хьюго Кармоди, с которыми мы встречаемся потом в «Летней грозе» (а с Ронни — и в «Задохнуться можно!»). В «Даровых деньгах» Лестер Кармоди, дядя Хьюго, просто сельский сквайр, без титула, а в «Летней грозе» (действие происходит примерно через год) говорится, что он — сэр, видимо — баронет. Правды искать не нужно; Вудхауз часто забывал, что у него написано в том или ином романе.

Действуют тут и супруги Моллой. Теперь все романы с их участием переведены на русский язык: «Стремительный Сэм» (1925), «Даровые деньги» (1928), «Деньги в банке» (1942), «В каждой избушке — свои погремушки» (1961), «Женщины, жемчуг и Монти Бодкин»(1972).

Н.Т.

---

notes

Примечания

1

…восседает на вершине мира, перекинув радугу через плечо — неточная отсылка к новозаветному тексту (Откр., 4:3).

2

Моав — моя умывальная чаша — см. Пс. 17:10.

З

«Если бы молодость знала, если бы старость могла» — высказывание, приписываемое французскому издателю и печатнику Анри Эстье ну (1531–1598).

4

Все к лучшему в этом лучшем из миров — эту фразу Вольтер сделал саркастическим рефреном «Кандида».

5

Время, величайший целитель — видоизмененная сентенция, автором которой считается Бенджамен Дизраэли (1804–1881).

6

Черная дыра — под таким названием вошла в историю трагедия, случившаяся в Калькутте в 1756 году, когда 146 англичан загнали в помещение размером 18x14 футов (6x5 метров) с единственным окном.

7

…*гу! гу!* — см. Иов 39:21.

8

Леопард, который не умеет менять окраску — см. Иер. 13: 23 (в синод, переводе — «барс»).

9

…не поцелует, даже если… повесить сверху веточку омелы — по устоявшейся традиции, оказавшись на Рождество под побегами омелы — кустарника-паразита, растущего на дубе, — англичанин и англичанка могут требовать друг у друга права на поцелуй.

10

Томас Харди (1840–1928) — английский романист и поэт.

11

Джордж Роберт Гиссинг (1857–1903) — безрадостный бытописатель униженных и оскорблённых.

12

Синг-синг — тюрьма в США.

13

Макака (Мак) — в других романах его зовут Шимпом, от Шимпанзе. В оригинале — тоже Chimp. Здесь переводчик выбрал другой аналог, возможно — более благозвучный.

14

Мыс Гаттерас — песчаная коса на острове Гаттерас в Тихом океане, штат Южная Каролина.

15

Стадия в уголовном процессе до вынесения приговора, в течение которой обвиняемый пользуется определенными привилегиями *(лат.)*.

16

…*депешу из Ахена в Гент* — имеется в виду баллада Роберта Браунинга (1812–1889). Заметим, что Вудхауз почему-то всегда пишет так, хотя в оригинале — из Гента в Ахен.

17

Сэмюэль Тэйлор Кольридж (1772–1834), английский поэт, критик, философ. Действительно, в одном из его произведений той поры («Письмо к Саре Хатчинсон», от 4 апреля 1802 года) можно встретить признание, которое Вудхауз процитировал не дословно.

18

Уильям Рэндолф Хэрст — газетчик, мультимиллиардер, гораздый до подобных проектов.

19

Роберт Брюс (1274–1329), с 1306 г. — король Роберт I, борец за независимость Шотландии. Потерпев в свое время поражение, увидал в пещере упорно трудящегося паука и решил возобновить борьбу.

20

…*отринул бремя плоти* — см. «In Memoriam A.H.H.» Альфреда Теннисона (1809–1892).

21

Закуски *(франц.)*.

22

Десерт, названный в честь оперной певицы Нелли Мельба (1861–1931).

23

Амариллида — обычное имя пастушки в буколической поэзии.

24

Перевод Т. Гнедич.

25

«Волшебное я встретил утро» — имеется в виду бродвейский мюзикл Хаммерстайна и Роджерса «Оклахома».

26

Эмили Пост (1892–1960), — американская писательница, автор книги «Этикет» (1922).

27

Знатоки *(итал.)*.

28

Бригхэм Янг (1801–1877) — глава мормонов, у которых одно время было разрешено многоженство.

29

…*она у нас доброхотно дающая* — см. 2 Кор. 9:7.

30

…*плоть — как трава* — 1 Пет. 1:24.

31

Улица Принца Уэльского — названа в честь сына королевы Виктории, будущего Эдуарда VII (1841–1910). Заметим, что на этой улице, идущей напротив парка, жили и недавно женившийся Честертон (с 1901 по 1909), и знаменитый журналист Гиббс, будущий сэр, и многие другие начинающие знаменитости.

32

Генри Джеймс (1843–1916) — американский писатель, автор психологических романов.

33

…*случай с Иовом* — см. книгу Иова, гл. 1–2.

34

«Поминки по Финнегану» (1930) очень сложный роман Джеймса Джойса (1882–1941).

35

…*закон — просто осел* — Чарлз Диккенс «Оливер Твист», гл. 51. Пер. М. Цебриковой.

36

…метаться и лютовать, как язычник — аллюзия на псалом «Зачем мятутся народы…» (Пс. 2:1). В английском переводе этого псалма «лютуют и мятутся» язычники.

37

Горацио Олджер (1832–1899) — один из самых популярных американских авторов второй половины XIX столетия, написавший более сотни совершенно неразличимых романов о чистильщиках сапог и других бедняках, которые благодаря усердному труду стяжают несметные состояния.

38

Птичий бассейн, т. е. ванночка для купания птиц, азиатский ландыш, курорт Боньор Реджис и т. п. — хрестоматийный набор приметов мещанского быта.

39

О, Англия, священная земля! — «Ричард II», II, 1. (Пер. М.Донского).

40

Поэт написал бы, если бы был Художником — немного видоизмененный Вильям Вордсворт, «Элегические строфы, внушенные картиной сэра Джорджа Бонанта, изображающей Пилский замок во время шторма». Перевод В. Рогова.

41

Хорошее настроение *(франц.)*.

42

Дух Банко — «Макбет», IV, 1.

43

Чеширский кот — наверное, все помнят, что в гл. 6 повести Льюиса Кэрролла «Приключения Алисы в Стране чудес» Чеширский кот то растворяется в воздухе, то появляется снова.

44

Мэйфэр — фешенебельный район Лондона.

45

…*устами младенцев* — см. Пс. 8:3.

46

…*как верно насчет хлеба по водам* — см. Еккл. 11:1.

47

Полианна — героиня одноименной повести (1912) американской писательницы Элинор Портер (1868–1912), маленькая девочка, которую отец-миссионер учит видеть во всем только хорошую сторону.

48

Аффидавит — в англо-американской системе права — письменное показание под присягой.

49

Еще *(франц.)*.

50

Ему все досаждали по утрам ангелы — намек на стихотворение «Абу Бен Адем и ангел» Джеймса Генри Ли Ханта (1784–1859).

51

Речка в свой срок должна излиться в океан — см. Алджернон Чарлз Суинберн (1837–1909), «Сад Прозерпины».

52

…*вывести из отягощенной груди накопившееся содержимое* — см. «Макбет», V, 3.

53

…напрягло его мышцы, разожгло кровь — см. «Генрих V».

54

…взял тропку повыше, а я, стало быть, пониже — Фредди цитирует шотландскую любовную балладу «На берегах Лох Ломонда».

55

Форель в винном соусе.

56

На Потомаке тишь да гладь — (All is quiet along the Potomac tonight) — фраза, приписываемая американскому воину и политику Джорджу Б. Макклеллану (1826–1885). С другой стороны, она содержится в стихотворении американской поэтессы Этель Линн Бирс (1827–1879), датируемом 1861 г.

57

…сделает это, как только получит лицензию — имеется в виду разрешение, выдаваемое магистратурой, регистрировать брак или венчаться раньше, чем пройдут три недели от подачи заявления или официального объявления в церкви.

58

«Олд Вик» — современное название крупнейшего лондонского театра.
Стратфорд-на-Эйвоне — родина Шекспира.

59

…*думает, кого бы пожрать* — см. Пс 5:8.

60

Любовь слепа — «Венецианский купец», 11,4.

61

Вортвуд Скрабз — известнейшая английская тюрьма.

62

Точное определение *(франц.)*.

63

…*успех достигается с приливом* — см. «Юлий Цезарь».

64

…*ассириянам* — аллюзия на строку из стихов Байрона «Поражение Сеннахериба». В переводе А.К.Толстого — «Ассирияне шли, как на стадо волки».

65

…как Брачный Гость — на Старого Морехода — см. поэму СТ. Кольриджа «Сказание о старом Мореходе» (1798).

66

Чаша моя преисполнена! — см. Пс. 22:5.

67

В долг не бери и взаймы не давай — «Гамлет», I, 3.

68

Украшения, драгоценности *(франц.)*.

69

Урожденной *(франц.)*.

70

Полиция *(франц.)*.

71

«Техноколор» — кинопленка с цветным изображением.

72

«Утес веков» — духовный гимн, сочиненный в 1776 году кальвинистским проповедником Огастесом М. Топледи (1740–1778).

73

Иэн Хэй Бейтс — под таким именем писал романист и драматург Джон Хэй Бейтс (1876–1952). Собственно говоря, это не псевдоним, т. к. «Иэн» — шотландский аналог имени «Джон» (Иоанн). В 1928 году Хэй, Вудхауз и А. А. Милн сложились по 500 фунтов каждый на постановку пьесы Вудхауза и Хэя «Дева в беде».

74

Лё Тукэ — курортное местечко на севере Франции. Вудхауз жил в Лё Тукэ с 1934 по 1940 г.

75

В здоровом теле — здоровый дух *(лат.)*.

76

…той разновидности, которая внушала доверие Юлию Цезарю — У. Шекспир, «Юлий Цезарь», акт 1, сцена 2. «А Кассий тощ…».

77

Млеко милости — У. Шекспир. «Макбет», акт 4, сцена 3.

78

Бленхейм-парк — парк при дворце Бленхейм, расположенном в Оксфордшире. Назван так в честь победы при Бленхейме (1704). Построен «на деньги нации» сэром Джоном Ванбру (1664–1726) и подарен военачальнику Джону Черчилю, 1-му герцогу Мальборо (1650–1722).

79

Памятник мученикам — обелиск в Оксфорде, воздвигнутый в память архиепископа Томаса Кранмера (1489–1556), епископа Хью Латимера (ок. 1470–1555) и епископа Николаса Ридли (1500–1555), сожженных при Марии Тюдор (1516–1558, правила с 1553).

80

Кларендон («Кларендон-пресс») — оксфордское издательство. Здание, куда оно вместе с типографией переехало в 1829 г., названо в честь историка лорда Кларендона (1609–1674), т. к. основано на деньги, которые наследники получили от публикаций его трудов. С 1880 г. основное издательство находится в Лондоне.

81

«Ухаживания Майлза Стендиша» — поэма Генри УЛонгфелло (1807–1882), изданная в 1858 г.

82

Тринити-колледж — один из колледжей Кембриджа, основан в 1320 г. (для монахов). Есть Тринити-колледж и в Оксфорде.

83

На Потомаке тишь да гладь — (All is quiet along the Potomac tonight) — фраза, приписываемая американскому воину и политику Джорджу Б. Макклеллану (1826–1885). С другой стороны, она содержится в стихотворении американской поэтессы Этель Линн Бирс (1827–1879), датируемом 1861 г.

84

[Я] очарован *(франц.)*.

85

Что говорил Гладстон в 1888-м? — Естественно, Ронни все перепутал. Это сказал не Уильям Юарт Гладстон (1809–1898), премьер-министр Великобритании, а Авраам Линкольн (1809–1865), 16-й президент США. Это одна из самых известных приписываемых ему цитат: «Можно обманывать часть народа все время, и весь народ некоторое время, но нельзя обманывать весь народ все время».

86

Лукноу — город в Индии. Британские войска были осаждены там в 1857–1858 гг., во время восстания сипаев.

87

Так начинала моя тетушка — о сестрах лорда Эмсворта и леди Джулии Фиш ничего такого не известно, а главное — это никак не соответствует их характеру. Видимо, речь идет о тетке по отцу, сестре сэра Майлза Фиша.

88

Боадицея (ум. 62 н. э.) — королева одного из кельтских племен Британии, возглавившая мятеж против римлян.

89

…у пророка Иеремии — Иеремия — самый скорбный из ветхозаветных пророков.

90

…*вроде набитой лягушки* — матерчатая игрушка, набитая бобами. Дети швыряются ими как мячиками.

91

«Nil admirari» — Ничему не удивляйся *(лат.)*. («Ничему не удивляйся»; букв. «Ничему не удивляться») — цитата из Горация (Послания I, 6, 1–2).

92

Надломленная трость — отсылка к евангельским словам (Мтф. 12:20), которые, в свою очередь, отсылают к словам пророка Исайи (Ис. 42:3).

93

Сноровка *(франц.)*.

94

Сердце его запело как утренняя звезда — перифраза стиха из книги Иова (38:7).

95

…*ни с ослом, ни с волом* — перифраза десятой заповеди Десятисловия (см. Исх. 20:17, Втор 5:21).

96

Рип ван Винкл(ь) — герой рассказа Вашингтона Ирвинга (1783–1859), вышедшего в 1820 г. Он проспал 220 лет и вернулся домой. Естественно, и сам он, и. мир за это время изменились.

97

…жизнь, которая сурова и серьезна — отсылка к словам из «Псалма жизни» Генри У. Лонгфелло («Жизнь сурова! Жизнь серьезна!»).

98

Серпентин — пруд в Гайд-парке.

99

Бен Кейзи — красивый и решительный нейрохирург, герой одноименного сериала, выходившего на американском телевидении в 1961–1966 гг. Бена Кейзи играл Вине Эдварде (1928–1996).

100

Абу бен Адем — персонаж стихотворения английского поэта Ли Ханта (1784–1859) «Абу бен Адем и ангел».

101

Жаворонок… часы бьют семь… склон в росе жемчужной — строки из песенки Пиппы в поэме Р.Браунинга «Проходит Пиппа».

102

Одни рождаются обладателями усадеб, другие приобретают усадьбы, на третьих усадьбы сваливаются — перефразированная строчка из «Двенадцатой ночи» Шекспира: «Одни рождаются великими, другие достигают величия, на третьих оно нисходит» (пер. Э. Липецкой).

103

Питер Арно (1904–1968), настоящее имя Кертис Арну Питерс, американский карикатурист. Прославился в двадцатых годах серией карикатур в «Ньюйоркере», изображавшей городскую аристократию.

104

Дороти Дикс (1870–1951) — американская журналистка и писательница. С 1896 года вела колонку советов влюбленным.

105

«Дорогая Эбби» — колонка житейских советов, основанная Полин Филипс. Ее вела дочь Полин, Джин (Абигайл ван Верен). Колонка по-прежнему популярна и в наше время.

106

…*запрыгал бы, как холмы* — Пс. 113, 4 «Горы прыгали, как овны, и холмы, как агнцы».

107

Каркнул ворон — Э.А.По, «Ворон».

108

…*пращи и стрелы яростной судьбы* — «Гамлет», 3, 1 «Что благородней духом — покоряться пращам и стрелам яростной судьбы..?» (пер. МЛозинского).

109

Библейский конь, который при трубном звуке издает голос «гу!гу!» — см. прим. к стр. 22.

110

Сэр Уолтер Вивиан порою летней на целый день до самого заката в свои луга пускал народ окрестный — первые строчки пролога к «Принцессе» Альфреда Теннисона.

111

В раздвоеньи острого ума — Альфред Теннисон. «Королевские идиллии» (пер. В. Лунина).

112

Перри Мэйсон — адвокат, герой детективных романов Эрла Стенли Гарднера;

113

Гамильтон Бергер — всегдашний оппонент Перри Мейсона, тупой окружной прокурор.

114

…цвет его решимости захирел под бледным налетом мысли — отсылка к монологу Гамлета: «И так решимости природный цвет хиреет под налетом мысли бледной» («Гамлет», 3, 1, пер. М.Лозинского).

115

Морячок Попай — персонаж комиксов и мультфильмов, особенно популярных в 1930-х годах. Художник Э.Сигар.

116

Пропитан молочным шоколадом (в оригинале —*молоком) незлобливости* — см. «Макбет», 1,5.

117

…как пери в стихотворении мистера Мура — имеется в виду стихотворение Томаса Мура «Пери и ангел» (русский перевод В. Жуковского).

118

…прикует к своей душе стальными обручами — отсылка к Гамлету, где Полоний советует Лаэрту: «Своих друзей, их выбор испытав, прикуй к душе стальными обручами».

119

«Сегодня вечернего звона не будет» — стихотворение американской поэтессы и писательницы Роз ХартвикТорп (1850–1939).

120

Так, верно, именно пришел гонец… — В. Шекспир. «Король Генри IV», часть вторая, акт 1, сцена 1, пер. Б. Пастернака.

121

Что там Шекспир говорит про раздумья — Алджи пытается вспомнить монолог Гамлета — «так трусами нас делает раздумье» («Гамлет», 3, 1, пер. М.Лозинского).

122

Хорошее самочувствие *(франц.)*.

123

Лягушка под бороной — образ из пролога к стихотворению Р. Киплинга «Пэджет, Ч.П.» — лягушка под бороной не хочет слушать утешений порхающей рядом бабочки.

124

Олень напился ввечеру — строки из поэмы Вальтера Скотта «Владычица Озера».

125

…и да будет слово ваше «да-да»; «нет-нет» — Мф. 5, 37.

126

«Утес веков» — духовный гимн, сочиненный в 1776 году кальвинистским проповедником Огастесом М. Топледи (1740–1778).

127

…воскормлен медом и млеком рая напоен — строка из стихотворения Сэмюэла Тейлора Кольриджа «Кубла Хан» или Видение во сне. Пер. К. Бальмонта.

128

…глаза, как звезды, вырвал из орбит — «Гамлет», акт 1, сцена 3.

129

…*когда в полях белеют маргаритки* — строка из песни Джулиана С. Катлера «Круглый год».

130

…в делах людей прилив есть и отлив, с приливом достигаем мы успеха

— В. Шекспир. «Юлий Цезарь», акт 4, сцена 3, пер. М. Зенкевича.

131

Доктор Ливингстон, если не ошибаюсь? — с этими словами обратился к шотландскому миссионеру и исследователю Дэвиду Ливингстону британский журналист Генри Мортон Стенли, отыскавший его после долгих поисков на озере Танганьика.

132

Приходят от силы в силу — Пс, 83, 8.

133

Грэхем, Джеймс, первый граф и пятый маркиз Монтроз (1612–1650) — шотландский военачальник. Сражался на стороне Карла 1, после поражения роялистов был схвачен и казнен Парламентом.

134

Кровь разожгите, напрягите мышцы — В.Шекспир. «Король Генри V», акт 3, сцена 1, пер. Е.Бируковой.